

Пол и характер, Отто Вейнингер

Часть первая

Введение

Половое многообразие

Всякое мышление исходит из понятий средней общности и развивается из них по двум направлениям, с одной стороны оно стремится к понятиям все высшей абстрактности, обнимающих все большую совокупность вещей и в силу этого охватывающих все шире и шире область действительности, с другой стороны, оно направляется к пункту пресечения понятий, – к конкретному единичному комплексу, к индивидууму к тому, чего мы, в сфере нашего мышления, в состоянии достигнуть только путем бесконечного числа ограничивающих определений, путем присоединения к высшему, общему понятию «вещи» или «чего то» бесчисленного количества специфических, дифференцированных моментов. Тот факт, что существует класс рыб, отличающийся от млекопитающих, птиц, червей, был всем известен еще задолго до того, как среди рыб стали различать хрящевых и костевых, и значительно раньше, чем, с другой стороны, пришли к мысли объединить всех рыб с птицами и млекопитающими понятием позвоночного, противопоставив червей полученному таким образом единому, более сложному комплексу явлений.

Это самоутверждение духа в сфере действительности, пестрящей бесчисленными сходствами и различиями, люди сравнивали с борьбой за существование в животном мире. С помощью понятий мы защищаемся от мира. Медленно и постепенно схватываем мы ими весь мир, как схватывают буйно помешанного связывают по рукам и ногам, с тем, чтобы обезвредить его для той ограниченной сферы, в которой он находится. Совершив это дело, и устранив главную опасность, мы приступаем к отдельным членам, и тогда все дело обеспечено.

Существуют два понятия, принадлежащие к самым древним с которыми человечеству приходилось с самого начала кое как перебиваться в своей духовной жизни. Правда, частенько вводили в них незначительные поправки, отправляли в починку, делали лишь заплатки, тогда, когда нужно было чинить либо все, либо части; отбросив от них кое что и снова прибавив, люди то ограничивали их содержание, то снова расширяли – подобно тому, как старый, узкий избирательный закон под напором новых потребностей вынужден развязывать один за другим свои путы. Но однако, в общем и целом, мы еще и до сих пор уживаемся с этими понятиями, точно также как уживались с ними и в старину. Я говорю здесь о понятиях: мужчина и женщина. Правда, мы говорим о худошавых, тонких, плоских, мускулистых, энергичных, гениальных «женщинах», о «женщинах» с короткими волосами и низким голосом, говорим также о безбородых, болтливых «мужчинах». Мы даже признаем, что существуют «неженственные женщины», «мужеподобные женщины» и «немужественные», «женственные» «мужчины». Во внимании к одной только особенности, которая еще при рождении определяет принадлежность человека к тому или иному полу, мы решаемся даже приписывать понятиям отрицающие их определения. Но подобное положение вещей логически невыносимо. Кому не приходилось, в кругу ли друзей или в салоне, в научном или общественном собрании, слушать или даже самому затевать горячие споры о «мужчинах и женщинах», об «освобождении» женщины. Это все разговоры и споры, в которых «мужчины» и «женщины» с безнадежным постоянством

противопоставляются друг другу, подобно белым и красным шарам, которые лишены всяких различий между собою в пределах одного цвета! Не было никогда попытки исследовать спорные пункты с точки зрения индивидуальной созданности каждого из них, а так как каждый обладает индивидуальным опытом, то всякое соглашение, естественно, оказывается немислимым, как и во всех тех случаях, где различные вещи обозначаются одним словом, где язык и понятие не покрывают друг друга. Неужели «женщины» и «мужчины», представляя собою две совершенно различные группы, являются в пределах каждой группы чем то однообразным, совпадающим во всех пунктах со всеми прочими представителями этой группы. На этом именно и покоятся, большей частью бессознательно, все решительные рассуждения о различиях между полами. Нигде в природе мы не наблюдаем такого резкого разграничения. Мы видим, например, постепенные переходы от металлов к неметаллам, от химических соединений к смесям, мы находим также промежуточные формы между животными и растениями, между явнобрачными и тайнобрачными, между млекопитающими и птицами. Ведь только из соображений всеобщей практической потребности найти точку обозрения мира, мы подразделяем явления, проводим между ними точные границы, вырываем арии из бесконечной мелодии естества. Но «разумное становится нелепым, благодеяние – мукой». Это также относится к понятиям мышления, как и к унаследованным законам оборота. Исходя из приведенных аналогий, мы и в данном случае признаем совершенно невероятным предположение, что природа провела резкую грань между всеми существами мужского рода – с одной стороны, и существами женского рода – с другой. В связи с этим невозможно охарактеризовать какое либо существо, как нечто, стоящее по ту или другую сторону этой пропасти. Даже грамматике, и той чужда эта резкость. К бесконечным спорам о женском вопросе неоднократно привлекали анатома в качестве верховного судьи. Он должен был разрешить спорное разграничение между врожденными, а потому и неизменными свойствами мужского и женском душевного склада и свойствами приобретенными.

(Довольно странно ставить разрешение вопроса об одаренности мужчины и женщины в зависимость от анатомических выводов. Если здесь, действительно, не удастся установить никакого различия между ними с помощью опыта, взятого из какой либо другой сферы человеческого бытия, то неужели могут какие нибудь двенадцать лишних кубических сантиметров мозга на одной стороне опровергнуть общий результат исследования). Но более вдумчивые анатомы на вопрос о решительных критериях дают во всех случаях, идет ли речь о мозге или о каком либо другом органе нашего тела, следующий ответ, невозможно указать на общие половые различия между всеми мужчинами и всеми женщинами, правда, у большинства мужчин скелет руки совершенно иной, чем у большинства женщин, однако невозможно с полной достоверностью определить пол не только по одним костям, но и тогда, когда отдельные члены сохранены с их мускулами, связками, сухожилиями, кожей, артериями и нервами. То же самое применимо и к грудной клетке, крестцовой кости и к черепу. Что же тогда можно сказать о той части скелета, которая особенно отчетливо должна была бы подчеркнуть строгое разграничение между полами, что можно сказать о тазе? Ведь по общему убеждению таз в одних случаях приспособлен для акта деторождения, а в других – нет. Тем не менее, и таз не может служить для нас надежным критерием. Каждый человек, наблюдая людей на улице, легко мог бы заметить, что есть много «женщин» с мужским, узким тазом, как и много «мужчин» – с женским, широким. Неужели, таким образом, отсутствуют всякие половые различия? В таком случае, не следует ли посоветовать вообще не делать никаких различий между мужчинами и женщинами!

Где выход из этого затруднения? Старое воззрение отжило свой век и не удовлетворяет нас больше, и все же мы никак не можем обойтись без него. Унаследованные понятия не дают удовлетворительного объяснения вопроса, попробуем же поставить себе задачу – разобраться в них получше.

Глава I «Мужчины» и «женщины»

Наиболее общая классификация большинства живых существ, подразделение их на самцов и самок, мужчин и женщин, не дает никакой возможности разобраться в фактах действительности. Многие более или менее ясно сознают полную несостоятельность этих понятий. Придти к какому нибудь ясному положению относительно этого пункта – такова ближайшая цель моей работы.

Я вполне присоединяюсь к тем исследователям, которые в новейшее время подвергли рассмотрению явления, относящиеся к разбираемой мною теме, но тут же считаю долгом оговориться, что исходной точкой этого исследования я избираю установленный историей развития (эмбриологией) факт половой недифференцированности первоначального, эмбрионального строения человека, растений и животных.

Так, у пятинедельного человеческого зародыша нельзя еще никак распознать того пола, в который он впоследствии разовьется. Только по истечении пяти недель начинаются здесь те процессы, которые к концу третьего месяца беременности завершаются односторонним развитием, первоначально общего обоим полам строения. В дальнейшем же течении своем этот процесс приводит к выработке всею индивидуума в каком нибудь определенном сексуальном направлении. Я не буду здесь останавливаться на описании отдельных деталей этих процессов. Этим бисексуальным строением всякого зародыша, принадлежащего даже к категории высших организмов, объясняется тот факт, что признаки другого пола всегда остаются и никогда вполне не исчезают, хотя бы даже и у вполне однополого индивидуума – растительного, животного или человеческого. Половое дифференцирование никогда не бывает вполне законченным. Все особенности мужского пола, хотя и в слабом, едва развитом состоянии, можно найти и у женского; и наоборот признаки женщины в своей совокупности содержатся и в мужчине, хотя в очень неоформленном виде. В таких случаях обыкновенно говорят, что они находятся в «рудиментарном» состоянии. Для подтверждения нашей мысли возьмем, в качестве примера, человека, который и в дальнейшем изложении явится предметом нашего исключительного интереса. У самой женственной женщины имеется на тех местах, где у мужчины растет борода, легкий пушок непигментированных мягких волосков, так называемый «lanugo». Точно также у самого мужественного мужчины находятся под сосцами комплексы молочных желез, комплексы, остановившиеся на пути своего развития. Все эти явления особенно точно исследованы в области половых органов и их выводных путей, в области так называемого tractus urogenitalis, все они в один голос говорят о существовании полнейшего параллелизма между признаками обоих полов в их рудиментарном состоянии. Эти эмбриологические изыскания могут быть приведены в систематическую связь, будучи сопоставлены с некоторыми другими данными. Если согласиться с Геккелем и назвать разделение полов «гонохоризмом», то тогда у различных классов и видов живых существ придется установить различные степени этого гонохоризма. Не только различные виды растений, но и виды животных, будут отличаться между собою сообразно тому, в какой степени каждый из них скрывает в себе признаки будущего пола. Самой крайней степенью половой дифференцированности, стало

быть, сильнейшим гонохоризмом, является, с этой более широкой точки зрения, половой диморфизм, например, у некоторых видов «*asellus aquaticus*» (водяного ослика) наблюдается та особенность, что мужские и женские особи одного и того же вида с внешней стороны отличаются друг от друга не менее, а подчас и значительно резче, чем члены двух совершенно разных семейств и родов. У позвоночных никогда не видно такого резкого гонохоризма, как, например, у раковидных или у насекомых. У них не наблюдается такого резкого разграничения между самцом и самкой, как в явлениях полового диморфизма. Здесь скорее встречается бесчисленное количество смешанных половых форм, вплоть до так называемого «гермафродитизма», а у рыб мы находим даже целые семейства с исключительной двуполостью, с «нормальным гермафродитизмом». И вот следует заранее принять, что хотя и существуют крайние самцы с самыми незначительными остатками женственности, и крайние самки с совершенно незаметной мужественностью, и в центре между этими двумя типами некоторая гермафродитная форма, тем не менее, между этими тремя точками нет пустоты, совершенно незаполненной. Нас специально занимает человек. Однако все то, что применимо к нему, можно с некоторыми видоизменениями утверждать и относительно большинства других живых существ, обладающих способностью к половому размножению. Относительно же человека можно без колебаний сказать следующее: Существуют бесчисленные переходные степени между мужчиной и женщиной, так называемые «промежуточные половые формы». Как физика говорит об идеальных газах, которые подчиняются закону Бойля Гей Люссака (в действительности ему не подчиняется ни один газ), чтобы, исходя из этого закона, установить всевозможные отклонения от него в данном конкретном случае: так и мы можем принять идеального мужчину М и идеальную женщину Ж, как типичные половые формы, которые и действительности не существуют. Установить эти типы не только возможно, но и необходимо. Не один только «объект искусства», но и объект науки является типом, идеей, в смысле Платона. Исследуя свойства абсолютно твердого и абсолютно упругого тела, физика отлично сознает, что действительность не может представить ей ни одного случая, в котором ее выводы могли бы найти полное подтверждение. Эмпирические данные, промежуточные стадии между этими двумя состояниями тела служат для нее лишь исходной точкой для отыскания типических свойств, и эти же стадии при обратном направлении: от теории к практике, рассматриваются и исчерпывающе обсуждаются, как некоторые смешанные формы. Точно также существуют только всевозможные ступени между совершенным мужчиной и совершенной женщиной, только известные приближения к ним, сами же они реально не существуют.

Следует обратить внимание на то, что речь идет здесь не просто о бисексуальном предрасположении, а о постоянно действующей двуполости. Последняя не должна ограничиваться одними только средними половыми формами, физическими или психическими гермафродитами, как это делалось до сих пор во всех исследованиях подобного рода. В этой форме, следовательно, моя мысль является совершенно новой. До сих пор под именем «промежуточных половых ступеней» известны были только средние половые ступени, словно, говоря математически, здесь находилось место скопления половых форм, словно тут появлялось нечто большее, чем некоторое незначительное расстояние на линии, соединяющей две крайности и везде одинаково густо покрытой.

Итак, мужчина и женщина являются как бы двумя субстанциями, которые в самых разнообразных соотношениях распределены на все живые индивидуумы, причем коэффициент каждой субстанции никогда не может быть равен нулю.

Можно даже сказать, что в мире опыта нет ни мужчины, ни женщины, а есть только мужественное и женственное. Поэтому индивидуум А или В не следует просто обозначать именем «мужчина» или «женщина», а нужно указать, сколько частей того и другого содержит в себе каждый из них.

В подтверждение этого взгляда можно было бы привести бесконечное число доказательств. Самые общие из них были уже намечены предварительно во введении. Я напому о «мужчинах» с женским тазом и женскими грудями, со слабой или даже без всякой растительности, с точно оформленной талией, со слишком длинными волосами на голове, далее о «женщинах» с узкими бедрами и плоскими грудями, с плохо развитым perinacum (nates) и худощавыми бедрами, с низким, грубым голосом и усами (которые гораздо чаще бывают у женщин, чем мы это замечаем, так как им, конечно, не дают расти). Борода, которая растет у женщин после климактерия, сюда не относится и т. д. и т. д. Все эти явления, которые удивительным образом сочетаются, обыкновенно, в одном и том же человеке, хорошо известны и врачу, и анатому практику, но до сих пор их рассматривали отдельно и не приводили в общую связь. Но самым решительным доказательством в пользу защищаемого нами взгляда является сильное колебание чисел, выражающих половые различия, что накладывает неизменную печать шаткости на все специальные труды и на всевозможные измерения антропологического и анатомического характера, предпринятые с целью установить подобные различия: числа для женского пола никогда не начинаются там, где кончаются таковые для мужского, а всегда остается некоторая промежуточная сфера, одинаково заполненная как мужчинами, так и женщинами. Эта неустойчивость теории промежуточных половых форм принесла известную долю пользы, но одновременно с этим она нанесла серьезный вред интересам чистой истинной науки. Специалисты анатомы и антропологи никогда не стремились к научному установлению половых типов, а хотели лишь найти общие, одинаково применимые признаки, но этого им никогда не удавалось, благодаря бесконечному числу всевозможных исключений. Этим объясняется неопределенность и расплывчатость всех относящихся сюда результатов измерения.

Сильным тормозом в успешном развитии этих идей служит общее увлечение статистикой, которым наша промышленная эпоха отличается от всех предыдущих и которым она думает особенно подчеркнуть свою научность (вероятно, в силу родства статистики с математикой). Искали средний уровень, но не тип. Не понимали, что только тип является центральной фигурой в системе чистой (не прикладной) науки. Поэтому существующая морфология и физиология не в состоянии помочь своими изысканиями человеку, занятому отысканием типов. Здесь следует установить новые измерения и предпринять новые подробнейшие исследования вопроса. Те сведения, которыми мы располагаем в настоящее время, не имеют для науки, в широком, не кантовском только смысле слова – никакого значения.

Самым важным в данном случае является познание М и Ж. точное и верное установление идеального мужчины и идеальной женщины («идеальный» в смысле типичный, без всякой дальнейшей квалификации).

Если нам удастся познать и установить эти типы, тогда уже нетрудно будет применить их к отдельному случаю и изобразить последний в виде некоторого количественного смешения обоих типов, тем самым, этот труд обещает нам богатые результаты.

Я резюмирую содержание этой главы: нет ни одного живого существа, которое можно было бы точно определить с точки зрения одного определенного пола. Действительность скорее обнаруживает некоторое колебание между двумя пунктами, из которых ни один не воплощается целиком в каком-нибудь индивидууме эмпирического мира, но к которым приближается всякий

индивидуум. Наука должна поставить себе задачей определить положение единичного существа между этими двумя типами строения. Этим типам не следует приписывать особое метафизическое бытие, находящееся наряду с миром опыта или возвышающееся над ним. К сознанию их неизбежно ведет эвристический мотив возможно совершенного изображения действительности. Предчувствие этой бисексуальности всех живых существ (как результат неполной дифференцированности полов) относится еще к глубокой древности. Быть может, оно и не чуждо было даже китайским мифам, во всяком случае, оно пользовалось большой известностью в древней Греции. Доказательством служит олицетворение гермафродита в мифическом образе и рассказ Аристофана в платоновском «Пире». И в позднейшее время гностическая секта офитов представляла себе первочеловека андрогинном.

Глава II Arrhenoplasma и thelyplasma

Исследование, которое ставит своей целью всесторонний пересмотр всех относящихся сюда фактов, прежде всего должно удовлетворить естественное ожидание читателя, что он найдет в нем новое и полное описание анатомических и физиологических особенностей половых типов. Но так как я не предпринимал самостоятельных исследований для разрешения этой обширной задачи, что к тому же представляется мне совершенно неважным для конечной цели моей работы, я должен заранее отказаться от этого труда – совершенно независимо от того, по силам ли он одному человеку. Компилятивное же изложение всех выводов, имеющих в литературе, явилось бы совершенно излишним, так как оно уже прекрасно выполнено Гэвлоком Эллисом. Если попытаться создать половые типы на почве найденных им выводов, путем вероятных умозаключений, то это в лучшем случае приведет нас к гипотетическим положениям, которые ни на йоту не облегчат развитие научной работы. Содержание этой главы носит более формальный, общий характер. Оно направлено на биологические принципы и отчасти хочет обратить внимание будущих исследователей на некоторые отдельные вопросы и этим внести свою лепту в их труд. Читатель, не обладающий биологическими знаниями, может без особенного ущерба для понимания остальной части книги опустить эту главу.

Учение о различных степенях мужественности и женственности было развито выше с чисто анатомической точки зрения. Анатомия же не ограничивается одним только вопросом о формах, в которые выливаются мужественность и женственность. Она интересуется также вопросом о том, в каких местах они особенно резко сказываются. Приведенные примеры половых различий, отражающихся в разных частях тела, привели нас к тому убеждению, что пол не ограничивается исключительно органами оплодотворения и зародышевыми железами. Но где же провести здесь границу? Исчерпывается ли пол одними только «первичными» или «вторичными» половыми признаками? Или сфера его гораздо шире? Иными словами, где находится пол и где его нет?

Масса новых фактов, открытых в последние десятилетия, снова вынуждают нас, по видимому, принять одну теорию, которая была открыта в сороковых годах XIX столетия, но которая привлекла к себе очень мало сторонников. Дело в том, что следствия, к которым неизбежно приводила эта теория, наталкивали, как ее основателя, так и ее противников, на непримиримые противоречия со всеми выводами научных исследований. Правда, эти противоречия казались неустранимыми не основателю, а противникам ее. В настоящее время опыт вынуждает нас снова обратиться к этой теории, которая в связи с новейшими научными данными должна быть подвергнута

некоторым изменениям. Я говорю об учении копенгагенского зоолога Стэнструпа, который утверждал, что пол распространен по всему телу. Эллис собрал многочисленные данные о всех почти тканях организма, обнаруживающие везде черты различия в половом строении. Я хочу напомнить, что типичный мужской и типичный женский цвет лица сильно различаются между собою. Это дает основание предположить, что и в клетках кожи и ее кровяных сосудах обнаруживается известное половое различие. И несомненно они имеются и в количестве кровокрасящего вещества, в числе кровяных шариков в кубическом сантиметре жидкости. Бишоф и Рюдингер установили различия полов относительно мозга, а в новейшее время Юстус и Алис Гауль открыли те же различия и в вегетативных органах (печень, легкие, селезенка). И в самом деле, все в женщине – одно сильнее, другое слабее – действует «эрогенно» на мужчину. В свою очередь все мужское возбуждает и привлекает к себе женщину.

И вот в этом пункте мы можем выставить положение, которое, правда, с формально логической точки зрения является одной только гипотезой, но которое под влиянием целой массы подтверждающих ее фактов приобретает почти полную достоверность: каждая клетка организма обладает определенным половым характером, обладает определенным половым оттенком. В соответствии с нашим принципом всеобщности промежуточных половых форм я тут же прибавлю, что этот половой характер может обладать различной степенью интенсивности. Это необходимое допущение различной силы выражения половой характеристики позволяет без особого труда включить в нашу систему также гермафродитизм, как ложный, так и настоящий (существование которого у животных со времен Стэнструпа находится вне всяких подозрений. Относительно человека, пожалуй, приходится еще несколько сомневаться). Стэнstrup говорит: «Если бы пол животного, действительно, ограничивался одними только органами оплодотворения, тогда допустимы были бы два половых механизма, совмещенные в одном животном, существующие рядом друг с другом. Но пол не следует себе представлять в виде чего то, имеющего своим средоточием определенное место или выражающимся только в определенном механизме. Он сказывается повсюду и развивается во всех точках живого существа. В мужском создании каждая, даже самая незначительная часть – мужская, хотя бы она была очень похожа на соответствующую часть женского существа, в котором, в свою очередь самая ничтожная часть является только женской. Объединение обоих половых механизмов в одном индивидууме только тогда делает его истинно двуполым, когда природа обоих полов господствует в одинаковой степени во всем его теле и обнаруживается в каждом пункте последнего. Но это при существующей противоположности полов равносильно их взаимному уничтожению или исчезновению всяких половых признаков в подобном существе». Если же, поступая сообразно смыслу эмпирических фактов, признать, что принцип бесчисленных переходных половых ступеней между М и Ж следует распространить на все клетки организма, то тогда отпадает то затруднение, с которым столкнулся Стэнstrup, и гермафродитизм не представится уже извращенностью.

Все средние ступени от абсолютной мужественности вплоть до ее полнейшего отсутствия, т. е. до того пункта, где она совпадает с наличностью абсолютной женственности, представляется в виде бесчисленных различных половых характеристик каждой отдельной клетки. Следует ли представить себе эту скалу различий в виде двух реальных связанных друг с другом субстанций или принять единую протоплазму в бесконечно многих видоизменениях атомов в больших молекулах – при решении этого вопроса лучше всего воздержаться от всяких предположений. Первое предположение не

применимо физиологически – подумать только, что тогда для каждого мужского или женского телодвижения была бы необходима двойственность в определяющих его условиях, тогда как форма его остается физиологически единой. Второе предположение слишком уж напоминает мало удачные теории наследственности. Оба они, быть может, одинаково далеки от истины. В наше время даже приблизительно на основании опыта нельзя доказать, в чем собственно состоит мужественность или женственность данной клетки, каково гистологическое, молекулярно физическое или химическое отличие каждой клетки Ж от клетки М. Не предрешая результатов будущих исследований (а они наверное признают невозможным выводить специфически – биологические явления из физики и химии), мы в праве защищать свое мнение о различной силе половой окраски не только во всем организме, как сумме клеток, но и в самих клетках. Женоподобные мужчины обладают большею частью женственной кожей, и клетки мужских органов отличаются у них слабой способностью к делению, на что непосредственно указывает слабый рост макроскопических половых признаков и т. д.

Деление половых признаков точно так же нужно производить по различной степени макроскопическом выражения половой характеристики. Их назначение, главным образом, связано с силою эротического воздействия на другой пол (по крайней мере в животном царстве). Чтобы не уклоняться от общепринятой номенклатуры Джона Гентера, я называю мужскую и женскую зародышевую железу (*testis, epididymis, ovarium, epioophoron*) первоосновными половыми признаками. Внутренние придатки зародышевых желез (семенные канатики, семенные пузырьки, *tuba uterus*, которые, как показал опыт, по своим половым признакам иногда очень отличаются от зародышевых желез) – первичными. И наконец, «внешние половые признаки», по которым при рождении определяется пол человека и даже известным образом предрешается его судьба (часто, как увидим, неправильно). Все другие половые признаки имеют то общее, что они непосредственно не нужны для целей совокупления. Ко вторичным половым признакам причислим прежде всего те, которые наружно проявляются ко времени половой зрелости и, на основании почти достоверно установленного мнения, не могут развиваться без «внутреннего выделения» определенного вещества из зародышевых желез в кровь (рост бороды у мужчин, женские волосы на голове, развитие груди, перемена голоса и т. д.).

Более из практических, чем из теоретических оснований, обозначим третичными признаками, распознаваемые по внешним проявлениям или действиям, прирожденные свойства, как например мускульная сила и твердость воли у мужчины. Сюда же могут быть присоединены, наконец, случайно приобретенные, благодаря обычаю, привычке или занятию побочные, четверичные половые признаки: курение табака, употребление вина у мужчин и рукоделье у женщин. Эти последние также иногда способны проявлять свое эротическое действие на другой пол и это одно указывает, что гораздо чаще, чем, пожалуй, думают, они легко переходят в третичные, а порой простираются еще глубже и связываются с первоосновными признаками пола. Сама классификация не предрешает порядка половых признаков как таковых, она не устанавливает, первичны ли духовные свойства по сравнению с телесными или обуславливаются последними и выводятся из них путем длинной причинной цепи явлений. Она указывает в большинстве случаев лишь силу притягивающего воздействия на другой пол, то время, когда половые признаки бросаются в глаза, ту отчетливость, с которой они выступают перед глазами другого пола.

Говоря о «вторичных признаках», мы указывали уже на внутреннее выделение зародышевых веществ в общий кругооборот организма. Действие этого

выделения, как и отсутствие его, искусственно вызванное кастрацией, изучили прежде всего именно на развитии или на отсталости вторичных половых признаков. Внутреннее же выделение оказывает несомненное влияние на все клетки тела. Это доказывает перемены, происходящие ко времени возмужалости во всем организме, а не только в частях тела с вторичными половыми признаками. Точно так же и выделение всяких желез нужно заранее представлять не иначе, как равномерно распространяющимся на все ткани организма.

Внутреннее выделение зародышевых желез завершает собою пол индивидуума. Поэтому для каждой клетки необходимо принять первоначальную половую характеристику, к которой должно быть присоединено в известной мере выделение зародышевых желез, как завершающее дополнительное условие для того, чтобы развился качественно определенный, вполне готовый masculinum или femininum.

Зародышевая железа представляет из себя только орган, в котором половой признак выступает ярче всего; легче всего заметить этот признак в ее морфологическом единстве.

Точно так же необходимо согласиться, что и родовые, видовые и семейные свойства организма лучше всего представлены в зародышевых железах. С другой стороны Стэнструп с полным правом мог утверждать, что пол распространен во всем организме, а не заключен в специфических «половых частях» его. Так же Нэгели, де Врис, Оскар Гертвиг и другие развили и обосновали важными аргументами теорию, выясняющую весьма многое в этом вопросе, по которой каждая клетка многоклеточного организма является носителем всех видовых свойств, а эти последние с особенной силой соединены в зародышевых клетках. Теория эта будет, со временем, вероятно, для всех исследователей понятна сама собой, в особенности если принять во внимание тот факт, что каждое живое существо происходит из одной клетки, благодаря образованию в ней борозд и ее делению.

Упомянутые исследователи на основании многих фактов, умноженных после этого бесчисленными опытами в области восстановления организма из любой части и установлением химического различия в гистологических (II) тканях разных видов, вполне справедливо приняли существование идиоплазмы, как совокупности специфических видовых свойств, которые не имеют непосредственного значения для размножения. Здесь также могут и должны быть созданы понятия арреноплазмы и телиплазмы, как двух видоизменений, в которых каждая идиоплазма выступает у дифференцированных в половом отношении существ, при чем на основании высказанных уже раньше положений, имеются в виду лишь идеальные случаи, как границы, в которых находится эмпирическая реальность. Действительно существующая протоплазма, удаляясь все более и более от идеальной арреноплазмы, переходит через (реальный или мыслимый) безразличный пункт (hermaphroditismus verus) в протоплазму, приближающуюся до самых крайних пределов к телиплазме. Все это – лишь последовательный вывод из всего вышесказанного. Я прошу только извинить меня за новую терминологию она изобретена вовсе не для того, чтобы поднять в глазах читателя новизну предмета.

Положение, что каждый отдельный орган и даже каждая отдельная клетка наделены половыми признаками, помещенными на какойнибудь точке между арреноплазмой и телиплазмой, и что поэтому каждая простая частица с самого начала охарактеризована определенным образом в половом смысле, это положение легко установить из следующего факта: даже в одном и том же организме различные клетки не всегда одинаково наделены половой характеристикой.

Во всех клетках одного тела вовсе нет одинакового содержания М или Ж, одинакового приближения их к арреноплазмс или телиплазме клетки одного и того же тела могут даже находиться на различных сторонах нулевой точки, лежащей между этими полюсами. Если мы, вместо того, чтобы говорить постоянно – мужественность, женственность, подберем для них различные знаки и назовем, конечно, без всякой коварной задней мысли, мужское начало положительным, а женское – отрицательным, то вышеуказанное положение можно выразить так: сексуальность различных клеток одного организма не только имеет различную абсолютную величину, но обладает еще и различным знаком [т. е. + или -]. Есть например довольно хорошо развитые masculina с плохо растущей бородой и слабой мускулатурой, или почти типичные feminina с слаборазвитой грудью. С другой стороны бывают совершенно женственные мужнины с сильным ростом бороды и женщины с ненормально короткими волосами, довольно заметной бородкой, но с прекрасно развитой грудью и объемистым тазом. Я знавал людей с женскими бедрами и мужскими голеньями, с женским левым и мужским правым бедром. Вообще симметрия обеих половин тела бывает лишь редких случаях, а большую часть наблюдается в левых и правых частях различие половой характеристики, в степени проявления половых признаков, например в росте бороды здесь постоянно встречаются бесчисленные ассиметрии. Едва ли однако, как уже было сказано, недостаток в сходстве (а абсолютного сходства половой характеристики не бывает никогда) можно свести к неравномерности внутреннего выделения. Кровь, во всех случаях непатологического характера, должна попадать в органы, правда не в одинаковой массе, хотя в одинаковом составе, причем в таком количестве и качестве, которое бы соответствовало условиям сохранения организма. Если не принять за причину всех этих вариаций начальной, неизменной с первых же шагов эмбрионального развития и чрезвычайно разнообразной половой характеристики каждой данной клетки, то каждый отдельный индивидуум можно было бы вполне описать в половом отношении, указав на относительное приближение его зародышевых желез к половому типу. Вопрос решался бы тогда гораздо проще, чем это есть в действительности. Однако половые признаки вовсе не распределены по всему организму в воображаемой одинаковой массе, а потому половое определение одной клетки не характеризует всех других. Если значительные отклонения в половой характеристике между разными клетками или органами одного и того же существа встречаются редко. то все таки специфичность этой характеристики для каждой отдельной клетки следует признать общим случаем. При этом можно установить, что приближения к полному единообразию половой характеристики (всего тела) бывают гораздо чаще, чем значительные различия отдельных органов, не говоря уже об отдельных клетках. Maximum возможности колебания должен еще быть установлен исследованием для каждого отдельного случая.

Если бы, как это полагает популярное мнение, высказанное еще Аристотелем и поддерживаемое многими врачами и зоологами, кастрация животного превращала бы его – без всякого исключения – в противоположный пол, если бы например, оскопление самца eo ipso вполне превращало бы его в самку, тогда вопрос о существовании независимых от зародышевых желез, первоосновных половых признаков каждой клетки, был бы снова спорным. Однако новейшие экспериментальные исследования Зелльгейма и Фогеса показали, что существует тип скопца, совершенно отличный от женщины, что оскопление самца совершенно не тождественно с превращением его в самку. Правда, в этом направлении следует избегать широких радикальных выводов. Нельзя исключать возможности того, что оставшаяся скрытой вторая

зародышевая железа другого пола, после устранения или атрофии первой зародышевой железы, овладевает в известной мере колеблющимся в половом отношении организмом. Многочисленные, правда несколько смело объясняемые (в смысле абсолютного допущения мужских признаков) случаи, когда при перерождении в организме женских половых органов ко времени климактерии становятся заметны вторичные мужские половые признаки: борода у «бабушки», короткие шишки на лбу некоторых старых косуль, «петушье оперение» старых кур и т. д. Впрочем, бывают подобные же изменения и без деградации престарелых органов, без удаления их оперативным путем. Их можно установить в качестве вполне нормального развития у некоторых представителей родов *Cymothoa*, *Anilocra* *Nerocila* у рыбных паразитов, *Aselus aquaticus* (водяных осликов), принадлежащих к группе *Cymothoideae*. Эти животные – гермафродиты совсем особого рода. У них непрерывно и одновременно существуют и мужские, и женские зародышевые железы, хотя они не могут одновременно функционировать. У них замечается род протандрии»: каждый индивидуум функционирует сперва как самец, затем – как самка. Во время своей мужской деятельности они обладают развитыми органами оплодотворения, которые затем отбрасываются, когда развиваются и открываются женские проходные пути и женские органы оплодотворения. Но что точно такие же явления встречаются и у людей, доказывают те удивительные случаи «*viratio* и «*efeminatio*» у взрослых и зрелых мужчин и женщин, о которых рассказывает половая психопатология. Отрицать действительную возможность перехода самца в самку тем более нельзя при условии удаления мужской зародышевой железы. Тем не менее, указанная связь фактов не может быть всеобщей и необходимой, так как оскопление не ставит индивидуума обязательно в число особей противоположного пола, и это служит доказательством, что необходимо принять первичное существование арреноплазматических и телиплазматических клеток во всем организме.

Существование первоначальных половых признаков у каждой клетки и бессилие одного выделения зародышевых желез (как определяющего полового признака) доказывается далее совершенной бесплодностью пересадки мужских зародышевых желез на животное женского пола. Правда, для строгой доказательности этих опытов было бы необходимо, чтобы вырезанные яички прививались возможно более родственной женской особи, например сестре оскопированного самца: идиоплазма их не должна быть различной. Здесь, как и везде нужно позаботиться о возможно чистой изоляции условий для того, чтобы получить от опыта однозначный вывод. Опыты, сделанные в венской клинике Хробака, показали, что перемена у двух (выбранных наудачу) самок яичников приводит к атрофии последних, причем вторичные половые признаки неизбежно погибают (например молочные железы) – в то время, как удаление зародышевой железы из ее естественного положения, введение в любое место того же самого животного (так, что ее собственная ткань сохраняется), в идеальном случае не препятствует развитию вторичных признаков, как будто ничего не было вынато. Неудачи пересадки желез на кастрированные особи того же пола объясняются, вероятно, главным образом недостаточным семейным родством: идиоплазматический момент должен быть поставлен здесь на первое место.

Эти явления напоминают опыты с переливанием (*transfusio*) крови. Практическое правило хирургии гласит, что при замещении потерянной крови кровью другого индивидуума (во избежание тяжелых осложнений) оба индивидуума должны быть не только одного вида и родственной семьи, но и одного пола. Аналогия с опытами пересаживания (*transplantatio*) бросается в глаза. Если защищаемые здесь взгляды подтверждаются опытом, то хирурги,

насколько они производят трансфузию, а не ограничиваются введением поваренной соли, должны обратить внимание на то, достаточно ли близкого родства животных при переливании крови. Остается открытым вопросом, было ли бы чрезмерным при этом следующее требование: применять кровь существ, находящихся на возможно близкой ступени мужественности или женственности. Подобно тому, как условия, наблюдаемые при трансфузии, служат доказательством, что кровяные шарики обладают собственными половыми признаками, точно так же и полная неудача пересаживания (трансплантации) мужских зародышевых желез на самку или наоборот женских на самца, указывает, как уже было упомянуто, что внутреннее выделение действует только на соответствующую ему арреноплазму или телиплазму.

В связи с этим нужно упомянуть еще об органотерапевтических способах лечения. Если пересаживание по возможности неповрежденных цельных зародышевых желез на особи другого пола не приводит ни к каким результатам, то из сказанного выше ясно, почему, например, введение в кровь самца частиц из яичника может причинить ему только вред. Но зато с другой стороны отпадает масса возражений против принципа органотерапии потому именно, что органические препараты различных видов не могут выказать полного действия. Благодаря невниманию к биологическому принципу такой огромной важности, как учение об идиоплазме, врачи, представители органотерапии, упустили, быть может, по своей небрежности немало случаев правильного лечения.

Учение об идиоплазме, приписывающее специфически видовой характер, так же тем тканям и клеткам, которые потеряли возможность к размножению, еще не признано повсюду.

Все же каждый должен согласиться с мнением, что в зародышевых железах собраны видовые признаки и что для препаратов из зародышевых желез необходимо возможно меньшее различие полов, но сколько самый метод стремиться дать нечто более ценное, чем простой тонический эффект. Параллельные опыты пересаживания зародышевых желез и введения их экстракта в другие особи были бы, вероятно, очень полезны в данном случае: сравнить, например, влияние пересаженного мужского яичка петуха, вынутого у него самого или другой родственной особи и вставленного в область его промежности, с влиянием интравенозной инъекции, приготовленной из яичка экстракта на другого оскопленного петуха, причем экстракты должны быть взяты от родственных индивидуумов. Такие опыты дали бы, быть может, богатые научные объяснения относительно соответствующего изготовления и количества органических препаратов и единичность впрыскиваний (инъекций). Желательно также установить теоретически, соединяются ли химически внутренние выделения зародышевых желез с материей клетки или их воздействие является только разлагающим, независимым от их массы. Последнее положение еще не может быть установлено на основании сделанных до сих пор исследований. Границы исследования внутреннего выделения на образование окончательного полового характера были приведены для того, чтобы оградить от возражений принятое нами положение врожденной, в общем различной для каждой клетки, но изначально определенной половой характеристики. Если в огромном большинстве случаев и нельзя отличить степени этих характеристик для различных клеток и тканей одного и того же организма, то все же существуют исключения, указывающие на возможность больших амплитуд. Точно так же и отдельные яйцевые клетки и сперматозоиды, не только в различных организмах, но и в фолликулах и семени одного и того же индивидуума, показывают в одно и то же время, а еще более в разные периоды времени различия в степени мужественности или женственности. Например, семенные

их нити бывают различного строения и различной подвижности. Конечно, до сего времени мы очень мало знаем об этих различиях в виду того, что никто не исследовал этих явлений с подобной точки зрения.

Чрезвычайно интересно, что в ядрах амфибий находили рядом с нормально развитыми ступенями сперматогенеза совершенно правильные и хорошо развитые яйца. И этот факт не однажды был исследован различными учеными. Толкование этой находки, положим, оспаривается: признают лишь прочно установленным существование ненормально больших клеток в семенных канальцах, хотя наличность яиц была позднее безусловно установлена. Во всяком случае, как раз среди указанных амфибий встречаются очень часто гермафродиты. Этот факт все же доказывает необходимость осмотрительно принимать однородность арреноплазмы и телиплазмы в одном организме. К категории такой поспешности принадлежит и тот факт (как будто несколько удаленный от нашей области), что человеческий индивидуум, только благодаря наличности у него при рождении мужского члена, хотя бы и короткого, эписпадического или гипоспадического, даже при двойственном крипторхизме, нарицается мальчиком и без рассуждений рассматривается, как таковой, несмотря на то, что в остальных частях тела, например, в мозговом отношении – он приближается более к телиплазме, чем к арреноплазме. И здесь должны бы еще поучиться различать тонкие степени пола при самом рождении.

Результатом этих немного длинных индукций и дедукций можно считать известную уверенность в существовании первоначальных половых характеристик, которую *a priori* нельзя представлять себе одинаковой, даже приблизительно одинаковой для всех клеток одного тела. Каждая клетка, каждый комплекс их, каждый орган обладает определенным указателем, определяющим его место между арреноплазмой и телиплазмой. Впрочем, в большинстве случаев достаточно одного признака для всего тела, если нет надобности в большей точности. Но если в каждом отдельном случае серьезно думают ограничиваться таким поверхностным описанием, то это может привести лишь к роковым ошибкам в теории и к тяжелым погрешностям на практике.

Различные ступени первоначальной половой характеристики вместе с изменяющимся внутренним выделением (у отдельных индивидуумов, вероятно, количественно и качественно) и обуславливают существование половых промежуточных форм.

Арреноплазма и телиплазма в их бесчисленных переходах суть микроскопические факторы, создающие вместе с «внутренним выделением» те микроскопические различия, которыми исключительно занималась предыдущая глава.

Из допущения правильности сделанных выводов вытекает необходимость целого ряда анатомических, физиологических и гистологических исследований относительно различий между типами М и Ж в строении и функциях всех единичных органов, о той форме, по которой различаются арреноплазма и телиплазма в различных тканях и органах. Средние данные, какие мы до сих пор имеем, едва ли достаточны для современного статистика. Их научная ценность весьма мала. Если, например, все исследования о половых различиях в мозгу достигли таких незначительных результатов, то это объясняется тем, что никогда не искали типических проявлений, а довольствовались указаниями о принадлежности к тому или другому полу метрическим свидетельством или поверхностным осмотром трупа, так что каждые Иван или Марья считались полноценными представителями мужественности или женственности. Если уж не довольствовались психологическими данными, то следовало бы по крайней мере, так как

гармония половых характеристик различных частей тем встречается чаще, чем большие скачки между отдельными органами, установить факты относительно телосложения остального тела, имеющие значение для определения мужественности и женственности, например, расстояние больших бугров. Тот же самый источник ошибок – необдуманная постановка половых промежуточных форм, вместо типических индивидуумов, не устранен, впрочем, и в других исследованиях. Эта беспечность может на долгое время задержать приобретение значительных и доказательных результатов. Даже тот, кто, например, наблюдает причины большого числа мальчиков при рождении, не должен упускать из виду этих положений. Пренебрежение к ним даст себя почувствовать в особенности тому, кто занят исследованием проблемы определения полов. Пока он не определит положение между М и Ж каждого существа, служащего объектом его исследования, до тех пор пусть остерегаются доверять его гипотезам, даже его методам. Если он половые промежуточные формы, согласно внешним признакам, как это делают теперь наметит в число мужских или женских рождений, он натолкнется на такие случаи, которые при внимательном рассмотрении будут показывать против него. Он будет рассматривать на самом деле несуществующие случаи, как противоположные инстанции. Без идеального мужчины и идеальной женщины исследователь лишен твердого масштаба, который бы он мог применить к действительности, он ходит ощупью в темноте неизвестных, поверхностных суждений. Мона, например, которому удалось установить экспериментальным путем пол одного из видов *rotatoria* (колесоворотки), *Hydatina senta*, насчитал все таки от 3–5 % уклоняющихся случаев. При низкой температуре ожидается обыкновенно рождение самок, и все таки появляется указанный процент самцов. При высокой температуре рождалось, против правила, такое же количество самок. Нужно признать, что это были половые промежуточные формы, арреноидные самки при высокой и телиидные самцы при низкой температуре, где проблема является более сложной, например, у быка (не говоря уже о человеке), там процент результатов едва ли будет так велик, и поэтому здесь правильное объяснение вызванных половыми промежуточными формами уклонений гораздо труднее.

Подобно морфологии, физиологии и механики развития весьма желательна также сравнительная патология половых типов. Понятно здесь, как и там, можно извлечь из статистики известные результаты. Если статистика показывает, что известная болезнь гораздо чаще бывает у «женского пола», чем у «мужского», то нужно иметь смелость принять следующее положение: она свойственна, «идиопатична» телиплазме. Так, например, слизистый отек, обусловленный прекращением деятельности щитовидной железы – болезнь Ж. Водянка яичка по природе – болезнь М.

Но даже самые точные статистические цифры не могут предохранить от теоретических ошибок, если относительно характера болезни не будет указано, что она связана с мужественностью или женственностью. Теория указанных болезней должна будет также дать отчет, почему они свойственны одному полу, т. е. (согласно с обоснованным здесь мнением) почему они принадлежат или М или Ж.

Глава III

Законы полового притяжения

У всех дифференцированных в половом отношении живых существ есть, выражаясь старыми понятиями, влечение к совокуплению между мужчиной и женщиной, самкой и самцом. Но так как мужчина и женщина представляют из себя типы, нигде не существующие в реально чистом виде, то мы не можем

теперь сказать, что половое влечение стремится свести любого мужчину с любой женщиной. Моя теория, чтобы быть полной, должна еще дать ответ относительно фактов полового воздействия. Она должна лучше изобразить область рассматриваемых ею явлений с новыми средствами в руках, а не со старыми, тем более, если последние уступают первым. В самом деле, мое мнение, что М и Ж расчленены в различных комбинациях среди всех живых существ, привело меня к открытию еще неизвестного, только раз упомянутого одним философом естественного закона, закона полового притяжения. Найти его мне помогли наблюдения над человеком, а потому я и начну с него. Каждый человек обладает определенным одному ему свойственным «вкусом» в отношении к другому полу. Если сравнить, например, портреты женщин, которых любил исторически знаменитый человек (факт этот, конечно, должен быть, вполне достоверным), то мы почти всегда найдем, что они приблизительно похожи друг на друга. Это сказывается внешним образом в фигуре (в узком смысле – в росте), в их лицах и даже, если взглядеться ближе, в самых мельчайших чертах – ad unguem (до ногтя). Совершенно то же самое можно сказать о всех людях. Вот почему понятно явление, что каждая девушка, которая сильно привлекает мужчину, вызывает в нем воспоминание о других девушках, действовавших на него подобным же образом. У каждого человека есть много знакомых, вкус которых к другому полу вызывал в нем восклицания: «не понимаю, как она может им нравиться!» Множество фактов, устанавливающих, без сомнения, для всякого отдельного существа (даже у животных) определенный особенный «вкус», собрано Дарвином в его «Происхождении человека». Ниже мы укажем, что такая же аналогия к факту определенному полового вкуса ясно выражена даже у растений.

Половое притяжение, как и закон всемирного тяготения почти без исключения взаимно. Где в этом правиле оказываются исключения, там всегда можно указать моменты, которые препятствуют непосредственному, всегда почти обоюдному проявлению полового вкуса или же вызывают желание, когда первое непосредственное впечатление отсутствует.

И в обыденной речи говорят о «суженом» или что «люди не подходят друг к другу».

Тут сказывается слабое предчувствие того факта, что в каждом человеке заложены известные свойства, для которых не является безусловно безразличным, какой индивидуум другого пола вступает с ним в половое общение. Так что не каждый «мужчина» может заменить другого «мужчину», не каждая «женщина» – всякую другую «женщину» так чтобы не было никакой разницы в половом чувстве.

Каждый человек знает по собственному опыту, что известные лица другого пола производят на него отталкивающее впечатление, другие для него безразличны, а третьи его привлекают, наконец (правда, не всегда), ему встречается индивидуум, соединиться с которым составляет его страстное желание, так что весь мир теряет в его глазах цену и исчезает. Какой же это индивидуум? Какими свойствами он должен обладать? Если действительно, а это так и есть, каждому типу мужчины соответствует женский тип, действующий на него возбуждающе, и наоборот, то, очевидно, здесь должен действовать определенный закон. Какой это закон? Как он выражается? «Противоположности сходятся» – такую формулировку я слышал, когда, имея уже свой собственный ответ на вопрос, добивался у разных людей, чтобы они высказали свое мнение, помогая им примерами возвыситься до абстрактного суждения. В известном смысле и для некоторых немногих случаев это вполне справедливо. Но такое определение слишком уж широко. Оно уплывает между

пальцами, которые хотят охватить нечто более осязательное. Оно не допускает затем математической формулировки. Моя книга не пытается открыть все законы полового притяжения (а их несколько), она не претендует на то, чтобы дать каждому определенные сведения о той особи другого пола, которая бы вполне соответствовала его вкусу. Такое требование может осуществить лишь совершенное знание всех относящихся сюда законов. Эта глава будет рассматривать лишь один из них, так как он находится в органической связи с остальными выводами книги. Я напал на след целого ряда дальнейших законов, но этот первый, на который я обратил внимание, и то, что я могу о нем сказать, сравнительно разработано. Пусть снисходительно отнесутся к недостаточной полноте доказательств, оправдываемой новизной и трудностью вопроса. Факты, на основании которых я открыл первоначально закон полового сродства и большое количество других, его подтверждающих, я приводить здесь не буду: к счастью, это является в известном смысле излишним. Я прошу каждого проверить закон сначала на самом себе, а затем присмотреться к нему в кругу своих знакомых. Особенно я рекомендую обратить внимание на те случаи, когда вашего вкуса не понимают, даже отказывают вам во всяком вкусе, или когда то же самое случается с вами по отношению к другим. Каждый человек обладает тем минимумом знания внешних форм человеческого тела, который необходим для такой проверки. Я сам указанным путем открыл закон, который я сейчас и формулирую. Закон гласит: «Для полового соединения всегда сходятся совершенный мужчина (М) и совершенная женщина (Ж), хотя и расчлененные в каждом отдельном случае на два различных индивидуума в разнообразных сочетаниях».

Иначе выражаясь. Если Мм обозначим все мужское, а Жм все женское какогонибудь индивидуума м, в просторечии называемого «мужчиной», а через Жж – женское, Мж – мужское в известном субъекте ж, в просторечии называемого «женщиной», то каждое совершенное сродство, т. е. случай самого сильного полового притяжения, выражается в следующей формуле:

$$(1a) \text{ Мм+Мж} = C1 = \text{М} = \text{идеальному мужчине,}$$

точно так же:

$$(1b) \text{ Жм+Жж} = C2 = \text{Ж} = \text{идеальной женщине.}$$

Не следует превратно понимать этой формулировки. Это один случай, одно единственное половое отношение, для которого обе формулы одинаково важны. Из них вторая непосредственно вытекает из первой и не вносит в нее ничего нового, ведь мы предполагаем, что у каждого индивидуума столько женского элемента, сколько не достает в нем мужского. Цельное мужское нуждается в цельном женском и наоборот. А если индивидуум имеет определенную большую часть мужественности и, хотя бы малую (которой однако не следует пренебрегать) долю женственности, тогда нужно, чтобы другой индивидуум дополнил недостающую для всего целого долю мужественности. Также пополняется в одно время и его женская часть. Какойнибудь индивидуум имеет например:

$3/4 \text{ М. м} - \text{стало быть } 1/4 \text{ Ж.}$

Тогда лучшим его половым дополнением, на основании этого закона, будет такой индивидуум Ж, который определяется в половом отношении следующим образом:

$1/4 \text{ М. ж} - \text{ и стало быть } 3/4 \text{ Ж.}$

Уже в этих формулах обнаруживается ценность большей всеобщности теории по сравнению с обычными взглядами. Что мужчина и женщина, как половые типы, привлекают друг друга.

Всякий согласится с фактом определенного полового вкуса, но этим уже не признается правомерность вопроса о законах вкуса, о функциональной связи между половым предпочтением и другими физическими и психическими свойствами отдельного существа. Приведенный здесь закон не имеет сам по себе ничего невероятного: ему нисколько не противоречит ни повседневный, ни научный опыт. Конечно, он не может быть чем то «само собой понятным». Закон, так как он не выведен из опыта, а создан путем умозаключений, можно бы было представить следующим образом:

$\text{Мм} - \text{Мж} = \text{Const}$

Т. е. разность, а не сумма содержания М, представляет постоянную величину. Самый мужественный мужчина отстоял бы тогда настолько же далеко от своего дополнения, расположенного как раз посередине между М и Ж, как и женственный мужчина от своего дополнения, которое в этом случае является крайней женственностью. Как мы сказали, это только мыслимо, но не осуществимо в действительности. Если мы последуем научному завету скромности, в сознании, что пред нами эмпирический закон, то мы не будем говорить заранее о силе, которая толкает двух индивидуумов, как двух игрушечных плясунов, друг к другу, а увидим в этом законе лишь выражение отношений, наблюдаемых в одинаковой форме в каждом сильном половом притяжении. Он может показать в данном случае постоянно одинаковую сумму мужественности или женственности в обоих притягивающих друг друга существах.

Не следует при этом обращать внимания на «этический» момент – момент красоты. Как часто случается, что один человек совершенно восхищен какой нибудь женщиной, без ума от ее «необыкновенной», «обольстительной» красоты, а другой в то же время «очень бы хотел знать, что можно в ней найти», так как она не представляет его полового дополнения. Не становясь здесь на точку зрения нормативной эстетики и не собирая примеров относительности такой оценки, можно однако сказать, что влюбленные находят иногда прекрасным не только безразличное с эстетической точки зрения, а прямо некрасивое, причем под «чисто эстетическим» понимается не абсолютно прекрасное, а просто прекрасное, т. е. то, что нам эстетически нравится, помимо всех половых апперцепций.

Сам закон подтверждается многими сотнями фактов (называю самое малое число), и все исключения из него являются кажущимися. Почти каждая любовная парочка, которую встречаешь на улице, дает этому новое доказательство. Исключения были бы тем более поучительны, что они усиливали бы следы других законов и побуждали бы к их исследованию. Впрочем, я сам произвел много опытов следующим образом: у меня была коллекция фотографий безупречно чисто красивых эстетически женщин, с определенным содержанием в каждой Ж, и вот я проводил анкетирование, показывая карточки ряду знакомых и прося их указать «самую красивую», как я говорил. Ответ, полученный мною, был с неизменной правильностью тот

самый, которого я ожидал. Других, которые знали, зачем я это делаю, я просил испытывать меня таким образом: они показывали мне портреты и я должен был найти ту женщину, которая нравилась им больше всего. Это удавалось мне всегда. Третьим я описывал их идеал другого пола с близкой к действительности точностью, хотя не получал от них раньше даже произвольных указаний, часто описывал точнее, чем они сами могли это сделать. Иногда люди впервые обращали внимание на то, что им не нравится, лишь после того, как я им это указывал, а в общем, человек скорее узнает то, что ему не нравится, чем то, что привлекает.

Я думаю, что читатель при некотором упражнении скоро достигнет такого же совершенства. Этого очень скоро достигли некоторые мои знакомые из тесного дружеского научного кружка, которые поинтересовались представленными здесь идеями. Конечно, для этого желательно бы было знать еще и другие законы полового притяжения. Масса отдельных постоянных величин указывает на существующее отношение половых дополнений. Можно бы было иронически формулировать тот закон природы, что сумма длины волос двух влюбленных равна постоянной величине. Впрочем, уже из найденных во второй главе оснований это попадает не всегда, так как не все органы одного и того же человеческого существа одинаково мужественны или женственны. Кроме того, эти правила скоро бы размножились и затем скоро снизились бы до степени плоских острог, почему я и хочу воздержаться здесь от их упоминания.

Я не скрываю от себя, что способ, которым я вывел здесь этот закон, несколько догматичен, и это особенно плохо для него при отсутствии точных обоснований. Но и здесь меня в меньшей степени интересует выступление с готовыми результатами, чем указание способа их достижения, тем более, что средства, которые были у меня для точного испытания указанного принципа по естественнонаучному методу, оказались крайне ограниченными. Итак, если в частностях остается много неопределенного, то в дальнейшем я все таки надеюсь, указав на удивительные аналогии, до сих пор еще не наблюдаемые, скрепить между собой балки научного здания: без этого «обратно действующего укрепления» не могут, по всей вероятности, обойтись даже принципы аналитической механики.

Бросающееся в глаза подтверждение получает выведенный закон, благодаря фактам из царства растений, которые до сего времени рассматривались совершенно изолированно, которым поэтому приписывался характер особенной редкости.

Каждый ботаник догадается, что я говорю об открытых Персоном, впервые описанных Дарвином и названных Гильдебрандом явлениях разнопестичности и гетеростилии. Оно состоит в следующем: многие виды двудольных (и некоторых однодольных) растений, например, primulaceae, geraniaceae, а в особенности многие rubiaceae, растения, у которых в цветах функционируют, как цветочная пыль, так и рыльце, но лишь для продуктов других цветов. Они являются, следовательно, андрогинами (гермафродитами) в морфологическом смысле, но однополыми в физиологическом – все они обладают той особенностью, что их рыльце и пыльники на разных индивидуумах развиваются до различной высоты. Один экземпляр образует исключительно цветы с длинным пестиком, высокостоящим рыльцем и низкими пыльниками. Это, по моему мнению – женский экземпляр. Другой, напротив, производит лишь цветы с глубокозасевшим рыльцем и высокими пыльниками (благодаря длинным тычиночным нитям), это – мужской экземпляр. Рядом с этими «диморфными» видами существуют еще «триморфные», например: lithrum salicaria с тройными различными по длине половыми органами, кроме формы цветов с длинными и короткими пестиками встречаются здесь еще

«лизостильные» цветы, т. е. с средними пестиками и, хотя в учебниках помещают обыкновенно только диморфную и триморфную гетеростилию, однако этим не исчерпывается все многообразие. Дарвин замечает, что «если принять во внимание малейшие различия, то следует отличать пять разных положений мужских органов». И здесь, стало быть, несомненно существующая непрерывность, деление различных ступеней мужественности и женственности на отдельные этажи не составляет общего правила, но и в этих случаях мы имеем кое где постепенные переходы половых промежуточных форм. С другой стороны есть поразительные аналогии явлений этой слабо исследованной области в животном царстве, где эти явления так же раздроблялись и считались особенно удивительными вследствие того, что забывали о гетеростилии. У многих родов насекомых, именно у *forficulidae* (уховертки) и *lamelliicorniae* (у *lucanus cervus*, у оленя рогача, у *dynastes hercules* и *xylotrupes gideon*) встречаются с одной стороны самцы, у которых их вторичный половой признак, ясно отличающий их от самок, рожки развиты до значительной длины, а у другой главной группы самцов рожки развиты относительно, мало. Бэтсон, от которого исходит подробное описание этих явлений, различает поэтому «high males» и «low males», правда, эти два типа связаны друг с другом непрерывными переходами, но промежуточные ступени у них редки, и большинство экземпляров приближается к той или иной половой границе. К сожалению, Бэтсон не занимался вопросом о половых отношениях обеих групп к самкам, так как он приводит эти случаи, как примеры вариаций с отсутствием непрерывности. Поэтому остается неизвестным, есть ли так же среди самок две группы подобного рода, которые обладают различным половым сродством с разными формами самцов. Поэтому указанные наблюдения применимы только, как морфологические параллели к гетеростилии, а не как физиологические доводы для закона полового притяжения, для подтверждения которого гетеростилии являются действительно весьма ценными.

Ведь, может быть, гетеростильные растения являются полным подтверждением мнения об общей ценности приведенной формулы для всех живых существ. Дарвин указал, а после этого многие исследователи констатировали подобным же образом, что у гетеростильных растений оплодотворение тогда лишь имеет надежду на успех, а иногда и вообще возможно, когда только оплодотворяющая пыльца макростильного цветка, т. е. цветка с низкими пыльниками, перенесена на микростильное рыльце другой особи, которая может иметь при этом длинные тычиночные нити, или когда пыльца из высоких пыльников микростильного цветка попадает на микростильное рыльце (с короткими тычиночными нитями) другого растения. Итак, чем длиннее на цветке пестик, т. е. чем лучше развит в нем женский орган, тем длиннее должен быть мужской орган, тычинка, в другом цветке, с которым оплодотворение должно иметь успех, и тем короче пестик, длина которого выражает степень женственности. Где есть тройные размеры пестика, там оплодотворение, по тому же правилу, может произойти лучше всего тогда, когда цветочная пыльца переносится на рыльце, которое по высоте соответствует пыльнику другого цветка. Если не придерживаться этого правила, а производить искусственное оплодотворение с несоответствующей пылью, то получаются (когда подобная процедура вообще принесет какие нибудь результаты) почти всегда только больные, жалкие, карликовые и чрезвычайно неплодородные отпрыски, подобные гибридам различных видов. У авторов, писавших о гетеростилии, всюду заметно, что они не удовлетворяются обычным объяснением этих разнообразных отношений при оплодотворении. Это объяснение говорит, что насекомые, посещающие растения, касаются одинаково высоко стоящих половых органов одними и теми

же частями тела, и тем вызывают этот удивительный эффект. Однако сам Дарвин сознался, что пчелы носят на себе все виды пыльцы на каждой части тела. Таким образом, способ действия женских органов при оплодотворении пыльцами двух или трех родов остается, как и раньше, не выясненным. Как ни привлекательны, как ни волшебны подобные объяснения, все таки они немного поверхностны, ведь если ими можно все объяснить, то почему искусственное опыление несоответствующей пылью, так называемое «незаконное оплодотворение», приводит к таким плохим результатам? Значит, лишь исключительное соприкосновение с «законной» пылью должно бы было создать у рыльца привычку к восприятию только этой пыльцы, но я могу привести самого Дарвина в свидетели, указывающего, что несоприкосновение с другого рода пылью – совершенная иллюзия, так как насекомые, служащие при этом как бы брачными посредниками, в действительности способствуют безразличному скрещиванию.

Поэтому кажется гораздо более вероятной гипотеза, что основание этого особенного избирательного свойства глубже и заложено в самих цветках. Здесь, может быть, дело обстоит так же, как и у человека, т. е. что половое притяжение сильнее всего в тех случаях, когда у одного индивидуума столько же М, сколько у другого Ж, что опять таки является лишь другим выражением предыдущей формулы. Возможность такого объяснения особенно увеличивается еще тем, что в мужских, короткопестичных цветках с высокостоящими тычинками цветочная пыльца всегда крупнее, а сосочки рыльца меньше, чем в гомологических частях длиннопестичного, более женственного цветка.

Из этого видно, что здесь едва ли идет дело о чемнибудь другом, как о различных степенях мужественности и женственности. Этой гипотезой блестяще подтверждается выставленный здесь закон полового сродства, так как именно в животном и растительном царствах, (к этому мы еще вернемся позднее), оплодотворение успешнее всего там, где родители находятся в большом половом родстве друг с другом.

Большая вероятность огромного значения этого закона и в животном царстве будет указана при исследовании «обратного полового влечения». Здесь я хочу обратить лишь внимание пока на то, насколько интересны были бы исследования, не оказывают ли более сильного привлекающего действия большие, мало подвижные яйцевые клетки на более живые и тонкие сперматозоиды, в то время как мелкие, богатые желтком и не столь косные яйца привлекают более медлительных и объемистых зоосперм. Быть может, здесь в самом деле сказывается, как предполагает Л. Вейль в небольшом исследовании об определяющих пол факторах, соотношение между величинами движения или кинетической энергии двух конъюгирующих клеток. До сих пор ни разу не было установлено, правда, установить это очень трудно, оказывают ли друг на друга обе слившиеся клетки при вычете того влияния, которое оказывает трение и течение в жидкой среде, ускоряющее движение, или же двигаются с прежней скоростью. Тут нужно бы было поставить и еще некоторые другие вопросы.

Как уже раньше было указано, приведенный закон полового притяжения у людей (и, вероятно, так же у животных) не единичен. Если бы это было так, то казалось бы тогда совершенно непонятным, почему же не могли его до сих пор открыть. Именно потому, что здесь играют роль многие другие факторы, и что число законов должно быть значительно пополнено. Вот почему так редки случаи неудержимого полового притяжения. Я не буду здесь говорить об этих законах, так как относящиеся сюда исследования еще не закончены, а просто укажу ради иллюстрации на один дальнейший фактор, не легко поддающийся математической обработке.

Явления, на которые я укажу, в отдельности достаточно известны. В молодости, не старше 20 лет, мужчину привлекают обыкновенно женщины значительно старше его, не моложе 35 лет. По мере возмужания он начинает любить более молодых. Точно так же (взаимность!) молодые девушки подростки предпочитают зрелых мужчин юношам, чтобы позднее нередко изменять мужьям с мальчишками. Все эти явления должны корениться глубже, чем они выглядят в той анекдотической форме, которую им придают. Хотя настоящая работа должна по необходимости ограничиться одним законом, однако в интересах истины попытаемся дать ей лучшую математическую формулировку, не допускающую никаких ложных упрощений. Не приводя даже всех играющих здесь роль факторов и находящихся под сомнением законов, как самостоятельных величин, мы достигнем большей точности применением фактора пропорциональности.

Первая формула была лишь «экономическим» выяснением всех однородных случаев полового притяжения идеальной силы, поскольку половое отношение вообще может быть этим законом определено. Теперь мы хотим дать выражение для силы полового сродства в каждом воображаемом случае, выражение, которое, впрочем, благодаря своей неопределенной форме могло бы передать в то же время самое общее описание отношений двух существ, даже разных видов одного и того же пола.

Сила их взаимного притяжения выражается так:

$$K A = - x f(t). \dots (II)$$

где $f(t)$ обозначает какуюнибудь эмпирическую или аналитическую функцию времени, во время которой индивидуумы могут действовать друг на друга, «время реакции», как мы его назовем. K – есть тот фактор пропорциональности, в который мы вкладываем все известные и неизвестные законы полового сродства, который кроме того зависит от степени видового, расового и фамильного родства, а также от здоровья и отсутствия повреждений у обоих индивидуумов, который, наконец, становится меньше при большем удалении их друг от друга и, стало быть, устанавливается особо для каждого данного случая.

В новелле Линкеиса «В почтовой карете» половое притяжение, как стихийная могучая сила, изображено с наводящим ужас мастерством. Половое притяжение точно так же обусловлено законами природы, как рост корня к центру земли или движение бактерий к кислороду на краях штифтника в микроскопе. Правда, к такому взгляду нужно еще привыкнуть. Впрочем, я сейчас вернусь к этому пункту.

Если $a - b$ достигает своего максимального значения

$$\lim(a - b) = \text{Max} = 1,$$

то $\lim A = k f(t)$. Здесь выражены, стало быть, как в некотором определенном случае, все симпатии и антипатии отношений между людьми вообще (они не имеют, однако, никакого дела до социальных отношений в узком смысле, как конститутивными для общественного правопорядка), поскольку они не обоснованы на нашем законе полового сродства. В то время как k в общем вырастает пропорционально силе родственных отношений, величина A , например, между единомышленниками гораздо больше, чем между чуждыми национальностями. Как $f(t)$ удерживает здесь свое значение, можно это наблюдать на отношениях двух живущих вместе домашних животных разных видов: первое движение часто непримиримая вражда, часто взаимная боязнь

(А получает здесь отрицательный знак), позднее на их место выступают самые дружеские отношения, так что они ищут друг друга. Так как в уголовных законах параграф о содомии должен опираться на какие-нибудь реальные факты, так как половые акты наблюдались даже между человеком и курицей, то из этого видно, что k в широких границах остается больше нуля. Мы не можем таким образом ограничить двух исследуемых индивидуумов не только одним и тем же видом, но даже одинаковым классом. Что всякая встреча мужского и женского организмов не есть дело случая, а подлежит власти определенных законов – совершенно новый взгляд, и то чуждое в нем, на что уже раньше указывалось, принуждает к исследованию глубокого вопроса о полной тайны природе полового притяжения. Известные опыты Вильгельма Пфеффера показали, что сперматозоиды различных тайнобрачных растений привлекаются не только женскими архегониями *in natura*, но также и веществами, которые при естественных условиях либо действительно выделяются последними, либо изготавливаются искусственно, часто даже такими веществами, с которыми семенные нити могут вступать только в экспериментальных условиях, так как в природе их вовсе не существует, а только при возможности научных опытов.

Так, сперматозоиды папоротников привлекаются извлеченной из архегоний яблочной кислотой, а также и синтетически составленной яблочной кислотой и даже мелеиновой кислотой. Сперматозоиды листовых мхов – тростниковым сахаром. На сперматозоид, как, это нам не известно, влияют различия в концентрации раствора. Он двигается по направлению к более сильной концентрации. Пфеффер назвал эти движения «хемотактическими» и для всех этих явлений, как и для других случаев бесполовых движений, создал понятие «хемотропизма». Многие говорят за то, что то притяжение, которое оказывает самка у животных на самца, заметившего ее издали при помощи органов чувств, нужно рассматривать в известных пунктах, как аналогичное хемотропизму.

Весьма вероятно, что этот хемотропизм есть причина тех энергичных и упорных движений, которые производят семенные нити млекопитающихся, попав в тело самки. Движения эти направлены изнутри против шейки матки к мерцающим ресничкам слизистой оболочки. Целыми днями они продолжают двигаться без всякой внешней поддержки. С невероятной, почти загадочной правильностью сперматозоид находит вопреки всем механическим и иным препятствиям яйцевую клетку. Это очень напоминает невероятные странствования некоторых рыб. Например, семга многие месяцы бродит, не принимая пищи, от моря до истоков Рейна, где и находит безопасное, богатое пищей место для метания икры.

Вспомним с другой стороны превосходное описание Фалькенберга, излагающее процесс оплодотворения у некоторых высших водорослей Средиземного моря. Мы говорим, например, о линиях силы, соединяющей два противоположных магнитных полюса. Такую же силу природы наблюдаем мы и в неудержимом влечении сперматозоида к яйцу. Вся разница в том, что движения мертвой материи могут изменяться от состояния напряженности окружающей среды, тогда как силы живой материи локализованы в самих органах, как истинных центрах силы. По наблюдениям Фалькенберга сперматозоиды во время движения к яйцу преодолевают даже силу, обычно влекущую их к свету. Стало быть, хемотактическое воздействие, т. е. половое влечение, оказывается сильнее фототактического.

Когда вступают в связь два мало соответствующих нашей формуле индивидуума, а затем позднее появляется третий, дополняющий одного из них, то сейчас же с закономерной необходимостью возникает стремление покинуть прежнюю вынужденную связь. В заключение нарушение брака. Оно

является стихийным, необходимым так же, как при химических соединениях: в FeSO_4 , при соединении с 2KOH ионы SO_4 покидают ионы Fe и переходят к ионам K . Если бы ктонибудь захотел оценить эти природные явления с моральной точки зрения, то тот показался бы очень смешным.

Это – основная идея «Wahlverwandschaften» Гете, развитая в IV главе 1 й части, как игривая прелюдия, полна неожиданного смысла, развитая теми, кому предстоит испытать на самих себе ее глубокую детальную справедливость. Мое исследование может гордиться тем, что оно вновь рассматривает эту идею. Однако, я не имею в виду защищать (также, как и Гете) нарушение брака, а просто сделать его более понятным. У человека есть, правда, мотивы, заставляющие успешно бороться со стремлением нарушить брачные узы. Но об этом речь будет идти во второй части книги. Половая сфера человека не так строго связана с законами природы, как у остальных организмов. Это видно из того, что человек сексуален во все времена года, и пережитки особого весеннего полового возбуждения в нем гораздо меньше, чем даже у домашних животных.

Закон полового сродства представляет еще много аналогий с одним известным законом теоретической химии, правда, при наличии больших отклонений. Он аналогичен явлениям, связанным с «законом влияния масс». Например, более сильные кислоты предпочтительно соединяются с более сильными «основами», как более мужественный индивидуум с более женственным. Здесь возникает, впрочем, нечто гораздо большее, чем *Novum* по сравнению с мертвым химизмом. Живой организм не есть гомогенная, изотропная, делимая на бесконечное много одинаковых частей субстанция: «*principium indiviuationis*» (принцип индивидуализма), т. е. факт, что все живое живет как индивидуум, указывает на необходимость определенного строения организма. Здесь не может большая часть вступать в одно соединение, а меньшая в другое, образуя побочный продукт. Хемотропизм далее может быть и отрицательным. Начиная с известной величины разности $a - b$, мы получаем отрицательное, обратное влечение, иначе говоря, половое отталкивание. Правда, и в мертвом химизме такая же реакция может последовать с различной быстротой. Но никогда, по крайней мере, судя по новейшим взглядам, нельзя вызвать при помощи катализа в долгий или короткий промежуток времени одну и ту же реакцию вместо ее полного отсутствия (в нашем случае, так сказать, противоположную реакцию). Напротив, известное соединение, образующееся при определенной температуре, может разлагаться с ее повышением, и наоборот. И если управление реакции является функцией температуры, то у живых организмов оно часто – функция времени.

В значении фактора t , т. е. «времени реакции», и заключается последняя аналогия между половым притяжением и химизмом, если вообще возможны такие сравнения. И здесь можно представить формулу скоростей реакции, различные степени той быстроты, с которой развивается половая реакция между двумя индивидуумами, и попробовать дифференцирование A по t . Никто, однако, не должен унижать «великолепие математики» (Кант) бесполезным хвостовством: вводить дифференцирование в столь сложные и запутанные отношения, где постоянство функций – вопрос спорный. Итак, вполне ясно, что я хочу сказать: чувственное влечение двух организмов, долго находящихся вместе или, лучше выражаясь, вместе запертых, может развиться даже там, где сначала было отвращение, – подобно химическому процессу, который требует много времени, пока наличность его станет заметной. На этом основании покоится отчасти то утешение, которое дается людям, вступающим в брак без любви: «стерпится – слюбится»!

Ясно, что нельзя придавать большой ценности аналогиям полового сродства с мертвым химизмом. Подобные наблюдения, однако, кажется мне, многое

выясняют. Остается еще нерешенным вопрос, следует ли причислить половое притяжение к разряду тропизмов. Если бы даже это было прочно установлено для полового чувства, то по отношению к эротике решение было бы искусственным. Явление любви нуждается еще в другом толковании, которое и будет дано ему во второй части. Тем не менее существует несомненная аналогия между формами страстного влечения людей и хемотропизмом. Я опять сошлюсь на описание отношений между Эдуардом и Оттилией в гетевских «Wahlvrwandschaften».

С названием этого романа уже было связано несколько замечаний о проблеме брака. Некоторые необходимые практические выводы из теоретической части этой главы связаны также с указанной проблемой. Приведенный закон полового притяжения, а ему подобны, по видимому, и некоторые другие, учит, что в виду существования бесчисленного количества половых промежуточных форм, могут быть две такие особи которые лучше всего подходят друг к другу. С этой биологической точки зрения следует оправдать брак и отвергнуть «свободную любовь». Правда, вопрос о моногамии осложняется опять еще другими отношениями, какова например, периодичность (о ней будет упомянуто ниже), а также уже указанным исследованием вкуса по мере возмужалости. Таким образом простота решения этого вопроса, опять уменьшается.

Но получится другой вывод, если вспомнить о гетеростилии, в особенности о том факте, что из «незаконного оплодотворения» рождаются почти исключительно мало способные к развитию зародыши. Это заставляет предполагать, что у других существ самое крепкое и здоровое потомство рождается от тех связей, где наблюдается самое сильное обоюдное половое влечение. Народ издавна отметил «детей любви», он думает, что из них выходят более красивые и лучшие люди. В виду этого даже тот, кто не считает себя призванным быть рассадником человечества, не может сочувствовать, хотя бы из гигиенических соображений, чисто денежному браку, значительно отличающемуся от брака по рассудку.

Изучение законов полового влечения могло бы оказать заметное влияние на разведение домашних животных. Следовало бы вторичным половым признакам и степени их развития у обоих случаев животных уделять больше внимания, чем это делали до сих пор. Искусственные образцы действия, применяемые для того, чтобы случить самку с самцом, когда она ему не нравится, достигают конечно своей цели, но они в общем всегда сопровождаются дурными последствиями. Невероятная нервность, полученных от подставных кобыл, жеребцов, которых, подобно современному юноше, приходится кормить бромом и другими медикаментами, в последнем счете, наверное, противоречит этому закону. Подобно тому, как в физической дегенерации современного еврейства не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что у евреев гораздо чаще, чем где либо на свете, браки заключаются не по любви, а через посредников.

Дарвин в своих фундаментальных работах установил путем обширных опытов и наблюдений, а это теперь уже признано всеми, что, как родственные индивидуумы, так и слишком несходные между собой по своим видовым признакам, менее привлекают друг друга, чем индивидуумы «незначительно различные», и что если дело все таки коснется оплодотворения, то семя или умирает в первых же стадиях развития, или же развивается в слабый, в большинстве случаев не способный к размножению индивидуум. Как и у гетеростильных растений «законное оплодотворение» приносит семена многочисленнее и лучше, чем всякие иные комбинации.

Итак, лучше всего развиваются те зародыши, родители которых оказали большее половое средство. Из этого общеприменимого правила вытекает

справедливость сделанного вывода: когда вступают в брак и рожают детей, то последние не должны быть, по крайней мере, плодом преодоленного полового отвращения, ибо оно не может не отразиться на духовной и физической организации ребенка. Конечно, большую часть бесплодных браков составляют браки без любви. Старый опыт относится также к этой области. Он говорит, что надежды на потомство повышаются, когда возбуждение при половом акте велико. Это особенно становится понятным, если вспомнить, что у двух дополняющих друг друга индивидуумов половое влечение с самого начала более интенсивно.

Глава IV

Гомосексуальность и педерастия

Приведенный закон полового притяжения содержит в себе давно искомую теорию половых противоположных ощущений, т. е. половой склонности не только к другому, но и собственному полу. Можно смело утверждать, оставив в стороне одно различие (о нем будет речь ниже), что каждый, имеющий противоположную половую склонность, обнаруживает несомненные анатомические признаки другого пола. Нет чистых «психически половых» гермафродитов. Мужчины, чувствующие половое влечение к собственному полу, по своей внешней структуре женственны. Точно также и женщины, у которых чувственность направлена другим женщинам, обнаруживают физические мужские признаки. Утверждение это само собой понятно с точки зрения параллелизма между явлениями психики и физики, однако применение его требует внимания к фактам, упомянутым во II главе. Именно: не все части одного организма занимают равное положение между М и Ж. Различные органы могут быть в равной степени или мужественны или женственны. Словом, у индивидуума с обратным половым влечением всегда есть известная анатомическая близость к другому полу.

Сказанном достаточно, чтобы опровергнуть мнение, рассматривающее противоположную половую склонность как свойство, приобретенное известным индивидуумом в течение его жизни и подавившее нормальное половое чувство. Между тем, даже некоторые такие известные исследователи, как Шренк Нотцинг, Крэпелин, Фере, верят, что оно приобретается посредством внешних толчков индивидуальной жизни. Внешними же толчками они считают воздержание от «нормального» полового общения и особенно «совращение». Что же тогда было с первым совратителем? Или его научил бог Гермафродит? Подобное мнение всегда похоже на то, как если б ктонибудь стал доказывать, что «нормальная» половая склонность типичного мужчины к типичной женщине тоже приобретена искусственно, что она плод наущений старших товарищей, как то случайно открывших привлекательность половых сношений. У лиц с «противоположным» половым влечением, пользующихся в данном случае особами собственного пола, оно проявляется само по себе в течение их индивидуальной жизни, благодаря тем онтогенетическим процессам, которые неизменно продолжают действовать всю жизнь такое «извращенное» влечение проявляется совершенно так же, как и у «нормальных» людей проявляется сознание, «что такое женщина». Само собой разумеется, что в жизни всегда должен представиться случай, дающий возможность проявить свою страсть к гомосексуальному акту, но случай этот может воздействовать лишь на те половые задатки, которые в большей или меньшей степени заложены в индивидууме и лишь ждут разрешения. Остается еще одно мнимое толкование противоположных половых ощущений – воздержание. Но защитники теории «совращения» должны тогда объяснить факт, почему при половом воздержании можно еще найти какойнибудь другой

выход из возбужденного состояния, не считая онанизма. Стремление же людей к гомосексуальным актам и их выполнение объясняется только тем, что стремление это заложено в их природном предрасположении.

Гетеросексуальное влечение тоже ведь можно назвать «приобретенным» в особенности если констатировать то обстоятельство, что гетеросексуальный мужчина должен прежде увидеть какую-нибудь женщину, по крайней мере, ее портрет, чтобы влюбиться.

Кто признает противоположное половое чувство приобретенным подобен тому человеку, который сначала серьезно обратил на него свое внимание, а потом вдруг отнесся с пренебрежением к строению индивидуума, откуда как раз и развиваются определенные причины и действия, и только для того, чтобы провозгласить какой-нибудь побочный случай внешней жизни или какое-нибудь «завершающее условие», «частную причину» – общим фактором всего явления. Обратное половое ощущение так же мало приобретено, как и унаследовано от родителей. Подобное мнение вряд ли кто-нибудь доказывал, тогда бы этому с первого же взгляда противоречил бы весь опыт, но обыкновенно думали, что главным условием в данном случае является чрезвычайно невропатическое строение, та наследственная порочность, которая может проявиться у потомков в извращенности половых инстинктов.

Все это явление причисляли к области психопатологии, рассматривая его, как симптом дегенерации, а людей, ему подверженных, как больных. Хотя это мнение насчитывает сейчас уже меньше сторонников, чем в прежние годы, с тех пор как главный его представитель Крафт-Эбинг в своих позднейших изданиях «*Psychopathia sexualis*» обошел этот вопрос молчанием, тем не менее, не лишним будет замечание, что люди с половым извращением в остальном вполне могут быть здоровы и, если не считаться со второстепенным социальным моментом, чувствуют себя не менее прекрасно, как и все здоровые люди. Если их спросят, хотят ли они вообще в половом отношении стать другими, то очень часто получают отрицательный ответ. Вся вина неудачных попыток объяснения гомосексуальности состоит в том, что она рассматривалась совершенно изолированно, без связи с другими фактами. Кто считает «половое извращение» за нечто патологическое, за отвратительную, чудовищную аномалию воображения (этот взгляд особенно санкционирован филистерами) или видит в нем приобретенный порок результатов проклятого соблазна, тот должен подумать о том, какие бесконечные переходы ведут от мужественного *masculinitas* через женственного мужчину, наконец через индивидуум с обратным половым влечением к ложному и естественному гермафродитизму (*hermaphrod spurius et genuinus*), а отсюда через триаду и через мужественную женщину (*virago*) к женственной девственнице (*virgo*). Индивидуумов с обратным половым влечением (у «обоих полов») можно определить, согласно нашему воззрению, как особей, у которых дробь «А» колеблется около 0,5, стало быть, не многим отличается от «а»; они, следовательно, обладают в одинаковой степени и мужественностью, и женственностью, часто больше последней, хотя считаются мужчинами и наоборот. В виду не всегда равномерного распределения половой характеристики по всему телу, можно утверждать, что достаточно много индивидуумов только на основании первичных мужских половых признаков причисляются к тому полу, который этим признакам соответствует, хотя бы впоследствии наступил *descensus testicularum*, *epispadia*, *hypospadia* или *azoospermia*, хотя бы стала заметной (у женского пола) *atresia vaginae*. Все они получают мужское воспитание, поступают на военную службу, хотя у них $a < 0,5$; $a' > 0,5$. Сообразно с этим, половым дополнением такого индивидуума является, по видимому, тот, кто находится с ним по одну сторону половых различий,

потому что сам индивидуум в действительности стоит на противоположной стороне.

Впрочем, не существует ни одного «извращенного» индивидуума который был наделен только обратным половым влечением (это обстоятельство подтверждает мое мнение, и даже им только объясняется). Первоначально все бисексуальны, т. е. могут иметь половые сношения и с мужчинами, и с женщинами. Возможно, что они сами способствуют впоследствии одностороннему образованию пола оказывают на себя влияние в направлении полового единообразия наконец, они доводят в себе до преобладания гетеросексуальность или гомосексуальность, подчиняясь иногда внешним воздействиям, хотя бисексуальность никогда не вымирает, напротив, очень часто заявляет о своем, только временно оттесненном, существовании. Очень часто, в особенности в последнее время, указывалось на связь гомосексуальных явлений с бисексуальным строением эмбриона (зародыша) в животном и растительном царстве.

В моем изложении ново то, что гомосексуальность не означает для него неполного развития, слабой дифференцировки пола, как это принято в других исследованиях; моя точка зрения не считает вообще гомосексуальность аномалией, совершенно обособленной, вошедшей только как остаток прежней недифференцированности в законченную обособленность полов. Она причисляет гомосексуальность к половым свойствам средних сексуальных ступеней и их непрерывной связи с половыми промежуточными формами, ибо они кажутся ей исключительно реальным бытием, а крайности – идеалом. Таким образом, на основании моей теории, все существа в одно время и гомосексуальны и гетеросексуальны.

Предрасположение каждого существа к гомосексуальности, хотя бы в слабой степени, сообразно с большими или меньшими остатками (рудиментами) другого пола ясно доказывается следующим фактом. В возрасте до половой зрелости, когда еще господствует половая недифференцированность, когда внутреннее выделение зародышевых желез еще не положило решительный отпечаток на степень одностороннего полового развития, общим правилом является мечтательная «юношеская дружба», не лишенная характера чувственности, как у мальчиков, так и у девочек.

Правда, кто в более старшем возрасте все еще мечтает о «дружбе» с лицом собственного пола, у того, стало быть, сильно выражены признаки противоположном пола. Еще более заметна принадлежность к половым промежуточным формам у людей, воодушевленных дружбой между «обоими полами», дружескими отношениями с другим полом (который в сущности их собственный), не заботясь подавить своего чувства, они вступают с ним в товарищеские отношения, стараются добиться доверия, хотят даже в эту «чистую», «идеальную» связь втянуть других, которым при таких условиях было бы гораздо труднее оставаться чистыми.

Вообще между мужчинами не бывает дружбы, лишенной полового элемента, хотя последним сущность дружбы менее всего определяется, хотя половая возбужденность оскорбительна и прямо противоположна идее дружбы. Достаточным доказательством справедливости сказанного служит полная невозможность дружбы среди мужчин, если их внешность не побуждает к обоюдной симпатии. Ведь в противном случае они никогда бы не сошлись ближе друг с другом. Очень много «благосклонности», протекции, покровительства между мужчинами исходит из бессознательных половых отношений.

Чувственной юношеской дружбе соответствует, вероятно, аналогичное явление у пожилых мужчин, когда со старческой атрофией, односторонне развивавшегося в зрелом возрасте полового признака, наступает скрытая

амфисексуальность. Не это ли причина, что многие мужчины после 50 лет попадают под суд за «учинение преступлений против нравственности»? Наконец, гомосексуальные акты замечаются не в меньшем числе и у животных. Ф. Корш соединил многие известные в литературе случаи. К сожалению, исследователи дают мало материала о степени «мужественности» и «женственности» у этих животных, однако несомненно, что и здесь мы имеем дело еще с одним доказательством нашего закона из мира животных. Если держать долгое время быков запертыми, не пуская их к коровам, рано или поздно можно констатировать у них наличие обратного полового акта. Одни, более женственные, поддаются этому раньше, другие позже, а иные, правда, никогда. (Но именно у рогатого скота установлено большее число половых промежуточных форм). Последнее доказывает все таки существование в них предрасположения, но тогда они, могли лучше удовлетворять свою потребность. Заключенные быки держат себя совершенно так же, как это бывает и среди людей в тюрьмах, интернатах и конвиктах. В факте существования у животных не только онанизма (он встречается у них, как и у людей), но и гомосексуальности, я вижу важное подтверждение выведенного закона полового притяжения.

Противоположное половое чувство не представляет в нашей теории исключения из естественного закона. Оно – только специальный случай. Индивидуум, наполовину мужчина, наполовину женщина, обязательно нуждается в том, чтобы дополняющая его особа обладала в равной степени теми же признаками. Это и есть искомая причина нижеследующего явления: индивидуумы «с обратными половыми признаками» почти всегда совершают половой акт в своей среде. Весьма редко попадает к ним другое лицо, ищущее нормальной формы полового удовлетворения. Половое влечение всегда взаимно, оно то и является могучим фактором, заставляющим гомосексуальных людей тотчас же узнавать друг друга. «Нормальные» люди и понятия не имеют о невероятной распространенности гомосексуальности, вот почему даже самый гнусный «нормальный» развратник считает себя в праве осуждать «такие мерзости», когда внезапно услышит о гомосексуальном акте. Некий профессор психиатр в одном немецком университете еще в 1900 году серьезно предлагал просто кастрировать всех гомосексуалистов.

Способы теории, которыми хотят излечить половое извращение (где вообще подобные попытки предпринимаются), правда, не так радикальны, как этот совет, но все же они показывают в их практическом применении полную недостаточность подобных теоретических представлений о гомосексуальности. В наши дни, кажется, главным образом, сторонники теории «приобретения» гомосексуалистов лечат гипнозом: пытаются внушить им представление о женщине, «нормальном» половом акте и таким образом приучить их к нему. Результаты лечения, как признают, чрезвычайно минимальны.

С нашей точки зрения это само собой понятно. Гипнотизер рисует своему пациенту типичную (!) картину женщины, которая кажется ему благодаря цельной, врожденной, а не сознательной, неподдающейся внушению натуре, чем то чудовищным. Ведь Ж не является его дополнением и напрасно врач будет посылать своего пациента к первой попавшейся продажной женщине, чтобы завершить курс лечения, увеличившего только его отвращение к «нормальному» половому акту. Спросим себя, согласно нашей формуле, кто будет дополнением такого субъекта? В лучшем случае будет ответ такой: самая мужественная женщина, лесбиянка. И в самом деле, это будет единственная женщина, которая может привлечь субъекта с противоположным половым чувством, и единственная, которой он понравится. Если уж «теория» обязательно необходима, если от ее применения в данном случае отказаться нельзя, то, на основании нашей теории, извращенного надо отсылать к

извращенной, гомосексуалиста – к лесбиянке. Смысл этого предложения таков: сделать более легким для обоих их приспособление к действующему и поныне (в Англии, Германии и Австрии) закону против гомосексуалистов. Закон этот просто смешон; отмене его хотели бы служить и эти строки. Вторая часть моей работы постарается выяснить почему как активная, так и пассивная роль мужчины в гомосексуальной проституции считается большим позором, чем в половых сношениях мужчины с женщиной. С этической точки зрения оба эти явления не имеют никакой разницы. Вопреки излюбленной болтовне о различных правах для особей, существует для всего, что носит человеческий образ, равная общая этика точно так же, как есть только одна логика. Совершенно недостойно и несообразно с принципом уголовного права, карающего только преступление, а не грех, запрещать гомосексуальные половые акты, и разрешать гетеросексуальные, поскольку оба они одинаково лишены «общественном соблазна». Логически было единственно верным дать возможность особям с обратным половым влечением удовлетворять свою потребность там, где они ищут: между собой (в данном случае, я оставляю в стороне точку зрения чистой гуманности и уголовного права, поскольку последнее не является «запугивающей» системой для социально педагогических целей).

Вся эта теория, лишенная всяких противоречий, будучи замкнута в себе, открывает, по видимому, возможность к объяснению всех интересующих нас явлений. Обратимся, однако, к фактам, которые наверно выставят противники теории; они как будто опровергают мое причисление особей с противоположными влечениями к половым промежуточным формам, опровергают даже самый закон половых отношений. Действительно, вне всякого сомнения, существуют мужчины, для женщин вышеприведенное объяснение вполне достаточно, чрезвычайно мало женственные, на которых, тем не менее лицо собственного пола производит очень сильное действие, гораздо большее, чем на других, более женственных мужчин, сильнее, чем женщина действует на мужчину. Альберт Молль мог с полным правом сказать: «Есть психосексуальные гермафродиты, чувствующие влечение к обоим полам, но у каждого пола любящие только его типичные свойства. С другой стороны, бывают и такие психосексуальные (?) гермафродиты, которые не только не любят типичных свойств пола, а напротив, относятся к ним равнодушно, даже не выносят их». На этой разнице и основано название этой главы, отмечающее различие между гомосексуальностью и педерастией. Такое разделение легко обосновать гомосексуалистом: нужно назвать тип, предпочитающий весьма телиидных мужчин и очень арреноидных женщин, напротив, педераст может любить и мужественных мужчин и женственных женщин. Последнее постольку, поскольку он не педераст. Склонность к мужскому полу у него будет все таки сильнее, чем к женскому. Вопрос о причине педерастии образует особую проблему, но она совершенно не причастна к нашему исследованию.

Глава V

Характерология и морфология

Известно, что между физическим и психическим элементами существует какая бы то ни было врожденная связь, а потому и принцип половых промежуточных форм, имеющий широкое применение среди морфологических и физиологических отношений, может дать столь же богатые результаты и в психологии. Несомненно, есть психические типы женщины и мужчины (по крайней мере, найденные уже результаты ставят задачу отыскать такие типы), типы, которых действительность никогда не достигает, ибо она изобилует

богатством половых промежуточных форм, как в духовном, так и в телесном отношении. Можно почти вполне надеяться, что этот принцип сохранится в области духа и освятит ту хаотическую тьму, которая окутала и скрыла для науки психологические различия среди людей. Этим делается шаг вперед в смысле более дифференцированного представления о духовном содержании каждого человека. Больше уже не будут определять с научной точки зрения характер какого-нибудь лица, просто как мужской или женский, а будут исследовать и спрашивать: сколько мужчины или женщины заключено в этом человеке? Кто, он или она данной особи сделал, сказал, подумал? Индивидуализированное описание всех людей всего человеческого этим облегчается. Новый метод совпадает с указанным в введении направлением всего исследования: всякое познание, исходя из общих средних понятий, распространяется в двух противоположных направлениях, и не только в сторону более широких понятий, но и к самому единичному, индивидуальному явлению. На этом основана надежда, что принцип половых промежуточных форм явится самой сильной поддержкой для неразрешенных еще научных проблем характерологии. Попытка возвысить этот принцип в методическом отношении до степени геурестического (познавательного) основоположения в «психологии индивидуальных различий», в «дифференцированной психологии» должна быть поэтому оправдана. Применение принципа к задачам характерологии, этой богатой нивы совершенно научно не затронутой, разрабатываемой лишь исключительно литературой, тем более нужно приветствовать, что он непосредственно касается всех количественных ступеней явления, ведь и в психологии не следует бояться отыскивать то процентное содержание М и Ж, которым обладает каждый индивидуум. Задача не разрешается еще анатомическим ответом на вопрос о половом положении организма между мужчиной и женщиной и, в общем, требует еще особого исследования, если бы даже в частности замечалось более анатомических совпадений или отличий в половом отношении.

Справедливость такого утверждения вытекает уже из замечаний второй главы о различиях в степени мужественности или женственности у отдельных частей тела и качеств известного индивидуума.

Совместное существование мужественности и женственности в человеке не следует понимать в смысле полной или приблизительной одновременности и того и другого элемента. Здесь чрезвычайно важно прибавить одно замечание, являющееся не только простым указанием на правильное психологическое применение принципа, но и чрезвычайно значительным дополнением к прежним положениям.

Каждый человек колеблется (осцилирует) между мужчиной и женщиной. Колебания у одного могут быть ненормально велики, у другого почти незаметны, тем не менее, они всегда существуют и, если они значительны, всегда сказываются в изменяющейся наружности. Эти колебания половой характеристики распадаются, подобно колебаниям земного магнетизма, на правильные и неправильные. Правильные или очень малы (например, некоторые люди чувствуют себя по вечерам более мужественными, чем утром), или они принадлежат к числу огромных периодов органической жизни, на которые едва только стали обращать внимание, исследование которых должно, по видимому осветить еще непредвидимую массу явлений. Неправильные колебания вызываются, по всей вероятности, внешними воздействиями, прежде всего половыми характерами окружающей среды. Несомненно, они обуславливают отчасти замечательные явления, играющие столь значительную роль в психологии толпы и до сих пор еще плохо исследованные. Одним словом, бисексуальность проявляется психологически не в один момент а лишь последовательно в целом ряде моментов, причем совершенно безразлично,

повинуется ли это временное различие половой характеристики закону периодичности или нет, имеет ли отклонение к одному полу иную амплитуду, чем отклонение к другому, или уклонения к мужской и женской фазам равны (последний случай вовсе не обязателен, наоборот он только один из бесчисленного множества возможных случаев).

Итак, можно принципиально, не прибегая к опыту, признать, что, принцип половых промежуточных форм открывает возможность лучшего характерологического описания индивидуумов, так как он побуждает отыскивать процентное отношение мужского и женского начал в каждом отдельном индивидууме и определить угол колебаний, на которые способен каждый человек. Мы подошли к вопросу, требующему немедленного разрешения, так как от этого всецело зависит ход дальнейшего исследования. Сущность этого вопроса заключается в том должно ли это исследование прежде всего измерить бесконечно богатую область половых промежуточных форм, половое многообразие в духовной сфере и достичь, в особенно нужных пунктах, возможно полного определения отношений, или следует установить половые типы, закончить психологическую структуру «идеального мужчины» и «идеальной женщины», прежде чем исследовать *in concrete* различные возможности их эмпирического соединения, а затем проверить, насколько полученные дедуктивным путем картины соответствуют действительности. Первый путь совпадает с тем психологическим развитием, которое, по общему признанию, всегда принимает течение наших мыслей, ведь идеи берутся из действительности, а половые типы нужно черпать только из реального полового разнообразия: это – индуктивный, аналитический метод. Второй путь удовлетворил бы, главным образом, строгость формальнологических требований. Это путь дедуктивно синтетический.

Я не воспользовался вторым методом на том основании, что каждый вполне самостоятельно может легко применить два уже установленных типа к конкретной действительности, привести в соответствие теорию с практикой. Кроме того, (даже если предположить, что был бы выбран лежащий вне компетенции автора историко биографический способ исследования) нужно было бы повторять сказанное, и благодаря детальной раздробленности, появился бы интерес к отдельной личности, но теория бы в данном случае проиграла. Первый индуктивный путь также не применим, так как в этом случае масса повторений пришлось бы на ту часть работы, где разворачивается таблица противоположностей у половых типов, причем предварительное изучение половых промежуточных форм и сопровождающее его построение типов отняло бы у читателя много времени, было бы длительно и бесполезно.

Другое соображение определило подразделение моей работы.

Я не ставил своей задачей морфологически и физиологически исследовать половые крайности, а только рассмотреть принцип промежуточных форм со всех сторон, где он мог бы, по видимому, многое выяснить даже с биологической точки зрения. Отсюда настоящая работа и получила свое строение. Упомянутое исследование промежуточных ступеней образует первую часть, вторая пытается возможно шире и глубже дать чисто психологический анализ М и Ж. Конкретные же случаи может установить каждый самостоятельно, применяя и сравнивая их с выведенными результатами и понятиями.

Эта вторая часть будет очень мало опираться на общественные ходячие мнения о духовном различии между полами. Но здесь я только для полноты изложения, не придавая этому особой важности, хочу вкратце представить некоторые пункты психической жизни половых промежуточных форм, пункты, дающие более ясное определение немногим общеизвестным особенностям,

которые, однако, не подлежат здесь ближайшему анализу. Женственные мужчины обладают часто сильной потребностью жениться, хотя бы они были блестяще обеспечены в материальном отношении (упоминаю об этом во избежание недоразумений). Это те, которые по возможности рано вступают в брак. Им особенно нравится, если жена – знаменитость: поэтесса, художница, певица или актриса.

Такие мужчины, сообразно с их женственностью, гораздо более тщеславны в физическом отношении, чем другие мужчины. Есть мужчины, которые идут гулять, чтобы чувствовать, как восхищаются их наружностью, их лицо, так же как у женщин, выдает намерения своего хозяина, и затем с полным удовлетворением возвращаются домой. Прототипом таких мужчин был Нарцисс. Такие особы чрезвычайно заботятся о причёске, платье, обуви, белье. Они заботятся о положении своей фигуры в данный момент, о том, как они выглядят каждый день, о мельчайших подробностях туалета, они замечают каждый случайно упавший взгляд профессора и часто, точь в точь как женщины, также кокетливы в походке и жестах. Напротив, у *virago* (мужественной женщины) часто замечается полное пренебрежение туалетом и плохой уход за телом: она одевается гораздо быстрее любого женственного мужчины. Все пошлое фатовство, как и (отчасти) женская эмансипация указывают на увеличение числа гермафродитов; все это, больше, чем «простая мода». Можно всегда спросить себя, почему чтонибудь становится «модным» ибо так называемой «простой моды» встречается гораздо меньше, чем это предполагает наблюдатель с поверхностным критическим взглядом. Чем больше *Ж* имеет женщина, тем меньше она понимает мужчину, зато тем сильнее он действует на нее своими половыми особенностями, тем большее впечатление он производит на нее, как мужчина. Это, не только следствие упомянутого закона полового притяжения, но служит также указанием на то, что женщина тем скорее понимает свою противоположность, чем чище выражена в ней женственность. Наоборот мужчина, чем больше в нем *М*, тем меньше он склонен понимать *Ж*, но тем сильнее он будет рисовать себе женщину в ее внешних проявлениях, ее специфическую женственность. Так называемые «знатоки женщин», т. е. те люди, которые являются ничем больше, как «знатоками», по большей части сами «женщины».

Женственные мужчины очень часто умеют гораздо лучше обходиться с женщинами, чем ярко выраженные мужчины, которые, за немногими исключениями, даже после долгого опыта никогда не могут вполне изучить женщин.

К этим иллюстрациям, наглядно показывающим применимость принципа характерологии, к примерам, взятым из тривиальной сферы третичных половых признаков, я хочу еще присоединить некоторые сходные с ними замечания, которые, как я предполагаю, могут быть полезны педагогике. Я думаю, что общее признание этих и других фактов имеющих общее основание, оказало бы действие на индивидуализацию воспитания. Каждый сапожник, снимающий с ноги мерку, умеет лучше различать индивидуальности, чем современные педагоги в школе и дома, которые не могут придти к живому сознанию этого нравственного долга. Ведь до сих пор воспитывают детей с половыми промежуточными формами (особенно среди женщин) в смысле возможного приближения к мужскому или женскому идеалу, совершают духовную ортопедию, пытку в истинном смысле слова. Этим не только уменьшают разнообразие в природе, но и уничтожают многое, что могло бы укорениться, иное ломают самым неестественным образом, создают искусственность и притворство. Долгое время наше воспитание ставило под одну мерку все рождающееся с мужскими половыми органами и под другую – все с женскими. Очень рано на «мальчиков» и «девочек» напяливают разные платья учат разным играм,

применяют к ним совершенно различное элементарное преподавание, «девочек» всех без разбору учат рукоделию и т. д. и т. д. Все промежуточные формы при этом в расчет не принимаются. Но как сильны инстинкты, «детерминанты» их естественного состояния, в таких дурно воспитанных существах! Это часто обнаруживается еще до периода половой зрелости: есть мальчики, особенно охотно играющие в куклы. Они выучиваются у своих сестреночек вязать и вышивать, любят одеваться в женское платье и с удовольствием называют себя женскими именами. Бывают, наоборот, девочки, которые охотно участвуют с мальчиками в их диких играх и часто принимаются последними на правах товарищей. Но подавленная воспитанием природа всегда выступает вместе с половой зрелостью: мужественные женщины носят короткие волосы, предпочитают одежду, похожую на мужской костюм, посещают университеты, пьют, курят, лазят на горы, становятся страстными охотницами. Женственные мужчины, наоборот, отращивают длинные волосы, носят корсет, выказывают много понимания по части дамского туалета, о котором они ведут с женщинами дружеские разговоры и часто на самом деле вздыхают о дружеском отношении между полами, например женоподобные студенты о «товарищеских отношениях» со студентками и т. д.

Под давлением такого уравнивающего воспитания страдают и девочки и мальчики. Первые благодаря шаблонности нравов, последние от подчинения их в будущем одинаковому закону. Я боюсь, что мое требование по отношению к девочкам встретит гораздо более пассивное сопротивление в головах «умных людей», чем по отношению к мальчикам. Здесь прежде всего нужно убедиться в совершенной лживости широко распространенного, поддерживаемого совершенными авторитетами, вечно повторяемого мнения об однообразии «женщин» («нет никакой разницы, никакой индивидуализации среди женщин, кто знает одну – знает всех»). Правда, среди индивидуумов, больше приближающихся к Ж, чем к М (среди «женщин»), бывает не так много различий и возможностей, как среди многих других существ – громадное разнообразие «самцов» не только у людей, но и во всем зоологическом царстве представляет из себя общий факт, что особенно подробно разработано Дарвином. Однако и среди Ж есть достаточно различий.

Психологический генезис этого ложного мнения объясняется частью тем, что каждый мужчина (см. главу III) в своей жизни ближе знакомится только с определенной группой женщин, которые, естественно, имеют между собой много общих черт. Часто и от женщин по такой же причине и еще с меньшими основаниями можно услышать: «мужчины все одинаковы». Этим объясняются, мягко выражаясь, смелые утверждения многих эмансипированных женщин о мужчине, относительно его мнимонеправильного превосходства. Объясняется это именно тем, каких мужчин они обычно узнавали ближе.

В различных ступенях существования М и Ж в одном организме именно там, где мы нашли основной принцип всей научной характерологии, я вижу очень важный факт для специальной педагогики.

Характерология так относится к психологии, где собственно только одна психологическая «теория актуальности» может иметь значение как анатомия к физиологии. Но так как она всегда останется и теоретической и практической потребностью, то необходимо, независимо от основоположений теории познания и разграничения ее от предмета общей психологии, исследовать психологию индивидуальных различий. Кто благосклонно относится к теории психофизического параллелизма, тот согласится с принципиальной точкой зрения, высказанной в нашем исследовании, что для него, подобно тому как психология в узком смысле – наука, параллельная физиологии (центральной нервной системы) так характерология является родной сестрой морфологии. В самом деле от связи анатомии с

характерологией, от их возможного взаимодействия, нужно ожидать больших результатов в будущем. В то же время этот союз даст в руки психологической диагностики, являющейся необходимым условием индивидуализированной педагогики, неоценимые вспомогательные средства. Принцип половых промежуточных форм и еще более метод морфологически – характерологического параллелизма в его широком применении гарантирует нам возможность бросить взгляд на то время, когда разрешится эта задача, постоянно привлекавшая выдающиеся умы и остававшаяся все же неразрешенной и на то время, когда физиономика достигнет наконец высокой чести стать научной дисциплиной.

Проблема физиономики представляет проблему постоянного подчинения покоящегося психологического начала покоящемуся физическому точно так же, как проблема физиологической психологии закономерное подвижное психологическое начало подвижному физическому (не говорим при этом о специальной механике нервных процессов). Первая – известным образом статическая, вторая скорее чисто динамическая. Обе они принципиально имеют одинаковое большее или меньшее право на существование. Итак, и методологически, и рассуждая объективно, большая несправедливость считать занятие физиономикой, благодаря огромным трудностям, за нечто несолидное, как это бывает теперь, больше бессознательно, чем сознательно, в научных кругах и как это случилось, например, по отношению к возобновленной Мебиусом попытке Галля найти физиономию прирожденного математика. Если возможно по наружности незнакомого человека определить вполне верно многое в его характере на основании непосредственного впечатления, есть люди, обладающие в высокой степени такой способностью, то нет ничего невозможного создать в этой области научную систему. Все дело только в выявлении известных сильных чувств, (выражаясь грубо) в прокладке кабеля к центру сознания, но такая задача, конечно, чрезвычайно трудна. Пройдет еще много времени, пока официальная наука перестанет считать занятие физиономикой за нечто безнравственное. Можно быть убежденным сторонником психофизического параллелизма и все таки считать физиономистов за людей погибших, за шарлатанов, как это случилось еще не так давно с исследователями в области гипноза. Тем не менее, нет человека, который не был бы бессознательно физиономистом, в то время, как все выдающиеся люди являются ими сознательно. Часто приходится слышать, как люди, не считающие физиономику за науку, употребляют такие фразы: «это у него на лбу написано», а портрет известного человека или разбойника интересуют даже людей, никогда не слыхавших слова «физиономика».

В наше время, когда литература наводнена отношениями психического к физическому, когда возглас маленькой, но смелой и все кучки «взаимодействие» противопоставлен возгласу компактного большинства: «психологический параллелизм!» – было бы полезно обратить внимание на упомянутые явления. Правда, нужно было бы тогда поставить вопрос, не есть ли предположение соответствия между психическим и физическим началами, до сих пор не рассмотренная, априорная, синтетическая функция нашего мышления. Мне по крайней мере кажется вероятным, что каждый человек признает физиономику, поскольку он, независимо от опыта, применяет ее. Хотя Кант и не заметил этого факта, однако последний подтверждает только его взгляд, что отношение телесного к духовному не может быть дальше доказано научно. Принцип закономерной связи духа с материей нужно поэтому признать в каждом исследовании за основной, а метафизике и религии предстоит находить еще более близкие определения характера этой связи, существование которой a priori известно каждому человеку.

Безразлично, связывают ли характерологию с морфологией или нет, но как относительно первой, так и относительно результата координированного изучения обеими физиономики, нужно сознаться, что почти безуспешные попытки основать такие науки глубоко коренятся в самой природе такого трудного предприятия, но что и отсутствие надлежащего метода должно приписать к одной из причин неудачи. Прием, который я в дальнейшем предложу взамен общепринятого метода, был моим верным проводником через многие лабиринты. Не желая медлить больше, я предоставляю его на общее обсуждение.

Одни люди любят собак и не терпят кошек, другие охотно смотрят на игру котят, а собака для них является противным животным. Во всех таких случаях чрезвычайно гордились, и имели на то право, когда спрашивали: почему один предпочитает кошку, другой собаку? Почему? Почему?

Но именно здесь такая постановка вопроса менее всего кажется плодотворной. Я не думаю, что Юм и в особенности Мах правы, когда не делают никакого особого различия между одновременной и последовательной причинностью. Им приходится сильно преувеличивать известные несомненные аналогии, чтобы поддержать колеблющееся здание своих систем. Отношение двух явлений, закономерно следующих одно за другим во времени, никак нельзя отождествлять с закономерной функциональной связью различных одновременных элементов: в действительности мы не имеем права говорить об ощущениях времени и применять их координированными с другими чувствами. Кто действительно считает проблему времени разрешенной, в том случае, когда отождествляют его с часовым углом земли, тот не замечает по крайней мере того, что если бы земля внезапно стала вращаться вокруг своей оси с неравномерною скоростью, мы бы все таки остались с априорным предположением равномерного течения времени. Отличие времени от материальных переживаний, на чем и основывается разделение последовательной и одновременной зависимости, а вместе с тем и вопрос о причине изменений, вопрос почему тогда законы и плодотворны, когда условие и обусловленное являются друг за другом во времени. В нашем случае, как пример индивидуально психологической постановки вопроса, в эмпирической науке, не выясняющей метафизическим применением субстанции закономерного одновременного существования отдельных черт данного явления, не должно ставить вопроса почему, прежде всего необходимо исследовать: чем еще отличаются друг от друга любители кошек и любители собак?

Привычка ставить вопрос о существующих других различиях везде, где заметно лишь какое нибудь одно, послужит на пользу, я думаю, не только характерологии, но и морфологии, а сообразно с этим явится методом в соединении их – физиономике. Еще Аристотель обратил внимание, что многие признаки у животных не меняются, независимо друг от друга. Позднее, сначала, насколько известно, Кювье, затем Жоффруа Сент Илэр и Дарвин обстоятельно исследовали эти явления «коррелятивности». Существование постоянных отношений можно легко понять из единства цели: телеологически следует, например, ожидать, что там, где пищеварительный канал приспособлен к мясному питанию, должны существовать жевательные аппараты и органы для схватывания добычи. Но почему все жвачные животные имеют двойное копыто, а у мужских особей рога, почему невосприимчивость к известным ядам у некоторых животных связана с определенной окраской волос, почему голуби с коротким клювом имеют маленькие ноги, а с длинным – большие, или почему белые кошки с голубыми глазами почти без исключения все слепы? Все эти правильные, совместно существующие явления нельзя объяснить очевидной причиной, нельзя понять и с точки зрения однородной

цели. Этим я не хочу сказать, что исследование должно навсегда удовлетвориться простым констатированием факта совместного существования. Тогда было бы следовательно возможно то, что если бы ктонибудь стал утверждать, что весьма научно, ограничиться таким наблюдением: «Если я брошу в автомат монету, то выпадет коробка спичек, а что сверх того, то метафизика, исходит от лукавого». Критерий истинного исследователя – смирение. Проблемы вроде таких, почему у одного и того же человека почти без исключения соединяются длинные волосы на голове с существованием двух нормальных яичников, представляют громадное значение, но они относятся к области морфологии и физиологии. Цель идеальной морфологии, быть может, лучше всего определяется следующим положением: морфология в дедуктивно синтетической части не должна ползать в пластах земли и нырять в морскую глубину за каждым отдельным существующим видом или подвидом это научность собирателя почтовых марок, ей нужно из качественно и количественно определенных частей воссоздать весь организм не на основании интуиции, как мог это делать только Кювье, а на основании строгих доказательств, взятых из опыта. Точно исследованный организм мог бы дать будущей науке новое не произвольное, а с полной точностью определенное свойство. На языке термодинамики наших дней это можно так же хорошо выразить, как требование, что для такой дедуктивной морфологии организм должен обладать конечным числом свободных степеней». Или, пользуясь высоко научным методом Маха, можно было бы требовать, чтобы органический мир, поскольку он научно исследуется, должен был иметь на n переменных величин меньше, чем n уравнений (именно $n - 1$, если в научной системе возможно одно определенное значение этого мира: уравнения при меньшем числе сделаются неопределенными, а при большем зависимость, выраженная в одном уравнении, могла бы быть опровергнута без дальнейших рассуждений другим). Это и составляет магическое значение принципа коррелятивности в биологии! Он раскрывается, как применение функционального понятия ко всем живым существам, и потому на возможности его разработки и углубления основана надежда создать теоретическую морфологию. Причинное исследование этим не исключается: оно применено только к своей собственной области. В идиоплазме оно найдет основания для фактов, подтверждающих принцип коррелятивности.

Возможность психологического применения принципа коррелятивного изменения основана на «дифференциальной психологии», т. е. на психологическом учении о различиях. Однозначное подчинение анатомического строения и душевного склада одному принципу составляет задачу статической психофизики или физиономики.

Правилом исследования во всех трех дисциплинах должен быть поставлен вопрос: чем еще различаются два существа, оказавшиеся разными в какомнибудь отношении? Требуемый способ постановки вопроса кажется мне единственно мыслимым «methodus inveniendi», «ars magna» названных наук, приспособленный для техники исследования. Для обоснования характерологического типа не нужно будет с помощью сверлящего вопроса «почему» копать в дыре твердого земного царства или, подобно стереотропическим червям Жака Леба, обливающимися собственной кровью, толкаясь все в один угол сосуда и не видя других заслонять шорами вид на соседнюю достижимую ниву познания, для того, чтобы дышать в глубине земли, недоступной эмпирическому по знанию. Всякий раз, когда не проявляя небрежности из за кажущегося удобства, находят какоенибудь различие, будет ощущаться потребность обратить внимание на другие различия в принципе неизбежно существующие, всякий раз, когда к неизвестным свойствам, стоящим в функциональной связи с прежде найденными, приставить

«в интеллект дозорщика», тогда увеличится надежда открыть новые коррелятивы: если вопрос поставлен, то рано или поздно, смотря по степени терпения и бдительности наблюдателя, или меньшей сложности испытываемого материала, должен явиться ответ.

Во всяком случае, пользуясь сознательно данным принципом, не надо будет ожидать, пока ктонибудь по счастливой случайности, удачному течению мыслей, не откроет постоянного совместного существования двух явлений в одном индивидууме. Научатся тотчас же задавать себе вопрос о несомненной наличности второго явления. А ведь все сделанные до сих пор открытия основывались на счастливой комбинации представлений в мозгу одного человека!

Какую громадную роль играет здесь стечение обстоятельств, сводящих в нужный момент разнородные группы мыслей пресечения. А ведь из них то и рождаются новые взгляды, новое мирозерцание!

Уменьшить эту роль и пользоваться ею только в отдельных необходимых случаях способна только, кажется мне, новая постановка вопроса.

При следовании действия за причиной является психологическая потребность поставить вопрос, потому что нарушение постоянства и непрерывности в данном психическом состоянии тотчас же действует волнующим образом, вызывает *Vitaldefferenz* (Авенариус).

Вот почему этот метод может оказать большую службу деятельности исследователя, ускорить развитие науки, признать применимость коррелятивного принципа (принципы соотношения), значит признать метод, который в силу своей производительности мог бы способствовать созданию все новых и новых взглядов.

Глава VI

Эмансипированные женщины

Непосредственным дополнением к дифференциально психологическому применению принципа половых промежуточных форм является прежде всего теоретическое и практическое разрешение вопроса, которому собственно и посвящена эта книга. Вопрос этот разрешается здесь постольку, поскольку он не имеет отношения с теоретической стороны к этнологии и политической экономии, т. е. социальным наукам в широком смысле слова, а с практической – к правовому и хозяйственному строю, иначе говоря, социальной политике. Я имею в виду женский вопрос. Ответ, который думает дать эта глава, не исчерпывает проблемы, поставленной нашими исследованием: он лишь предварительный, так как из указанных до сих пор принципов ничего более вывести нельзя, основывается он всецело на самых обыденных фактах единичного опыта, от которых невозможно возвыситься до всеобщих законов, имеющих глубокое значение. Практическое указание, какое даст наш ответ, не является максимумом нравственного поведения, которое должно или может регулировать будущий опыт, это, только выведенные из прошлого опыта технические правила для социально диетического пользования. Я поступаю так на том основании, что здесь еще не хочу устанавливать мужского и женского типов, чем занимается вторая часть исследования. Это предварительное расследование должно только привести те характерологические выводы из принципа половых промежуточных форм, которые имеют для женского вопроса известное значение.

Из предыдущего довольно ясно, как мы применим наши принципы. Именно: у каждой женщины потребность и способность к эмансипации основана на имеющейся у нее части М. Понятие эмансипации очень растяжимо. Увеличить его неясность было в интересах тех, кто пользуясь словом, часто

преследовал практические цели, не предпринимая теоретического рассмотрения предмета. Под эмансипацией женщины я во все не понимаю таких, например, фактов, как полное ведение домашнего хозяйства, причем супруг больше похож на бессловесное животное, не причисляю сюда и храбрости пойти ночью без провожатого по опасным местам. Не отношу я к эмансипации пренебрежения общепринятыми обычаями, которые почти запрещают женщине жить одной, посещать мужчину, самой или другим в ее присутствии затрагивать темы о половой любви. Сюда не относятся также попытки к самостоятельному существованию, посещение университета, консерватории или учительского института. Есть, вероятно, еще много фактов, которые без всякого разбора прикрываются большим щитом эмансипационного движения. Эмансипация, которую я имею в виду, не есть также желание добиться одинакового положения с мужчиной. Для нашей попытки осветить женский вопрос проблематично является лишь желание женщины внутренне сравняться с мужчиной, достичь его духовной и нравственной свободы, его интересов, его творческой силы. Я здесь буду утверждать, что у Ж нет никакой потребности и сообразно с этим способности к пикой эмансипации. Все действительно стремящиеся к эмансипации, все знаменитые и духовно выдающиеся женщины всегда выказывают многочисленные мужские черты характера, а при более внимательном наблюдении в них заметны анатомические мужские признаки, приближающие их к мужчине.

Только из числа явно выраженных половых промежуточных форм, можно сказать половых средних ступеней, причисляемых обычно к «женщинам», выходят те женщины прошлого и настоящего, имена которых приводят защитники (мужчины и женщины) стремлений к эмансипации для доказательства женских способностей. Первая исторически известная женщина, Сафо, отличается обратными половыми признаками. От нее даже исходит обозначение половых сношений среди женщин сафическая, лесбийская любовь. Здесь видно, как важны для нас выводы III и IV главы при решении женского вопроса. Находящийся в нашем распоряжении характерологический материал о так называемых «значительных женщинах», т. е. de facto эмансипированных, настолько темен, толкование его приводит к такой массе возражений, что мы не надеемся с его помощью удовлетворительно решить данный вопрос. У нас не было бы принципа, посредством которого можно, не допуская двусмысленности, установить положение человека между М и Ж. Такой принцип найден, однако, в законе полового приращения между мужчиной и женщиной. Его применение к проблеме гомосексуальности показало, что женщина, чувствуя половое влечение к другой женщине – наполовину мужчина. Но этим для каждого отдельного исторического случая уже доказан тезис, что степень эмансипированности женщины совпадает со степенью ее мужественности. Сафо лишь начинает ряд женщин, внесенных в список женских знаменитостей, и все они при этом или гомосексуальны, или, по крайней мере, бисексуальны. Филологи ревностно старались очистить Сафо от подозрения в действительно существовавших у нее любовных сношениях с женщинами и объяснить их простой дружбой, как будто такой упрек, если бы он был справедливым, мог быть оскорбителен для женщин в нравственном смысле. Напротив, во второй части будет ясно доказано, что гомосексуальная любовь гораздо более возвышает женщину, чем гетеросексуальная. Здесь пока достаточно заметить, что склонность к лесбийской любви в женщине есть следствие ее мужественности, а последняя является условием ее более высшей структуры. Екатерина II, шведская королева Христина, на основании одного указания высокоодаренная слепая и глухонемая Лаура Бриджмэн, безусловно, Жорж Санд были отчасти бисексуальны, частью даже исключительно гомосексуальны, точно так же, как

многие женщины и девушки с заметным дарованием, с которыми я имел случай познакомиться.

Что касается большого числа тех эмансипированных женщин, относительно которых нет никаких указаний об их склонности к лесбийской любви, то и здесь мы почти всегда располагаем другими признаками, доказывающими, что когда я говорю о мужественности всех женщин, имена которых с известным правом приводятся как доказательство женской даровитости, то это вовсе не произвольное утверждение и небессердечный, желающий все приписать мужскому полу, алчный эгоизм. Ведь дело в том, что как бисексуальные женщины состоят в половых сношениях с мужественными женщинами или с женственными мужчинами, так и гетеросексуальные женщины обнаруживают свое содержание мужественности тем, что дополняющий их мужчина не вполне настоящий. Из многих «связей» Жорж Санд самая известная – с Мюссе, женственнейшим лириком, какого только знает история, и с Шопеном, которого можно назвать единственным женским композитором, настолько он женственен. Виктория Колонна менее известна по своему поэтическому творчеству, чем по тому почитанию, которое питал к ней Микельанджело, состоявший в эротических связях только с мужчинами. Писательница Даниель Стерн была возлюбленной Франца Листа, в жизни и творчестве которого есть несомненно что то женское, дружба которого с Вагнером, тоже не вполне мужественным, во всяком случае, склонным к педерастии, заключает в себе столько же гомосексуальности, как и мечтательная любовь к Вагнеру баварского короля Людвига II. Весьма вероятно, что Жермена де Сталь, книгу которой о Германии следует считать самой значительной из всех, написанных женщинами, находилась в гомосексуальной связи с учителем своих детей Августом Вильгельмом Шлегелем. Мужа Клары Шуман, судя только по лицу, можно было бы признать в известные периоды жизни более приближающимся к женщине, чем к мужчине, да и в музыке его много, хотя и не всегда, женственности. Там, где указания о людях, с которыми у женщин бывали половые сношения, отсутствуют, или где такие лица вообще не названы, там их вполне заменяют сообщения о внешности знаменитых женщин. Они показывают, насколько мужественность этих женщин выражена в их лице и фигуре и подтверждают таким образом, точно так же как и дошедшие до нас портреты некоторых из них, справедливость высказанного мнения. Говорят, например, о широком, могучем лбе Джордж Элиот; «ее движения и мимика были резки и определены, но им не доставало грациозной, женственной мягкости». Мы знаем о «редком, одухотворенном лице Лавинии Фонтана, которое нравилось нам каким то особенно странным образом». Черты лица Рашели Рюйш «носят почти определенный мужской характер». Биограф оригинальной поэтессы Аннет фон Дросте – Гюльстоф сообщает о ее «тройной, как у эльфы, нежной фигуре», а лицо ее по своему выражению строгой мужественности отдаленно напоминает черты Данте. Писательница и математик Софья Ковалевская, подобно Сафо, обладала ненормально короткими волосами, они были у нее еще короче, чем обычно у современных поэтесс и студенток, которые неизменно призывают ее в качестве свидетельницы, когда речь заходит о духовных способностях женщин. А кто в лице выдающейся художницы Розы Бонер найдет хоть одну женскую черту, тот просто будет обманут звуком ее имени. Знаменитая Елена Петровна Блаватская имеет также очень мужественную наружность. О живущих и действующих эмансипированных женщинах я умышленно не упоминаю, хотя собственно они то и побудили меня высказать некоторые мысли и вполне подтвердили мое мнение, что настоящая женщина не имеет ничего общего с «женской эмансипацией». Исторические исследования должны отдать полную справедливость народной поговорке, задолго предпрешившей результаты: «Волос долог да ум короток». Эти слова

вполне согласовываются с действительностью, если вспомнить сделанное во II главе ограничение.

А что же касается эмансипированных женщин, то относительно них можно сказать следующее: только мужчина, заключенный в них, хочет эмансипироваться.

Гораздо большее основание, чем это обычно думают, имеет тот факт, что женщины писательницы очень часто берут мужские псевдонимы. Они чувствуют себя почти так же, как мужчины, а у таких личностей, как Жорж Санд, это вполне совпадает с их склонностью к мужскому платью и мужским занятиям. Мотив, побуждающий к выбору мужского псевдонима, основан на том чувстве, что только такое мужское имя соответствует собственной природе женщины. Он не может корениться в желании обратить на себя большее внимание и получить признание со стороны общественного мнения. Ибо то, что создано женщинами, возбуждало до сих пор, вследствие связанной с этим половой пикантности, гораздо больше внимания, чем при равных условиях, творчество мужчин. К созданиям женщины всегда относятся более снисходительно, не предъявляя к ним глубоких требований. Если произведение было хорошо, ему всегда давали несравненно высшую оценку, чем в том случае, когда мужчина создал бы нечто совершенно подобное. Это в особенности наблюдается теперь: женщины постоянно достигают большей известности за произведение, которое вряд ли было бы отмечено, если бы оно было созданием мужчины. Пора наконец обособить и разъединить эти явления. Пусть возьмут для сравнения, как масштаб, создания мужчин, которые ценятся историей литературы, философией, наукой и искусством, и сейчас же увидят, какое довольно значительное число женщин, считаемых духовно одаренными натурами, тотчас же съезжится самым плачевным образом. Правда, нужно иметь много благосклонности или нерешительности, чтобы придавать хоть частицу значения таким женщинам, как Анжелика Кауфман, м м Лебрен, фернан Кабаллеро, Гросвита фон Гандерстейм, Мари Сомервилль, Джорж Эджертон, Елизавета Баррет Браунинг, Софи Жермен, Анна Мария Шурман или Сибилла Мериан. Я не говорю уже о том, насколько высоко ценятся женщины, приведенные раньше, как пример *viragines* (мужественных женщин, какова например Дросте Гюльстоф). Я не буду разбирать размер тех лавров, которые пожинают современные художницы. Достаточно общего утверждения, что ни одну из всех высокоодаренных женщин (даже самых мужественных) нельзя сравнить с мужскими гениями пятого и шестого разряда, каковы, например, Рюккерт среди поэтов, ван Дейк в живописи и Шлейермахер в философии. Если мы оставим пока в стороне исторических визионеров, каковы, например, сибиллы, дельфийские пифии, Буриньон и Клеттенберг, Жанна де ла Мотт Гюн, Иоанна Саускот, Беата, Стурмин или святая Тереза, то все таки останутся такие явления, как, например, Мария Башкирцева. Она (поскольку я могу вспомнить ее портрет) была, правда, выдающегося женственного сложения. За исключением лба, который произвел на меня впечатление мужественности. Но кто видел в *Salles des entagers* парижского Люксембурга ее картины, повешенные рядом с картинами ее возлюбленного Бастиен Лепаж, тот знает, что она не менее совершенно переняла его стиль, как Оттилия почерк Эдуарда в гетевских «*Wahlverwandschaften*». Очень длинный список образуют еще те случаи, когда свойственный всем членам семьи талант, случайно с большой силой проявляется в женщине. Не нужно, конечно, считать ее гениальной, ибо только талант передается по наследству, но не гений. Маргарета ван Эйк, Сабина фон Штейнбах являются здесь образцами длинного ряда художниц; о них Эрнест Гуль, чрезвычайно благосклонный ко всем занимающимся искусством женщинам, говорит следующее: «Нам определенно известно, что они направлялись в искусстве отцом, матерью или

братом, другими словами причину их художественного призвания нужно искать в их собственной семье. Есть сотни женщин, о которых история умалчивает, ставших художницами именно благодаря подобному влиянию». Чтобы оценить значение этих цифровых данных, нужно принять во внимание, что Гуль говорит перед этим приблизительно о тысяче имен известных нам художниц. Этим я оканчиваю исторический обзор эмансипированных женщин. Он вполне установил, что настоящая потребность к эмансипации и истинная к ней способность предполагает в женщине мужественность.

Ведь огромное число женщин, которые, наверно, меньше всего жили искусством или наукой, у которых это занятие заменяет обычное «рукоделие» и в безмятежной идиллии их жизни обозначает только препровождение времени – затем все те женщины, у которых умственная или художественная деятельность представляет только напряженное кокетство перед лицами мужского пола, эти две большие группы должны быть исключены из чисто научного исследования. Все остальные выказывают при ближайшем рассмотрении все признаки половых промежуточных форм.

Если потребность в освобождении и в одинаковом с мужчиной положении свойственна только мужественным женщинам, то совершенно справедлив индуктивный вывод, что Ж не чувствует никакой потребности к эмансипации, хотя это положение выведено только из рассмотрения единичных исторических фактов, а не из психических свойств Ж. Такой приговор об эмансипации женщин мы выводим, став на гигиеническую (на этическую) точку зрения, по которой практическая жизнь применяется к естественной склонности индивидуумов. Бессмысленность стремлений к эмансипации заключается в движении, в агитации. Благодаря ей, не говоря о мотивах тщеславия и уловления мужчин, при большой склонности к подражанию, начинают учиться, писать и т. д., женщины, вовсе не имеющие к этому врожденной склонности. Так как действительно существует большое число женщин, стремящихся по известной внутренней потребности к эмансипации, то от них и переходит и на других потребность к образованию, а это уже создает моду, и в конце концов, смешная агитация женщин заставляет верить в справедливость того, что у хозяйки служит лишь средством для демонстрации против мужа, у дочери тем же против материнской власти. Практический вывод из всего предыдущего, вовсе не ставя его основанием законодательства (хотя бы в силу расплывчатости), можно сделать такой: свободный доступ ко всему, устранение всех препятствий с пути тех, истинные душевные потребности которых всегда в соответствии с их физическим строением толкают их к мужскому занятию, – для женщин с мужскими чертами. Но долой все партийное образование, долой ложное революционизирование, долой женское движение, порождающее столько противоестественных, искусственных в основе своей, лживых стремлений.

Долой нелепую фразу о «полном равенстве»! Самая мужественная женщина имеет едва ли больше 50 % М и только этому чистому содержанию она и обязана всей своей значительностью, иначе говоря, всем, что она при случае могла бы значить. Ни в коем случае нельзя, как это, по видимому, делает немало умных женщин, из некоторых (как было замечено, не типичных) отдельных случайно собранных впечатлений, указывающих скорее на превосходство женского пола, а не на равенство, делать общие заключения, как это предложил Дарвин, сравнить вершины обоих полов. «Если бы составить список самых значительных мужчин и женщин в области поэзии, живописи, ваяния, музыки, истории естествознания и философии, приведя по каждому предмету по полдюжины имен, то оба списка нельзя бы было сравнивать друг с другом».

Желание феминисток сравнивать такие списки сделалось бы еще меньше, чем это было до сих пор, если бы они заметили, что при внимательном рассмотрении лица женского списка доказывают только мужественность гения. Обычное возражение, которое обыкновенно делают, состоит в том, что история ничем не доказывает, так как движение должно создать путь беспрепятственного, полного духовного развития женщины. Это возражение однако забывает, что эмансипированные женщины, женский вопрос, женское движение существовали во все времена, правда, в разные эпохи с различной активностью. Оно всегда преувеличивает те созданные мужчинами трудности, которые женщинам, стремящимся к образованию, приходилось некогда преодолевать и которые будто бы наступят вновь. Наконец, оно не обращает внимания на то, что требования эмансипации заявляются не настоящей женщиной, а исключительно более мужественной, плохо понимающей свою природу, не видящей мотивов своей деятельности, когда она заявляет от имени женщин вообще.

Всякое движение в истории, а стало быть и женское, убеждено, что оно ново, никогда не бывало раньше. Первые представительницы движения учили, что женщина томилась во тьме, была заключена в оковы и только теперь она поняла свое естественное право и требует его. Как во всяком историческом движении, так и здесь, можно все дальше и дальше проследить аналогии. Женский вопрос существовал и у древних и в средние века не только в социальном отношении. Уже в давно прошедшие времена сами женщины стремились к духовной эмансипации при помощи своих творений, и кроме того апологеты женского пола, мужчины и женщины, поддерживали ее теоретическими исследованиями. Итак, совершенно ошибочна вера, приписывающая борьбе феминисток столько рвения и новизны, вера, что до последних лет женщины не имели случая беспрепятственно развернуть силы своего духовного развития. Иаков Буркгардт рассказывает о Ренессансе: «Самое похвальное, что можно сказать о великих итальянках того времени – это о их мужественном духе, мужественных сердцах. Нужно только посмотреть на совершенно мужественное поведение большинства женщин героической поэзии у Боярдо и Ариосто чтобы понять, что здесь дело идет об определенном идеале. Эпитет «virago», считающийся в наше время довольно двусмысленным комплиментом, был тогда высшей похвалой. В XVI столетии женщинам был дан свободный доступ на сцену, появились первые актрисы. «В это время женщину считали способной достичь вместе с мужчиной высших степеней образования». Это время, когда один за другим появляются панегирики женскому полу, когда Томас Мор требовал полного уравнивания полов, а Агриппа фон Неттестейм ставил женщину выше мужчин. И все эти успехи погибли, вся эпоха подверглась забвению, из которого ее извлек лишь XIX век.

Разве не бросается в глаза, что стремление к женской эмансипации в мировой истории появляется, как кажется, через определенные одинаковые промежутки времени?

В X веке, в XV и XVI и теперь XIX и XX, по всем признакам, было больше эмансипированных женщин, а женское движение сильнее, чем в промежуточные эпохи. Было бы слишком поспешно строить на этом какую-нибудь гипотезу, но все же следует отметить возможность проявления могучей периодичности, благодаря которой в это время с чрезвычайной правильностью появляется на свет больше гермафродитов, больше переходных форм, чем в промежуточные эпохи. У животных в родственных случаях наблюдались такие же периоды. По нашему мнению это, стало быть время наименьшего гонохоризма. Тот факт, что в известные времена больше, чем обычно, рождается мужественных женщин, требует дополнения с другой стороны, т. е. что в эту же эпоху

появляется на свет больше женственных мужчин. Это мы и видим в самой поражающей степени. Весь сецессионистический вкус, присуждающий высоким, стройным женщинам с плоской грудью и узкими бедрами призы за красоту, можно, вероятно, объяснить именно этим явлением. Невероятное увеличение фатовства и гомосексуальности находит объяснение только в большей женственности нашей эры. Не без глубоких причин современный эстетический и половой вкус опирается на создания прерафаэлитов.

Поскольку существуют в органической жизни периоды, подобные колебаниям в жизни отдельных индивидуумов, но распространенные лишь на многие поколения, то постольку же этот факт может проложить нам дорогу и открыть широкий вид на понимание некоторых темных точек человеческой истории, более широкий, чем те претенциозные «исторические мирозерцания», в таком громадном количестве появившейся в наше время, особенно теория экономического материализма. Несомненно, что от биологических исследований нужно ожидать в будущем бесконечно много результатов и для истории человечества. Здесь только сделана попытка применить ее к нашему случаю.

Если верно, что в одни эпохи больше, а в другие меньше рождается гермафродитов, то, как результат этого, женское движение большей частью исчезает само собой и появляется затем через долгий промежуток времени, чтобы возродиться и вновь погружаться в определенном темпе без конца. А стало быть и женщины, стремящиеся сами по себе к эмансипации, рождаются то в большем, то в меньшем числе.

Об экономических отношениях, принуждающих даже самую женственную жену многосемейного пролетария идти на фабрику или на постройку домов, не может быть, конечно, речи. Связь индустриального и промышленного развития с женским вопросом более неустойчива чем это обычно думают, в особенности теоретики – социалдемократы, и еще меньше существует причинной связи между стремлениями, направленными с одной стороны к духовной способности, а с другой – к экономической конкуренции. Например, во Франции, хотя она и выдвинула треть выдающихся женщин, никогда женское движение не могло прочно укорениться, и все же ни в одной европейской стране нет такого количества женщин, самостоятельно занятых торговлей, как там. Борьба за ежедневное пропитание резко отличается, стало быть, от борьбы за духовное содержание жизни, если таковая вообще ведется известной группой женщин. Прогноз, поставленный этому движению в духовной области, не оптимистичен. Он еще более безутешен, чем та надежда, которую можно бы было питать, если вместе с некоторыми авторами, признать, что прогрессивное развитие человеческого рода идет к полной половой дифференцировке, т. е. к половому диморфизму.

Последнее мнение я не могу принять на том основании, что в животном царстве нельзя проследить связи высшего положения особей с более значительным разделением пола. Некоторые *gephyreae* и *rotatoriae*, многие птицы, а также среди обезьян мандриллы, выказывают гораздо больше гонохоризма, чем с морфологической точки зрения его можно наблюдать у человека. Если это предположение предсказывает то время, когда навсегда исчезнет и сама потребность в эмансипации и будут только вполне развитые *masculina* и такие же *feminina*. Теория периодического возврата женского движения осуждает все стремления феминисток самым ужасным образом на мучительное бессилие и объявляет всю их деятельность работой Донаид, которая превратится в ничто через определенный промежуток времени. Эта мрачная судьба постигнет женскую эмансипацию, если женщины будут создавать себе иллюзии и видеть свои цели только в социальной жизни, в историческом будущем рода, а своих врагов только в мужчинах и в созданных

последними правовых институтах. Тогда придется сформировать армию амазонок, которая, впрочем, просуществует недолго, т. к. через известные промежутки времени эта армия должна будет непременно рассыпаться. Полное исчезновение женского движения из эпохи Ренессанса дает в этом смысле хороший урок феминисткам. Истинное освобождение духа не может быть произведено даже самой большой и дикой армией. Каждый индивидуум пусть борется за него сам. Против кого? Против того, кто препятствует этому освобождению в его собственной душе. Самый огромный и единственный враг женской эмансипации – сама женщина. Доказать это – задача второй части.

Часть вторая
Половые типы

Глава I
Мужчина и женщина

Наша теория создала теперь свободный путь для исследования всех действительно существующих половых противоположностей. Теория эта указала нам, что мужчина и женщина должны пониматься только как типы, и что запутанная действительность, дающая все новую и новую пищу известным уже противоречиям, может быть изображена, как результат смешения двух типов. Первая часть нашего исследования рассмотрела единственно реальные половые промежуточные формы, правда, нужно сознаться, по несколько схематическому плану. Мною руководило в данном случае желание дать развитым принципам общее биологическое значение. Теперь, когда еще больше, чем раньше, объектом наблюдения должен явиться человек и когда психофизиологические изыскания должны дать место интроспективному анализу, теперь требование универсальности принципа половых промежуточных форм нуждается в ограничении.

Вполне подтвержденным и несомненным фактом являются случаи гермафродитизма среди животных и растений.

Но уже у животных эта наличность обоих полов в одном организме представляет скорее совмещение в индивидууме мужских и женских зародышных желез, чем уравновешенное существование обоих полов скорее наличность обеих крайностей, чем их нейтральное положение между конечными половыми точками. Однако, о человеке с психологической точки зрения приходится вполне определенно установить, что он во всякий данный момент необходимо должен быть или мужчиной или женщиной. С этими вполне согласуется то явление, что всякий, просто считающий себя лицом женского или мужского пола, видит свое дополнение или просто в «мужчине», или просто в «женщине».

Однополюй характер человека лучше всего подтверждается следующим фактом, теоретическое значение которого вряд ли можно переоценить: в сношениях двух гомосексуальных людей тот, кто берет на себя психическую и физическую роль мужчины, обязательно в случае долгой связи сохраняет свое мужское имя или принимает его, тогда как другой, играющий роль женщины, или оставляет свое женское имя, или дает себе его, а еще чаще, довольно характерно, получает его от других. Поэтому, в половых сношениях двух лесбиянок или двух гомосексуалистов, одно лицо всегда выполняет функции мужчины, другое – всегда женщины. Отношение М и Ж обнаруживается здесь в решающем случае, как что то фундаментальное, как нечто, чего нельзя обойти.

Несмотря на все половые промежуточные формы, человек в конце концов все таки одно из двух: или мужчина, или женщина. В этой древней эмпирической двойственности заключается (не только анатомически и не только для каждого конкретного случая в закономерном и точном согласовании с морфологическим состоянием) глубокая истина и пренебрегать ею нельзя безнаказанно.

Этим, по видимому, сделан шаг громадной важности, и благодетельной, и роковой для всего дальнейшего. Мое мировоззрение устанавливает уже известное бытие. Исследовать значение этого бытия и есть задача всего последующего изложения. Но так как с этим проблематическим бытием непосредственно связана основная трудность характерологии, то прежде чем приступить с наивной храбростью к работе, нужно хоть немного ориентироваться в этой щекотливой проблеме, о порог которой может запнуться всякая решимость.

Всякому характерологическому исследованию приходится бороться с огромными, благодаря сложности материала, препятствиями. Часто бывает, что дорога, как будто уже проложенная в лесной чаще, снова теряется в дикой заросли, и нить совершенно путается в бесконечном клубке. Самое худшее то, что относительно метода систематического изложения уже добытого материала, относительно принципиального толкование успешных начал исследования – вновь поднимаются серьезные сомнения, главным образом, в правильности принципа установления типов. Например, в вопросе половых противоположностей оказалось приемлемым только род полярности обеих крайностей и бесконечного ряда ступеней между ним. Нечто подобное полярности, по видимому, можно применить и к большинству остальных характерологических явлений, о которых я буду говорить впоследствии. (Такое толкование предугадывал еще пифагорец Алкемеон из Кротона); в этой области натурофилософия Шеллинга, быть может, переживает еще иное удовлетворение, чем то возрождение, которое думал дать ей один физик и химик наших дней.

Но основательна ли надежда исчерпать индивидуум прочной установкой его положения в определенном пункте линии, соединяющей две крайности, даже бесконечным нагромождением числа таких линий, создав систему координат для бесконечно многих измерений? Ожидая совершенного описания человеческого индивидуума в форме какого то рецепта, не подойдем ли мы снова к определенной конкретной области, догматическому скептицизму, махо юмовского анализа человеческого «Я». Не ведет ли нас род вейсмановской Determinanten – Atomistik к мозаической психогномике, после того как мы отошли от «мозаичной психологии»?

Снова стоим мы перед старой и вечно новой проблемой: есть ли в человеке единое простое бытие, и как оно относится к безусловно существующему в нем многообразию? Есть ли душа? Каково отношение ее к душевным явлениям? Понятно теперь, почему до сих пор не существовало никакой характерологии. Объект этой науки, характер, сам по себе проблематичен. Проблема всякой метафизики и теории познания, высший принципиальный вопрос психологии, составляет также и проблему характерологии, проблему «до всякой характерологии рассматриваемую, как научную систему». По крайней мере, это – проблема характерологии, стремящейся критически разъяснить все свои предположения, требования и цели, понять все различия посредством человеческой сущности.

Пусть характерологию назовут нескромной, но она хочет дать больше, чем всякая «психология индивидуальных различий», и огромная заслуга Л.Вильяма Стерна состоит в восстановлении ее, как цели психологического познания. Она даст гораздо больше, чем простой свод двигательных и чувствительных

реакций в индивидууме, вот почему она и не может снизойти до остальных современных экспериментальных психологических исследований, представляющих лишь удивительную комбинацию статистических материалов и физической практики. Она надеется остаться в сердечном согласии с богатой душевной действительностью, полным забвением которой единственно можно объяснить смесь психологии рычагов и винтиков. Она не боится, что ей придется разочаровать ожидания студента, изучающего психологию, жаждущего познать самого себя, и что ей придется удовлетворять его психологическими изысканиями о запоминании односложного слова или о влиянии небольшой дозы кофе на процесс арифметического сложения. И совершенно ясно, что более уважаемые ученые, представляющие себе психологию как нечто большее, чем учение об ощущениях и ассоциациях, среди господствующей в их науке пустыни, приходят к убеждению, что проблемы героизма, самоотвержения, сумасшествия или преступления умозрительная наука должна на века передать искусству, как единственному органу их понимания, оставить всякую надежду не только постичь их лучше (это было бы слишком дерзко по отношению к Шекспиру и Достоевскому), но даже охватить систематически. Никакая другая наука, становясь нефилософской, не может так скоро опошлиться, как психология. Освобождение ее от философии – истинная причина ее упадка. Понятно, не только в своих предпосылках, но и конечных выводах психология должна бы оставаться философской. Тогда бы только она пришла к убеждению, что учение об ощущениях не имеет абсолютно ничего общего с психологией. Эмпирическая психология исходит обычно из осязания и общих ощущений, чтобы закончить «развитием нравственного характера». Анализ ощущений составляет область физиологии чувств, и всякая попытка поставить ее социальные проблемы в более глубокую связь с остальным содержанием психологии успеха иметь не может.

Большим несчастьем для научной психологии было продолжительное влияние на нее двух физиков, Фехнера и Гельмгольца. Таким образом и было признано, что не только внешний, но и внутренний мир состоит из чистых ощущений. Единственные, два лучших эмпирических психолога последнего времени, Вильям Джемс и Рихард Авенариус, по крайней мере инстинктивно чувствовали, что психологию нельзя начинать с осязания или мускульного ощущения, в то время как вся остальная современная психология – какая то клейкая смесь ощущений. Это и составляет недостаточно ярко выраженную Дильтеем причину, почему современная психология не касается проблем, обычно причисляемых к психологическим: анализ убийства, дружбы, одиночество и т. п., – тут уж не поможет старое указание на ее молодость; – да она и не может достичь этих проблем, потому что движется в направлении, которое никогда не приведет ее к благоприятному концу. Вот почему лозунгом в борьбе за психологическую психологию должно быть прежде всего: долой учение об ощущениях из области психологии!

Характерология, в вышеуказанном широком и глубоком смысле, заключает в себе прежде всего понятие характера, т. е. понятие постоянно единого бытия. Как это уже рассматривалось в V главе первой части относительно морфологии, изучающей всегда одинаковые при физиологических переменах формы органического целого, так и характерология предметом своего исследования предполагает нечто неизменное в психической жизни индивидуума, аналогичным образом проявляющееся в его душевных жизненных проявлениях. Тут прежде всего характерология противопоставляется «теории актуальности» психического, не признающей ничего неизменного, потому что сама она покоится на основании атомистики ощущений.

Характер не представляет из себя нечто, лежащее по ту сторону мыслей и чувств индивидуума, напротив, он то, что открывается в каждой мысли и в

каждом чувстве. «Все, что человек делает, типично с точки зрения физиономика». Как каждая клетка скрывает в себе все свойства индивидуума, так каждое психическое движение человека содержит не только отдельные «характерные черты», а все его существо, откуда в один момент выступает одно какое-нибудь свойство, в другой другое.

Подобно тому, как не бывает изолированных ощущений, а всегда только целый комплекс ощущений, широкое зрительное поле, подобно объекту, противопоставленному какому-нибудь определенному субъекту, подобно миру нашего «я», откуда исходит то один, то другой предмет с большей или меньшей отчетливостью. Подобно тому, как не могут ассоциироваться одни «представления», а только отдельные моменты жизни различные состояния нашего сознания, взятые из прошлого (каждое из них при этом обладает фиксационной точкой в поле зрения), так и в каждое мгновение психической жизни вложен весь человек и только в разное время падает ударение на различные пункты его существа. Это всегда проявляющееся в психологическом состоянии каждого момента бытие и составляет объект характерологии. Последняя образует, таким образом, необходимое дополнение к современной эмпирической психологии, находящейся в удивительном противоречии со своим названием и рассматривающей до сих пор исключительно смену в области ощущений и пестроту мира, пренебрегая богатством человеческого «я». Здесь характерология, как учение о целом, являющимся результатом соединения субъекта с объектом (оба они могут быть изолированы только абстрактно), оказало бы плодотворное воздействие на всеобщую психологию. Так, многие спорные вопросы психологии, быть может, ее принципиальные проблемы, может решить только характерологическое исследование, так как оно укажет, почему один упорно защищает одно, другой – другое мнение. Оно выяснит, почему люди не могут сойтись, говоря на одну и ту же тему: потому, что они имеют различные взгляды на одно и то же событие или одинаковый психический процесс на том основании, что эти явления получают у каждого индивидуальную окраску, отпечаток его характера. Психологическое учение о различиях делает, таким образом, возможным единение в области общей психологии.

Формальное «я» было бы последней проблемой динамической психологии, а материальное «я» проблемой психологии статистической. Между тем ведь и до сих пор сомневаются, существует ли вообще характер по крайней мере, последовательный позитивизм в смысле Юма, Маха и Авенариуса должен его отрицать. Легко понять, почему до сих пор нет характерологии, как учения об определенном характере.

Самый большой вред принесло характерологии соединение ее с учением о душе. Если характерология была исторически соединена с судьбой понятия «я», то это еще не дает права связывать ее с этой последней по существу. Абсолютный скептик ничем, разве только словом, не отличается от абсолютного догматика. Тот, кто стоит на точке зрения абсолютного феноменализма и полагает, что последний вообще снимает с него всю тяжесть доказательств, необходимых только для других точек зрения, тот без дальнейших рассуждений отклонит существование бытия, установленного характерологией и вовсе не совпадающего с какой-нибудь метафизической сущностью.

У характерологии имеются два опаснейших врага. Первый принимает характер, как нечто данное и отрицает, что наука могла бы справиться с ним так же, как это делает художественное изображение. Другой видит единственную действительность только в ощущениях. реальность и ощущения для него одно и то же. Ощущение является для него тем камнем, на котором построен и мир, и человеческое «я», но для последнего не существует никакого

характера. Что делать характерологии, науке о характере?. «De individuo nulla scientia», «individuum est ineffabile» – вот что слышится ей с той стороны, где придерживаются индивидуума, а с другой, где целиком предаются науке, где не спасли даже себе «искусства, как органа жизнепонимания», она должна услышать что наука ничего не знает о характере. Среди такого перекрестного огня приходится устанавливать характерологию. Кто не боится, что она разделит судьбу своих сестер и останется вечно невыполненным обетом, как физиономика, таким же гадательным искусством, как графология?

На эти вопросы я попытаюсь ответить в следующих главах. Бытие, устанавливаемое характерологией, предстоит исследовать в его простом или многообразном значении. Почему этот вопрос так тесно связан с вопросом о психическом различии полов, выяснится только из конечных результатов моей работы.

Глава II

Мужская и женская сексуальность

Под психологией вообще нужно понимать психологию психологов, а последние все, без, исключения – мужчины: с тех пор, как люди пишут историю, не слышно было ни об одном психологе женщине. На этом основании психология женщины образует главу, относящуюся к общей психологии так же, как психология ребенка. Так как психологию пишет мужчина и вполне последовательно имея при этом в виду, главным образом, мужчину, хотя вряд ли сознательно, то всеобщая психология стала психологией «мужчин», а проблема психологии полов выплывает на поверхность только с мыслью о психологии женщины. Кант сказал: «В антропологии женские особенности должны быть больше предметом философского исследования, чем мужские». Психология полов всегда покрывается психологией Ж.

Но и психология Ж писалась все таки только мужчинами. Поэтому не трудно понять, что в действительности написать ее невозможно, так как приходится устанавливать о посторонних людях положения, неподтверждаемые путем самонаблюдения. Допустим, что женщина сама могла бы описать себя с надлежащей полнотой, но и этим бы дело не исчерпывалось, ибо мы не знали бы тогда, будет ли она относиться с интересом к тем именно явлениям, которые нас занимают. Допустим даже такой случай, что она хочет и может познать самое себя, но все же остается вопросом, будут ли у нее побудительные причины говорить о себе. Мы устанавливаем в последующем изложении, что невероятность всех трех случаев заключается в общем источнике – природе женщины.

Предпринять подобное исследование можно следовательно только тогда, когда ктонибудь (не женщина) будет в состоянии сделать о женщине правильные выводы. Таким образом первое возражение остается в силе, но так как опровержение его может быть дано только позднее, то мы признаем за лучшее оставить его пока в стороне. Я сделаю, впрочем, лишь несколько замечаний. Еще никогда (неужели это тоже следствие порабощения мужчиной?), например, беременная женщина не выразила своих ощущений и чувствований ни в стихах, ни в мемуарах, ни в гинекологическом сочинении, и это не может быть следствием чрезмерного стыда, ибо еще Шопенгауэр вполне справедливо заметил, что нет ничего более несвойственного беременной женщине, чем стыд за свое положение. Кроме того есть еще возможность по окончании беременности на основании воспоминаний о психологической жизни этого периода сделать известные признания. Если все таки чувство стыда удерживает первоначально от разного рода сообщений, то вследствие этого

мотив отпадает, так как интерес, возбуждаемый всюду подобного рода откровенностью, был бы достаточным основанием нарушить молчание. Однако ничего подобного не происходит! Как всегда только мужчины давали ценные открытия из области психического состояния женщины, так и в данном случае только они описывали ощущения беременности. Как могли они сделать это? Если в последнее время увеличилось количество сведений, даваемых женщинами, которые только на три четверти или наполовину женственны о своей психической жизни, то рассказы эти трактуют больше о том мужском элементе, который в них заключен, чем о настоящей женщине. Нам остается поэтому указать только одно: именно то, что есть женственного в самих мужчинах. Принцип половых промежуточных форм является в данном случае предпосылкой всякого правильного суждения мужчины о женщине. В дальнейшем, впрочем, следует и ограничить, и дополнить значение этого принципа. Ведь если его не принять без ограничений, то выйдет, что женственный мужчина в состоянии лучше всего описать женщину, то есть это значит, что только настоящая женщина лучше всем может охарактеризовать себя, а это как раз и находится под сомнением. Заметим при этом, что мужчина может иметь определенное количество женственности, не причисляясь при этом к половым промежуточным формам. Тем более удивительно тогда, каким образом мужчина может создать ценные положения о природе женщины. При несомненной мужественности многих замечательных людей, прекрасно судивших о женщине, эту способность нельзя отрицать, по видимому и у М, так что право мужчины судить о женщине составляет еще более переменную проблему. Впоследствии мы не будем уже иметь основания обойти решение вопроса о принципиальном методологическом сомнении в таком праве, а пока, как уже сказано, оставляем его в стороне и приступаем к исследованию самого предмета. Прежде всего зададим себе следующий вопрос: в чем состоит существенное психологическое различие между мужчиной и женщиной? Хотели видеть это различие между полами в большей интенсивности полового влечения у мужчины, а отсюда вывести и все другие различия, не говоря уже о правильности или неправильности такого утверждения, о том, насколько самое слово «половое влечение» представляется вполне однозначным и действительно измеримым, самая правомерность такого вывода представляет большой вопрос. Правда, во всех античных и средневековых теориях о влиянии «неудовлетворенной матки» женщины и «*seminis retenti*» у мужчины есть некоторая доля истины. Стало быть, не только в наши дни употребляли излюбленную фразу, что «все есть только возвышенное половое влечение». Однако ни одно систематическое исследование не может сослаться на предчувствие таких шатких связей. И до сих пор еще не пытались прочно установить, что большая или меньшая сила полового влечения связана в известной степени с другими качествами полов. Между тем самое утверждение, что интенсивность полового влечения у М больше, чем у Ж, неправильно. Кроме того утверждали ведь и прямо противоположное, что тоже не верно. В действительности сила потребности в половом акте у мужчин с одинаково выраженной мужественностью всегда различна, точно так же, как, по видимому, и у женщин с одинаковым содержанием Ж. Среди мужчин играют роль здесь совершенно другие основания, которые мне удалось отчасти открыть. Их подробное исследование будет сделано мной в другом сочинении. Итак, вопреки многим ходячим воззрениям, на пылкости полового влечения вовсе не основано различие полов. Такое различие можно найти в применении к мужчине и женщине двух аналитических моментов, выдвинутых Альбертом Моллем из понятия полового влечения: влечение к детумесценции и контректации. Первое – результат чувства неудовольствия, вызванного большим скоплением зрелых половых

клеток, второе есть потребность в прикосновении к телу индивидуума, в котором видят свое половое дополнение. Только М обладает влечением и к детумесценции, и к контрекции, тогда как у Ж стремление к детумесценции совершенно отсутствует. Это ясно из того, что в половом акте не Ж отдает нечто М, а наоборот: Ж удерживает, как свои, так и мужские выделения. В анатомическом строении это выражено тем, что у мужчины половые органы выделены на теле и потому они не имеют форму сосуда. По крайней мере, в этом морфологическом факте можно найти намек на мужественность детумесцентного влечения, не связывая с этим, конечно, никаких натурфилософских выводов. Следующий факт доказывает отсутствие у Ж влечения к детумесценции: большинство людей, имеющих более 2/3 М, без исключения предавались в юности, на долгое или короткое время, онанизму – пороку, которому среди женщин предаются лишь самые мужественные. Ж совершенно чужд онанизм. Я знаю, что положение встретит резкие возражения. Впрочем, все кажущиеся противоречия будут сейчас вполне выяснены.

Прежде всего нуждается в описании влечение Ж к контрекции. Оно играет у женщины громадную и единственную роль. Однако нельзя сказать, чтобы это влечение было более сильно у одного пола, чем у другого. В понятии контректационного влечения не заключается активность в прикосновении, а только потребность прикосновения с другим человеком, причем вовсе не принимается во внимание, кто именно прикасается и какая часть тела испытывает прикосновение с другой, безразлично какой частью. Смещение двух явлений: интенсивности желания с желанием активным основано на том факте, что М во всем животном царстве по отношению к Ж, так же, как и всякий микрокосм животной или растительной семенной нити по отношению к яйцевой клетке, играет ищущую, наступающую роль. Тут легко ошибиться, допустив, что наступательное действие при достижении цели и желание достичь этой цели закономерно вытекают одно из другого и составляют постоянную пропорцию, что самая потребность отсутствует там, где нет ясных двигательных стремлений к ее удовлетворению. Таким образом, влечение к контрекции приписали исключительно мужчине, отказав в нем женщине. Понятно, однако, что внутри самого контректационного влечения встречаются различия. В дальнейшем изложении будет ясно указано, что М в половом отношении, обладает потребностью наступать (в прямом и переносном смысле), Ж – стать объектом наступления, но конечно, из этого не следует, что женская потребность, в силу своей пассивности, меньше мужской – активной. Это разграничение полезно при частных спорах, постоянно поднимающих вопрос о том, какой пол испытывает большее половое влечение. То, что считали у женщины онанизмом, происходит от другой причины, а не от влечения к детумесценции. Ж обладает, здесь мы высказываем первое действительное различие ее от М – гораздо большею половой возбудимостью, чем М. Ее физиологическая возбудимость (не чувствительность) гораздо сильнее в половой сфере. Факт легкой половой возбудимости у женщины проявляется или в желании полового возбуждения, или в особенном, раздражительном, ей самой непонятном, а потому и беспокойном, жгучем страхе перед тем возбуждением, которое вызывает прикосновение. Желание полового возбуждения является также действительным указанием легкой возбудимости. Желание это не принадлежит к числу тех, которым судьбой, имеющей место в природе человека, положено никогда не исполниться, напротив, оно означает легкость и наклонность всего организма переходить в состояние полового возбуждения, которое женщина жаждет усилить и по возможности продлить, тогда как у мужчины оно находит естественный конец в детумесценции, вызванной контрекцией. Следовательно то, что

выдавалось за онанизм женщины, не есть, подобно такому же акту у мужчины, стремление прекратить состояние половой возбужденности, а в гораздо большей степени этой попытки – вызвать возбуждение, повысить его и продлить. Из страха женщины перед половым возбуждением, анализ которого ставит психологии женщины нелегкую, скорее труднейшую задачу, можно также с уверенностью заключить о слабости женщины в этом отношении.

Состояние полового возбуждения обозначает у женщины только высший подъем всего ее существования. Последнее определяется у нее исключительно половым чувством. Ж расцветает только в половой жизни, в сфере полового акта и размножения, в отношениях к мужу и ребенку. Ее существование вполне заполняется этими вещами, тогда как М не исключительно сексуален. Здесь то именно и заложена действительная разница, которую пытались найти в различной интенсивности полового влечения. Нужно остерегаться от смешения пылкости полового желания и силы полового аффекта с той широтой, с которой половые желания и заботы выполняются мужчиной и женщиной. Только более широкое распространение половой сферы на весь человеческий организм у Ж образует важное специфическое различие между двумя половыми крайностями.

Итак, в то время как Ж совершенно заполнена половой жизнью, М знает еще много других вещей: борьбу и игру, дружеское общество и пирушки, спорт и науку, обыденные занятия и политику, религию и искусство. Я не говорю о том, было ли когда нибудь иначе – это касается нас меньше всего. Тут наблюдается то же, что и в еврейском вопросе. Говорят: евреи де сделались только теперь такими, какими мы их знаем, а раньше когда то были другими. Возможно, только этого мы не знаем. Кто доверяет подобному историческому развитию, пусть в это верит. Ничего нельзя доказать там, где одно историческое предание опровергается другим, противоположным. Для нас имеет значение вопрос: каковы женщины теперь? Если мы натолкнемся на явления, которые никак нельзя признать привитьми какому нибудь существу извне, то мы вправе признать, что оно и всегда было таким. Теперь вполне можно принять за истину следующее: Ж, не принимая во внимание одно кажущееся исключение (гл. XII), занимается внеполовыми вещами только для любимого мужчины или для том, чтобы приобрести его любовь Интерес к самой вещи у нее совершенно отсутствует. Бывает что женщина изучает латинский язык, но только лишь для того, чтобы поддержать или наставить своего сына, посещающего гимназию. Но ведь склонность к какой нибудь вещи и интерес к ней, талантливое и легкое ее усвоение, пропорциональны друг к другу. У кого нет мускулов, у того не может быть и склонности к сопротивлению. Только тот, у кого есть талант к математике, берется за ее изучение. Итак, по видимому, самый талант встречается у настоящей женщины редко и бывает мало интенсивен (хотя это не так важно: ведь и в противном случае ее половые свойства были бы слишком сильны, чтобы допустить другие серьезные занятия). Вот почему у женщины не достает условий к образованию интересных комбинаций, которые не создают у мужчины индивидуальности, но все же его выделяют.

Сообразно с этим, только исключительно женственные мужчины всегда ухаживают за женщинами и находят интерес только в любовных интрижках и половых связях. Впрочем, этим утверждением вовсе не разрешается проблема Дон Жуана, даже серьезно не затрагивается.

Ж только сексуальна, М тоже сексуален и еще кое что сверх того. Это особенно ясно обнаруживается в том совершенно различном способе, с каким мужчина и женщина переживают наступление периода половой зрелости. У мужчины это время всегда носит характер кризиса: он чувствует, что какое то новое для него начало овладело его существом, нечто такое, что

присоединяется помимо его воли к его прежним мыслям и чувствам. Эта физиологическая эрекция, над которой воля не имеет власти. Поэтому первая эрекция ощущается всяким мужчиной, как нечто загадочное и беспокойное. Многие мужчины всю жизнь помнят с большой точностью обстоятельства, впервые ее вызвавшие. Женщина, напротив, совершенно легко вступает в период половой зрелости, она чувствует, как ее существование повышается, как бесконечно увеличивается ее собственное значение. У мужчины, пока он мальчик, вовсе нет потребности в половой зрелости, женщина же, будучи девочкой, ждет от этого времени всего. Симптомы наступления половой зрелости у мужчины сопровождаются неприятным, враждебным и беспокойным чувством, а женщина следит с величайшей напряженностью, с лихорадочным, нетерпеливым ожиданием за своим телесным развитием в период половой зрелости. Это доказывает, что половое влечение мужчины не лежит на прямой линии его развития, тогда как у женщины наступает вместе с ним необычайный подъем всего ее прежнего существования. Есть много мальчиков в этом возрасте, которые только при мысли, что они могут влюбиться или жениться (вообще жениться, а не на какойнибудь определенной девушке), уже с негодованием отвергают эту мысль, между тем, как даже самые маленькие девочки страстно жаждут любви и брака, как завершения их жизни. Вот почему женщина, как в себе, так и в других индивидуумах ее пола, ценит положительно только период половой зрелости. К детству и старости у нее нет никакого прямого отношения. Воспоминания о своем детстве являются у нее, как мысль о глупости, а представление о будущей старости вселяют ей страх и отвращение. Положительную оценку из периода детства получают у нее только вызванные памятью сексуальные моменты, впрочем, и они теряют свое значение по сравнению с позднейшей, несравненно большей интенсивностью ее жизни, так как последняя вся – сексуальна. Наконец, брачная ночь, момент дефлорации есть самый важный момент. Я считаю его пунктом полного перелома всей жизни женщины. В жизни мужчины, напротив, первый половой акт не играет никакой роли.

Женщина только сексуальна, мужчина – также сексуален. Различие это, как в пространственном, так и в временном отношении можно продлить дальше. Точки тела, где мужчина может быть возбужден прикосновением, чрезвычайно незначительны по числу и строго локализованы. У женщины сексуальность распространена по всему телу, всякое прикосновение, к какой угодно части тела женщины, возбуждает ее в половом отношении. Следовательно, если во второй главе первой части была установлена определенная половая характеристика всего мужского и всего женского тела, то из этого не следует понимать, что с каждой точкой тела, как у мужчины, так и у женщины, соединена возможность вызвать одинаковое половое возбуждение. Правда, и у женщины есть различия в возбудимости отдельных мест тела. но здесь нет, как у мужчины. резкого полового различия от всех других частей.

Морфологическое отделение мужских половых частей из всего тела можно принять как нечто символическое в этом отношении. Как половое влечение мужчины пространственно выделяется от всего, не имеющего к нему прямого отношения, точно так же и различно выражена у него половая жизнь в разные моменты времени. Женщина сексуальна всегда, мужчина – с перерывами. Половое влечение женщины – постоянно (кажушиеся исключения, всегда приводимые против полового влечения женщин, будут рассмотрены впоследствии подробно), у мужчины оно прекращается на долгое или короткое время. Этим объясняется также вулканический характер мужского полового влечения, являющийся поэтому более заметным, чем у женщины. Он и послужил распространением ошибки, будто половое влечение мужчины гораздо

интенсивнее, чем у женщины. Вся разница состоит в том, что для М потребность в совокуплении есть, если можно так выразиться, временами прерывающийся зуд, а для Ж – постоянное щекотание. Исключительное и постоянное половое влечение женщины в физическом и психическом отношениях имеют и дальнейшие важные последствия. Половое влечение мужчины является только придатком, а не решающим моментом. Вот почему это обстоятельство дает ему возможность психологически осознать его и выделить из общего фона. Вот почему мужчина может противопоставить себя собственному половому влечению, освободиться от него и стать его наблюдателем. У женщины нельзя выделить ее сексуальность ни временным ограничением полового проявления, ни посредством анатомического, доступного глазу, органа, в котором бы это проявление было ясно локализовано. Поэтому мужчина знает свою сексуальность, тогда как женщина не сознает ее. Она с полным убеждением может отрицать ее: именно потому что она сама с головы до пят сексуальна, как это покажет дальнейшее исследование. Женщине, только потому, что она исключительно сексуальна, не доставляет необходимой двойственности для того, чтобы заметить свою сексуальность, в то время как у мужчины, обладающего чем то большим, помимо полового влечения, сексуальность можно отделить не только анатомически, но и психологически от всего остального. Вот почему у мужчины есть способность занимать то или иное положение по отношению к сексуальности. Благодаря тому, что мужчина вполне объяснил себе половое влечение, он может его ограничить или расширить, отрицать или утверждать: он может стать и Дон Жуаном, и святым. Он может использовать и то и другое. Грубо выражаясь: мужчина владеет своим penisom, над женщиной же господствует vagina.

Мы вывели здесь с известной вероятностью, что мужчина вполне самостоятельно сознает свое половое влечение и также самостоятельно может с ним бороться, тогда как у женщины такая возможность, по видимому, отсутствует. Это утверждение основывается на большой дифференцированности мужчины в половой и не половой сфере. Впрочем, возможность или невозможность понять какойнибудь определенный предмет основано не на понятии, с которым связано известное слово в нашем сознании. Последнее, по видимому, дает право заключить, что если известное существо имеет сознание, оно может каждый объект сделать его содержанием. Итак, здесь поднят вопрос о природе женского сознания вообще. Рассмотрение этой темы приведет нас вновь, после долгого обхода к пунктам, здесь только слегка затронутым.

Глава III

Мужское и женское сознание

Прежде чем приступить к рассмотрению основного различия психической жизни полов, поскольку содержание ее представляют явления внешнего и внутреннего мира, необходимо предпринять известные психологические изыскания и установить некоторые понятия. В виду того что взгляды и принципы господствующей психологии развились без всякого отношения к нашей специальной теме, то нужно было бы удивляться, если бы ее теории можно было бы применить без дальнейших рассуждений к нашей области. К тому же в наше время не существует одной психологии, есть много психологий. Присоединение к какойнибудь определенной школе для исследования, только на основании ее научных положений, всей избранной нами темы, было бы в большей степени произволом, чем принятый мною метод,

который, присоединяясь ко всем современным результатам, стремится обосновать явления, поскольку это необходимо, вполне самостоятельно. Стремление к объединенному рассмотрению всей душевной жизни, сведение ее к одному определенному основному процессу проявилось в эмпирической психологии прежде всего в отношении, принятом отдельными исследователями, между ощущениями, и чувствами. Герbart выводил чувства из представлений. Горвич, напротив, предполагал, что ощущения развиваются из чувств. Современные выдающиеся психологи указали на полную безнадежность таких попыток. А все же в основе их лежит истина.

Чтобы найти ее, не следует упускать одного, по видимому, вполне ясного отличия, совершенно обойденного каким то странным образом современной психологией. Первое явление какого нибудь ощущения, мысли, чувства следует отличать от их повторений, при которых можно уже проследить процесс запоминания. Для целого ряда проблем это различие имеет, как кажется, важное значение, хотя оно и не соблюдается современной психологией.

Всякому отчетливому, ясному, пластическому ощущению точно так же, как каждой резко разграниченной мысли, прежде чем она впервые будет выражена в словах, предшествует, правда, чрезвычайно короткая стадия неясности. Точно так же всякой еще необычной ассоциации предшествует более или менее краткий момент времени, когда намечается только неопределенное чувство, направленное к предмету ассоциации, общее предчувствие ассоциации, ощущение принадлежности ее к чему то другому. Родственные явления, наверное, особенно занимали Лейбница. Они то и дали возможность (хуже или лучше описанные) к составлению упомянутых теорий Герберта и Горвица. Так как в качестве основных форм чувствований рассматривают обычно лишь удовольствие и неудовольствие, а вместе с Вундтом еще освобождение и напряжение, успокоение и возбуждение, то деление психических феноменов на ощущения и чувства для явлений, предшествующих стадии ясности, как это будет вскоре подробно указано, слишком узко, а потому и неприменимо для их описания. Поэтому я хочу для резкого разграничения воспользоваться здесь, насколько можно самой общей классификацией. Это классификация Авенариуса на «элементы» и «характеры» («характер «здесь не имеет ничего общего с объектом характерологии»).

Распространению своих теорий Авенариус помешал не одной только, как известно, совершенно новой терминологией (она содержит в себе много преимуществ, а для известных явлений, впервые им замеченных и названных, она едва ли заменима), больше всего препятствует принятию некоторых его выводов, его несчастное стремление вывести психологию из физиологической системы мозга, тогда как сам он постиг ее только на основании психологических факторов внутреннего опыта (посредством чисто внешнего присоединения общих биологических положений о равновесии между питанием и работой). Вторая психологическая часть его «критики чистого опыта» послужила ему самому базисом для постройки гипотез первой физиологической части. В изложении это взаимоотношение обеих частей перевернулось, и первая часть напоминает читателю скорее описание путешествия по Атлантиде. В виду этой трудности, я вкратце поясню сейчас смысл указанного деления Авенариуса, оказавшегося крайне пригодным для моих целей.

«Элементом» Авенариус называет то, что в школьной психологии называется «ощущением» как при «восприятии», так и при «воспроизведении» (репродукции), у Шопенгауэра оно называется «представлением», а у англичан или «impression», или «idea», а в обыденной жизни оно называется: «вещью, предметом», причем совершенно безразлично, (у

Авенариуса) происходит ли при этом внешнее раздражение органов чувства, или нет, что весьма важно и ново. При этом, как для его, так и для наших целей, представляется совершенно посторонним вопрос, где собственно нужно остановиться в так называемом анализе: наблюдать ли, как «ощущение», или только как один лист, отдельный стебель, или же (на чем особенно останавливаются) только краску, величину, твердость, запах, температуру считать действительно «простыми». Ведь можно было бы на этом пути пойти еще дальше и говорить, что зелень листа представляет уже комплекс, результат его качества, интенсивности, яркости, насыщенности и протяжения, и что только эти последние нужно считать элементами. Нечто подобное происходит и с атомами: уже раньше они должны были уступить место «амерам», а теперь «электронам». Итак, если «зеленый», «голубой», «холодный», «теплый» «твердый», «мягкий» «сладкий», «кислый» являются элементами, то характером по Авенариусу будет всякого рода «окраска», «тон чувствования», с которым эти элементы выступают. И не только «приятный», «прекрасный», «благодетельный» и их противоположности признал Авенариус психологически принадлежащими сюда же, но и такие понятия, как «странный», «надежный», «жуткий», «постоянный», «иной», «верный», «известный», «действительный», «сомнительный» и т. д. и т. д. Все, что я, например, предполагал, во что верю, знаю, составляет элемент, а то что я только предполагал, но не верю, не знаю психологически (не логически) – является «характером», в котором заключен «элемент».

Но в душевной жизни есть стадия, в которой такое общее деление психических феноменов не только не правильно, но и преждевременно. Именно, все «элементы» являются в начале, как бы на расплывчатом фоне, как «rudis indigestaque moles», тогда как в то же самое время характеристика (приблизительно, стало быть, чувственная окраска) обхватывает все целое. Это подобно процессу, являющемуся перед нами, когда мы приближаемся издали к какому нибудь предмету, кусту или куче дров: первоначальное впечатление, тот первый момент, когда мы еще не можем различить, какой это в сущности предмет, момент первой неясности и неуверенности. Вот это то именно я и прошу ясно представить себе для понимания дальнейшего изложения.

В это мгновение «элементы» и «характер» абсолютно неразличимы (неотделимы они постоянно, на основании вполне правильно защищаемого Петцольдом видоизменения исследований Авенариуса). В густой толпе людей я замечаю, например, лицо, черты которого тотчас же исчезают у меня, благодаря непрестанно двигающимся массам народа. У меня нет ни малейшего представления о том, как выглядит это лицо. Я был бы не в состоянии описать его или дать хотя его незначительные признаки. И все таки оно привело меня в сильное возбуждение: я спрашиваю с боязливым, жадным беспокойством, где я видел это лицо раньше?

Если человек увидит «на мгновенье» женскую голову, и она произведет на него сильное чувственное впечатление, то очень часто он не может объяснить себе, что собственно он видел. Бывает даже, что он не в состоянии точно припомнить цвета ее волос. Необходимым условием всегда является то, чтобы сетчатая оболочка, выражаясь вполне фотографически, была достаточно короткое время, не дольше известной части секунды, экспонирована.

Когда приближаются издали к какому нибудь предмету, то различают первоначально лишь очень неясные очертания, при чем испытывают достаточно сильные ощущения, которые ступеньются по мере того, как приближаются к предмету и лучше воспринимают подробности. (Нужно заметить, что здесь не идет речь о «чувствах ожидания»). Пусть вспомнят, например, о первом

впечатлении, полученном от вытянутой из швов человеческой клиновидной кости, или впечатлении от некоторых рисунков и картин, наблюдаемых на полметра ближе или дальше правильного расстояния. Я вспоминаю впечатление, произведенное на меня пассажирами из одного бетховенского сочинения для рояля, состоявшими из $1/32$ х, и вспоминаю впечатление от страниц ученого исследования, заполненных всецело тройными интегралами, пока я еще не знал нот и понятия не имел об интегрировании. Это и есть то, что просмотрели Авенариус и Петцольд: всякое выявление элементов сопровождается известным обособлением характеристики (чувственной окраски).

Некоторые твердо установленные экспериментальной психологией факты можно сопоставить с этими выводами самонаблюдения. Пусть попробуют в темной комнате моментально подействовать цветным световым раздражением на привыкший к темноте глаз, и наблюдатель получит просто впечатление света, не будучи в состоянии ближе определить цветового качества. Получится впечатление «чего то», не имеющее более точного определения, «впечатление света вообще». Точное указание цветового качества нелегко сделать и при большей продолжительности раздражения (конечно, до известной величины). Точно также всякому научному открытию, технологическому изобретению или художественному созданию, предшествует родственная стадия темноты, подобно той, откуда Заратустра вызывает свое учение о вечном возвращении (Wiederkimft). «Встань бездонная мысль из глубины моей! Я твой петух, твой предрассветный туман, заспавшийся червь: встань, встань! мой голос должен тебя разбудить!» Весь этот процесс в своем поступательном движении, от полной запутанности до сияющей ясности, подобен ряду воспринимаемых нами пассивно картин, когда с какой-нибудь пластической группы или рельефа снимают одно за другим обвивавшие его влажные покрывала. При открытии памятника зритель переживает нечто подобное. Точно также, если я вспоминаю, например, услышанную однажды мелодию, процесс этот в точности повторяется, хотя часто настолько быстро, что его трудно уловить. Каждой новой мысли предшествует такая, как я ее называю, стадия «предмыслия», когда выплывают и рассыпаются геометрические фигуры, кажущиеся фантазмы и туманные образы, когда появляются «колеблющиеся формы», окутанные мраком картины, таинственно манящие маски. Начало и конец всего этого хода мыслей, которые я кратко называю процессом «просветления», относятся между собой так как два впечатления, полученные очень близоруким субъектом от находящегося вдали предмета, одно – в очках, другое – без очков.

И как в жизни отдельного индивидуума (который, может быть, умрет прежде, чем закончит весь процесс), точно так же и в истории исследований «предчувствия» всегда предшествуют ясному познанию. Это тот же процесс просветления, распределенный на целые поколения. Пусть вспомнят, например, о бесчисленных предвосхищениях у греков и в более новое время теории Ламарка и Дарвина, за которые «предвозвестники» их чрезмерно восхваляются, о предшественниках Роберта Манера и Гельмгольца, о тех случаях, когда Гете и Леонардо да Винчи, правда, может быть, разносторонние люди, предвосхитили позднейший прогресс науки и т. д., и т. д. О таких именно предварительных стадиях идет обычно речь, когда открывают, что та или иная мысль не нова, что ее можно найти у того или другого мыслителя, поэта и пр. Подобный же процесс развития наблюдается так же при всех художественных стилях в живописи и музыке: от неуверенного прикосновения, осторожных колебаний до полной победы. Умственный прогресс человечества в науке основывается так же на лучшем и лучшем описании и познании одних и тех же явлений. Это процесс

просветления, распространенный на всю человеческую историю. То что мы замечаем нового, то в сравнении с этим процессом мало достойно внимания. Сколько степеней выяснения и дифференцированности пройдет содержание известного представления, вплоть до полной и отчетливой, не задернутой никаким туманом мысли, может наблюдать всякий, кто старается усвоить новый трудный предмет, например, теорию эллиптических функций. Как много степеней понимания нужно пройти (особенно в математике и механике), пока все не предстанет в полном порядке, в совершенной системе, ненарушенной и стройной гармонии частей к целому! Эти степени соответствуют отдельным этапам на пути просветления.

Процесс просветления может протекать также и в обратном порядке: от полной ясности до полной неопределенности. Это обратное движение – ничто иное, как процесс забывания. Обычно он растягивается на довольно значительное время, и лишь случайно можно заметить отдельные точки на его пути. Даже прекрасно сооруженные улицы тотчас разрушаются, если не заботятся о их «восстановлении», и подобно тому, как из юношеского «предмыслия» развивается интенсивная блещущая «мысль», так и от нее происходит переход к старческому «послемыслию»; как брошенная лесная дорога зарастает справа и слева травой и кустарником, так стирается день за днем и ясный отпечаток мысли о каком-нибудь явлении, уже не служащим для нас предметом мышления. Один из моих друзей открыл отсюда и обосновал самонаблюдением следующее практическое правило: кто хочет что-нибудь изучить, будь то музыкальный отрывок или отдел из истории философии тот не должен посвящать себя усвоению этой работы без перерывов. Ему нужно будет повторять отдельные части данного материала по несколько раз. Вопрос в том, как велики должны быть перерывы для более целесообразного усвоения? Выяснилось – и это должно иметь общее значение, что повторение следует возобновить, когда не окончательно еще иссяк интерес к работе, когда наполовину владеют еще своим сознательным мышлением. А когда предмет уже достаточно исчез из памяти, так что он не интересуется нас, не возбуждает ни любопытства, ни любознательности, тогда результаты первого усвоения стираются, и вторичное изучение их не усиливает: здесь приходится сделать вновь значительную долю работы просветления.

Весьма возможно, что в смысле учения Зигмунда Экслера о «проникновении», вполне соответствующему весьма популярному взгляду о совершенно параллельном этому процессу просветления, следует принять, что нервные сосуды должны быть чувствительны в своих фибрах, если дело коснется раздражения посредством аффекта (безразлично от того, будет ли последний существовать долю или часто повторяться). Весьма понятно и то, что в случае заболевания результат этого «проникновения» будет совершенно обратным. На этом то основании морфологические элементы строения, происшедшие благодаря вышесказанному, атрофируются в отдельных клетках из-за недостаточного их применения. Авенариус в своей теории принимает для объяснения всех этих родственных явлений различия между «отделкой» и «расчленением» в процессах мозга (в независимых отклонениях от системы С). Той же теорией объясняются очень просто и дословно свойства влияния зависимого (психического) ряда явлений на независимый (физический), т. е. его способность влиять на вопрос психофизического сопоставления. Поэтому и выражения «отделанный» и «расчлененный» употребляются для описания степени разницы отдельных психических данных, в которых они и употребляются для этой цели. Необходимо проследить процесс «просветления» во всем его течении для того, чтобы изучить объем и внутреннее содержание нового понятия. Однако для последующего важна лишь первоначальная стадия, исходный пункт «просветления». В том внутреннем содержании, через которое

проходит процесс просветления, т. е., так сказать, в первый момент его проявления, еще не ощущается разница, по Авенариусу «элемента» от «характера».

Однако всякий, принимающий подобное деление для всех явлений развивающейся психики, обязательно должен ввести новое название для выражения внутреннего содержания той стадии, где такая двойственность еще не различается. И вот мы, не считаясь со всеми требованиями, выходящими из рамок этой работы, предлагаем здесь слово «генида» для выражения физических данных в первобытно детском состоянии (от греч. слова *γεν*, так как восприятие и чувство не позволяют ощутить в себе двойственности, в виде двух аналитических моментов абстракции).

Необходимо рассматривать абсолютную гениду в качестве ограничивающего понятия. Конечно, при этом невозможно точно и быстро решить, сколько раз настоящие психические переживания достигают в взрослом человеке степени индифферентности. Впрочем, теория сама по себе и не касается этого. Вообще можно назвать именем «гениды» то весьма различное у различных людей, что происходит при разговоре. Конечно, тут имеется в виду нечто совершенно определенное. Например, если ктонибудь замечает что либо и это «что либо» испарилось так, что его невозможно восстановить. Однако позднее нечто из утраченного может быть восстановлено на основании ассоциации идей. И вот из этого возобновленного, как оказывается, можно узнать, что представляла из утраченного то, чего раньше никак не удавалось уловить. Очевидно мы тогда получим понятие, имеющее то же самое содержание, но только в другой форме, на другой стадии развития. Подобное прояснение не только производится в течение всей индивидуальной жизни по этому направлению, но и должно быть сызнова испытано для каждого внутреннего содержания.

Предполагаю, что кто либо вдруг потребует более точного описания того, что я собственно понимаю под словом генида. Как выглядит такая генида? Это было бы полнейшим абсурдом. В самом понятии гениды заключается представление о том, что она представляет собой туманную единицу, которую невозможно описать точнее. Однако, если при этом несомненно, что позднее следует полное отождествление гениды с самым расчлененным внутренним содержанием, то столь же несомненно, что сама генида еще не вполне совпадает с ним, чем то от нее отличается, – меньшей степенью сознания, недостатком рельефности и главным образом отсутствием «фиксационной точки» в «зрительном поле».

Невозможно также рассматривать и описывать отдельные гениды можно только лишь зная об их существовании. Остается принять принципиально, что в гениде существуют такие же мысли и жизнь, как в элементах и характерах: каждая генида при этом представляет из себя индивидуум и совершенно различна одна от другой.

По данным, которые будут приведены позднее, можно заключить, что переживания раннего детства (это можно принять для первых 14 месяцев жизни каждого человека) – суть гениды, если не принимать таковые в их абсолютном значении. По крайней мере психические события раннего детства никогда не отходят далеко от стадии гениды; у взрослых же развитие внутренней жизни уже переросло эту ступень. Отсюда видно, что в состоянии гениды проходит форма сознательной жизни низших организмов и, может быть, очень многих растений и животных. У взрослого человека происходит уже дальнейшее развитие из гениды, благодаря вполне отчетливому, пластическому впечатлению, и том случае, если оно представляет для него никогда недостижимый идеал. У абсолютной гениды язык еще не сформирован, ибо расчленение речи вытекает из расчленения

мысли, но и на самой высокой из доступных человеку ступеней интеллекта остается много неясного, а потому и невыразимого.

Вообще вся теория гениды помогает сгладить борьбу между впечатлением и чувством в их споре о старшинстве и сделать попытку поставить на место понятий «элемент» и «характер», выхваченных из теории просветления, описание самого содержания этой теории, опираясь при этом на тот основной факт наблюдения, что только с выделением «элементов» последние становятся отличными от «характеров».

Теперь понятно, почему человек ночью более, чем днем, склонен к «настроениям» и «сентиментальностям» – ибо ночью все вещи лишены тех резких очертаний, какие они имеют днем.

В каком же направлении нужно вести все это исследование с психологией полов? Повторяем, что мы тут находим разницу между М и Ж в отношении различных стадий просветления, так как, откровенно говоря, наше пространное сочинение и клонится к подобной цели. Но в чем же заключается эта разница?

Нужно ответить на это следующим образом: мужчина обладает одинаковым с женщиной психическим содержанием, но только в более расчлененной форме. Там, где женщина более или менее мыслит генидами, она имеет ясные, отчетливые представления, к которым присоединяются ясно выраженные и всегда отдельные от, вещей чувства. У Ж мысли и чувства бывают одинаковы. У М они различны. Когда у Ж переживания находятся еще в состоянии гениды, то у М давно уже наступило просветление. (Конечно, тут нельзя думать ни об абсолютных генидах у женщины, ни об абсолютном просветлении у мужчины). Вот почему женщина сентиментальна, и вот почему ее можно только тронуть, но не потрясти.

Лучшая отделка психических данных у мужчины соответствует также большей строгости в его строении тела и в чертах его лица. Совершенно обратному, малая отделка психических данных у женщины соответствует нежности, округленности и неясности в женской фигуре и физиономии. Говоря далее, с этим представлением вполне согласуются выводы из измерения различных степеней чувствительности полов, которые, вопреки ходячему мнению, показали, что чувствительность мужчины тоньше, даже если брать при этом средние числа. Эта разница выкупает еще в более обширных размерах при точном наблюдении над типами. Единственным тут исключением является чувство осязания. Осязательная чувствительность женщины вообще тоньше, чем у мужчин греч. слова *ἥπιον*, так как восприятие и чувство не позволяют ощутить в себе двойственности, в виде двух аналитических моментов абстракции.

Необходимо рассматривать абсолютную гениду в качестве ограничивающего понятия. Конечно, при этом невозможно точно и быстро решить, сколько раз настоящие психические переживания достигают в взрослом человеке степени индифферентности. Впрочем, теория сама по себе и не касается этого. Вообще можно назвать именем «гениды» то весьма различное у различных людей, что происходит при разговоре. Конечно, тут имеется в виду нечто совершенно определенное. Например, если ктонибудь замечает что либо и это «что либо» испарилось так, что его невозможно восстановить. Однако позднее нечто из утраченного может быть восстановлено на основании ассоциации идей. И вот из этого возобновленного, как оказывается, можно узнать, что представляла из утраченного то, чего раньше никак не удавалось уловить. Очевидно мы тогда получим понятие, имеющее то же самое содержание, но только в другой форме, на другой стадии развития. Подобное прояснение не только производится в течение всей индивидуальной жизни по

этому направлению, но и должно быть сызнова испытано для каждого внутреннего содержания.

Предполагаю, что кто либо вдруг потребует более точного описания того, что я собственно понимаю под словом генида. Как выглядит такая генида? Это было бы полнейшим абсурдом. В самом понятии гениды заключается представление о том, что она представляет собой туманную единицу, которую невозможно описать точнее. Однако, если при этом несомненно, что позднее следует полное отождествление гениды с самым расчлененным внутренним содержанием, то столь же несомненно, что сама генида еще не вполне совпадает с ним, чем то от нее отличается, – меньшей степенью сознания, недостатком рельефности и главным образом отсутствием «фиксационной точки» в «зрительном поле».

Невозможно также рассматривать и описывать отдельные гениды можно только лишь зная об их существовании. Остается принять принципиально, что в гениде существуют такие же мысли и жизнь, как в элементах и характерах: каждая генида при этом представляет из себя индивидуум и совершенно различна одна от другой.

По данным, которые будут приведены позднее, можно заключить, что переживания раннего детства (это можно принять для первых 14 месяцев жизни каждого человека) – суть гениды, если не принимать таковые в их абсолютном значении. По крайней мере психические события раннего детства никогда не отходят далеко от стадии гениды; у взрослых же развитие внутренней жизни уже переросло эту ступень. Отсюда видно, что в состоянии гениды проходит форма сознательной жизни низших организмов и, может быть, очень многих растений и животных. У взрослого человека происходит уже дальнейшее развитие из гениды, благодаря вполне отчетливому, пластическому впечатлению, и том случае, если оно представляет для него никогда недостижимый идеал. У абсолютной гениды язык еще не сформирован, ибо расчленение речи вытекает из расчленения мысли, но и на самой высокой из доступных человеку ступеней интеллекта остается много неясного, а потому и невыразимого.

Вообще вся теория гениды помогает сгладить борьбу между впечатлением и чувством в их споре о старшинстве и сделать попытку поставить на место понятий «элемент» и «характер», выхваченных из теории просветления, описание самого содержания этой теории, опираясь при этом на тот основной факт наблюдения, что только с выделением «элементов» последние становятся отличными от «характеров».

Теперь понятно, почему человек ночью более, чем днем, склонен к «настроениям» и «сентиментальностям» – ибо ночью все вещи лишены тех резких очертаний, какие они имеют днем.

В каком же направлении нужно вести все это исследование с психологией полов? Повторяем, что мы тут находим разницу между М и Ж в отношении различных стадий просветления, так как, откровенно говоря, наше пространное сочинение и клонится к подобной цели. Но в чем же заключается эта разница?

Нужно ответить на это следующим образом.

Мужчина обладает одинаковым с женщиной психическим содержанием, но только в более расчлененной форме. Там, где женщина более или менее мыслит генидами, она имеет ясные, отчетливые представления, к которым присоединяются ясно выраженные и всегда отдельные от, вещей чувства. У Ж мысли и чувства бывают одинаковы. У М они различны. Когда у Ж переживания находятся еще в состоянии гениды, то у М давно уже наступило просветление.

(Конечно, тут нельзя думать ни об абсолютных генидах у женщины, ни об абсолютном просветлении у мужчины). Вот почему женщина сентиментальна, и вот почему ее можно только тронуть, но не потрясти.

Лучшая отделка психических данных у мужчины соответствует также большей строгости в его строении тела и в чертах его лица. Совершенно обратное этому, малая отделка психических данных у женщины соответствует нежности, округленности и неясности в женской фигуре и физиономии. Говоря далее, с этим представлением вполне согласуются выводы из измерения различных степеней чувствительности полов, которые, вопреки ходячему мнению, показали, что чувствительность мужчины тоньше, даже если брать при этом средние числа. Эта разница выкупает еще в более обширных размерах при точном наблюдении над типами. Единственным тут исключением является чувство осязания. Осязательная чувствительность женщины вообще тоньше, чем у мужчины. Факт этот довольно интересен, и требует точного изложения, которое я сделаю несколько позднее. Здесь же лишь я замечу, что болевые ощущения мужчины несравненно выше, чем у женщины. Подобный факт имеет известное значение для физического изыскания над «болевым ощущением» и его отличием от «кожного».

Слабая чувствительность должна, конечно, способствовать пребыванию внутренней жизни в состоянии стадии гениды. Конечно, при этом нельзя рассматривать ничтожную степень ее прояснения за неперемное следствие такой стадии. Тем не менее она находится с ним в очень вероятной связи. Точным доказательством меньшей отделки представлений у женщин является большая решительность в суждении у мужчин. Конечно, такой факт невозможно вывести из одной только недостаточной отчетливости женского мышления (возможно, что тут имеется и один общий, более глубокий корень). Для нас несомненно лишь то, что пока мы пребываем еще вблизи стадии гениды, мы точно знаем только то, каких свойств нет у данного предмета. Это мы узнаем гораздо раньше, чем бываем в состоянии определить, какими свойствами он обладает на деле. То, что Мах называет «инстинктивным опытом», основывается, вероятно, на том, что известные состояния сознания даются нам в форме гениды. Чем мы ближе к такой стадии, тем более мы лишь кружимся вокруг предмета, постоянно поправляемся при каждой попытке его описать и постоянно лишь повторяем: нет, не то слово! Конечно, этим то и обуславливается нерешительность в суждении. Последнее только тогда приобретает определенность и прочность, когда процесс просветления уже окончен. Уже самое суждение само по себе предполагает известное удаление от стадии гениды. И это бывает даже тогда, когда им высказывается только нечто аналитическое, не увеличивающее духовного содержания известного субъекта.

В том факте, что Ж всегда ожидает от М прояснения своих темных представлений, истолкования генид везде, где нужно высказать новое суждение, а не повторять старое, давно готовое в виде простой сентенции, находится доказательство правильности взгляда, что генида есть свойство Ж, а дифференцированное внутреннее содержание – свойство М. В этом и заключается основная противоположность полов. Выступающая в речи мужчины расчлененность его мысли там, где у женщины нет ясного сознания, обыкновенно ожидается, желается ею, как третичный половой признак и действует на нее именно в таком смысле. На этом основании многие девушки говорят, что они охотно бы вышли замуж за такого мужчину (или по крайней мере могли бы полюбить такого), который был бы умнее их. Если же мужчина просто соглашается с их словами и не умеет высказывать их в лучшем виде, то такой факт им не нравится и даже их отталкивает в половом отношении. Совершенно ясно, что женщина ощущает в качестве признака мужественности

тот факт, что мужчина сильнее ее и в духовном отношении. Ж привлекает к себе лишь тот мужчина, мышление которого выше ее собственного. Этим она, сама того не сознавая, подает решающий голос против теории равноправия полов.

М живет сознательно, Ж бессознательно. Мы имеем теперь полное право говорить так по поводу крайних типов. Ж получает свое сознание от М. Половой функцией типичного мужчины по отношению к типичной женщине, в качестве его идеального дополнения, является работа превращения бессознательного в сознательное.

Теперь мы подошли к проблеме дарования. В настоящее время весь теоретический спор о женщинах почти везде сводится к вопросу о том, кто имеет более духовных качеств: мужчины или женщины. Обыкновенная постановка вопроса не считается с типами. Тут же была изложена теория типов, и она не может остаться без влияния на требуемый ответ. Нам теперь остается разъяснить, в чем состоит связь между поставленным вопросом и этой теорией.

Глава IV

Дарование и гениальность

Приступая к изложению этой главы, я считаю не лишним предпослать несколько предварительных замечаний. Делаю я это во избежание всяких недоразумений, которые могут возникнуть, благодаря самому разноречивому пониманию сущности гениальности со стороны различных писателей. В ряду этих замечаний первое место должно быть отведено вопросу о соотношении между гением и талантом и о полнейшем разграничении этих двух понятий. Широкая публика этого различия не признает. Для нее гений является только высокой или высшей степенью таланта. Подчас под гением понимают лицо, совмещающее в себе целый ряд всевозможных талантов. В крайнем случае допускают существование между ними промежуточных ступеней. Подобное представление совершенно превратно. Действительно, мы различаем разнообразные степени гениальности, тем не менее эти степени ничего общего с талантом не имеют. Человек может с первого дня своего рождения обладать ярким, сильным талантом, так, например, математическим. Этот человек в состоянии без малейшего труда усвоить самые сложные разделы этой науки. Но для этого ему совершенно не нужно обладать гениальностью, которая вполне идентична оригинальности, индивидуальности. Она же – условие изобретательности. И наоборот, существуют высокогениальные люди, которые не обладают никаким значительным талантом. Примеры: Новалис, Жан Поль. Итак, гений совершенно не является какой либо степенью таланта. Оба понятия – две несоизмеримые, совершенно различные категории, между которыми лежит целый мир. Талант – наследственное, подчас родовое имущество (семья Бахов), гений же не переходит по наследству. Это имущество не родовое, а индивидуальное (Иоганн Себастьян). Посредственность, легко поддающаяся ослеплению, а посредственность женщины в особенности, совершенно не отличает блестящего ума от ума гениального. Женщины не понимают гениальности, хотя на первый взгляд могло бы показаться иначе, на самом деле ее половое тщеславие вполне удовлетворяется всякой экстравагантностью, которая выделяет мужчину среди окружающих его людей. Драматург для них то же, что артист, между художником и виртуозом они не делают никакого различия. Блестящий и гениальный ум, по их мнению, два совершенно тождественных понятия: Ницше для них – тип гения! Однако все, что только жонглирует причудами ума, всякое изящество духа не имеет даже отдаленного сходства с истинным

духовным величием. Великие люди серьезно ставят проблему своего «я» и вдумчиво относятся к окружающим их вещам. Но они делают это не с целью казаться одаренными в наиболее подходящий момент, а с целью быть таковыми во любое время. Люди, которые только сверкают своим умом, лишены духовного благочестия. Это все лица, которые далеки от искреннего и серьезного интереса к окружающему, так как вопрос о сущности бытия не в состоянии ими овладеть, лица, у которых побуждение к творчеству вяло и мимолетно. Все силы их сосредоточены на том, чтобы мысль их искрилась и сверкала, как блестяще отшлифованный алмаз, но они совершенно не стремятся к тому, чтобы она что-нибудь освещала! Это вполне понятно, так как они всегда думают только о том, что «скажут» другие – соображение, которое далеко не всегда заслуживает уважения. Есть люди, которые в состоянии жениться на женщине, лишенной для них всякой привлекательности, исключительно лишь потому, что она нравится другим. И подобные же «браки» люди очень часто заключают и со своими мыслями. Я говорю здесь об одном авторе, который отличается злобной, грубой, оскорбительной манерой писать: ему кажется, что он рычит, как лев, на самом деле он только лает. К сожалению, кажется, что и Фридрих Ницше в своих последних произведениях особенно отчетливо выделяет именно то, что, по его мнению, сильно должно было бы задеть и шокировать людей (насколько он во всем остальном стоял неизмеримо выше упомянутого уже писателя?). И он наиболее тщеславен именно там, где проявляет столь сильное невнимание и пренебрежение к человеческому роду. Это тщеславие зеркала, которое с настойчивым упорством требует признания: «смотри, как хорошо, как беспощадно я отражаю!» В молодости, когда человек чувствует свою полнейшую неустойчивость, каждый старается укрепить свое «я» тем, что набрасывается на других, но лишь одна необходимость заставляет великих людей быть страстно агрессивными. Это не они являются подобием молодой лисы, ищущей драки во что бы то ни стало, или молодой девицы, которой нравится новый туалет только потому, что он в состоянии возбудить зависть среди ее подруг.

Гений! Гениальность! Каких только чувств не вызывает у большинства людей этот феномен! Беспокойство, ненависть, зависть, недоброжелательство, жажда унижить! Сколько непонимания – и вместе с тем сколько подражания! «Как он харкает и как он плжует».

Отрешимся от всего псевдогениального с тем, чтобы перейти к истинно гениальному и к высшим проявлениям его. И в самом деле: с чего бы ни начиналось наше исследование, неисчерпаемое богатство и глубина содержания этой темы представляет исследователю полнейший произвол в выборе исходной точки. Рассмотрение отдельных качеств, принимаемых нами за признак гениальности, обрекает наше исследование на непреодолимые трудности: все эти качества до того тесно связаны между собой, что изучение каждого из них в отдельности не дает и не может дать нам общего представления. При подобном способе изучения этого вопроса нам грозит двойное зло: с одной стороны мы рискуем преждевременно выдвинуть конечные результаты нашего исследования с другой – изолированное изучение каждого признака в отдельности может заслонить от нас целое.

Все высказанные соображения о сущности гениальности носят или биологически – клинический характер или характер метафизический. В первом случае люди с забавной самоуверенностью утверждают, что незначительные познания в этой области дают нам вполне надежный ключ для объяснения самых сложных психологических проблем, во втором случае метафизика с высоты своего величия взирает на гениальность с тем, чтобы включить ее в свою систему. Если же эти пути не ведут к достижению всех целен этого

исследования, то объяснения этого прискорбного явления следует искать в природе этих путей.

Постараемся вникнуть в то, насколько великий поэт глубже и прочнее вселяется в души людей, чем человек среднего уровня. Следует только подумать о том необычайном количестве характеров, которые создал Шекспир или Эврипид, о бесконечном разнообразии типов, нарисованных в романах Золя. Генрих фон Клейст создал два совершенно противоположных типа: сначала Пентезилею, а затем – Кетхен фон Гейльбронн. Фантазия Микельанджело воплотила образы Леды и дельфийской Сибиллы. Иммануил Кант и Иосиф Шеллинг произнесли самое вдумчивое и правдивое слово об искусстве, а вместе с тем только очень немногие люди уступают им в области изобразительного творчества.

Необходимо прежде всего понять человека для того, чтобы познать и изобразить его. Для того же, чтобы понять человека, нужно иметь какое либо сходство с ним.

Необходимо быть таким же, как и он. Только тогда можно изобразить и оценить поступки людей, когда все психологические предпосылки, вызвавшие тот или иной образ действий, известны нам из собственных переживаний. Понять человека – значит носить его в себе. Надо уподобиться тому духовному миру, который хочешь постигнуть. Поэтому плут великолепно понимает только плута, простодушный – простодушного, но он никогда не в состоянии понять плута. Поэтер видит объяснение поступков людей только в позе и вернее поймет другого поэта, чем наивный человек, существование которого кажется в свою очередь поэтеру неправдоподобным. Словом, понять человека – значит быть этим человеком.

Из всего сказанного нужно было бы вывести заключение, что каждый человек лучше всего понимает самого себя. Но это ошибочно. Ни один человек не в состоянии самого себя понять. Для этого субъект познания должен одновременно фигурировать в качестве объекта, иными словами, человек должен был бы выйти из рамок своего собственного духовного мира. Это так же невозможно, как невозможно объяснить универсальность. Для объяснения универсальности следует найти точку, лежащую вне пределов ее, а это противоречит понятию универсальность. Если бы кому нибудь выпало на долю постичь себя, тот мог бы понять всю вселенную. Дальнейшее изложение покажет, что в этих словах кроется глубокий смысл, что это – не одна только параллель.

В этой стадии нашего изложения следует считать доказанным, что понять свою глубочайшую, истинную природу человек не в состоянии. Это бесспорный факт: мы можем быть поняты только другим, но никогда себя постичь не можем. Этот другой несомненно должен обладать некоторыми чертами сходства с нами, хотя во всех других отношениях может далеко отличаться от нас. Эти черты сходства являются предметом его исследования, и в результате он в состоянии будет познать, отразить, понять себя в нас или нас в себе. Понять человека значит – быть этим человеком и вместе с тем быть самим собою.

Но, как видно было из приведенных примеров, гений объемлет в своем понимании гораздо большее количество людей, чем средний человек. Гете будто бы сказал о себе, что нет того порока и преступления, к которому он не питал бы некоторой склонности и которого он не мог бы вполне понять в какой нибудь момент своей жизни. Гениальный человек сложнее, богаче. Он – личность многогранная. Чем больше людей человек вмещает в своем понимании, тем он гениальнее, и следует прибавить, что тем отчетливее, интенсивнее отражены в нем эти люди. Слабое, лишенное яркости отражение духовного мира окружающих людей не приведет его к созданию сильных,

могучих образов, охваченных пламенным порывом. Его образы будут бледны, без мозга и костей. Творчество гения всегда направлено к тому, чтобы жить во всех людях, затеряться в них, исчезнуть в многообразии жизни. В то время как философ стремится найти других людей в своем собственном духовном мире, свести их к единству, которое неизменно будет его собственным единством.

Природа гения – природа Протея, но эту природу не следует, как и бисексуальность, представлять себе непрерывно действующей. Даже величайшему на свете гению не дано одновременно, скажем, в один и тот же день, постичь всех людей. Духовное богатство и широта постижения раскрываются у человека не сразу они проявляются в процессе постоянном развития всей его сущности. Получается представление, что они появляются по мере истечения определенных, закономерных периодов, эти периоды по своему характеру являются различными. Они никогда не повторяются в той форме, и каждый последующий период представляет собою, так сказать, высшую фазу в сравнении с прошедшим. Нет двух моментов индивидуальной жизни, которые были бы совершенно похожи друг на друга. Между позднейшими и прежними периодами существует только то же соответствие, что и между гомологичными пунктами высшего и низшего оборота спирали. Отсюда совершенно понятно, что многие выдающиеся люди еще в юности намечают себе план своего произведения, затем готовая таким образом мысль остается долгое время в течение зрелого возраста без разработки и только в глубокой старости снова приступают к осуществлению раз задуманного плана: это все различные периоды, по очереди выступающие в их жизни, исполненные самого разнообразном содержания. Эти периоды существуют у всех людей с различной степенью интенсивности, с различной «амплитудой?» Так как гений вмещает в себе с ослепительной яркостью большинство людей, то «амплитуда» каждого периода будет находиться в полнейшем соответствии с богатством духовного содержания человека. Поэтому даровитые люди еще в детстве нередко слышат от своих воспитателей упрек в том, что они «из одной крайности впадают в другую». словно они делают это из собственного удовольствия! Именно у выдающихся людей подобные переходы носят характер ярко выраженного критического переживания. Гете как то говорил о «повторной зрелости» у художников. Его мысль неразрывно связана с нашей темой.

Именно периодичность гения с его резкими переходами способна объяснить нам, почему у него годы величайшей продуктивности сменяются годами полнейшего бесплодия, годами, когда он ни во что себя не ставит. Больше того, когда он склонен психологически (не логически) превознести любого человека над собою: так как его мучает воспоминание о творческом периоде, а в особенности, какими свободными в сравнении с ним кажутся ему люди, лишенные этих мук! Насколько порыв восхищения сильнее у гения, чем у среднего человека, настолько беспощаднее его подавленность. У каждого выдающегося человека существуют подобные более или менее продолжительные периоды, исполненные ужасающего отчаяния в самом себе, бесконечных мыслей о самоубийстве. Он не относится безучастно к окружающей жизни: многие предметы возбуждают его внимание и интерес. Они несомненно явятся предметом будущей жатвы, но непосредственно не влекут к творчеству и не манят могучими, ослепительными тонами, как в периоды продуктивной деятельности. Словом нет бури. Это времена, когда гений, продолжающий все таки свое творчество, неизменно слышит: «Как он пал!» – «Как он выдохся!» – «Как он повторяется!» и т. д.

Не только само по себе творчество, но и другие качества гения, а также материал, над которым он работает, дух – исходный пункт его творчества, –

все это подвержено смене и резкой периодичности. Временами он более расположен к рефлексиям и научной деятельности, а временами к художественному творчеству (Гете), то его внимание сосредоточено на культуре и истории человечества, то оно снова возвращается к природе (сравните «Несовременные размышления» и «Заратустру» Ницше) Он то мистичен, то наивен (примеры этого дали нам в новейшее время Морис Метерлинк и Бьернсон). Да, до такой степени велика в выдающихся людях «амплитуда» периодов, когда раскрываются многообразные стороны их существа, когда в их духовном «я» последовательно проходит с интенсивной яркостью целый ряд людей, что периодичность эта находит свое выражение и внешним образом. Этим я объясняю то весьма странное явление, что у людей одаренных выражение лица гораздо чаще меняется, чем у посредственности, что в различные моменты их лицо не распознаваемо. Для того стоит сравнить портреты Гете, Бетховена, Канта, Шопенгауэра в различные периоды их жизни! Количество всевозможных выражений лица какогонибудь человека можно принять за критерий его дарования. Люди, неизменно сохраняющие одно и то же выражение лица, стоят очень низко в интеллектуальном отношении. Физиономиста поэтому не удивить, что особенность людей, проявляющих в общении с себе подобными все новые черты и тем затрудняющих возможность высказать какоелибо суждение о них, ярко и отчетливо отражается на внешнем выражении их лица.

Весьма возможно, что развитое здесь, поразительное суждение о учении будет отвергнуто с глубоким возмущением на том основании, что исходя из него, мы с необходимостью должны признать за Шекспиром всю пошлость Фальстафа, низость Яго, грубость Калибана. Тем самым мы как будто унижаем моральное достоинство великих людей, приписывая им понимание всего отвратительного и мелкого. И следует признать, что согласно этому взгляду все великие люди, действительно, исполнены многочисленных, самых сильных страстей и низменных влечений (подтверждением чего, впрочем, могут служить их биографии).

Однако, этот упрек не основателен. Это ясно станет по мере дальнейшего углубления в сущность разбираемого вопроса. Пока же я замечу, что только поверхностное размышление могло сделать такое заключение из приведенных предпосылок, мне представляется более, чем вероятным, что они приведут нас к диаметрально противоположному выводу. Золя, столь хорошо понимающий мотивы убийства из страсти, тем не менее ни одного подобного убийства не совершил бы сам, а именно потому, что в нем таится еще так много другого. Действительный убийца этого рода является жертвой своей страсти, в художнике же, изображающем его, искушению противится все богатство его духовного мира. Это духовное богатство и есть причина того, что Золя знает этого убийцу из страсти лучше, чем этот убийца знает самого себя, но познать он в состоянии будет только тогда, когда он лично испытает на себе всю силу влечения убийцы отсюда – художник стоит лицом к лицу с искушением, с полной готовностью подавить и защититься от него. Таким образом одухотворяется преступное влечение в великом человеке, возносится в степень мотива к художественному творчеству, как у Золя, или к философской концепции «радикального зла», как у Канта, а потому не толкает его на путь преступного деяния.

Из огромного числа возможностей, присущих высокоодаренным личностям, вытекают весьма важные последствия, возвращающие нас к развитой нами в прошлой главе теории генид. То, что мы включаем в себя, мы замечаем с большей легкостью, чем то, чего мы не понимаем (будь это иначе, немисливо было бы никакое общение между людьми они большей частью совершенно не знают, как часто они друг друга не понимают). Гений же, который

значительно больше понимает чем обыкновенный человек, будет также и больше подмечать. Интриган без труда заметит человека, сродственного ему. Страстный игрок сразу заметит, когда другой чувствует сильное влечение к игре, в то время, как то же обстоятельство ускользнет совершенно от внимания прочих людей. «Der Art versiesht du dich besser», – говорит вагнеровский «Зигфрид». Относительно же более одаренного человека было сказано, что он поймет каждого человека лучше, чем последний самого себя, при том предположении, что он кроме этого человека вмещает в себе нечто большее, точнее, если он воплощает в себе этого человека и его противоположность. Двойственность является необходимым условием восприятия и понимания. Примером служит психология, которая на вопрос, что является решающим условием сознания, «самоотрешения», ответит: контраст. Если в мире все решительно было бы серо, то люди совершенно лишены были бы представления цвета, не говоря уже о понятии цвета. Шум, полный однообразных звуков, легко вызывает сонливое состояние в человеке: двойственность (свет, разъединяющий и различающий вещи) – вот причина бодрствующего сознания.

Потому никто не в состоянии себя понять, хотя бы он всю жизнь непрерывно и зорко следил за собою. Человек же всегда может понять другого, с которым он, правда, сходен, но сходство это не исчерпывает всех сторон его духовного мира. У него столько же общего с его противоположностью, сколько общего у последней с ним самим. В этом подразделении лежат наиболее выгодные условия понимания: вышеприведенный пример Клейста. Итак, понять человека значит – иметь в себе этого человека и его противоположность.

Для того, чтобы дойти к сознанию одного только члена какойнибудь пары, человеку необходимо вместить в себе целый ряд противоположных пар. Это положение вполне подтверждается физиологическими доказательствами учения о цветовом ощущении глаза. Я приведу здесь только всем знакомое явление, что световая слепота простирается на оба дополнительных цвета. Человек, лишенный способности воспринимать красный цвет, не воспринимает также и зеленого, с другой стороны, нет человека, воспринимающего голубой цвет и одновременно не реагирующего на желтый цвет. Этот закон вполне приложим и к области духовной жизни человека: это основной закон всякого сознания. Например, человек жизнерадостный сильнее поддается удрученному состоянию, чем человек уравновешенный: меланхолика может спасти только могущественная, сильная мания. У кого чувство тонкого и изящного столь сильно развито, как у Шекспира, тот скорее других воспримет и поймет, как некоторую опасность для себя, всякую отвратительную грубость. Чем больше типов и их противоположностей объединяет в себе человек, тем менее ускользнут от его внимания (так как за пониманием следует способность восприятия) активные и пассивные действия людей, тем глубже он проникает в их помыслы, истинные желания и чувства. Нет гениального человека, который бы не был великим знатоком людей. Значительный человек озирает с первого раза самые отдаленные тайники души человека и он нередко готов тотчас же дать полную характеристику его.

Среди большинства людей каждый проявляет определенную, более или менее развитую склонность к какомулибо предмету. Этот прелестно знаком с миром птиц и мастерски различает их голоса, а тот с самого утра вперил свой любовный пристальный взгляд в окружающие его цветы, одного потрясут нагроможденные друг на друга теллурические осадки, и звезды мелькают перед ним в виде радушного привета, и только (Гете), – другой застывает в какомто безотчетном предчувствии от веяния холодного ночного звездного неба (Кант). Иные находят, что горы безжизненны, и чувствуют себя

околдованными беспрерывно переливающимися морями (Беклин), а другие ровно ничего не находят в этом непрекращающемся движении и ищут удовлетворения под возвышающей властью горных громад (Ницше). Совершенно также каждый, даже самый простой человек, находит в природе нечто такое, что его больше всего привлекает, по отношению к предмету своего влечения, чувства его становятся острее и восприимчивее, чем ко всему прочему. Как же гениальному человеку, который в идеале вмещает в себе духовную сущность всех людей, не впитать в себя вместе с их внутренним миром все их склонности и разнообразное отношение к окружающему.

Не только всеобщность духовной сущности человека, но и всеобщность естественно природного начала пустила в его душу прочные глубокие корни. Он – человек, стоящий в самых близких интимных отношениях к вещам. Все привлекает его внимание, ничто от него не ускользает. Он в состоянии все понять, вместе с тем его понимание обладает особенной глубиной уже потому, что он может каждый предмет сравнить с самыми разнообразными вещами и провести между ними соответствующее различие. Он лучше других измерит предмет и укажет его надлежащие границы. Все это с яркой отчетливостью и силой отражается в сознании гениального человека. Отсюда несомненно и его чувствительность является наиболее утонченной. Ее не следует смешивать с той чувствительностью, которую односторонний взгляд приписывает художнику, когда говорит об остроте зрительного восприятия у живописца (или у поэта) или об утонченности слуховых органов у композитора. В последнем случае под чувствительностью понимают чрезвычайно утонченное развитие сферы чувственных ощущений. Мера же гениальности определяется не столько чувственной, сколько духовной восприимчивостью к различиям. С другой стороны эта восприимчивость и направлена преимущественно внутрь. Таким образом, гениальное сознание неизмеримо далеко отстоит от стадии гениды. Оно обладает сильнейшей яркостью и наиболее отчетливой ясностью. Гениальность является здесь некоторой степенью высшей мужественности, а потому то Ж и не может быть гениальной. Это является вполне последовательным применением вывода предыдущей главы, что М живет сознательнее, чем Ж, к результатам, полученным нами в настоящей главе. Отсюда – общее положение: гениальность идентична более общей, а потому и высшей сознательности. Но интенсивная сознательность достигается путем неизмеримого количества противоположностей, которые вмещает в себя выдающийся человек.

Потому универсальность является характерным признаком гения. Гениальности в какойнибудь специальной области – нет. Нет ни математических, ни музыкальных гениев. Гений – универсален. Можно дать следующее определение гения: человек, который все знает, не изучив ничего. Под этим «всезнанием», естественно, следует разуметь не какие либо теории или системы, по которым наука распределяет факты действительности. Сюда также не подойдет ни история войны за испанское наследство, ни опыты, произведенные над диамагнетизмом (?). Точно также цвет воды при облачном или лучезарном небе художник познает, не знакомясь предварительно с принципами оптической науки, и вовсе не нужно особенно углубляться в учение о человеческом характере для того, чтобы создать законченный цельный образ человека. Чем даровитее человек, тем больше он самостоятельно думал о всевозможных предметах и, таким образом, выработал себе определенное личное отношение к ним.

Теория о гениях специалистах, с точки зрения которой позволительно говорить, например, о «музыкальном гении, неменяемом во всех других областях», опять таки смешивает понятия талант и гений. Музыкант если он действительно велик, может на языке, указанном ему особого рода талантом

его, быть столь же универсальным, так же совершенно охватить внутренний и внешний мир, как поэт или философ. Таким гением был Бетховен. Вместе с тем он может вращаться в такой же ограниченной сфере, как посредственный ученый или художник. Таков был Иоганн Штраус, которого называют, к нашему великому изумлению гениальным, хотя его живая, но очень ограниченная фантазия и создала прелестные цветы. Итак, повторяю, существуют различные таланты, но один только гений, может выбрать себе определенный талант, чтобы в этой сфере развивать свою деятельность. Есть нечто общее у всех гениальных людей как таковых, как бы сильно не различались между собой великий философ и великий художник, великий музыкант и великий скульптор, великий поэт и великий творец религиозной догмы. Талант, этот медиум, при помощи которого раскрывается истинная духовная сущность человека, играет менее значительную роль, чем это привыкли думать. Его значение большей частью переоценивают в той узкой перспективе, в которой, к сожалению, так часто производится художественно философское исследование. Не только различные оттенки дарования, но характер и мировоззрение не расходятся соответственно границам различных искусств. Эти границы как бы стираются, и для непредубежденного глаза получаются самые неожиданные сходства. Вместо того, чтобы копаться в поисках аналогий в истории музыки или вообще в истории искусства, литературы, философии, можно смело сравнить, например, Баха с Кантом, Карла Марию Ф. Вебера с Эйхендорфом, Беклина поставить наряду с Гомером. Подобное исследование не только выигрывает в смысле огромной плодотворности его, но оно приносит неизмеримую пользу глубине психологического анализа, отсутствие которой так болезненно ощущается в трудах по истории искусства и философии. Вопрос о том каковы те органические и психологические условия, которые превращают гения то в мистического духовидца, то в великого рисовальщика, должен остаться в стороне, так как существенного значения для данной статьи он не имеет. Эта гениальность, которая при всевозможных различиях, часто очень глубоких у различных гениев, всегда остается неизменной и которая, как мы выше указали, везде и всюду проявляется, совершенна недостижима для женщины. В одном из последующих отделов я подвергну рассмотрению вопрос о том, могут ли существовать чисто научные и практические гении, а не только художественные и философские, тут же я замечу, что следует весьма осмотрительно награждать людей эпитетом «гениальный» – положение, которое до сих пор совершенно не соблюдалось. Мне еще представится случай доказать, что женщина должна быть признана не гениальной, если мы хотим постигнуть сущность и понятие гениальности. Тем не менее несправедливо будет упрекать изложение в том, что оно по отношению к женскому полу выдвинуло произвольное понятие и объявило это понятие сущностью гениальности с той целью чтобы совершенно исключить из нее женщину. Здесь можно вернуться к соображениям, высказанным в самом начале главы. Женщина не проявляет никакого понимания гениальности, за исключением разве того случая, когда оно направлено на живого еще носителя ее. Мужчина, наоборот, питает к этому явлению то глубокое чувство, которое с такой яркостью и увлекательностью описано Карлейлем в его до сих пор еще мало понятой книге «Hero worship» (Почитание героев). В этом почитании героев еще раз сказывается та особенность, что гениальность тесно связана с мужественностью, что она является идеальной, потенцированной мужественностью. Женщина лишена оригинальности сознания. Последнее она заимствует от своего мужа. Она живет бессознательно, муж сознательно, сознательнее всех гениев.

Дарование и память

Я начну о теории генид. С этой целью приведу следующее наблюдение. Как то раз я полумеханически отсчитывал страницы какой то книги по ботанике и вместе с тем думал о чем то в форме гениды. Но уже в следующий момент я никак не мог вспомнить, о чем я думал, как я думал, что именно стучалось в дверь моего сознания. Именно поэтому случай этот представляется мне особенно поучительным, так как он типичен.

Чем пластичнее, чем более оформлен комплекс ощущений, тем его легче воспроизвести. Ясность сознания есть первое условие воспоминания. Способность сохранить в памяти испытанное ощущение прямо пропорциональна интенсивности сознания в момент ощущения. «Этого я никогда в жизни не забуду», «я буду помнить всю свою жизнь», «это никак не может исчезнуть из моей памяти» – так говорит человек о таких явлениях, которые его особенно сильно взволновали, о таких моментах, которые обогатили его разум новым наблюдением. Но если сама возможность воспроизвести известные состояния сознания стоит в прямом отношении к их расчлененности, то ясно, что не может существовать никакого воспоминания об абсолютной гениде.

Так как одаренность человека растет вместе с расчлененностью всех его переживаний, то отсюда непосредственно следует, что тот человек вспомнит с особенной отчетливостью все свое прошлое, все, о чем он когда либо думал, что видел и слышал, что чувствовал и ощущал, кто духовно богаче и одареннее. Вместе с тем его воспоминания о фактах минувшей жизни будут обладать большей достоверностью и живостью. Универсальная память о всем пережитом поэтому является наиболее верным и самым общим признаком гения. К тому же этот признак очень легко обосновать. Большой популярностью, особенно среди кафедресторанных литераторов, пользуется взгляд, что люди творчества совершенно лишены памяти, так как они создают все новое. Так думают, вероятно, потому, что именно в памяти лежит единственное условие творчества, условие, которому творцы вполне удовлетворяют.

Положение необъятности и живости памяти у гениальных людей является для нас догматическим выводом теоретической системы, лишенным пока нового подтверждения данными опыта. Это положение, конечно, нельзя опровергнуть тем доводом, что гимназический курс истории или неправильные греческие глаголы очень быстро забываются и гениальными людьми. Не воспоминание пройденного, а память о пережитом – вот предмет наших рассуждений. То, что изучается для экзаменов, остается в памяти в самой незначительной своей части, именно в той, которая вполне соответствует специальному таланту школьника. Благодаря этому станет вполне понятным, что у маляра может быть лучшая память на цвета, чем у величайшего философа. У самого ограниченного филолога лучшая память о давно заученных аористах, чем у его коллеги, гениальнейшего из поэтов. Тот факт, что экспериментальная психология испытывает память человека, заставляя его заучивать всевозможные буквы, многозначные числа или бессвязные слова, самым беспощадным образом обнаруживает всю свою безнадежность и беспомощность. Эта беспомощность особенно ярко сказывается у людей, которые.

вооружившись целым арсеналом электрических батарей и сфигмографических аппаратов, не переставая кричать о «точности» своих бесконечно скучных опытов, заявляют притязание на авторитетное слово in rebus psychologicis. Но все эти попытки имеют так мало общего с той памятью, которая вмещает в себе сумму переживаний целой человеческой жизни, что невольно задаешься вопросом, имеют ли эти кропотливые экспериментаторы вообще какое нибудь представление об этой особой форме памяти или даже о психической жизни. Упомянутые исследования применяют к разнообразнейшим модам одинаковую

мерку, благодаря чему все индивидуальное совершенно сглаживается. Они как бы умышленно отвлекаются от самого ядра индивидуума и рассматривают его как хороший или плохой регистрационный аппарат. Несомненно, глубокая мысль лежит в том, что в немецком языке слова «*вемегкен*» и «*тегкен*» одного и того же корня. То, что возбуждает внимание вследствие естественной созданности своей, – запоминается. То, о чем мы вспоминаем, первоначально должно было вызвать интерес к себе, если же мы что нибудь забыли, то ясно, что мы в этом обстоятельстве принимали самое ничтожное участие. У религиозного человека прочнее всего врезаются в память религиозные учения, у поэта – стихи, у мистика чисел – числа.

Здесь можно вернуться к содержанию предыдущей главы и обосновать особую твердость памяти у гениальных людей еще другим путем. Чем гениальнее человек, тем больше он вмещает в себе человеческих типов и человеческих интересов, это в свою очередь предполагает и значительные размеры его памяти. В общем, для всех людей одинаково открыта возможность «перцепировать» явления окружающей среды, но большинство «апперцепирует» из бесконечного множества явлений только бесконечно малую часть их. Для гения идеалом является такое существо, у которого число «апперцепции» равно числу «перцепции. Такого существа в действительности нет. С другой стороны, не существует также человека, который ограничился бы одними «перцепциями» и никогда не «апперцепировал бы». Уже по одному этому должны существовать всевозможные степени гениальности, в крайнем случае, нет ни одного мужчины, который абсолютно был бы лишен гениальности. Все же совершенная гениальность остается идеалом. Нет человека, совершенно лишённого апперцепции, как нет человека с универсальной апперцепцией (которую мы впоследствии отождествим с совершенной гениальностью). Апперцепция, как усвоение, пропорциональна памяти, как обладанию, в смысле объема и твердости ее. Так тянется непрерывный ряд ступеней от человека, живущего отдельными бессвязными моментами, лишенными для него всякого значения, такого человека в действительности нет, к человеку, который живет непрерывной жизнью, оставляющей в его памяти след на вечные времена (так интенсивно он все воспринимает!). Такого человека в действительности тоже нет: даже величайший гений гениален не во все периоды своей жизни.

Первым подтверждением этого взгляда о непреложном соотношении между памятью и гениальностью, как и изложенной здесь дедукции из этого взгляда, может служить невероятная память, которую проявляют гениальные люди по отношению к мелочам, к самым второстепенным сторонам какого либо явления. При универсальности их природы все обладает для них одинаковым, часто для них самих не ясным значением. А потому всевозможные детали само собою неизгладимо запечатлеваются в их памяти, врезаются в нее без особых усилий, без особенной внимательности со стороны. Мы уже здесь обратим наше внимание на ту мысль, которая впоследствии будет глубже разработана, что гениальный человек в разговоре о давно минувших событиях никогда не скажет, например, «это неправда», не скажет ни себе, ни кому либо другому. Правильнее было бы думать, что для него нет ничего такого, в чем он не ощущал бы известной степени достоверности именно потому, что он восприимчивее всех прочих людей к различным изменениям предметов, происшедшим в процессе их жизни.

В качестве верного средства испытать дарование какого либо человека можно порекомендовать следующее: в течение более или менее продолжительного времени избегать всяких встреч с ним, и при первой после этого перерыва встрече завязать разговор, близко касающийся содержания встречи, происшедшей до перерыва. Уже с самого начала можно будет заметить, как

живо сохранил он в своей памяти все подробности ее, как сильно и отчетливо он воспринял ее. Сколько фактов собственной жизни теряет из памяти своей бездарность, в этом каждый может убедиться на себе. Вы можете иметь с бездарными людьми самое продолжительное и тесное общение, но уже через несколько недель они о всем этом забывают. Можно найти людей, которые в течение одной и двух недель имели с вами какое нибудь одно общее дело – через несколько лет они уже ничего не в состоянии вспомнить. Правда, путем самого подробного изложения всего того, о чем идет речь, путем самого старательного описания прежнего положения во всех его деталях можно, наконец, вызвать самые туманные проблески памяти о совершенно забытом. Этот опыт навел меня на мысль, что теоретическое положение о недопустимости полного забвения можно доказать не только состоянием гипноза, но и эмпирически тем, что мы воскрешаем в памяти человека представления, которые он в свое время действительно воспринял. Центр тяжести, таким образом, лежит в том, много ли мы должны рассказать человеку из его жизни, из того, что он говорил, слышал видел, чувствовал, сделал, и чего теперь он не вспомнит. Здесь мы впервые подошли к критерию дарования, который легче подвергнуть испытанию со стороны других, так как он не требует наличности творческой деятельности человека. Каким широким применением он пользуется в сфере воспитания, об этом мы здесь особо говорить не будем. Он одинаково важен как для родителей, так и воспитателей.

От памяти, естественно, зависит и мера того, насколько люди в состоянии подметить сходства и различия. Особенно развита эта способность у тех людей, которые все свое прошлое содержат в своем настоящем, которые сводят все моменты своей жизни к известному единству и сравнивают их друг с другом. Именно эти люди особенно удачно схватывают всевозможные сходства, пользуясь принципом *tertium comparationis*, о котором преимущественно и идет речь. Из своего прошлого они извлекают то, что имеет наибольшее сходство с настоящим, каждое из этих переживаний обладает у них до того ярко выраженной индивидуальностью, что от их взора не ускользнут ни сходства, ни различия между ними, а потому события далекого прошлого успешно борются с действием времени и отчетливо сохраняются в памяти. Недаром видели в прежнее время в богатстве красивых сравнений и образов исключительную принадлежность поэтов. Люди читали и перечитывали любимые сочинения Гомера, Шекспира и Клопштока или с нетерпением ждали их в самом чтении. Но, кажется эти времена давно прошли после того, как Германия, впервые в течение 150 лет, осталась без великого поэта и мыслителя, когда скоро уже не найдется человека, который бы не «написал» чего нибудь. Теперь такие сравнения уже не ищут, да если бы даже и стали искать, то едва ли бы нашли. То время, которое видит лучше свое выражение в неясных, туманных настроениях, философия которого всецело свелась к «бессознательному» – не есть время великих людей. Ибо великий человек – это сознание, перед которым рассеивается туман бессознательного, как под лучами солнца. Проявись в наше время хотя одно яркое сознание, о, как быстро растаяли бы мы с нашим искусством настроений, которым мы так гордимся! В полном сознании, которое в переживаниях настоящего вмещает переживания прошлого, кроется фантазия – условие философского и художественного творчества.

Сообразно этому совершенно неверно, будто у женщин фантазия богаче, чем у мужчин. Опыты, которые говорят в пользу более живого воображения женщин, всецело взяты из сферы их фантастической половой жизни. Следствия же, которые действительно можно было бы вывести из этих опытов, еще не

соответствуют настоящей стадии нашего изложения, а потому мы их пока оставим.

Правда, существуют более глубокие причины того, что женщина совершенно лишена всякого значения в истории музыки. Тем не менее мы тут же можем указать на ближайшую причину: отсутствие фантазии у женщины. Для музыкального творчества необходимо обладать гораздо большей фантазией, чем фантазия самой мужественной из женщин. Оно требует фантазии в большей степени, чем художественная или научная деятельность. Ведь нет ничего в природе или в чувственной эмпирии, что соответствовало бы музыкальной картине. Музыка стоит как бы вне всяких аккордов и мелодий, так что в этой области человеку самостоятельно приходится создавать и основные элементы. Всякая другая область искусства имеет более непосредственное отношение к эмпирической реальности. Более того, родственная музыке (взгляд, который далеко не все разделяют) архитектура имеет дело с материей даже в самых первоначальных стадиях своих, хотя она имеет то общее с музыкой, что свободна от всякого подражания природе (пожалуй, еще в большей степени, чем музыка). Поэтому архитектура – занятие мужчины, женщина архитектор – это представление, вызывающее в нас живейшее чувство сострадания.

Этим объясняется «одуряющее» действие музыки на композиторов и исполнителей, о котором мы так часто слышим (особенно когда речь идет о чистой инструментальной музыке). Ведь обоняние приносит нам гораздо больше пользы в смысле познания чувственного мира, чем содержание музыкального произведения. Эта абсолютная независимость музыки от внешнего мира, который мы видим, ощущаем, обоняем, делает последнюю совершенно неподходящей для того, чтобы служить средством выражения существа женщины. Эта особенность музыкального искусства доказывает, что композитор должен обладать наиболее развитой фантазией. Этим также объясняется и тот факт, что человек, творящий мелодии (весьма возможно, что они навязываются ему против его воли), вызывает в нас больше удивления, чем поэт или скульптор. Очевидно, «женская фантазия» сильно отличается от мужской, если ни одна женщина не приобрела в музыке такого значения, как, например, Анжелика Кауфман приобрела в живописи.

Где дело идет о мощной формировке материала, там женщина лишена всякой творческой деятельности. Ни в музыке, ни в архитектуре, пластике и философии – нигде в этих областях женщина не умела себя проявить. В тех областях, где робкие, мягкие переходы чувства играют известную роль, как, например, в живописи и поэзии, расплывчатой псевдомистике и теософии – там они искали поля деятельности – и нашли. Отсутствие творчества в вышеприведенных областях искусства находится в тесной связи с недифференцированностью психической жизни женщины. Под этим мы понимаем, например, в музыке, наибольшую тонкость и расчлененность ощущений. Нет ничего более определенного характеристического, индивидуального, чем мелодия, ничего, что сильнее ощущало бы на себе действие нивелировки. Поэтому песнь вспоминается легче, чем разговор, ария легче, чем речитатив, потому что так трудно изучить разговорное пение вагнеровских опер. Мы остановимся несколько дольше на этой области, так как здесь менее возможны возражения со стороны феминистов и феминисток. Женщина только в очень недавнее время получила доступ к этой области, а потому рано требовать от нее чего либо существенного. Певицы и исполнительницы виртуозы были всегда, даже в классической древности. А все таки...

Занятие женщин живописью, довольно распространенное в прежние времена, за последние 200 лет получило особенно широкое развитие. Известно всем, сколько девиц учатся живописи и рисованию, не питая к этому особенном

влечения. Таким образом и в этой области нет безжалостного изгнания женщины. Она имеет полнейшую внешнюю возможность себя проявить. Если же, несмотря на это, существует очень мало женщин – живописцев, которые занимали бы выдающееся положение в истории этого искусства, то факт этот объясним только с точки зрения внутренних причин. Женская живопись и гравирование может иметь для женщин значение элегантно, изящного рукоделья. При этом они, кажется, лучше усваивают чувственный, телесный элемент красок, чем духовную, формальную сторону линий. В этом, без сомнения, кроется причина того, что только отдельные художницы, но не рисовальщицы, пользуются некоторым значением. Способность придать хаосу определенную форму – это способность мужчины, которому дана всеобъемлющая апперцепция и всеобъемлющая память – эти существенные черты мужского гения.

Я очень сожалею, что мне так часто приходится прибегать к слову «гений». Этим словом я как бы замыкаю определенный круг людей и резко отделяю от других, которым не дано быть гениальными, т. е. делаю то же, что и государство, которое из финансовых соображений выделяет в особую группу только людей определенного годового дохода. Слово «гений» изобрел, вероятно, человек, который меньше всего заслуживал этого названия. Великим людям свойство гениальности не представляется ничем особенным. Им придется долго размышлять над тем обстоятельством, что существуют и «негениальные» люди. Весьма удачно по этому поводу заметил Паскаль: «Чем оригинальнее человек, тем больше оригинальности он находит в других людях». Любопытно сопоставить с этим слова Гете: «Возможно, что только гений в состоянии хорошо понять гения».

Существует, вероятно, очень мало людей, которые в жизни своей никогда не были «гениальными». Если же, паче чаяния, этого никогда не было, то следует объяснить это отсутствием подходящего случая: сильной страсти или сильного горя. Достаточно было бы им пережить что-нибудь с некоторой интенсивностью, без сомнения, способность переживать определяется чисто субъективными моментами, и тем самым они были бы хотя и временно, «гениальны». Склонность к поэтическому творчеству во время первой любви всецело относится сюда. И истинная любовь – дело случая.

Не следует забывать, что самые обыкновенные люди в состоянии сильного возбуждения находят иногда такие слова, существование которых мы у них никогда не предполагали. Большая часть того, что мы обозначаем просто словом «удачное выражение» как в поэзии, так и в прозе, покоится на том (вспомните наши замечания о процессе просветления), что более одаренный человек предлагает свою мысль уже в просветленном, расчлененном виде, в то самое время, когда мысль другого, менее одаренного человека, находится еще только в состоянии гениды или близко от нее. Процесс просветления только сокращается «удачным выражением», найденным другим человеком. Отсюда – наше удовольствие по поводу всякого «удачного слова», даже когда оно найдено другим. Если два неодинаково одаренных субъекта переживают одно и то же, то у более одаренного это переживание достигает такой интенсивности, что оно приближается вплотную к «порогу словесной речи». У менее одаренного этим процесс облегчения только облегчается.

Если бы верен был взгляд, пользующийся колоссальной популярностью, что гениальные люди отделены от негениальных толстейшей стеной, через которую ни один звук не мог бы проникнуть из одного царства в другое, то следовало бы заключить, что негениальный человек никогда не будет в состоянии понять гениального, что произведения гения должны быть лишены всякого, даже самого ничтожного, влияния на негениального человека. Все наши культурные надежды должны сосредоточиться на одном только желании:

чтобы это было не так. И в действительности так никогда и не бывает. Разница лежит в меньшей интенсивности сознания, она – разница количественная, но не принципиальная, качественная.

И наоборот. Мы видим очень мало разумного смысла в том, что люди мало ценят или же совершенно не считаются с мнением молодых людей только потому, что они обладают менее значительным опытом, чем старики. Есть люди, которые не усвоят ни одного ценного опыта, если бы они жили даже тысячу лет и больше. Такое отношение имеет смысл только к людям, одинаково одаренным.

Гениальный человек уже с самого детства живет самой интенсивной жизнью. Чем он гениальнее, тем дальше заходит его воспоминание о детстве, иногда, хотя в редких случаях, оно простирается до третьего года его жизни. Обыкновенный же человек в состоянии воспроизвести в своей памяти только события более зрелого своего возраста. Я знаю людей, которые могут вспомнить лишь события, имевшие место только на восьмом году их жизни, а о своей предыдущей жизни знают только то, что им другие рассказывали. Несомненно существуют и такие люди, у которых первое интенсивное переживание относится к более позднему периоду их жизни. Всем этим я не хочу еще сказать, то гениальность двух людей определяется исключительно тем, что один помнит себя в раннем детстве, в то время, как другой начинает себя помнить с двенадцати лет. Но в общем и целом это правило всегда подтверждается.

Без сомнения, и у гениального человека протекает известное количество времени от того момента, к которому относится его первое детское воспоминание, до того момента, когда он вспоминает решительно все, когда он окончательно становится гением. Большинство людей просто забывают значительную часть своей жизни. Многие даже утверждают, что бы не существовало ни одного человека, из всей их жизни за все это время для них как им представляются только отдельные моменты, изолированные пункты, резкие остановки на пути. Если же спросить их о чемнибудь другом из прошедшей жизни, то они знают или, вернее, поспешно определяют, что им тогда то было столько то лет, занимали такое то положение, жили там то и получали столько то жалования. Но стоит большого труда восстановить все прошлое из общей совместной жизни. Можно в таком случае без малейшего колебания признать этого человека бездарностью. По крайней мере мы имеем право не признавать его гениальным.

Если бы мы обратились с просьбой к большинству людей написать автобиографию, то этим самым поставили бы большую часть из них в самое затруднительное положение: ведь очень немногие могут дать ответ на вопрос, что они вчера делали. У большинства людей память функционирует скачками, с помощью случайных ассоциаций. Впечатление, воспринятое гениальным человеком, долго пребывает в его сознании. Он вообще находится под властью впечатлений. С этим в непосредственной связи находится тот факт, что гениальные люди страдают, по крайней мере временами, навязчивыми идеями. Психическое содержание обыкновенного человека можно сравнить с целой системой колокольчиков, расположенных на близком расстоянии друг от друга: один колокольчик звучит, когда в нем ударяет волна, исходящая от другого... Звучит только несколько мгновений. Гений же – это колокол, который после удара далеко разглашает свой явственный звон и приводит в движение всю окружающую его систему, иногда звучит в течение всей своей жизни. Подобного рода движение у гениального человека может иметь самый незначительный, даже смешной повод, который целыми неделями неотступно преследует, причиняя ему нестерпимые муки. Вот в этом, действительно, лежит аналогия безумия.

По приблизительно одинаковым основаниям чувство благодарности является одной из наиболее редких добродетелей человека. Он, правда, помнит, какую именно услугу оказал ему такой то человек, но он никак не в состоянии вспомнить степень интенсивности нужды, которую он ощущал, чувство освобождения, которое испытал при удовлетворении этой нужды. Если недостаток памяти и ведет к неблагодарности то и одна только память не может привести человека к чувству благодарности. Для этого необходимо еще одно особое условие, которое не входит в область разбираемого вопроса. Из соотношения между дарованием и памятью, соотношения, которого совершенно не признавали, так как искали его не там, где его собственно можно было найти: в воспоминаниях о своей прошлой жизни, можно вывести еще одно значение. Поэт, который чувствует необходимость написать какое нибудь произведение, не имея определенного плана, определенных мыслей, не нажимая педали для создания своего настроения, музыкант, на которого творческий стих напал с той силой, что он против своей воли должен творить, хотя бы в данный момент чувствовал большое влечение к отдыху и сну: они всю жизнь будут помнить все то, что создано, но не выдуманно ими в данный момент. Композитор, который не помнит ни одного своего произведения, поэт, который должен «выучить наизусть» свое стихотворение для того, чтобы его запомнить, как это думает Сикст Бекмессер о Гансе Саксе, то можно наверное сказать, что они и не создали ничего истинно великого.

Прежде чем применить найденные выводы к духовному развитию полов, мы остановимся на одном различии между отдельными формами памяти. Отдельные моменты жизни гениального человека хранятся в его памяти не в виде изолированных точек, разъединенных представлений, которые настолько отличаются друг от друга, как, например, цифра 1 от цифры 2. Самонаблюдение обнаруживает тот факт, что, несмотря на существование сна, на ограниченность нашего сознания, на все пробелы памяти, – самые разнообразные переживания наши весьма загадочным образом объединяются в нашем сознании. События не следуют друг за другом, подобно тиканью часов, а сливаются в одном общем потоке, в котором нет перерывов. У негениального человека мало таких моментов, которые из пестрого разнообразия соединились бы в нечто замкнутое, непрерывное, течение его жизни подобно ручейку. Жизнь гения – это могучий поток, в котором стекаются самые далекие воды, которые с помощью универсальной апперцепции принимает в себя все отдельные моменты, не выбрасывая наружу ни одного. Это единственная непрерывность, которая одна только убеждает человека в том, что он существует, необъятная у гения, ограниченная в пределах отдельных моментов у среднего человека, совершенно отсутствующая у женщины. Женщине представляется ее прошлая жизнь не в виде неудержимого, непрерывного порывания и стремления, а в виде отдельных, совершенно разъединенных пунктов.

Что это за пункты? Это именно те, к которым Ж по своей природе питает особенный интерес. Вопрос о том, на что именно простирается этот интерес, мы выяснили уже во второй главе. Кто вспомнит выводы этой главы, того не удивит следующий факт.

Ж располагает вообще только одним классом воспоминаний; эти воспоминания связаны с половым влечением и размножением. Она помнит о своем любовнике и ухаживателе, о своей брачной ночи, о своих детях, как и о своих куклах, о всех цветах преподнесенных ей на балах, о цене, числе и величине букетов, о всякой спетой ей серенаде, о всяком стихотворении, которое, как она воображает, посвящено ей, о каждой фразе мужчины, который импонирует ей, и прежде всего она с особенной отчетливостью, вызывающей в

равной степени изумление, помнит каждый без исключения комплимент, который был ей сделан когда либо в жизни.

Это все, о чем истинная женщина может вспомнить из всей своей жизни.

Чего человек никогда не забывает, чего никак не может подметить это служит надежным средством познания существа и характера его. В дальнейшем мы дольше остановимся на вопросе о том, каково значение того факта, что Ж располагает только этими воспоминаниями. Та памятьливость, которую женщины проявляют с самого детства к выражениям почета, чести и обходительности, чревата самыми важными последствиями для решения нашего вопроса. Я прекрасно понимаю те возражения, которые мне могут выставить против подобного ограничения женской памяти сферой половой жизни и жизни рода я уже предвижу грозный поход женских школ против меня. На все это можно будет ответить только впоследствии. Здесь же я опять напомню, что под памятью, которая является действительным орудием психического познания индивидуальности, можно понимать память о пройденном только тогда, когда пройденное вполне совпадает с пережитым.

Факт отсутствия непрерывности в психической жизни женщины может быть доказан только в дальнейшем. Эту непрерывность не следует рассматривать как спиритуалистический или идеалистический тезис введенный в целях исследования. В ней нужно видеть определенный психологический факт, приложение, так сказать, к теории памяти. Кроме того необходимо принять ясное и определенное отношение к самым спорным вопросам философии и психологии для того, чтобы правильно решить вопрос о непрерывности. Мимоходом я хотел бы указать на один факт, который некоторым образом служит доказательством нашего положения об отношении непрерывности у женщин. Его еще подметил Лотце, но в настоящее время он служит предметом всеобщего недоумения. Женщина гораздо легче приспосабливается к новым условиям быстрее ориентируется в новой обстановке, чем мужчина. В процессе слияния с окружающей средой мы в мужчине видим выскочку еще в то время, когда женщина уже успела преобразиться до того, что мы не узнаем мещанка она или дворянка, дитя она жестокой нужды или дочь патриция. И этот факт я постараюсь впоследствии подвергнуть всестороннему разбору, впрочем, само собой понятно, почему только лучшие люди делятся с нами воспоминаниями из своей жизни (впрочем, за исключением тех случаев, когда пишут автобиографию из тщеславия, болтливости или из подражания другим). Далее понятно, почему я в этом вижу подтверждение связи между памятью и дарованием. Это еще не значит, что всякий гениальный человек должен непременно написать автобиографию. Для этого необходимы специальные, более глубокие психологические условия. Но если человек написал автобиографию, подчиняясь исключительно своему внутреннему влечению, то это несомненно признак его гениальности. Ибо в истинно верной памяти лежит корень благочестия. Гениальный человек никогда не расстанется со своим прошлым, даже если ему взамен этого обещают величайшие сокровища мира, само счастье. Желание пить из Леты – черта, свойственная средним, слабым людям. Прав Гете, говоря, что гениальный человек очень часто с отчаянной резкостью нападает на других людей за их пошлые взгляды, которые в свое время были и его взглядами. Но он ведь никогда не позволит себе вышучивать свои поступки и потешаться над своим прежним образом мыслей и жизни. Очень модные в настоящее время «самопобедители» заслуживают решительно всего, только не этого имени. Это все люди, которые в шутовском тоне рассказывают другим, как они прежде во все верили, как они теперь все это «преодолели». Одно можно сказать про них: как мало серьезного было в их прошлом, так же мало серьезного и в их настоящем. Главным является для них инструментовка, ничуть не мелодия: ни

одна из стадий «побежденного» не имела действительно глубоких корней в их психике. В противовес этому следует только обратить внимание, с какой благоговейной заботливостью описывают великие люди в своих автобиографиях даже самые незначительные подробности из своей жизни: для них прошлое и настоящее равноценны, для тех же ни прошлое, ни прошедшее не имеет особого значения. Великий человек чувствует, как все, даже самое незначительное, второстепенное, приобретало в его жизни особое значение, способствовало его общему развитию, отсюда; дух благочестия в его мемуарах. Подобная автобиография рождается не сразу. Мысль о ней возникает не вдруг, а как бы всегда таится в нем. Его новые переживания приобретают для него особый выдающийся смысл потому, что непосредственно перед его духовными очами стоит и вся прошлая жизнь. Отсюда – он и только он обладает судьбой. Из этого ближайшим образом вытекает то обстоятельство, что великие люди более суеверны, чем люди средние. Суммируя все сказанное, мы приходим к следующему выводу:

Человек тем более гениален, чем больше значения имеют для него все вещи. В ходе исследования это положение, обнимающее собою универсальное сознание и универсальную память, получит еще другой, более глубокий смысл.

Какое положение занимает женщина во всех разобранных нами вопросах, на это нетрудно ответить. Истинная женщина никогда не приходит к сознанию судьбы, своей судьбы. Женщина не героична, так как в лучшем случае она ведет борьбу за предмет своего обладания, она не трагична, так как ее участь определяется участью этого предмета. Лишенная непрерывности, она лишена и благочестия. И в самом деле, благочестие – добродетель чисто мужская. Человек прежде всего является благочестивым по отношению к самому себе, а это – условие благочестия ко всем прочим людям. Женщине нужно очень мало для того, чтобы совершенно расстаться со своим прошлым. Если уместно употребить слово ирония, то можно без колебания сказать, что мужчина никогда так иронически и насмешливо не отзывался о своем прошлом, как это часто делает женщина даже до брачной ночи. Нам еще представится много случаев показать, что помыслы женщины всегда направлены на вещи, которые прямо противоречат благочестию. Что же касается благочестия вдов, то об этом предмете я предпочитаю совершенно умолчать. Наконец, суеверие женщин психологически сильно отличается от суеверия гениальных людей. То отношение к своему прошлому, которое находит свое выражение в благочестии и основывается на непрерывной памяти, связанной в свою очередь с апперцепцией, может быть прослежено на многих других явлениях и подвергнуто более глубокому анализу. Прежде всего мы остановимся на следующем положении: наличие у человека какого либо отношения к своему прошлому или отсутствие его находится в самой тесной внутренней связи с тем – ощущает ли этот человек потребность в бессмертии или он остается равнодушным к мысли о смерти.

Вопрос о потребности в бессмертии считается в настоящее время очень устаревшим и на него склонны смотреть несколько свысока. С проблемой, возникающей на основании этой потребности, разделяются непростительно легко не с одной только онтологической стороны, но и со стороны психологической. Один старается объяснить эту потребность в связи с верой в переселение душ. Его рассуждения сводятся к следующему: существуют состояния, которые человек переживает лишь первый раз в своей жизни, но которые вызывают в нем чувство, что они были им уже некогда пережиты. Второе объяснение представляет собою всеми принятый в настоящее время вывод из культа души (Тейлор, Спенсер, Авенариус). Но надо заметить, что подобное объяснение всегда и во всякое время было бы a priori отвергнуто.

Только эпоха экспериментальной психологии может признавать его правильным. Мне кажется, что каждому мыслящему человеку должно представляться невозможным, чтобы вопрос, который вызвал столько горячих споров в силу своего кардинального значения для всего человечества, мог получить свое разрешение в виде вывода из силлогизма, посылками которого являются нечто вроде ночных видений умерших людей. Позволительно спросить, какие явления признана объяснить эта несокрушимая вера в бессмертие, которую разделяли Гете и Бах, какая «псевдо проблема» вырастает из той потребности в бессмертии, которой проникнуты последние квартеты и сонаты Бетховена? Жажда личного бессмертия должна иметь более глубокий источник, чем рационализм.

Этот источник находится в непосредственной связи с отношением человека к своему прошлому. В ощущении, в созерцании своего «я» в прошедшем лежит желание продолжить это ощущение и созерцание на дальнейшее будущее. Кто веско ценит свое прошлое, кто ставит свою внутреннюю духовную жизнь выше физической, тот не легко отдает эти ценности в руки смерти. Поэтому у гениальных людей, обладающих богатейшим прошлым, изначально, самобытная потребность в бессмертии выступает с особенной силой и настойчивостью. Что подобная связь между жаждой бессмертия и памятью действительно существует, ясно из того, что весьма единодушно говорят о себе люди, которым удалось вырваться из когтей угрожавшей им смерти. С быстротой молнии проносится в их голове все их прошлое, хотя бы они в другое время очень много думали о нем, и в течение немногих секунд они вспоминают о таких вещах, о которых на протяжении десятков лет совершенно не думали. Так как ощущение того, что им предстоит, возрождает в сознании, опять таки путем контраста, все то, что теперь безвозвратно должно погибнуть. Мы очень мало знаем о душевном состоянии умирающих. Нужно быть более чем обыкновенным человеком для того, чтобы узнать, что творится в душе умирающего. С другой стороны именно лучшие люди избегают смотреть, как умирают. Но совершенно ошибочно будет сводить внезапно пробуждающееся чувство религиозности у безнадежно больных к настроению, которое отражается у них в словах: «а все таки» или «так то оно так». Следует также признать поверхностным взгляд что мысль об аде, никогда серьезно не занимавшая умы людей, приобретает в минуту смерти такую силу, что человек не может умереть с ложью в душе. Именно это является самым главным: почему люди, прошедшие самую бесчестную, лживую жизнь, внезапно ощущают в себе стремление к истине? Почему производит потрясающее впечатление даже на человека, который не верит в потустороннюю кару, тот факт, что другой человек умирает с ложью, с нераскаянным поступком? Почему упорство до последнего вдоха и за полное обращение перед смертью действовало на поэтов, как властный мотив к художественному творчеству? Вопрос об «эвтанизии атеистов», который так часто подымался в XVIII веке, не бессмыслица и не исторический курьез, как склонен думать Фридрих Альберт Ланге.

Обо всем этом я говорю только как о некоторой возможности или, вернее, догадке. Так как существует гораздо больше «гениальных» людей, чем истинных «гениев», то для меня несомненно, что эта количественная разница в дарованиях проявляется именно в тот момент, когда люди становятся «гениями». Для большинства людей этот момент совпадает с моментом смерти. Мы еще раньше указывали на то, что гениальные люди не представляют собою обособленной группы, которая резко отличается от всего прочего человеческого мира. И здесь мы видим, как прежние рассуждения наши совпадают с настоящими. Первое воспоминание детства человека никогда не бывает связано с каким нибудь внешним явлением, прерывающим прежний ход

вещей. В жизни каждого человека должен наступить момент, когда вследствие внутреннего развития, внезапно и незаметно сознание приобретает такую степень интенсивности, что в этот момент глубоко врезается в память человека, а впоследствии, смотря по дарованию каждого отдельного индивидуума, к этому воспоминанию присоединяется целый ряд новых. Один этот факт в состоянии сокрушить всю современную психологию. Точно также различным людям необходимо разное число толчков для того, чтобы стать гениальными. По числу этих толчков, из которых последний совпадает с моментом смерти, можно классифицировать людей с точки зрения их дарования. Здесь я хочу отметить, как ошибочно мнение современной психологии, что в детстве сохраняется наибольшее число впечатлений. Но ведь для психологии человек не что иное, как простой регистрационный аппарат, который не обладает никакой внутренней, онтогенетической духовной жизнью. Нельзя смешивать пережитые впечатления с тем внешним чужим материалом, какой только заучивается. Несомненно, ребенок лучше запоминает этот материал, но объясняется это тем, что его не давит тяжесть душевных переживаний.

Психология, которая в таких кардинальных вопросах противоречит опыту, должна предпринять значительные поправки или окончательно измениться. Точка зрения нашего исследования представляет собой только слабый намек на онтогенетическую психологию или теоретическую биографию – дисциплины, которые рано или поздно вытеснят современную науку о человеческой душе. Всякая программа *implicitie* содержит в себе убеждение, взгляд. Каждой цели, к которой стремится воля, предшествуют известные представления реальных отношений. Название «теоретическая биография» должно точнее ограничить эту область от философии и физиологии. Вместе с тем оно призвано расширить область применения метода биологического исследования, которым последнее по времени направления психологической науки (Дарвин, Спенсер, Мах, Авенариус), то пользовалось односторонне, то слишком злоупотребляло. Задача этой новой науки дать ясное описание закономерного хода душевной жизни человека как чего то единого, цельного, начиная с момента рождения до самой смерти его, совершенно такое же описание, какое мы привыкли читать о рождении и всех фазах развития какого нибудь растения. Она должна быть названа не биологией, а биографией, так как основной целью ее является исследование непреложных вечных законов духовного развития человека. До сих пор историческое описание всякого рода имели дело только с индивидуальностями. Здесь же центр тяжести лежит в отыскании общих точек, типов. Психология должна превратиться в теоретическую биографию.

Все задачи современной психологии нашли бы свое разрешение в этой науке, и тогда осуществилась бы заветная мечта Вильгельма Вундта отыскать широкую, плодотворную основу для науки о человеческой душе. Смешно отчаиваться в возможности создания такой науки только потому, что современная психология ничего не в состоянии сделать для разрешения самых загадочных сторон нашей душевной жизни. Ведь она совершенно иначе понимает задачи и цели этой науки или, вернее, совсем их не понимает. Вот почему, несмотря на прекрасные исследования Виндельбанда и Риккерта, мы можем при новом разделении наук на «монотетические» и «идиографические» дисциплины, сохранить и миллевское подразделение наук на науки о природе и науки о духе.

Из развитой нами дедукции потребности в бессмертии, благодаря которой она оказалось в связи с непрерывностью памяти и благочестием, с непреложностью следует, что женщина совершенно лишена этой потребности. Из этого так же видно, насколько ошибочно мнение, наиболее

распространенное среди людей, что положение о человеческом бессмертии является результатом страха смерти и физического эгоизма. Страх смерти одинаково присущ мужчинам и женщинам. Жажда бессмертия свойственна только мужчинам.

Попытка моя объяснить психологическую жажду бессмертия является скорее указанием на связь, существующую между ней и памятью, чем сводом из какого нибудь высшего положения. Очень легко убедиться, что подобная связь существует: чем больше человек живет своим прошлым, но не будущим, как привыкли думать, тем интенсивнее в нем жажда бессмертия. У женщин отсутствие этой жажды вполне соответствует отсутствию у нее благочестия к себе самой. Как у женщины отсутствие этих двух начал требует обоснования в каком нибудь одном более общем принципе, точно так же у мужчины существование памяти и жажда бессмертия требует отыскания какого нибудь общего корня. Все что было изложено до сих пор, являлось только указанием на то, каким образом жизнь в прошлом и ее высокая ценность соединяется в человеке с надеждой на потустороннее существование. Найти более глубокое основание этого взаимоотношения еще не входило в наши задачи. Пора приняться и за нее.

* * *

В качестве исходной точки выберем то определение, которое мы дали универсальной памяти гениального человека. Для него одинаково реально все: и то, что еще недавно имело место, и то, что давно уже успело исчезнуть. Из этого следует, что отдельное переживание не исчезает вместе с тем моментом, в течение которого оно длилось, что оно не связано с этим моментом времени, оно путем памяти как бы отрывается от него. Память превращает переживание в нечто временное. Память по самому понятию своему есть победа над временем. Человек в состоянии вспомнить прошлое только потому, что память освобождает его от разрушительного действия времени. Все явления природы суть функции времени, явления духа, наоборот, господствуют над временем.

Здесь мы останавливаемся перед затруднением, но затруднением мнимым. Как может память являться отрицанием времени? Ведь не будь у нас памяти, мы не имели бы никакого представления о времени. Ведь только воспоминанием о прошедших событиях мы приходим к мысли о том, что существует некоторое течение времени. Как можно утверждать, что одна вещь является противоположностью и отрицанием другой, если обе эти вещи неразрывно связаны между собою.

Затруднение это разрешается очень просто. Коль скоро новое существо, оно не должно быть непременно человеком, наделено памятью, оно уже не может быть втиснуто со своими переживаниями в поток времени. А если это так, то оно может сделать время предметом своего исследования, охватить его общим понятием, противопоставить себя ему. Если бы отдельное переживание было оставлено на произвол неудержимому течению времени, изменялось бы вместе со временем, как зависимая переменная со своей независимой, и никакая память не в состоянии была бы вырвать переживание из этот бурного потока, то тогда ясно, что понятие времени никогда не проникло ни в его сознание – сознание предполагает двойственность, не могло бы быть ни объектом, ни мыслью, ни представлением человека. Необходимо каким нибудь образом преодолеть время для того, чтобы узнать о нем, необходимо стоять вне времени, чтобы его понять. Это применимо не только к отдельному промежутку времени, но к общему понятию о времени. Точно также человек, охваченный какой нибудь сильной страстью, не в состоянии изучить и

разобрать основные черты ее, необходимо прежде всего оторваться от ее главной основы – времени. Не будь ничего вневременного, не было бы и представления времени. Чтобы определить, что вневременное, вспомним только, что собственно память похищает, вырывает из когтей времени. Мы видели, что память сохраняет все, имеющее для индивидуума интерес или значение, короче говоря, все, что обладает для человека известной ценностью. Обыкновенно человек вспоминает о таких вещах, которые имели для него когда либо известную, часто совершенно неосознанную, ценность: эти ценности наделяются их вневременностью. Человек забывает о том, что так или иначе не ценилось им.

Ценность и есть это вневременное. И наоборот: ценность вещи тем более значительна, чем эта вещь менее подвержена влиянию времени. Она, по крайней мере, не должна являться функцией времени. В каждой вещи воплощается ценность постольку, поскольку она существует вне времени: только вневременные вещи положительно оцениваются. Это положение, конечно, еще не исчерпывает сущности ценности, больше того, оно даже не является общим и глубоким определением ее. Но оно представляет собою первый специальный закон всякой теории ценности.

Достаточно будет совершить беглый обзор некоторых явлений, чтоб убедиться в правильности выставленного положения. Люди очень мало придают значения убеждению, которое еще недавно родилось в сознании человека. Они вообще не считаются с мнением человека, взгляды которого находятся еще в процессе течения, изменения и т. д. Напротив, неутомимое постоянство всегда внушает нам уважение, даже в том случае, когда оно проявляется в неблагоприятных формах жажды мести и упрямства. Оно чарующе действует на нас даже тогда, когда проявляется в безжизненных предметах. Вспомним только «аеге рарennis» у поэтов и «quarante siecis» египетских пирамид. Слава, которая выпала на долю человека, светлая память, которую он оставил по себе, все это обесценивается в наших глазах вместе с мыслью, что они преходящи. Разнообразные изменения, которые претерпевает на себе человек, тоже не являются предметом особенного восхищения для него. Правда, когда ему говорят, что он каждый раз проявляет себя с новой стороны, то он будет горд и доволен и этим свойством. Но причина этой гордости лежит в том постоянстве, в той закономерности, с какой проявляется в нем эта разносторонность. Для людей, которые устали жить, не существует никаких ценностей, они не видят ничего интересного для себя в упомянутом постоянстве. Сюда же относится боязнь вымирания рода и исчезновения имени человека.

Всякая социальная оценка, единственным выражением которой являются законодательные акты и договоры, уже с самого момента своего возникновения претендует на непреложность и полнейшую независимость от влияния времени, хотя бы обычай и повседневная жизнь наносит ли ей очень существенные изменения. Это относится и к тем правовым нормам, сила которых (по точному смыслу их) должна сохраниться в течение только определенного промежутка времени. Здесь время фигурирует в качестве величины постоянной, но не переменной, в зависимости от которой непрерывно или с перерывами изменялась бы вся совокупность отношений. Этим объясняется тот факт, что вещь обладает тем большей ценностью, чем продолжительнее ее существование. Никто не подумает, что контрагенты особенно заинтересованы в предмете договора, если он заключен только на весьма короткое время. Точно такое же отношение проявляют к нему и сами контрагенты. Отсюда, несмотря на всевозможные обстоятельства, вечные подозрения и недоверие, с которым они относятся друг к другу. В выдвинутом нами ранее законе лежит единственное объяснение того факта,

что человеческие мысли направлены далеко за пределы смерти. Потребность в наличии ценностей проявляется в общем стремлении освободить вещи от всякой зависимости от времени это стремление сказывается даже на таких отношениях, которые так или иначе изменяются «в связи со временем», например, на богатство и владение, на все, что мы привыкли называть «земными благами». В этом лежит глубокий психологический момент завещания, оставления наследства. Не забота о своих родных создала этот институт. И человек, лишенный семьи и родственников, составляет завещание. Более того: можно с уверенностью сказать, что делает это он с большей серьезностью и вдумчивостью, чем отец семейства, так как у него ведь больше риска совершенно исчезнуть с лица земли, из памяти других людей.

Великий политик и властелин, в особенности же деспот, власть которого кончается вместе с его жизнью, старается придать ей известную ценность. Этого он достигает только тем, что связывает эту власть с чемнибудь вневременным: кодексом, биографией (Юлий Цезарь) или всякого рода грандиозными просветительными учреждениями и коллективными научными работами, музеями и коллекциями, постройками из твердого камня (saxa loquuntur) или, оригинальнее всего, созданием или упорядочением календаря. Кроме того, его мысль направлена на то, чтобы сохранить власть в течение всей своей жизни. Для этого недостаточно только обмениваться договорами, которые взаимно связывают стороны. или заключить какой-нибудь дипломатический брак, которым прочно укрепил бы соответствующие родственные отношения. Сообразно основной идее подобного стремления, необходимо устранить все то, что одним только существованием своим угрожает вечному, незыблемому продолжению этой власти. Так политик превращается в завоевателя.

Психологические и философские теории ценности оставили без всякого внимания категорию вневременности. Они, несомненно, находились под влиянием политической экономии и всячески старались внести нечто свое в эту область. Тем не менее я не думаю, чтобы закон, развитый нами, не нашел никакого применения в политической экономии только потому, что в этой сфере он представляется менее ясным и более сложным, чем в психологии. И с экономической точки зрения большой ценностью обладает тот предмет, который дольше может служить потребностям человека. Вещь, которая в состоянии просуществовать только каких-нибудь четверть часа, можно, например, всегда купить значительно дешевле ее цены в поздний час перед наступлением ночи. Конечно, такой случай немыслим там, где установление прочной цены возвышает моральное значение торгового предприятия над случайными временными колебаниями. Я напому только о тех многочисленных учреждениях, которые созданы для сохранения ценности предметов от разрушительного влияния времени: склады, амбары, погреба, музеи со служащими при них кустодами. Совершенно ошибочно определение психологов, которые под ценностью понимают то, что удовлетворяет человеческим потребностям. Ведь и каприз есть не что иное, как потребность (правда, ненужная), вместе с тем нет ничего более противоречащего понятию ценности, как каприз. Каприз вообще не знает ценности. Он вызывает желание обладать ценностью с тем, чтобы в следующий же момент ее уничтожить. Таким образом, момент длительности входит, как существенный признак, и понятие ценности. Даже те явления, которые по мнению многих могут быть объяснены только с помощью менгеровской теории «предельной полезности», вполне разрешимы с моей точки зрения (при этом я далек от мысли ввести какие-либо новые точки зрения в политическую экономию). То обстоятельство, что вода и воздух лишены ценности,

объясняется исключительно тем, что только индивидуализированные, оформленные вещи могут обладать положительной ценностью: только все оформленное можно превратить в нечто безформенное или даже совершенно разрушить, а потому, как таковое, не обладает длительностью. Можно придать определенную форму горе, лесу, равнине путем обработки или проведения границ, потому эти предметы даже в самом диком своем состоянии являются объектами ценности. Атмосферный же воздух или водную поверхность никак нельзя заключить в определенные границы, так как они подвержены закону диффузии и расширены в беспредельность. Если бы какому нибудь чародею удалось сжать атмосферный воздух, окружающий со всех сторон земной шар, на каком нибудь незначительном пространстве земли, подобно тому, как это сделал дух в одной восточной сказке, если бы кто нибудь собрал всю водную массу, покрывающую наш земной шар, в один резервуар, предотвратив испарение, вода и воздух приобрели бы определенную форму, а вместе с ней и ценность. Понятие ценности только тогда связано с вещью, когда есть хоть малейший повод беспокоиться что эта вещь со временем может изменяться ибо ценность рождается из отношений ко времени, из противопоставления времени. Ценность и время взаимно обуславливают друг друга, как два соотносительных понятия. Здесь я позволю себе не говорить по вопросу о том, к каким глубоким последствиям приводит нас подобный взгляд, настолько плодотворен он, даже для создания целого мировоззрения. Для нашей цели вполне достаточно знать, что там, где нет угрозы со стороны времени, отпадает всякий разговор о ценности. Хаос, если он даже вечен, может быть оценен только отрицательно. Форма и невременность или индивидуация и длительность – два аналитических момента, впервые создающих ценность и ее обоснование.

Таким образом, мы разобрали этот кардинальный закон ценности в его применении, как в сфере индивидуально психологической, так и в сфере социально психологической. Теперь только мы можем вернуться к главному предмету нашего исследования и разрешить те основные вопросы, которые, хотя и являются исключительными для нашей работы, тем не менее остались до сих пор открытыми. Первое следствие, которое мы можем вывести из всего предшествовавшего изложения, – это то, что во всех сферах человеческой деятельности существует какая то потребность в невременности, волевое тяготение к ценности. Это именно тяготение, которое по своей глубине может быть без всякого опасения поставлено наряду со «стремлением к власти», совершенно отсутствует у индивидуальной женщины, по крайней мере в форме стремления к невременности. В очень редких случаях женщины дают какие либо указания на дальнейшую судьбу имущества после их смерти: это лишний раз доказывает, что женщина лишена потребности в бессмертии. Ибо в завещании лежит дух чем то высшего, более общего. Именно это и является причиной, отчего люди так свято соблюдают волю завещателя.

Потребность в бессмертии есть только частный случай из того общего закона, что только невременные вещи поддаются положительной оценке. В этом законе лежит связь упомянутой потребности с памятью. Память человека о разнообразных переживаниях пропорциональна тому значению, которое имели для него эти переживания. Как ни парадоксально они звучат, однако следует признать глубокую истину в словах: ценность, – это то, что создает прошлое. Только то, чему придается значение положительной ценности, вырывается памятью из когтей времени. Отсюда следует, что психологическая жизнь, поскольку она рассматривается как положительная ценность, должна, как целое, подняться над категорией времени путем вечной длительности, простирающейся далеко за пределы физической смерти человека. Она ни в коем случае не должна быть только функцией времени. Этим мы уже

несравненно ближе подошли к самому глубокому мотиву жажды бессмертия. Сознание того, что со смертью окончательно теряет значение наша ослепительная, яркая индивидуальная жизнь, которая таким образом превращается в бессмыслицу, – это сознание ведет нас к жажде бессмертия. Ту же мысль, только другими словами, выразил Гете Эккерману (4 февраля 1829 года).

Интенсивнее всех ощущает эту потребность бессмертия гений. Это свойство находится в самой тесной связи с другими качествами его природы, которые мы уже успели раскрыть. Память есть полнейшая победа над временем только в том случае, если она выступает в своей универсальной форме, как у универсального человека. Откуда следует, что гений один только и является человеком вневременности, по крайней мере, это является его идеалом. Он, как видно из его бесконечной, сильной жажды бессмертия, человек с интенсивнейшим стремлением к вневременному, с властным тяготением к ценности.

Но вот глазу представляется еще более удивительное совпадение. Вневременность гения обнаруживается не в одном только отношении к отдельным моментам его жизни. Она проявляется также в отношении к тому периоду времени, который считают его созданием и который называют «его временем». К последнему он *de facto* не имеет никакого отношения. Не время рождает гения, он не продукт времени. Очень мало чести делают гению, оправдывая его существование только временем, Карлейль вполне справедливо указал на то, как многие эпохи ждали гения, как сильно они в нем нуждались, а он все же не являлся. Появление гения должно остаться мистерией, от разрешения которой человек благоговейно должен отказаться. Так же, как причины появления гения не могут быть разрешены одним только временем и результаты его жизни не могут быть приурочены к определенному времени (это совпадение составляет вторую загадку). Произведения творчества гения живут вечно. Влияние времени на них ничуть не отражается, они делают гения бессмертным. Таким образом, можно говорить о вневременности гения в тройном отношении свойственная ему универсальная апперцепция в связи с тем фактом, что он всем своим переживаниям придает значение ценности, лишает эти переживания характера чего то временного, преходящего его появление в определенную эпоху не может быть объявлено характером этой эпохи, наконец, произведения его чувства не связаны ни в каком отношении со временем, ни с тем временем, которое совпадает с его существованием, ни с тем, которое предшествовало или следует за этим временем.

Здесь мне представляется счастливый случай ответить на один вопрос, который к моему великому изумлению до сих пор едва ли кемнибудь был задан. Вопрос этот заключается в том, существуют ли и среди животных (или растений) такие существа, которые по праву могли бы быть названы гениальными. В дальнейшем изложении мы постараемся обосновать целый ряд положений, которые решительно высказываются против подобного предположения. К тому же выдвинутые нами раньше критерии одаренности едва ли привели бы нас к открытию таких гениальных индивидуумов среди животных. Мы не отрицаем возможности существования талантов в мире животных, как возможны они среди людей, которые еще не сделались гениальными. Но мы имеем все основания полагать, что у них отсутствует та «искра Божия», о которой так много говорили до Морозе Тура, Ломброзо и Макса Нордау. Подобное отрицание за ними «искры Божией» не есть выражение ревности или робкого опасения за привилегии человека, нет, его можно обосновать очень вескими соображениями.

Чего только нельзя объяснить тем фактом, что гений впервые появился среди людей! Решительно все: весь «объективный дух», или другими словами, то, что один только человек среди других живых существ обладает историей. Разве всю человеческую историю (конечно, духовную, но не например, историю войн) нельзя объяснить с помощью одного только факта появления гения, с помощью тех толчков, которыми он двигал вперед прогресс человечества, с помощью тех подражаний, которые вызывал он в обезьяноподобных существах? Разве не к этой причине нужно свести возникновение архитектуры, земледелия и, прежде всего, языка? Каждое слово было первоначально создано одним человеком, стоявшим выше окружающей его среды, факт, который можно наблюдать повсюду еще и в настоящее время (здесь, конечно, следует оставить в стороне названия технических изобретений). Да и как оно могло возникнуть иначе? Первоначально слова были «звукоподражательными». В них помимо воли творящего проникало нечто похожее на то душевное состояние, в котором находился человек, произносивший их. Все слова вообще были первоначально тропами, так сказать, звукоподражаниями второго порядка, метафорами, сравнениями: прозы не существовало, всякая проза была поэзией. Таким образом, большинство гениев совершенно исчезло для нас. Стоит только подумать о пословицах, даже самых тривиальных в настоящее время, как, например, «рука руку моет». Да, ведь это много лет назад произнес впервые какой-нибудь гениальный человек! Сколько различных цитат из классических авторов, сколько слов Христа кажутся нам какими-то пословицами, не связанными в своем происхождении с каким-нибудь человеком, сколько труда нам стоит прийти к той мысли, что нам знаком автор этих выражений. Поэтому ошибочно говорить о «мудрости языка», о преимуществах и удачных выражениях французской речи. Как создателем «народной песни», так и создателем языка является далеко не народная масса. Такими взглядами мы проявляем свою неблагодарность к отдельным людям с тем, чтобы незаслуженно расхваливать народ. Гений, проявивший свое творчество в сфере языка, благодаря своей универсальности не принадлежит к той национальности, из которой он произошел и на языке которой он выразил свою духовную сущность. Известная национальность оценивает сущность своих гениев и таким образом составляет себе некоторое понятие идеала. Но этот идеал является путеводной звездой, конечно, для других, а не для самого гения. По тем же соображениям мы рекомендовали бы побольше осторожности во всех тех случаях, когда психологию языка относят без всяких предварительных исследований к принадлежностям психологии народов. В языке кроется поразительная мудрость потому, что он является созданием отдельных выдающихся людей. Если такой глубокий мыслитель, как Яков Веме, всецело предан научным изысканиям в области этимологии, то ведь этот факт сам по себе имеет гораздо большее значение, чем ему приписывает какой-нибудь историк философии. От Бэкона до Фрица Маутнера критикой языка занимались только плоские умы.

Для гения язык – не предмет критики, а творчество. Он создает язык, как и все другие духовные ценности, которые составляют истинную основу культуры, «объективный дух». Отсюда ясно, что вневременный человек – это тот, который создает историю. Только люди, стоящие вне причинной цепи исторических явлений, могут создать историю. Ибо только они стоят в неразрывной связи с абсолютно вневременным, с ценностью, которая дает их произведениям непреложное вечное содержание. Всякое явление, входящее как составная часть в человеческую культуру, входит в нее под видом вечной ценности.

Если мы воспользуемся данным нами масштабом гениальности, то мы без особенного труда разрешим сложный вопрос о том, кому следует приписать гениальность и кому следует в ней отказать. Наиболее популярный взгляд, который имеет в рядах своих сторонников Тюрка и Ломброзо, видит гениальность во всяком интеллектуальном или материальном произведении, которое по своим достоинствам превосходит средние произведения человеческого ума. С другой стороны, теория Канта и Шеллинга обладает в сильной степени характером исключительности. Она видит гениальность только в творческом инстинкте художника. Необходимо признать, что правда лежит между этими двумя взглядами. Титул гения следует приписать только великим художникам и великим философам (к ним я причисляю наиболее редких гениев, творцов религиозной догмы). Но на этот титул не имеют права ни «великий человек дела», ни «великий человек науки».

«Люди дела», знаменитые политики и полководцы могут, пожалуй, обладать некоторыми чертами, присущими также гению (например совершенное знание людей, поражающая память). Наше исследование еще вернется к вопросу о психологии этих людей. Но признать их гениями может только тот, кто ослепляется блеском внешнего величия. Гений именно отличается внутренним, духовным величием, он не знает величия, которое проявляется только во вне. Истинно великий человек обладает глубоким пониманием категории ценности, между тем как политику полководцу доступно только понятие власти. Гений стремится придать власть понятию ценности, политик – придать ценность понятию власти (вспомните о различных сооружениях, предпринимаемых императорами с этой целью). Великий полководец, великий политик, выступают из хаоса различных отношений, как феникс, который должен мгновенно исчезнуть. Великий император или великий демагог единственные люди, которые живут исключительно настоящим. Он не мечтает о какомнибудь лучшем, более ярком будущем. Его мысль не уносится также в глубь прошлого. Свое существование он связывает непосредственно с данным моментом и не стремится к «одолению времени» теми двумя способами, которые единственно возможны для человека. В своем творчестве гений старается свергнуть с себя зависимость от конкретных условий данного времени. Для политика или полководца эти условия – вещь «an in id fur sich», направление их деятельности. Таким образом, великий император – явление природы, а великий мыслитель стоит вне этой природы, он – овеществление духа. Подвиги «людей дела» бесследно исчезают с лица земли вместе с этими людьми, а иногда еще раньше; только хроника времени регистрирует эти подвиги в их бесконечной смене. Император не создает ничего такого, что содержало бы в себе вечную, простирающуюся на целые тысячелетия ценность, ибо таковы только произведения гения. Он и никто другой творит историю, так как стоит вне действия ее законов. Великий человек имеет историю. Император же – предмет истории. Великий человек дает эпохе определенный характер. Наоборот, время налагает определенный отпечаток на характер императора – и уничтожает его.

Так же мало прав на титул гения имеет как человек великой воли, так и великий ученый, если он одновременно не является и великим философом. Носи он даже имя Ньютона или Гаусса, Линнея или Дарвина, Коперника или Галилея – безразлично, этого права у него нет! Ученые не универсальны, ибо существует наука об определенном предмете или определенных предметах. Этого нельзя объяснить «все прогрессирующей специализацией», которая лишает нас возможности «все знать». И среди ученых XIX и XX вв.

существуют люди, обладающие полиисторией в той же степени, как Аристотель и Лейбниц. Я напому здесь имена двух ученых: Александра фон Гумбольдта и Вильгельма Вундта. Этот недостаток лежит гораздо глубже в сущности всякой

науки и в природе самих ученых. Восьмая глава разрешит последний остаток, остающийся открытым в этом вопросе. Но мне кажется, что мы уже здесь пришли к тому положению, что даже самые выдающиеся ученые не обладают той всеобщностью, которая свойственна была философам, стоявшим уже на границе гениальности (Фихте, Шлейермахер, Карлейль и Ницше). Какой ученый когда либо непосредственно понимал все, всех людей, всевозможные вещи? Больше того! Какой ученый когда либо проявлял хотя бы возможность постижения всего этого в себе и вне себя? Ведь замена этого непосредственного провидения, постижения всех вещей и является исключительной задачей тысячелетней научной работы. В этом лежит основание того, что люди науки являются «специалистами». Человек науки, если он только не философ, не знает той непрерывной, все в себе сохраняющей, ничего не забывающей жизни, которая является достоянием гения: именно в силу отсутствия в нем универсальности. Наконец, исследования ученого всегда связаны с общим развитием науки в его время. Он берет знания своего времени в определенном количестве и форме, умножает их и изменяет, а затем передает полученные им результаты будущему. Но и его исследования длительно сохраняются только в качестве книг на библиотечных полках: многое из них выбрасывается, многое дополняется, как недостающее, но они не являются вечными ценностями, созданными, не подлежащими исправлению ни в одном пункте. От великих же философских систем, как от великих произведений художественного творчества, веет чем то непреложным, неизменным, вырастает мирозерцание, в котором прогресс человеческой культуры ничего не в состоянии изменить. Чем значительнее индивидуальность творца данной системы, тем больше он имеет сторонников во все времена существования человечества. Есть платонисты, аристотельяны, спинозисты, берклианцы, есть, наконец, еще в настоящее время сторонники Бруно, но вы нигде не найдете галилеянцеv, гельмгольцистов, птоlemeистов и коперниканцев. Отсюда видно, какая бессмыслица говорить о «классиках точных наук» или о «классиках педагогики». Ведь подобное словоупотребление искажает значение этого слова, когда мы говорим о классических философaх или классических художниках.

Великий философ носит титул гения вполне заслуженно и с большой честью. И если философ вечно скорбит о том, что он не художник (именно таким путем он собственно становится эстетиком), то художник не в меньшей степени завидует упорной и настойчивой силе абстрактного систематического мышления философа. Вполне понятно, что они выдвигают такие проблемы, как Прометей и Фауст, Просперо и Киприан, Апостол Павел и «Пензерозо». Поэтому, кажется, и художник, и философ имеют в одинаковой степени право на почет. Ни одному не следует отдавать предпочтение пред другим. И в области философии не следует особенно усиленно раздавать титул гения, как это было до сих пор. В противном случае моя работа заслуженно понесет упрек в узкой партийности против «положительных наук». Я далек от подобного рода партийности, тем более, что в первую голову она обратилась бы против меня и большей части моем труда. Нельзя назвать Анаксагора, Гейлинкса, Баадера, Эмерсона гениальными людьми. Ни шаблонная глубина (Анжело Силезий, Филон Якоби), ни оригинальная плоскость (Кант, Фейербах, Юм, Гербарт, Локк, Карнеад) духа не в состоянии решить вопрос о применении понятия гениальности. История искусства, как и история философии полны в настоящее время самых превратных ценностей. Совершенно другое дело представляет собою история такой науки, которая беспрерывно подвергает испытанию правильность своих выводов и выдвигает все новые ценности сообразно объему поправок, введенных в нее. История науки совершенно пренебрегает личностью своих самоотверженных борцов. Ее целью

является система сверхиндивидуального опыта, из которого отдельная личность совершенно исчезает. В преданности науке лежит поэтому высшая степень «самоотречения», этой преданностью отдельный человек отказывается от вечности.

Глава VI

Память, логика, этика

Заглавие легко может вызвать крупное недоразумение. Оно дает возможность причислить меня к сторонникам того взгляда, согласно которому логические и этические оценки являются объектами исключительно эмпирической психологии, т. е. представляют собою такие же психические феномены, как ощущение и чувство. Соответственно этому логика и этика должны быть отнесены к специальным дисциплинам, представляющим отдельные отрасли психологии.

Я здесь же решительно заявляю, что это воззрение, так называемый «психологизм», в корне ложно и вредно. Ложно – потому, что оно никогда не приведет нас к торжеству дела, в чем мы убедимся еще впоследствии. Пагубно – потому, что оно разрушает психологию, но отнюдь не логику и этику, которых оно едва едва касается. Господствующая теория ощущений привела к тому, что логика и этика заняли второстепенное место некотором приложении к психологии в то время, как им подобало бы играть роль фундамента психологии. Вот этому то обстоятельству мы и обязаны «эмпирической психологией» в ее теперешнем виде: груды мертвых камней, которую не в состоянии оживить никакое усердие, никакое остроумие, где прежде всего отсутствует даже отдельный намек на действительный опыт. Что касается безнадежных попыток превратить логику и этику, эти нежные юные побеги душевного мира, в определенную степень сложной психологической науки, то я решительно высказываюсь против Brentano и его школы (Штумпф, Мейнонг, Гейслер, Эренфельс), против Т.Липпса и Г.Гейманса, а также против аналогичных взглядов Маха и Авенариуса. Я принципиально присоединяюсь к тому течению, которое отстаивается в настоящее время Виндельбандом, Когеном, Наторпом, Ф.И.Шмидтом, в особенности же Гессерлем (который также был психологистом, но впоследствии пришел к убеждению в совершенной неосновательности этой точки зрения). Это именно то течение, которое выдвигает против психологически – генетического метода Юма трансцендентально – критическую идею Канта и с достоинством защищает ее. Настоящая работа не ставит себе целью разбор общих, сверхиндивидуальных норм действия и мышления. Ее задача скорее заключается в том, чтобы установить различия между людьми, причем она в противовес основной мысли кантовской философии не рассчитывает на применимость своих положений к любым существам (хотя бы даже к нежным небесным «ангелочкам»). Из всего сказанного следует, что работа эта могла и должна оставаться психологической, не принимая вместе с тем оттенка психологичности. Однако в дальнейшем изложении и именно там где появится необходимость, мы не откажемся от некоторых формальных соображений или, в крайнем случае, от указания, что в том или ином месте единственным судьей является логический, критический или трансцендентальный метод.

Название этой главы оправдывается иначе. Предыдущее, несколько пространное (что объясняется новизной избранного пути) изложение показало, что человеческая память находится в самых интимных отношениях к вещам. Говорить о родстве с ними считалось, по видимому, недостойным. Время, ценность, гений, бессмертие – все это раскрыло поразительную связь вещей с памятью, связь, о существовании которой до сих пор совершенно не

предполагали. Это почти полное отсутствие всяких указаний должно иметь более глубокое основание. Оно, кажется, лежит в тех нелепостях и несообразностях, которыми в столь сильной степени изобилуют теории памяти.

Здесь прежде всего следует обратить внимание на теорию, обоснованную еще в середине XVIII в. Шарлем Бонне и получившую особенное распространение благодаря трудам Эвальда Геринга (и Е.Маха). Эта теория видит в памяти только «всеобщую функцию организованной материи» – реагировать на новые раздражения, более или менее аналогичные прежним, с большей легкостью и меньшей интенсивностью, чем на первоначальное раздражение. По этой теории феномены человеческой памяти исчерпываются опытом, добытым путем упражнения. Они являются особой формой приспособленности в ламарковском смысле. Бесспорно, существует нечто общее между человеческой памятью и фактами, вроде повышенной рефлексии при массовой повторности раздражения. Аналогичный элемент лежит в основе того явления, что действие первого впечатления продолжительнее момента раздражения, и в XII главе мы еще вернемся к разбору глубокого основания этого родства. Тем не менее целая пропасть существует между такими явлениями, как возрастание упругости мускула благодаря частой привычке к сокращению, или приспособленность морфиниста и потребителя мышьяка к восприятию все более значительных доз яда, с одной стороны, и воспоминанием человека о своих прежних переживаниях – с другой. В первом случае в каждом новом переживании мы видим отчетливые следы старого, во втором – раньше пережитое состояние снова оживает в сознании со всеми своими индивидуальными чертами. Новый момент выступает с такой яркостью, как в свое время протекал старый. А потому полное отождествление этих двух явлений до того бессмысленно, что можно отказаться от дальнейших рассуждений об этом общебиологическом взгляде.

С физиологической гипотезой неразрывно связано учение об ассоциации, как теории памяти. Эту связь можно проследить исторически – в лице Гартли, материально же она основывается через понятие привычки. По этой теории память представляется механической игрой соединения представлений, подчиняющейся определенным законам (от одного до четырех). При этом она упускает из виду, что память (беспрерывная память мужчины) есть явление волевое. Я могу что-нибудь вспомнить, если я этого действительно хочу, хотя бы это мне обошлось ценой подавления в себе состояния сонливости. В состоянии гипноза, который воскрешает в памяти все позабытое, воля другого выступает взамен сильно ослабевшей собственной воли. Это лишнее раз доказывает, что только воля отыскивает целесообразные ассоциации, что ассоциация вызывается путем более глубокой апперцепции. Здесь пришлось забежать вперед, в дальнейшем мы займемся вопросом об отношениях между ассоциационной и апперцепционной психологиями и постараемся дать надлежащую оценку обеим.

Итак, ассоциационная психология разбивает психическую жизнь на отдельные составные части, с другой стороны – пытается снова соединить сродственные друг другу единицы. В связи с ней стоит третье заблуждение: несмотря на вполне основательные возражения, выдвинутые почти одновременно Авенариусом и Гефдинггом (особенно последним), она все еще смешивает память с узнаванием. Узнавание какого-либо предмета не должно вовсе покоиться на самостоятельном воспроизведении старого впечатления, хотя бы в некоторой части случаев новое впечатление и склонно было вызвать старое. Но рядом с этим существует не менее значительное число случаев, когда непосредственное узнавание не намечает никакого дальнейшего движения ощущения, как бы ни к чему дальнейшему не стремится, но

виденное, слышанное и т. д. выступает с какой то специфической «окраской» («tinge» – сказал бы Джеме). Это тот особенный «характер», который Авенариус обозначает именем «das Notal» а Геффдинг – «качеством знакомости». Для человека, возвращающегося на родину, каждая дорога, тропинка представляется «знакомой», хотя он не может вспомнить даже того дня, когда он ходил по ней, не знает ее названия и, пожалуй, не ориентируется в ней. Мне может «показаться знакомой» какая нибудь мелодия, хотя бы я не знал, где и когда мне приходилось ее слышать. Этот «характер» (в понимании Авенариуса) знакомости, интимности и т. д. витает, так сказать, над чувственным впечатлением. Анализ ничего еще не знает об ассоциациях, которые в «связи» с моим новым ощущением должны еще, по мнению кичливой псевдопсихологии, вызвать то непосредственное чувство. Анализ может весьма отчетливо отличить эти случаи от тех, в которых уже слегка и едва заметно (в форме гениды) старое переживание действительно ассоциируется.

И с индивидуально психологической точки зрения подобное различие является вопросом необходимости. Выдающийся человек хранит в себе столь яркое сознание непрерывного прошлого, что, например, при каждой новой встрече знакомого на улице он воспроизводит прежнюю встречу, как самостоятельное переживание. У менее одаренного человека каждая встреча вызывает обыкновенное чувство знакомости, облегчающее ему узнавание. Это имеет место даже тогда, когда прежняя встреча могла быть воспроизведена со всеми своими подробностями.

В заключение зададимся вопросом, обладают ли и другие организмы, кроме человека, способностью возродить в своем сознании прошедшие моменты своей жизни, при этом следует строго отличать эту способность от всех сходных с ней свойств. На этот вопрос придется с большой вероятностью ответить отрицательно. Если бы животные способны были уноситься своей мыслью в прошлое или предвосхищать будущее, то они не могли бы оставаться целыми часами на одном месте без всякого движения, а ведь подобное спокойное состояние является для них характерным. Животные обладают способностью узнавать и чувства ожидания, как, например, собака, приветствующая своего господина после многолетнего отсутствия, свиньи у ворот мясника или кобыла, которую ведут на случку. Но они совершенно лишены воспоминания и надежды. Они способны узнавать при помощи «Notal», но память у них отсутствует.

Итак, память представляет собою определенное свойство высших сфер психологической жизни человека. Кроме того, она, как было указано, является достоянием исключительно последнего. Поэтому нет ничего удивительного в том, что она стоит в самой тесной связи с предметами такого высокого значения, как понятие ценности и времени, как потребность бессмертия, которая едва ли тревожит животный мир, как гениальность, доступная только человеку. Больше того, следует ожидать, что логические и этические феномены, которые, по видимому, подобно памяти, отсутствуют у всех прочих живых существ, приходят каким нибудь образом в соприкосновение с памятью. Это ожидание может оправдаться только при существовании единого понятия о человеке, о некоторой глубочайшей сущности человечества, понятия, которое проявляется во всех отдельных качествах его. Задача наша – найти эту связь.

Для целей этого исследования возьмем общеизвестный факт, что у лжецов плохая память. Никто уже не спорит, что «патологический лжец» почти совершенно «лишен памяти». В дальнейшем я вернусь еще к лжецам – мужчинам. Вообще говоря, они являются исключением. Если иметь в виду то, что было сказано относительно памяти женщин, то ясно будет, что это

придется поставить рядом с только что упомянутым положением относительно недостаточной воспоминательной способности лжецов. Отсюда всевозможные предостережения против лживости женщин в пословицах, поэзии и сказках. Ясно: человек, у которого едва мерцает искра сознания того, что он пережил, прочувствовал, когданибудь говорил, очень часто будет врать, если он, конечно, не лишен дара речи. Такому человеку нелегко будет подавить в себе импульс лжи в тех случаях, когда его помыслы направлены к достижению каких либо практических целей. Искушение солгать должно быть особенно сильно в тех случаях, когда память лишена той непрерывности, которой обладают мужчины, когда она сосредоточивается на отдельных бессвязных изолированных моментах вместо того, чтобы подниматься над ними или, по крайней мере, подчинить их собственным проблемам. Особенно резко это проявляется, когда существо не способно отнести, подобно М все свои переживания к единому носителю их, когда отсутствует аперцепционный «центр», который сосредоточивает в себе все прошедшее, как нечто единое, когда человек лишен сознания единства и неизменности своей сущности в многообразных жизненных положениях своих. Бывает, что и мужчина себя иногда «не понимает». У большинства из них является вполне обычным, что, воспроизводя в сознании свое, прошлое, вне какой либо связи с феноменами психической периодичности, никак не могут признать себя носителями прежних переживаний. Они часто отказываются понимать, как могли они то или другое думать, сделать и т. д. Несмотря на это, они отлично знают и чувствуют, что в свое время они думали и делали именно это, они даже несколько не сомневаются в этом. Это чувство тождественности в различных жизненных положениях совершенно отсутствует у настоящей женщины. Даже в тех единичных случаях (они несомненно бывают), когда ее память поразительно хороша. Последняя совершенно лишена свойства непрерывности. В потребности себя понять проявляется сознание единства мужчины, который в данный момент себя не понимает, но эта потребность предполагает, несмотря на временное самонепонимание, постоянное единство и неизменность. Женщина никогда не в состоянии понять себя, размышляя о прошедшем, но она не ощущает никакой потребности себя понять. Это можно заключить из ее поверхностного отношения к словам мужчины, когда тот говорит именно о ней. Женщина не интересуется собою, поэтому нет женщины психолога, нет психологии женщины, написанной женщиной. Ее понимание совершенно недоступны конвульсивные, чисто мужественные усилия представить свое прошлое в виде логически и причинно упорядоченной, непрерывной цепи последовательных переживаний, так же мало понимает она стремление установить определенное соотношение между началом, серединой и конечным пунктом индивидуальной жизни. Здесь, на границе двух областей, уместно будет перекинуть мост к логике. Существо, подобное Ж, абсолютной женщине, которое не в состоянии познать свою тождественность в различные последовательно сменяющие друг друга моменты, не постигнет также идентичности объекта мышления за различные периоды времени. Если же обе части, т. е. субъект и объект, подвержены изменению, то мы таким образом лишены так сказать, координатной системы, к которой можно было бы отнести это изменение, а ведь без нее мы совершенно не в состоянии даже заметить изменение. Действительно, существо, лишенное способности благодаря мизерной памяти своей высказать суждение, что предмет сохранил все свои черты и остался неизменным по истечении известного промежутка времени, не в состоянии будет оперировать в какомнибудь длинном вычислении с математическими постоянными величинами. Подобное существо (я беру крайний случай) не в состоянии будет при помощи своей памяти преодолеть тот бесконечно малый промежуток

времени, во всяком случае психологически необходимый для того, чтобы высказать суждение, что в ближайший момент A не изменилось, что оно осталось тем же A , словом, высказать суждение тождества $A = A$. Ему так же затруднительно будет произнести суждение противоречия, которое предполагает, что A не тотчас же исчезло с поля зрения мыслящего субъекта, в противном случае последний не мог бы отличить A от не A , от того, что не есть A , чего именно он, в силу ограниченности своего сознания, не может одновременно охватить своим взором.

Это не хитроумная выдумка, не злой математический софизм и не вывод, поражающий нас неожиданностью своих предпосылок. Конечно, суждение тождества всегда направлено на понятия, мы вернемся еще к этому предмету, здесь же я замечу об этом мимоходом во избежание возможного возражений, понятия же логически находятся вне времени. Они сохраняют свое постоянство безразлично, мыслит ли их психологический субъект постоянными или нет. Но человек никогда не мыслит понятие, как нечто чисто логическое, ибо он кроме логического содержит в себе и психологическое существо, подверженное «условиями чувственности». Он мыслит общими представлениями, выросшими на почве индивидуального опыта путем сглаживания различия и усиления сходных элементов («типичное», «сознающее», «замещающее» представление). Это именно представление содержит в себе абстрактный момент присущий понятию, и в этом смысле оно может быть рассматриваемо в качестве понятия, как это ни удивительно. Он должен иметь возможность сохранить свое представление, в котором он созерцательно мыслит фактически несозерцаемое понятие. Эту возможность ему опять таки может доставить память. И если у него нет памяти, то он лишен способности логически мыслить. Эта способность всегда нуждается, так сказать, в психологическом медиуме для своего воплощения. Таким образом, после приведенных доказательств никто спорить не будет о том, что вместе с памятью уничтожается способность в правильном логического мышления. Этим положением мы нисколько не задеваем основ логики. Оно скорее сводится к тому, что правильное применение этих основ обуславливается наличностью памяти. Положение $A=A$ психологически имеет отношение ко времени, поскольку то может быть высказано в противоположность времени: $A_{t1} = F_{t2}$. С логической стороны это положение совершенно лишено отношения ко времени, но в дальнейшем мы еще увидим, почему оно чисто логически, как особое суждение, не имеет никакого специального смысла, а потому столь сильно нуждается в дополнении психологического характера. Сообразно этому, психологически суждение простирается в определенном отношении ко времени и представляет собою несомненное отрицание последнего.

В предыдущем изложении я определил память, как некоторую способность господствовать над временем. Отсюда ясно, что память вместе с тем является необходимым психологическим условием представления о времени. Таким образом, факт непрерывной памяти является психологическим выражением логического суждения тождества. Абсолютная женщина, лишенная совершенно памяти, не может принять это положение за аксиому своего мышления. *Principium identitatis* не существует для абсолютной женщины (так же, как и *contradictionis* или *exclusi tertii*).

Не только эти три принципа, но и четвертый закон логического мышления, принцип достаточного основания, который является необходимым условием правильности всякого суждения, а потому обязательный для каждого мыслящем человека, – также и этот принцип теснейшим образом связан с памятью. Закон достаточного основания является жизненным нервом, основным принципом силлогизма, посылками являются суждения, которые психологически

предшествуют выводу. Ясно, что для правильного вывода необходимо удержать в памяти эти посылки в том чистом и нетронутым виде, в каком сохраняются наши понятия под влиянием законов тождества и противоречия. Основания духовного мира человека следует искать всегда в прошлом. А потому непрерывность, которая является центральным пунктом человеческого мышления, так тесно связана с причинностью. Каждый случай применения принципа достаточного основания психологически предполагает непрерывную память, ревниво охраняющую все тождества. Так как Ж лишена подобной памяти, как и вообще лишена понятия непрерывности во всех других отношениях, то для нее не существует также *principium rationis sufficientis*.

Таким образом, вполне справедливо положение, что женщина лишена логики. Георг Зиммель считал это положение совершенно неприемлемым на том основании, что женщины очень часто проявляют весьма строгую последовательность мышления. То обстоятельство, что в конкретном случае, когда это необходимо для достижения какой-нибудь цели, женщина проявляет способность к строгому и последовательному умозаключению, одинаково мало доказывает ее отношение к закону достаточного основания, как и к закону тождества, тем более, что и в подобном, наиболее счастливом случае, весь спор сводится к тому, что она упорно и настойчиво возвращается к своим прежним положениям, давно уже опровергнутым. Весь вопрос заключается в том, признает ли человек аксиомы логики критерием правильности своего мышления, верховным судьей своих мнений и взглядов, словом, руководящей нитью и высшей нормой своих суждений. Женщина не видит особенной надобности в том, чтобы решительно все должно было покоиться на известных основаниях. Так как ей чужда категория непрерывности, то она не ощущает никакой потребности в логическом подтверждении своих мыслей, отсюда – легковёрность всех женщин. В отдельных случаях она может поэтому быть весьма последовательной, но именно тогда логика является не масштабом, а орудием, не судьей – а палачем. И вполне естественно, что женщина чувствует какую-то неловкость, когда мужчина, который настолько глуп, что принимает ее слова за чистую монету, требует от нее доказательств высказанного ею суждения. Ведь подобное требование совершенно противно ее природе. Мужчина чувствует себя пристыженным, как бы виновным всякий раз, когда он упускает из виду необходимость подкрепить свои суждения логическими доказательствами и привести для них соответствующие основания. Он как бы чувствует себя обязанным подчиниться логической норме. Она является его верховным властителем. Женщина возмущается требованием придерживаться во всех своих суждениях логики. У нее нет интеллектуальной совести. По отношению к ней можно говорить «*logical insanity*».

Логический недостаток, наиболее распространенный в суждениях женщины (хотя мужчина не проявляет особенной склонности раскрывать эти логические дефекты, чем он доказывает свое легкое отношение к женской логике), это – *qiiatemo terminorum*, замена одной мысли другою, которая является результатом неспособности закрепить за собою определенные представления, а также отсутствия всякого отношения к принципу тождества. Женщина не может самостоятельно прийти к сознанию, что следует строго придерживаться этого принципа. Он лишен для нее значения высшего мерил ее суждений. Для мужчины логика обязательна, для женщины – нет. И только чувство подобной обязательности является залогом того, что человек всегда, вечно будет стремиться к логически правильному мышлению. Самая глубокая истина, которую когда-нибудь высказывал Декарт и которую потому до сих пор

отказываются понимать и даже признают ложной, гласит: всякое заблуждение есть вина.

Но источником всякого заблуждения в жизни является недостаток памяти. В этом смысле логика и этика, две области, которые соприкасаются между собой в общем стремлении к истине и совершенно сходятся в высшей ценности истины, тоже приходят в тесную связь с памятью. И у нас смутно всплывает признание, что Платон вовсе не был так неправ, когда он разум человека связывал с воспоминанием. Память правда, не логический и не этический акт, но она, по меньшей мере, является логическим и этическим феноменом. Человек, который испытал серьезное, глубокое ощущение, чувствует себя виновным, когда он, спустя полчаса после этого ощущения, уже думает о посторонних вещах, хотя бы он был к этому вынужден внешними обстоятельствами. Он готов узреть свою бессовестность и аморальность в том, что он в течение значительного промежутка времени ни о чем не думал. Память уже по одному тому моральна, что только благодаря ей является возможным раскаяние. Напротив, всякое же забвение – аморально, безнравственно. Потому благочестие является требованием нравственности: человек обязан ничего не забывать. Только поэтому и нужно помнить об умерших. Вот почему мужчина из логических и этических соображений стремится внести свет логики в свое прошлое, все моменты этого прошлого свести к единству.

Одним ударом мы коснулись здесь глубокой связи между логикой и этикой, связи, которую смутно предполагали еще Сократ и Платон с тем, чтобы Канту и Фихте пришлось ее снова открывать. Впоследствии она была совершенно оставлена без внимания и в настоящее время окончательно предана забвению. Существо, которое не в состоянии понять, что А и не А взаимно исключают друг друга, не встречает никаких преград в своей склонности ко лжи. Больше того, для него даже не существует понятия лжи, так как отсутствует ее противоположность истина. Такое существо может лгать, не понимая совершенно этого, не имея даже возможности понять, что он лжет, так как он лишен критерия истины. «Veritas norma sui et facti est». Нет ничего более потрясающего той картины, когда мужчина, по поводу слов женщины, обращается к ней с вопросом: «Зачем ты лжешь?» Она смотрит на него удивленными глазами, старается его успокоить или раздражается слезами. Ложь – весьма распространенное явление и среди мужчин, так как не одной только памятью исчерпывается сущность разбираемого предмета. Можно лгать, отлично помня фактическое положение дела. Для этого достаточно, чтобы какие либо практические соображения руководили нами – и мы охотно подменяем факты. И только о таком именно человеке, который, великолепно зная все обстоятельства дела благодаря сильной памяти и ясному сознанию, тем не менее искажает их, можно с основанием говорить, что он лжет. Речь об оскорблении во имя практических целей идеи истины, как высшей ценности этики и логики, может идти только тогда, когда человек действительно находится в известных отношениях к этой идее. Там же, где подобного отношения нет, вообще нельзя говорить о заблуждении и лжи там одна только склонность к заблуждениям и лживости, не антиморальное, но аморальное бытие. Отсюда – женщина аморальна.

Следовательно, это абсолютное непонимание ценности истины должно иметь более глубокую причину. Из непрерывности памяти нельзя еще вывести требования истины, потребности в истине, этого основного этико логического феномена. Будь это не так, мужчина никогда не лгал бы, но он также лжет, или вернее – только он лжет. Из непрерывности памяти можно только вывести тесную связь с потребностью истины.

То, что внушает человеку (мужчине) искреннее отношение к идее правды и что удерживает его от всякой лжи, представляется чем то неизменным, независимым от времени. Оно заключается в том, что в данный момент прошлый факт оживает в сознании с такой яркостью, силой и отчетливостью, что не допускает никаких изменений в изложении этом факта. Оно является тем средоточием, в котором сходятся все наши разрозненные переживания, в результате чего является наше непрерывное бытие. Действие этого момента сказывается в наличии чувства ответственности у людей. Оно ведет к раскаянию, сознанию виновности. Иными словами, это «нечто» заставляет нас относить все прошедшее к чему то вечно единому, а потому существующему и в настоящем. Это чувство способно достигнуть таких крупных успехов, на которые общественное мнение и судебные приговоры и рассчитывать не могут. Оно влечет за собою человека совершенно независимого от всяких социальных условий. Вот почему всякая моральная психология, которая считает мораль порождением общественной жизни людей, в корне своем ложна. Общество знает только понятие преступления, но не понятие греха. Оно налагает штраф, не для того, чтобы вызвать раскаяние. Ложь карается уголовными законами, когда она проявляется в форме нарушения присяги, т. е. когда влечет за собою общественный вред. Что касается заблуждения, то его до сих пор не считают посягательством на существующий писанный закон. Социальная этика находится в вечном страхе, что этический индивидуализм вредно отразится на интересах ближних, а отсюда – нескончаемые бредни об обязанностях человека к обществу и к 1500 млн. живых людей. Но подобное воззрение не расширяет, как ей хотелось бы думать, область морали, наоборот, ограничивает ее самым недопустимым образом.

В чем заключается то, что возвышается над временем и изменчивостью? Что представляет собою этот «центр апперцепции»?

Это не может быть менее значительно, чем то, что возвышает человека над самим собою (как известной частью чувственном мира), приковывает его к порядку вещей, тому порядку, который в состоянии постигнуть один только разум, для которого весь чувственный мир – предмет подчиненный. Это – не что иное, как личность».

Самая величественная книга в мире «Критика практического разума», откуда и взяты вышеприведенные слова, указала морали на «умопостижимое» «Я», отличное от всякого эмпирического сознания, как на своего единственного законодателя.

Этим мы привели исследование к проблеме субъекта. Она и составит предмет ближайшего рассмотрения.

Глава VII

Логика, этика, «я»

Известно, что Давид Юм подверг критике понятие «я». Результаты ее сводятся к тому, что понятие «я» является «пучком» различных «перцепций», находящихся в вечном движении, в непрерывном течении. Правда, понятие «я» благодаря Юму, сильно скомпроментировано, но ведь он излагает свое воззрение с такой скромностью, в таких безупречных выражениях. Не следует, по его мнению, обращать внимание на некоторых метафизиков, которые склонны думать, что у них имеется какое то другое «я». Он вполне уверен, что сам он лишен какого бы то ни было я, а потому необходимо предположить, что и все прочие люди не более, как пучки (о той паре чудаков он не решает что либо высказывать). Так заявляет мировой человек. В ближайшей главе будет показано, как его ирония обращается против него же. То, что она получила такую известность, является

результатом всеобщей переоценки Юма, виною чему – Кант. Юм – выдающийся эмпирический психолог, но его никак нельзя назвать гениальным, как это в большинстве случаев делают. Правда, немного нужно для того, чтобы стать величайшим английским философом, но и на это звание Юм не имеет ни малейшего права. И если Кант (несмотря на «параллогизмы») а limine отверг спинозизм только на том основании, что люди согласно этой теории являются акциденциями, а не субстанциями, и поставил крест над ним только в силу подобной «нелепой» основной идеи, то я, по крайней мере, не решаюсь утверждать, чтобы он совершенно не умалил похвал, выпавших на долю этого англичанина, если бы знал также и «Treatise», а не ограничился бы только «Inquiry»- трудом, в котором критика понятия «я» совершенно отсутствует. Лихтенберг, который отправился в поход против «я» после Юма, был уже смелее последнего. Он, философ безличности, ставит на место словесного выражения «я думаю» «думается», как более соответствующее действительности. Для него «я» является открытием, честь которого по справедливости принадлежит грамматике. И в этом отношении Юм предвосхитил его мысли тем, что в конце своих рассуждений объявил весь спор о тождестве личности чисто словесным спором.

В новейшее время Э.Мах выдвинул теорию, согласно которой вселенная представляется компактной массой, отдельные же «я» являются пунктами сосредоточения наибольшей плотности этой массы. Единственно реальными являются ощущения, которые теснее связаны между собою в одном индивидууме, чем в отдельных двух индивидуумах.

Центр тяжести лежит в содержании, которое заключается во всех, даже лишенных всякой ценности (!) личных воспоминаниях. «Я»- единство не реальное, а практическое. Ему нет спасения, а потому можно (охотно) отказаться от идеи индивидуального бессмертия. Тем не менее, нет ничего преступного в том, если мы всем нашим поведением обнаружим наличность у нас некоторого «я»; это даже в интересах дарвинской борьбы за существование.

Нам странно видеть, когда исследователь, вроде Маха, который принес огромную пользу не только в своей области в качестве историка и критика основных понятий, но и в биологической сфере оказал несомненные услуги, толкая ее на дальнейший путь исследования, совершенно оставляет без внимания тот факт, что все органические существа прежде всего неделимы, значит в каком то отношении являются атомами, монадами (см. часть I, гл. 3), Ведь основное различие между живым и мертвым заключается в том, что первое всегда дифференцировано на неоднородные, тяготеющие друг к другу части в то время, как даже оформленный кристалл является везде однородным. Можно ведь было бы задуматься над вопросом, не чреват ли весьма важными для психической жизни последствиями этот принцип индивидуальности, а именно тот факт, что отдельные части органических существ связаны далеко не так как сиамские близнецы. Пожалуй, этот вопрос дал бы нам нечто более плодотворное в психическом смысле, чем маховское «я» – эта «зала ожидания» для ощущений.

Вполне правдоподобно, что такой психологический коррелат существует даже у животных. Все то, что животное чувствует и ощущает, обладает, вероятно, у каждого индивидуума особым характером, особым оттенком. Этот оттенок однако не является присущим всему классу, роду или виду, расе или семейству, больше того, он различается по мере перехода одного индивидуума к другому. Идиоплазма – физиологический эквивалент этой специфичности ощущений и чувств каждого отдельного животного. Это положение покоится на тех же основаниях, что и теория идиоплазмы (см. часть I, гл. 2 и часть II, гл. 1). Они именно и допускают возможность

существования эмпирического характера и у животных. Охотник, имеющий дело с собаками, коннозаводчик, хорошо знающий лошадей, сторож, присматривающий за обезьянами, все они подтвердят наличие в поведении отдельных животных не только некоторых особенностей, но и известного постоянства. Так что весьма правдоподобно нечто, выходящее за пределы простого свидания «элементов».

Но если подобный коррелят идиоплазмы действительно существует, если далее даже и животные обладают какой-то своеобразной особенностью в отдельных своих представителях, то эта особенность является далеко еще не тем умопостижимым характером, который мы вправе приписать одному только человеку за отсутствием оснований приписать его кому-либо другому из живых существ. Умопостижимый характер человека, индивидуальность, так относятся к эмпирическому характеру, индивидуации, как память к простому непосредственному узнаванию. В конечном итоге здесь несомненно тождество: в обоих случаях в основе лежит структура, форма, закон, космос, который остается равным себе, когда содержание меняется. Здесь должны быть вкратце изложены соображения, на основании которых нужно предположить наличие у человека номинального, трансэмпирического субъекта. Они вытекают из основ логики и этики.

В логике речь идет об отыскании истинного значения принципа тождества (также противоречия; для существа нашего предмета не имеют значения бесконечные споры, которые ведутся о преимуществе одного перед другим и истинной форме их выражения). Положение $A = A$ непосредственно бесспорно и очевидно. Оно является элементарным мерилем истины для всяких других положений. Всякое противоречие этому положению мы признаем ложным. Например, когда в каком-нибудь специальном суждении предикат высказывает относительно субъекта нечто такое, что чуждо определяемому понятию. И следует только глубже вдуматься, чтобы обнаружить, что в конечном итоге это положение является законом всяких логических выводов. Закон тождества – принцип истинного и ложного. Кто видит в этом положении одну только тавтологию, которая ничего не объясняет и нисколько не способствует нашему мышлению, тот пожалуй и прав, но он, очевидно, очень скверно усвоил природу этого положения. Такого взгляда придерживался Гегель и впоследствии почти все эмпиристы. $A=A$, как принцип всякой истины, не может являться какой-нибудь специальной истиной. Кто видит бессодержательность в законах тождества и противоречия, тот должен это качество прежде всего приписать себе. Он, пожалуй, надеялся найти в них особую мысль, обогатить ими свой запас положительных знаний. Но положения, о которых идет речь, не представляют собою особого познания или особых актов мышления. Они являются той меркой, которую следует приложить ко всем мыслительным процессам. Эта мера сама по себе не может являться актом мышления, который можно было бы сравнить со всеми прочими актами. Норма мышления не может находиться в самом мышлении. Закон тождества ничего не прибавляет к нашим знаниям. Он не увеличивает нашего богатства, он стремится заложить первый камень и дать основание этому богатству. Принцип тождества – все или ничего.

К чему применяются принципы тождества и различия? Обыкновенно думают: к суждениям. Например, Зигварт формулирует закон противоречия следующим образом: «Оба суждения A есть B , A не есть B не могут одновременно быть верны». Он утверждает, что суждение: «необразованный человек – образован» содержит в себе противоречие потому, что связанное «образован» отнесено к такому субъекту, относительно которого суждение *implicite* утверждает, что он «человек необразованный», это опять можно свести к двум суждениям: $X -$ «образован» и $X -$ «необразован» и т. д. Психологизм подобного

доказательства бьет в глаза. Оно ссылается на суждение, предшествующее по времени образованию понятия «необразованный человек». Вышеприведенное же положение, $A \neq A$, претендует на истинность, безразлично, существуют ли существовали или будут существовать и другие суждения. Оно простирается на понятие «необразованный человек». Оно обеспечивает нам это понятие путем исключения всех противоречащих ему признаков.

Именно в этом состоит единственная функция принципов тождества и противоречия. Она конститутивна для специфической стороны понятия. Конечно, такова их функция по отношению к логическому понятию, но не к тому, что мы называем «психологическим понятием». Правда, понятие всегда психологически заменяется общим созерцательным представлением, но это представление в известной степени содержит в себе момент специфичности понятия. Это общее представление, служащее психологически заменой понятия, не есть то же самое, что понятие. Представление может быть богаче (когда я думаю о треугольнике) или скуднее (в понятии льва гораздо больше содержания, чем в моем представлении о нем, в то время, как в случае треугольника – совершенно наоборот). Логическое понятие есть та руководящая нить, по направлению которой следует внимание, когда оно извлекает из представления, замещающего понятие, только известные моменты, указанные именно этим понятием. Оно является целью и заветной мечтой психологического понятия, полярной звездой, к которой обращены упорные взоры внимания, когда оно создает конкретный суррогат понятия: оно – закон по которому внимание делает свой выбор.

Нет мышления, которое наряду с логическими моментами не содержало бы в себе моментов психологических. Наличие одного только логического момента являлась бы чудом. Только тождество мыслит чисто логически. Человек же должен мыслить одновременно и психологически, так как кроме разума он наделен и чувственностью. Правда, его мышление направлено на логические, находящиеся вне времени явления, психологически же оно протекает в пределах определенного промежутка времени. Логичность играет роль высшего критерия, которым руководствуется человек в актах психологического мышления. Когда два человека спорят о чем либо, они говорят о понятии, а не о тех совершенно различных индивидуальных представлениях, которыми это понятие заменяется у каждого из них. Понятие есть та ценность, с помощью которой измеряются разнообразные индивидуальные представления. Вопрос о том, как психологически возникает общее представление, не имеет никакого отношения к природе самого понятия. Понятие приобретает характер логичности – это условие достоинства и прочности всякого понятия – не из опыта. Последний в состоянии создать лишь неустойчивые образы, в лучшем же случае, общие представления весьма шаткого свойства. Сущностью специфичности понятия являются – абсолютное постоянство и абсолютная однозначность, черты которые опытом не могут быть даны. «Критика чистого разума» характеризует эту сущность следующими словами: «это – то, скрытое в тайниках человеческой души, искусство, загадку которого нам вряд ли удастся когда либо разрешить и выставить перед глазами рода человеческого». Это абсолютное постоянство, эта однозначность не относится к метафизическим сущностям: вещи далеко не так реальны, как это представляется нам в понятии. Их качества логически являются присущими им постольку, поскольку они являются содержанием понятия. Понятие есть норма сущности – не существования.

Я говорю, что кругообразный предмет обладает кривизной. Это суждение оправдывается моим понятием о круге, которое содержит в себе кривизну, как характерный признак. Понимать под понятием самую сущность, само по

себе «существо» будет неправильно: «существо» в данном случае обозначает или исключение всего психологического, или представляет собою метафизическую вещь. Понятие и определение понятия – две вещи совершенно разные. Представлять себе их, как нечто однозначное, запрещает природа определения, которое имеет дело не с объемом, а с содержанием понятия. Иными словами, определение дает только смысл понятия, а не сферу компетенции нормы, составляющей сущность понятия. Понятие, как норма, как норма сущности, само сущностью быть не может. Норма должна являться чем то другим, но так как она не может быть сущностью, то она должна быть выражением некоторого факта – бытия, ибо *tertium non datur*, причем этот факт раскрывает не бытие объектов, а существование известной функции. Во всяком идейном споре между людьми нормой сущности является не что иное, как положение $A = A$ или $A = | \neq A$. Это бывает в тех случаях, когда люди для разрешения спора прибегают к содействию дефиниции, определения. Сущность понятия, постоянство и однозначность, сообщается последнему только суждением $A = A$ и ничем другим. При этом роли логических аксиом распределяются следующим образом: *principium identitatis* поддерживает продолжительную неизменность и замкнутость понятия, в то время как *principium contradictionis* проводит резкую границу между этим и всеми прочими понятиями. Этим впервые доказано, что сущность понятия выражается при помощи приведенных двух логических аксиом, и не представляет собою ничего другого, как именно эти аксиомы. Положение $A = A$ (или $A = | \neq A$) и только оно дает возможность возникновения каждого понятия. Оно является нервом своеобразной природы понятия.

Если я произношу само по себе положение $A = A$, то это не значит, что какоенибудь специальное или даже всякое A , взято из действительного опыта и действительного мышления, равно самому себе. Суждение тождества совершенно независимо от того, существует ли действительно какоенибудь A . Этим я, конечно, не хочу сказать, что это положение может быть мыслимо кем либо несуществующим. Это обозначает собою следующее: положение тождества мыслимо совершенно независимо от того, существует ли чтонибудь или ктонибудь, или нет. Оно далее обозначает: если есть какоенибудь A (все равно, существует ли какоелибо A или нет), то уже во всяком случае правильно будет утверждать, что $A = A$. Этим самым бесповоротно дается определенная позиция, какое то бытие, а именно $A = A$, хотя вопрос о самом существовании A весьма проблематичен. Положение $A = A$ утверждает таким образом и что нечто существует, но это существование именно и является нормой сущности. Мы не согласны с Миллем, который говорит, что это положение взято из эмпирического мира, что оно взято из небольшого или даже допустим, из большого числа переживаний. Дело в том что оно совершенно независимо от опыта. Его истинность непреложна по отношению к тому, фигурировало ли гденибудь в опыте это A или нет. Никто не пробовал отрицать это положение, да и это представляется совершенно невозможным, так как отрицание чеголибо определенного всегда предполагает существование этого положения. Так как оно выражает собою бытие, не ставя себя в зависимость от самого факта существования объектов и ничего не высказывая об их бытии, то оно может выражать только бытие, отличное от бытия всех действительных и возможных объектов, иными словами, оно может выражать собою бытие того, что по самому понятию своему никогда не может стать объектом'. Таким образом, своей очевидностью оно раскрывает существование субъекта. К тому же это бытие, выраженное в принципе тождества, лежит ни в первом, ни во втором A . Оно лежит в самом знаке

равенства $A = A$. Итак, это положение совершенно идентично положению: я есмь.

Психологически эта сложная дедукция легко упрощается, но без нее обойтись все же нельзя. Положение $A=A$ выражает собою неизменность понятия A , ту неизменность, которая отличает A от всех прочих явлений нашего опыта. Следовательно, необходимо иметь нечто неизменное, к которому подобное суждение было бы применимо. Этим нечто может быть только субъект. Будь я сам вовлечен в круг изменений, я никак не мог бы признать, что A осталось равным себе. Если бы «я» непрерывно изменялся и таким образом терял свое тождество с самим собою, т. е., если бы мое «я» превратилось в определенную функцию изменений то я никогда не в состоянии был бы противопоставить себя этому изменению и познать его. Для этого мне не хватало бы абсолютной системы координат, относительно которых только и можем мы определить тождество и фиксировать его как таковое.

Существование субъекта невозможно ни из чего вывести, это совершенно справедливо утверждает «Критика рациональной психологии» Канта. Но можно показать, где это существование строго и недвусмысленно выражено и в логике. Не следует это умопостигаемое бытие представлять себе в виде какой то логической мыслимости, как это делает Кант, мыслимости, достоверность которой приобретается лишь впоследствии при помощи морального закона. Фихте был вполне прав, утверждая, что идея реального нашего «я» находится в скрытой форме и в логике, поскольку «я» совпадает с умопостигаемым бытием.

Логические аксиомы суть принципы всякой истины. Они основывают бытие и направляют наше сознание. Логика – это закон, которому следует всегда повиноваться, и человек только тогда является самим собою, когда он вполне логичен. Больше того, он – ничто, пока он не является воплощением логики. В познании он находит самого себя.

Всякое заблуждение вызывает ощущение вины. Из этого следует, что человек не должен заблуждаться. Он должен найти истину, а потому он может ее найти. Обязанность познания имеет своим следствием его возможность, свободу мышления и надежду на победу познания. В нормативности логики лежит доказательство того, что человеческое мышление свободно и что оно в состоянии достигнуть своей цели.

Относительно этики я выскажусь короче. Дело в том, что это исследование всецело покоится на Кантонской моральной психологии. В известной аналогии с ней, как видно было из предыдущего, проведены были последние логические дедукции и постулаты. Глубочайшая, умопостигаемая сущность человека не подлечит закону причинности и свободно выбирает между добром и злом. Она проявляется в сознании виновности, в раскаянии. Но никто до сих пор еще не в состоянии был иначе объяснить эти факты. Никого также нельзя было убедить, что тот или иной поступок он обязательно должен был совершить. В должностовании и здесь лежит залог возможности. Человек отлично может понимать все причинные факторы, все мотивы, побудившие его к какому нибудь низкому поступку, тем не менее он будет утверждать, а в данном случае особенно настойчиво, что его умопостигаемое «я» совершенно свободно, что оно могло поступить иначе, а потому вся вина за этот поступок падает на упомянутое «я».

Правдивость, чистота, верность, искренность по отношению к самому себе – это единственно мыслимая этика. Существуют обязанности лишь по отношению к себе, обязанности эмпирического «я» к умопостигаемому. Эти обязанности выступают в форме двух императивов, которые способны нанести самое позорное поражение всякому психологизму: в форме логической и моральной законности. Нормативные дисциплины, психический факт наличности

внутреннего голоса, который требует значительно больше того, что содержит в себе буржуазная нравственность – это именно то, чего никакой эмпиризм не в состоянии удовлетворительно объяснить. Его противоположность лежит в критически трансцендентальной, но не в метафизически трансцендентальной методе, так как всякая метафизика является только гипостазированной психологией, в то время как трансцендентальная философия есть логика оценок. Всякий эмпиризм, скептицизм, позитивизм, релятивизм, психологизм и всякие другие имманентные методы исследования инстинктивно чувствуют, что логика и этика являются для них камнем преткновения. Этим объясняются вечно новые и неизменно безнадежные попытки эмпирического и психологического обоснования этих дисциплин. Об одном только забыли: испытать и доказать экспериментальность *principium contradictionis*. В своей же основе логика и этика совершенно тождественны: обязанность по отношению к самому себе. Они торжествуют свое единение в высшей ценности истины, отрицанием которой в одном случае является заблуждение, в другом случае – ложь: истина же едина. Всякий этический закон есть одновременно закон логический и наоборот. Не только добродетель, но и разум, не только святость, но и мудрость являются задачей человека: только оба члена и совокупности составляют совершенство.

Конечно, из этики, нормы которой обладают принудительным характером, нельзя строго логически вывести доказательство бытия, как из логики. Этика является, правда, логической заповедью. Логика ставит совершенное существование «я», как абсолютное бытие, перед глазами последнего. Этика же только требует этого осуществления. Этика принимает к себе логику в качестве собственного своего содержания, в качестве своего основного требования.

В том знаменитом месте «Критики практического разума», где Кант видит в человеке некоторый член умопостигаемого мира («Долг! О возвышенное, великое слово...») можно с полным основанием поставить вопрос, откуда Кант знает, что моральный закон имеет исходной своей точкой личность? На это Кант отвечает, что он не может иметь другого более достойного происхождения. В дальнейшем положении он не доказывает, что категорический императив есть закон, данный нуменом. Для него уже эти два понятия, категорический императив и нумен, с самого начала связаны между собой самым тесным образом. Это именно и лежит в природе этики. Она требует, чтобы умопостигаемое «я» действовало свободно, вне влияний эмпирических наслоений. Только тогда этика в состоянии вполне осуществить бытие в его чистом виде, то бытие, о котором возвещает нам логика и форме чего то все таки существующего.

Как дорожил Кант своей теорией монад, теорией души! Он ставил ее выше всяком другого блага! Своей же теорией «умопостигаемого характера», которую совершенно ошибочно приняли за какое то новое открытие и в которой думали найти отличительный признак Кантовской философии, он хотел только выдвинуть ее научные ценности. Это ясно видно из тех пробелов, о которых мы говорили выше.

Долг существует только по отношению к самому себе. Это являлось бесспорным для Канта еще в ранней юности его, может быть, после того, как он впервые почувствовал импульс ко лжи. Миф о Геркулесе, некоторые места у Ницше и особенно Штирнера содержат в себе нечто родственное Кантовской теории. Но оставив все это в стороне, мы видим одного только Ибсена, которому вполне самостоятельно удалось прийти к принципу Кантовской этики (в «Брандте» и «Пер Гюнте»).

Бесспорная истина, что большинство людей нуждается в Иегове. Только меньшинство – это именно гениальные люди, совершенно не знают

гетерономии. Иные оправдывают свои поступки или упущения, свое мышление и бытие, по крайней мере, мысленно, перед кемнибудь другим, будь то личный, иудейский Бог или человек, которого любят, уважают, боятся. Только тогда они действуют в формальном, внешнем согласии с законом нравственности.

Вся жизнь Канта независимая, свободная до последних мелочей, является доказательством его убеждения в том, что человек ответственен только перед собою. Это положение он считал бесспорным пунктом своей теории, до того, что не предвидел возможности каких либо возражений против него. И все таки молчание Канта именно в этом месте привело к тому, что его этика до сих пор еще мало понята. А ведь она одна только стремилась к тому, чтобы строгий и властный внутренний голос не был заглушен воплем толпы. Она единственно интроспективнопсихологически приемлемая этика.

У Канта в его земной жизни было такое состояние, которое предшествовало «обоснованию характера». Это легко заключить из одного места его «Антропологии». Но момент, когда он представил себе это в ужасающе ослепительной яркости: «Я ответственен только перед собою! никому другому не должен служить! но могу себя забыть в работе! я один! свободен! я господин самому себе!» – Этот момент означает зарождение кантовской этики, наиболее героический акт мировой истории.

Две вещи наполняют нашу душу удивлением и трепетом, причем тем сильнее, чем чаще и продолжительнее останавливается на них мысль: звездное небо простирается надо мною, и моральный закон во мне. И то, и другое я не должен искать или предполагать как нечто скрытое от меня в тумане, или лежащее в беспредельности, вне моего кругозора. Я вижу это пред своими глазами, непосредственно связываю это с сознанием моего существования. Первое начинается в том месте которое я занимаю во внешнем чувственном мире. Оно удаляет эту связь в необразимо – великое, где миры встают за мирами, где системы возникают за системами, в бесконечные времена их периодического движения возникновения и продолжения. Второе имеет началом мое незримое «я» мою личность: оно переносит меня в мир, который обладает действительной бесконечностью, мир, ощутимый только разумом. С этим миром (и таким образом со всеми теми видимыми мирами) я познаю свою не случайную, как в том случае, но всеобщую и необходимую связь. Первый взгляд, брошенный на эту бесконечную массу миров, сразу уничтожает мое значение, как существа плотского, которое должно вернуть планете (простой точке вселенной) материю, из которой оно состояло, после того, как эта материя короткое время (неизвестно, как) была наделена жизненной силой. Второй взгляд, напротив, бесконечно возвышает мою ценность, как интеллектуальной единицы. Личность, в которой моральный закон открывает жизнь, независимую от моей животной сущности и от прочего чувственного мира. Он возвышает мою ценность, по крайней мере, постольку, поскольку это можно вывести из целесообразного определения моего существования этим законом, определения, не ограничивающегося условиями и пределами этой жизни, а уходящего в бесконечность.

Так понимаем мы «Критику практического разума». Человек во вселенной один, в вечном потрясающем одиночестве.

Его единственная цель – это он сам, нет другой вещи, ради которой он живет. Он далеко вознесся над желанием быть рабом, над умением быть рабом, над необходимостью быть рабом. В глубине под ним где то затерялось человеческое общество, провалилась социальная этика. Человек – один, один.

И только теперь он – один и все, а потому он содержит закон в себе, потому он сам закон, а не произвол. Он требует от себя, чтобы этот закон

в нем был соблюден со всей строгостью. Он хочет быть только законом без оглядок и видов на будущее.

В этом есть нечто потрясающе величественное: далее уже нет смысла, ради которого он повинуется закону. Нет высшей инстанции над ним единственным. Он должен следовать заключенному в нем категорическому императиву, неумолимому, не допускающему никаким сделок с собой. «Искупления», «отдыха, только бы отдыха от врага, от мира, лишь бы не эта нескончаемая борьба!» – восклицает он – и ужасается: в самой жажде искупления была трусость, в желанно «довольно» – бегство человека, чувствующего свое ничтожество в этой борьбе. «К чему!» – вырывается у него крик вопроса во вселенную – и он краснеет. Ибо он уже снова захотел счастья, признания борьбы со стороны другого, который должен был бы его вознаградить за нее. Одиноким человек Канта не смеется и не танцует, не рычит и не ликует: ему не нужно вопить, так как вселенная слишком глубоко хранит молчание. Не бессмыслица какого нибудь ничтожного мира внушает ему его долг: его долг – смысл вселенной. Сказать да этому одиночеству – вот где «дионисовское» в Канте, вот где нравственность.

Глава VIII

Проблема «я» и гениальность

«В начале мир был только Атаманом в образе человека. Он начал озираться кругом себя и не увидел ничего, кроме самого себя. Тогда он впервые воскликнул: „Это я!“ Откуда ведет свое происхождение слово „я“ – Поэтому еще в настоящее время, когда зовут человека, он прежде всего про. изнасит: „я“, а затем только называет свое имя.»

Многие принципиальные споры, которые ведутся в психологии, покоятся на индивидуальных различиях характера самих спорящих. На долю характерологии при подобных обстоятельствах, как уже было упомянуто, могла бы выпасть весьма важная роль. В то время, как различные люди приходят в своем мышлении к самым разнообразным результатам, ей надлежало бы выяснить, почему итоги самонаблюдения у одного отличаются от таковых у другого. Она по крайней мере должна была показать, в каких еще отношениях отличаются люди между собой, помимо различия в их взглядах. И в самом деле, я решительно отказываюсь найти какой либо другой путь для выяснения наиболее спорных вопросов психологии. Ведь психология является наукой опыта, а потому в ней общее не должно предшествовать частному, как в сверхиндивидуальных нормативных науках логики и этики. Наоборот, для психологии исходной точкой должен являться именно отдельный человек. Нет всеобщей эмпирической психологии. Создание подобной психологии без одновременного исследования в области психологии различий было бы непростительной ошибкой.

Подобное печальное положение всецело лежит на совести того двойственного положения, которое психология занимает между философией и анализом ощущений. Какую бы область не избрал психолог своей исходной точкой, он всегда претендует на всеобщую достоверность своих выводов. Но вряд ли когда нибудь удастся ясно ответить на столь фундаментальные вопросы, как вопрос о том, не лежит ли в самом ощущении деятельный акт восприятия, спонтанность сознания, если не предпринять никаких исследований в области характерологических различий. Раскрыть незначительную часть таких амфиболий при помощи характерологии в применении к психологии полов – является основной задачей дальнейшего изложения. Что касается различных взглядов на проблему «я», то они вытекают не из психологических различий

полов, но прежде всего, хотя и не исключительно, из индивидуальных различий в даровании.

Как раз границу между Кантом и Юмом можно провести в такой же степени, в какой это можно сделать между человеком, который видит в произведениях Макарта и Гуно верх совершенства, и другим, который находит венец творчества в произведениях Рембрандта и Бетховена. Этих людей я прежде всего начну различать с точки зрения их дарования. И уже здесь видно, что следует, даже необходимо, придавать различную ценность суждениям о понятии «я», исходящим от двух различных, весьма даровитых людей. Нет ни одного истинно выдающегося человека, который не был бы убежден в существовании «я», и обратно: человек, который отрицает «я», не может быть выдающимся человеком.

Этот тезис в процессе дальнейшего изложения приобретает характер непреложного принудительного положения. В нем мы найдем и обоснование более высокой ценности суждений гения.

Нет и не может быть ни одного выдающегося человека, который в своей жизни не пережил бы момента, когда он проникается убеждением, что обладает некоторым «я» в высшем значении этого слова. В общем этот момент наступает тем раньше, чем духовно богаче человек. (См. гл. V). Для доказательства сравним признания трех совершенно различных, бесспорно гениальных людей.

Жан Поль рассказывает в своем автобиографическом эскизе «Правда из моей жизни» следующее: «Никогда в жизни не забуду того факта, когда я стоял лицом к лицу с рождением своего самосознания. Я еще никому не рассказывал об этом факте, но я отлично помню время и место, где он происходил. Еще совсем маленьким ребенком, стоял я как то раз перед обедом у порога нашего дома и смотрел на складку дров налево, как вдруг внутренний свет – я есмь „я“, словно молния, озарил все мое существо: мое „я“ впервые увидело само себя – и навеки. Трудно предположить тут обман памяти. Дело в том, что никакой рассказ из жизни другого человека не может до такой степени соединиться с различными переживаниями отдаленных тайников человеческой души, переживаниями, новизна которых запечатлевает в памяти самые незначительные обыденные подробности их».

По видимому, то же переживание характеризует Новалис в своих «Фрагментах смешанного содержания»: «Нельзя дать полную картину этого факта. Каждый человек должен сам пережить его. Это – факт высшего порядка, имеющий место только в жизни выдающегося человека. Люди должны стремиться каким бы то ни было образом вызвать этот факт к жизни. Философствовать значит производить над собою высший анализ, достигнуть самооткровения, возвышения эмпирического „я“ до степени идеального „я“. Философствование является основанием всех прочих откровений; оно есть требование, направленное к эмпирическому „я“. Требование, чтобы это философствование глубже вникло в свою собственную сущность пробудилось к новой жизни в новой форме: в форме Духа».

В VIII главе своих юношеских «Философских писем о догматизме и критицизме» – (произведение это мало известно широкой публике) Шеллинг в следующих глубоких и красивых выражениях рисует то же самое переживание: «Всем нам... свойственна таинственная, поразительная склонность возвращаться из смены времени к нашему внутреннему, духовному „я“, от всего того, что приходит в наше „я“ из внешней среды. В этом „я“ под формой неизменности мы удовлетворяем свое желание созерцать вечность. Это созерцание есть глубочайший, правдивейший опыт, от которого зависит решительно все, что мы знаем и предполагаем относительно сверхчувственного мира. Это созерцание убеждает нас в том, что есть

нечто, существование которого для нас вполне достоверно, и что все остальное представляет собою одни только явления, хотя мы и употребляем в применении к ним слово „существует“. Оно отличается от чувственного созерцания тем, что имеет своим источником свободу, что оно чуждо всякому человеку, свобода которого настолько стеснена подавляющей силой окружающих объектов, что не в состоянии вызвать в человеке сознание. Даже у тех людей, которые лишены этой свободы самосозерцания, существует нечто приблизительно похожее на это, некоторый посредственный опыт, при помощи которого они только чувствуют существование своего „я“. Существует какое то глубокое ощущение, которое тщетно стараются познать и развить в себе. Описание его принадлежит перу Якоби... Это интеллектуальное созерцание наступает тогда, когда мы теряем в своих собственных глазах значение объекта, когда мы, замыкаясь в сфере нашего собственного „я“, отождествляем созерцающее „я“ с созерцаемым. В момент подобного созерцания исчезает для нас категория времени, не мы существуем во времени, или вернее, не время, а абсолютная вечность существует в нас. Весь мир исчезает в нашем созерцании, а не мы исчезаем в созерцании объективного мира». Позитивист, сторонник имманентной философии, быть может, усмехнется над обманутым обманщиком, над философом, который заявляет о существовании у него подобных переживаний. Что ж, против этого ничего не поделаешь! Да, по моему, и не зачем. Однако я не сторонник того взгляда, что этот «факт» высшего порядка проявляется у всех гениальных людей в той мистической форме полнейшего слияния субъекта и объекта, в какой обрисовал его Шеллинг. Мы оставим здесь в стороне вопрос, существуют ли неделимые переживания, первоначальный дуализм которых уничтожается в течение нашей жизни, как утверждает Плотин и индийские махатмы, или это – только высшее напряжение переживаний, принципиально ничем не отличающихся от всех прочих. Мы также воздержимся здесь от всяких рассуждений о том возможно или невозможно совершенное совпадение субъекта и объекта времени и вечности – созерцание Бога живым человеком. С точки зрения теории познания, переживание своего «я» лишено всякой ценности, никто еще до сих пор не пытался оперировать с категорией переживания в целях создания систематической философии. Поэтому, я хочу этот факт «высшего порядка», который у различных людей протекает совершенно различно, назвать не переживанием своего «я», а явлением своего «я». С этим явлением знаком всякий выдающийся человек. Человек может достигнуть познания этого явления через посредство любви к женщине, так как выдающийся человек интенсивнее ощущает это чувство, чем человек средний, или сознание вины может привести его к познанию высшей, совершенной сущности своей, которую он оскорбил поступком, вызвавшим в нем раскаяние – ведь и сознание вины сильнее и дифференцированное у выдающегося, чем у среднечеловека. Далее, явление своего «я» может происходить в процессе полнейшего слияния со всеобщностью, путем созерцания всех вещей в Боге, или, напротив, оно раскрывает перед ним потрясающую двойственность во вселенной между природой и духом и пробуждает в нем потребность искупления и внутреннего чуда. Но как бы ни совершалось это явление, в нем самом лежит уже ядро определенного мирозерцания. Ведь под мирозерцанием не следует понимать всеобъемлющего синтеза, который приобретается путем упорного и настойчивого труда над разнообразными отраслями человеческой науки за письменным столом посреди огромной библиотеки. Мирозерцание является результатом переживаний. Оно в общем и целом представляется ясным для своего носителя, хотя бы некоторые детали его были неясны и противоречивы. Явление своего «я» есть корень всякого мирозерцания, т.

е. всеобъемлющего взгляда на мир, как на нечто целое. В этом смысле оно одинаково как у художника, так и у философа. И как радикально не различались бы между собою всевозможные мирозерцания, всем им, поскольку они действительно заслуживают этого имени, свойственно одно: это именно то, что появляется в результате познания своего «я», это та вера, которая присуща всякому выдающемуся человеку, вера в существование какого то «я» или какой души, стоящей одиноко во вселенной и созерцающей весь мир.

Жизнь души для выдающегося человека начинается с момента понимания категории «я», хотя бы эта жизнь прерывалась самым ужасающим чувством, смерти, небытия.

Я хочу здесь заметить, что только на основании тех соображений, которые мы до сих пор развивали, а не на основании чувства неудовлетворенности своими творениями, чувства, которое в столь сильной степени присуще выдающимся людям, мы приписываем им высшую степень самосознания, которой лишены все прочие люди. Нет ничего более ошибочного, чем говорить о «скромности» великих людей, будто бы не знающих, какое богатство в них скрывается. Нет ни одного выдающегося человека, который бы не знал, насколько сильно он отличается от всех прочих (за исключением периодов депрессии, когда выгодное о себе мнение, сложившееся в моменты духовного подъема, теряет силу). Нет ни одного, который не считал бы себя выдающимся человеком, раз он кое что сотворил, создал, и уже, без сомнения, не найдется ни одного, который в своем тщеславии и суетности не переоценил бы себя. Шопенгауэр ставил себя значительно выше Канта. Если Ницше назвал своего «Заратустру» глубочайшей в мире книгой, то в этом не последнюю роль играло возмущение его по поводу молчания журналистов и желание их познать мотивы, которые трудно признать особенно благодарными. Одно только глубоко верно в этом мнении о скромности великих людей: им чужда наглость. Самооценка и наглость – две вещи диаметральнопротивоположные. Ни в коем случае не следует, как это большей частью бывает, одно понятие заменять другим. Человек нахален в той же степени, в какой он лишен надлежащей самооценки. Наглость является средством насильственно поднять собственное достоинство путем искусственного обесценения окружающих людей. Она иногда поэтому впервые приводит к сознанию своего «я». Это все, конечно, относится к бессознательной, так сказать, физиологической наглости. Что касается умышленной грубости по отношению к низким личностям, то ее могут проявлять в равной мере и выдающиеся люди в целях поддержания своего достоинства.

Итак, всем гениальным людям свойственно твердое, непоколебимое убеждение в том, что они обладают душой. Это убеждение совершенно не нуждается в особых доказательствах, поскольку речь идет о самом носителе его. Пора, наконец, перестать видеть теолога – пропагандиста в каждом человеке, который говорит о душе, как о некоторой сверхэмпирической реальности. Вера в существование души далеко не суеверие и не просто обман духовенства. Даже художники, при том такие атеисты, как Шелли, говорят о своей душе, как о чем то им известном, не изучив ни философии, ни теологии. Тем не менее они в это слово вкладывают очень понятное и определенное содержание. Быть может, ктонибудь подумает, что «душа» для них красивое слово, которое они охотно произносят, но которое не вызывает в них никаких чувств, что художник употребляет различные названия предметов, ни имея представления о самой сущности их, как в данном случае, о высшей мыслимой реальности? Но имманентный эмпирист, физиолог по убеждению должен объявить все подобные предположения пустой болтовне и

провозгласить Лукреция единственным великим поэтом. Как бы злоупотребляли словом «душа», одно остается несомненным: когда выдающиеся художники говорили о своей душе, они отлично понимали, о чем говорят. У них, как и у великих философов, существует чувство меры высшей реальности. Это чувство было чуждо Юму.

Ученый, как уже было замечено, а впоследствии еще будет доказано стоит ниже философа и художника. Последние заслуживают эпитет гения, ученый нет. Но придавать больше веса взгляду гения на какую-нибудь проблему только потому, что этого взгляда придерживается гений, одновременно значит отдавать гениальности то предпочтение перед научностью, которого еще до сих пор не удалось обосновать. Имеем ли мы право на это? Может ли гений открывать такие вещи, которые недоступны для человека науки? Простирается ли взгляд гения на такую глубину, которая закрыта для ученого?

По своей идее гениальность, как уже было показано, включает в себе универсальность. Для гениального во всех отношениях человека, представляющего необходимую фикцию, не было бы ничего такого, к чему он не питал бы одинаково живого, бесконечно близкого, фатального отношения. Гениальность, как мы видели, является универсальной апперцепцией, а вместе с тем самой совершенной памятью, абсолютным отрицанием времени. Но для того, чтобы быть в состоянии что-нибудь апперцепировать, необходимо иметь в себе самое нечто, родственное этому. Обыкновенно замечают, понимают и постигают только то, с чем имеют какое-либо сходство. Гений явился перед нами, наконец, как бы вопреки всей своей сложности, в образе самого интенсивного, живого, сознательного, непрерывного, самого цельного «я». «Я» – центральный пункт, единство апперцепции, «синтез» всего многообразного в человеке.

Это «я», принадлежащее гению, должно поэтому само по себе представлять универсальную апперцепцию. Этот центральный пункт «я» уже включает в себе бесконечное пространство: выдающийся человек включает весь мир в себе, гений есть живой микрокосм. Он – не пестрая мозаика, не искусственное соединение конечного числа химических элементов. Не в этой мысли заключался истинный смысл исследования IV главы о внутреннем духовном родстве с большим количеством людей и вещей. Гений – все. В нашем «я» при помощи его все психические явления приобретают самую тесную связь между собой. Эта связь является результатом непосредственного переживания, а не вносится в наш духовный мир упорными усилиями науки, что последняя совершает по отношению к вещам внешнего мира. Здесь целое существует раньше составных частей своих. Так гений, в котором «я» есть все, охватывает своим взором природу и жизнь всех существ, как нечто целое, замечает все соединения и связи и создает знание, которое составлено не из отдельных частей. Потому гениальный человек не может быть психологом эмпиристом, который главное внимание свое сосредоточивает на деталях и в поте лица своего старается спаять их при помощи ассоциаций, проводящих путей и т. д. В одинаковой степени он не может быть исключительно физиком, для которого мир является соединением атомов и молекул.

Из идеи целого, в которой непрестанно вращается гений, он постигает смысл отдельных частей. Сообразно этой идее, он оценивает все, лежащее в нем и вне его. Только поэтому все это, является не функцией времени, а представляет собою выражение великой, вечной мысли. Гениальный человек является потому и глубоким человеком и только глубокий человек – гениальным. Потому его мнение более веско, чем мнение всех прочих. Он творит из своего «я», как целого, включающего в себе всю вселенную, в то время как другие едва ли когда-нибудь приходят к сознанию своего

истинного «я». Поэтому каждая вещь исполнена для него глубокого смысла. Она имеет для него определенное значение, он видит в ней всегда символ. Дыхание для него – больше, чем простой обмен газов через тончайшие стенки капилляров крови, лазурь неба больше, чем частично поляризованный, рассеиваемый туманностями атмосферы солнечный свет, змеи больше, чем безногие рептилии, лишенные плечевого пояса и конечностей. Если собрать вместе все когда либо совершенные открытия в области науки и приписать их изобретательности и уму одного только человека, если все, созданное в области науки такими людьми, как Архимед и Лагранж, Иоганн Мюллер и Карл Эрнст фон Берг, Ньютон и Лаплас, Конрад Шпренгель и Кювье, Фукидид и Нибур, Фридрих Август Вольф и Франц Бопп, если, повторяем, все это рассматривать как результат деятельности непродолжительной жизни одного человека, то и тогда этот человек не заслужил бы звания гения.

Мы должны еще более углубиться в самую сущность предмета. Человек науки берет вещи так, как они представляются нашему чувственному восприятию, гений же берет из них то, что они собою представляют. Для него море и горы, свет и тьма, весна и осень, кипарис и пальма, голубь и лебедь – символы. Он не только чувствует, он видит в них нечто более глубокое. Для него полет валькирий не простое течение воздуха, ослепительные огненные эффекты, не простой процесс окисления. И все это понятно, поскольку речь идет о гение, так как внешний мир связан у него богатыми и прочными узами с внутренним миром, более того, внешний мир является частным, специальным случаем внутреннего. Мир и «я» для него тождественно, а потому ему не приходится отдельные части своего опыта соединять воедино по определенным правилам и законам. Даже величайший универсал громоздит только одну специальность на другую, не образуя ничего дельного. А потому великий ученый занимает свое место позади великого художника или великого философа.

Беспредельности вселенной соответствует бесконечность в собственной груди у гения. Его внутренний мир включает в себя хаос и космос. Все частности и все общее, все многообразие и всякое единство. Если этими определениями мы гораздо больше сказали о гениальности, чем о сущности гениального творчества, если состояние художественного экстаза, философской концепции, религиозного просветления осталось столь же загадочным, как и раньше, и, если, таким образом, мы выяснили условия, а не сам процесс гениального творчества, то для большей полноты необходимо выяснить следующее определение гениальности.

Гениальным следует назвать такого человека, который живет в сознательной связи с миром, как целым. Гениальное есть вместе с тем и истинно божественное в человеке.

Великая идея о душе человека, как о микрокосме, величайшее создание философов эпохи Возрождения, хотя следы ее можно найти у Платона и Аристотеля, совершенно забыта со времени смерти Лейбница. Здесь эта идея нашла применение к природе гения. Те же мыслители хотели видеть в ней истинную сущность всякого человека.

Однако, разница между ними только кажущаяся. Все люди гениальны, и в тоже время нет абсолютно гениального человека. Гениальность – это идея, к которой один приближается в то время, как другой находится вдали от нее. Один подходит к ней быстро, другой только на закате своей жизни.

Человек, которого мы признаем гениальным, это тот, который только еще прозрел и начал уже открывать глаза другим людям. И если они в состоянии смотреть его глазами, то это доказывает, что они уже стояли у самого порога гениальности. Посредственный человек, даже как таковой, может стать в посредственные отношения ко всему. Его идея целого полна каких то

неясных предчувствий, но он никак не в состоянии отождествить себя с ней. Он не лишен возможности переживать это отождествление с помощью других и, таким образом, составить себе картину целого. Миросозерцанием он связывает себя со вселенной, как целым, просвещением – с единичными частями. Нет ничего, что было бы ему совершенно чуждо. Все вещи в мире приковывают его к себе узами расположения. Совершенно не то происходит с животными или растениями: они ограничены, они знают не все элементы, а только один, они населяют далеко не весь мир. Там же, где они получили всеобщее распространение, они подпадают под власть человека, который определяет каждому из них однообразную, неизменную функцию. Они, пожалуй, могут иметь некоторое отношение к солнцу и луне, но у них, без сомнения, нет ни «звездного неба», ни «морального закона». Последний имеет своим источником человеческую душу, в которой скрыто все целостное, которая в состоянии все понять, так как она сама по себе уже все: звездное небо и моральный закон – вещи, в корне своем совершенно одинаковые. Универсальность категорического императива есть универсальность вселенной, бесконечность вселенной – только отражение бесконечности нравственного выбора.

О микрокосме человека учил еще Эмпедокл, могучий маг из Агригента. Человек – единственное существо в природе, которое стоит в известных отношениях ко всевозможным вещам в ней. Человек, в котором это отношение не к отдельным только вещам достигло ясности и интенсивности сознания, который совершенно самостоятельно мыслит обо всем, – это гений. Человек, в котором можно пробудить некоторый интерес ко всяким вещам, но, если он сам по себе интересуется только немногими из них, – то такой может быть просто назван человеком. Учение Лейбница столь мало понятно выражает ту же самую мысль, говоря, что и низшая монада является отражением всего мира. Гениальный человек живет в состоянии всеобщего сознания, которое и есть не что иное, как сознание всеобщего. И в среднем человеке живет мировое целое, но оно никогда не доходит у него до творческого сознания. Один живет в активно сознательной связи с мировым бытием, другой в бессознательной, пассивной. Гениальный человек – актуальный микрокосм, негениальный – потенциальный. Только гениальный человек совершенен. То, что есть в человеке человеческого (в Кантовском смысле), как нечто возможное, живет в гениальном человеке в развитом состоянии. Человек универсален, он содержит в себе все, он – все, а потому уже не может быть частью всего, той частью, которая находится в зависимости от других частей. Закономерность, этот основной принцип всех явлений природы, на него не распространяется, так как он сам по себе составляет сущность всех законов, а потому он свободен, как мировое целое, которое ничем не обусловлено и ни от чего зависеть не может. Гениальный человек – это тот, который ничего не забывает. Забывать значит находиться под неотразимым влиянием времени, а потому был несвободным и незтичным. Гениальный человек – это не тот, которого одна волна исторического движения выбрасывает наружу, а другая снова затопляет, ибо все прошедшее и будущее кроется в вечности его духовного взгляда. Сознание бессмертия в нем особенно ярко, так как мысль о смерти не пугает его. Он стоит в отношениях страстной влюбленности к символам и ценностям, в то время, как оценивает и осмысливает все, лежащее как внутри, так и вне его. Он самый свободный мудрый человек, вместе с тем самый нравственный, и только поэтому он особенно сильно страдает под гнетом того, что в нем самом еще не озарено светом сознания, хаотично, слепо, как рок.

Теперь зададимся вопросом, что происходит с нравственностью великих людей по отношению к другим людям? Ведь это единственная Дорма, в которой по мнению широкой публики, и может проявиться истинная моральность. По тому же взгляду, безнравственность самым последовательным образом связана с уголовным кодексом! С другой стороны, разве не в этой именно области великие люди проявляли самые подозрительные черты своего характера? Разве не приходилось очень часто прощать им самые позорные поступки: черную неблагодарность, величайшую черствость, развращенность натуры?

Художник и мыслитель остаются неизменно верными самим себе. Они делают это с тем большей решительностью, чем они гениальнее. Правда, они иногда могут обмануть ожидания многих. Мыслим, например, такой случай, когда человек, стоя в отношениях временной общности духовных интересов с гением, впоследствии теряет свой могучий духовный размах. Он, конечно, не прочь будет приковать орла к земле (Лафатер и Гете). Вот где лежит причина того, что все в один голос признали великих людей аморальными. Фредерика из Зезенгейма меньше беспокоила по поводу своей участи, чем это делал Гете по отношению к ней. Ему, правда, этого ни в коем случае простить нельзя, но счастье, что он далеко не все рассказал нам о своих отношениях к этой женщине. Ведь уже и без того нашим современникам кажется, что они его совершенно поняли, и только на основании одного туманного намека, одной тончайшей снежной пелены, окутывающей бессмертную часть его «Фауста», объявляют его жизнерадостным олимпийцем. Но нужно быть справедливым: никто лучше его самого не знал, как велика его вина, и, надо полагать, он в достаточной мере рассказывался по поводу всего происшедшего. И когда ворчливая брюзга, которая в жизни своей не понимала и никогда не поймет шопенгауэрской теории искупления и самого смысла нирваны, ставит ему в упрек то обстоятельство, что этот философ весьма ревниво защищал свое право собственности, то на подобный собачий лай я считаю лишним даже отвечать.

Следует считать доказанным, что гениальный человек отличается высшей нравственностью по отношению к самому себе: он не позволит насильственно привить ему чужое мнение и тем умалить значение своего собственного «я». Правда, чужое «я» и его взгляды он резко отличает от своего «я», от своих взглядов. Вместе с тем, он воспринимает чужое мнение не пассивно: болезненна и мучительна для него мысль о том, что он в тот или иной момент ограничивается одним только восприятием. Он будет всю свою жизнь помнить ложь, произнесенную им сознательно, и не в состоянии будет ее легкомысленно, «подионисовски» стряхнуть. Особенно мучительны страдания гениального человека, когда они случайно натываются на какую-нибудь произнесенную ложь, которой они совершенно не сознавали в момент разговора, или ложь, благодаря которой они ввели самих себя в заблуждение. Прочие люди, не ощущают столь сильной потребности в истине, поэтому глубже утопают в лжи и заблуждении. Вот где причина того, что они так мало понимают самый смысл и страстность борьбы великих людей против «лжи жизни».

Выдающийся, гениальный человек – это тот, в котором вневременное «я» окончательно утвердило свое господство, который стремится поднять свою ценность перед своим умопостижимым «я», перед своей моральной и интеллектуальной совестью. Он тщеславен прежде всего перед самим собою: в нем нарождается потребность импонировать самому себе (своим мышлением, поступками, творчеством). Подобного рода тщеславие особенно характерно для гения: он несет в себе самом сознание своей ценности и награды и пренебрегает мнением всех прочих людей на том основании, что они не в состоянии изменить его собственного представления о себе. Но и это

тщеславие едва ли заслуживает похвалы: аскетически настроенные натуры (Паскаль) очень сильно страдают под тяжестью этого тщеславия, но расстаться с ним они не могут. Верным товарищем внутреннего тщеславия всегда является тщеславие внешнее; но эти различные виды тщеславия находятся между собою в непрекращающейся борьбе.

Но настойчивое подчеркивание какого то долга по отношению к самому себе, не отодвигает ли оно на задний план, или просто, не наносит ли оно решительного удара понятию долга по отношению ко всем прочим людям? Не находятся ли эти два понятия в таком взаимоотношении, что сохранение верности самому себе естественно предполагает нарушение ее по отношению ко всем прочим людям?

Ни в коем случае. Истина – едина, так же едина и потребность в ней – Карлейлевская «sincerity». Эта потребность может быть у нас, но она может и не быть. Она неделима: потребность в истине к самому себе обязательно предполагает потребность в истине по отношению ко всем. Нет миронаблюдения без самонаблюдения, как и самонаблюдения без миронаблюдения: существует только один долг, только одна нравственность. Можно поступать и нравственно, и безнравственно. Но кто морален по отношению к себе, тот морален и ко всем людям.

Между тем ни в одной области нет такого множества ложных представлений, как в вопросе о том, что представляет собою эта нравственная обязанность к окружающим, и каким образом она может быть исполненной.

Мы оставим пока в стороне те теоретические системы этики, которые благо человеческого общества считают руководящим принципом всякой нравственной деятельности. Эти системы сводят всю этику к господству какой то всеобщей нравственной точки зрения, (и в этом отношении они выгодно отличаются от всякой этики, основанной на симпатии) совершенно оставляя без изучения конкретные чувства в процессе деяния и эмпирическую сторону импульса. Таким образом, остается самая распространенная точка зрения, согласно которой нравственность определяется чувством сострадания, «добротой» человека. Гетчесон, Юм и Смит видели с философской точки зрения в сострадании сущность и источник этического поведения. Необычайную глубину придал этой теории впоследствии Шопенгауэр своей этикой сострадания. «Сочинение на соискание премии об основах морали» Шопенгауэра уже в своем эпиграфе: «проповедывать мораль легко, обосновать мораль трудно», обнаруживает ошибку, общую всякой этики, основанной на симпатии: эта ошибка как будто всякий раз забывает, что этика – наука, нормирующая наше поведение, и отнюдь не предметно описательная. Кто склонен смеяться над попытками людей отчетливо услышать свой внутренний голос, с достоверностью познать идею должностования, тот, очевидно, отрицает всякую этику, которая по своему содержанию есть наука о требованиях, предъявляемых человеком к себе и ко всем другим. Не интересует вопрос о том, что человек действительно совершил, подчинился ли он велениям внутреннего голоса или нет. Объектом этики является вопрос о том, что должно совершиться, а не что совершается. Все прочее принадлежит к области психологии.

Все попытки, стремящиеся превратить этику в любую часть психологии, совершенно упускают из виду, что каждое психическое движение в человеке оценивается самим человеком, что мера оценки какого нибудь явления сама по себе явлением быть не может. Этот масштаб никогда вполне не осуществляется, он не может быть взят из опыта, так как оставался бы неизменным даже в том случае, если бы опыт противоречил ему. Он может быть только идеей или ценностью. Поступать нравственно – значит поступать согласно определенной идеи. Поэтому то и приходится выбирать только между

такими этическими системами, которые выдвигают определенные идеи и максимы действия. С одной стороны сюда относится этический социализм или «социальная этика», основанная Бентамом и Миллем и перевезенная впоследствии усердными импортерами на континент, даже в Германию и Норвегию, с другой стороны – этический индивидуализм в том виде, в каком понимает его христианство и немецкий идеализм.

Вторая ошибка всякой этики сострадания заключается в том, что она хочет обосновать мораль, вывести ее из каких-нибудь предварительных положений. Но это совершенно невозможно. Мораль, которая о своей сущности должна представлять собою последнее основание наших поступков, необъяснима. Она самоцель, а потому ее нельзя ставить к другому предмету в отношении средства и цели. Поскольку упомянутая попытка этики сострадания вполне совпадает с принципом всякой исключительно описательной, а потому необходимо релятивистической этики, постольку обе ошибки в корне своем совершенно одинаковы. Борьбаться с ними можно было бы только тогда, когда человек измерив всю область причин и влияний, не нашел бы идеи высшей цели которая одна существенна для наших нравственных поступков. Идея цели не может быть результатом отношения между причиной и следствием, а, напротив, это отношение уже скрывает в себе эту идею цели. Цель выступает одновременно с попыткой предпринять какое-либо действие. Она служит мерилем успеха каждого поступка. Этот успех может оказаться неудовлетворительным даже в том случае, когда известны все факторы, определившие его, и когда они в достаточной степени ясно отражаются в сознании.

Рядом с царством причин есть и царство целей, последнее будет царством человека. Совершенная наука о бытии есть совокупность причин, стремящаяся вознестись до высшей причины. Совершенная наука должного есть единство целей, кульминирующее в своей последней высшей цели.

Кто с этической точки зрения смотрит на сострадание, как на положительную величину, тот оценивает с нравственной стороны не деяние, а чувство, не поступок, а эффект (последний по самой природе своей не подлежит рассмотрению с точки зрения цели). Мы не отрицаем, что сострадание может являться особой формой выражения нравственного начала, особым этическим феноменом, но оно столь же мало этический акт, как чувство стыда и гордость: следует строго различать понятия: этический феномен и этический акт. Под этическим актом мы понимаем сознательное подтверждение идеи посредством какого-либо действия, этический феномен есть непреднамеренное, произвольное выражение продолжительного стремления нашей души к этой идее. Только в борьбу мотивов вторгается эта идея. Она старается повлиять на ход ее и решить исход этой борьбы. В эмпирической смеси нравственных и безнравственных чувств, чувства сострадания и злорадства, чувства собственного достоинства и высокомерия, мы не видим еще ничего похожего на определенное решение. Сострадание является, пожалуй, самым верным признаком для определения характера человека, но не целью какого-либо действия. Только знание цели, сознание ценности создает нравственность. И это положение выгодно отличает Сократа от всех последующих философов, за исключением Платона и Канта, которые присоединились к его взгляду. По существу своему сострадание не может претендовать на уважение, ибо оно есть алогическое чувство» в лучшем случае оно возбуждает в нас симпатию.

Поэтому следует прежде всего ответить на вопрос, каким образом проявляется нравственное отношение человека к другим людям. Оно проявляется не в форме непрощенной помощи, которая вторгается в одиночество другого человека не считаясь с границами той сферы, которую

человек признает своей. Чувство уважения как к этому одиночеству, так и к упомянутой сфере – вот смысл всякой нравственности. Не сострадание, уважение. Мы никого в мире не уважаем, кроме человека – это впервые высказал Кант. Это великое открытие заключается в том, что ни один человек не в состоянии превратить самого себя, свое умпостигаемое «я», то человеческое (эту идею человеческой души, а не 1500 миллионов, составляющих человеческое общество), которое заключается в нем самом и в других людях, в одно только средство для достижения какой либо цели – «Любая вещь, всецело подчиненная нашей власти, может быть превращена нами в простое средство, только человек, а вместе с ним всякое разумное существо есть „самоцель“».

Каким образом я проявляю к человеку презрение или уважение? Первое – тем, что я игнорирую человека, второе – тем, что мое внимание останавливается на нем. Каким путем я рассматриваю человека, как простое средство для достижения цели, и каким образом я вижу в нем самоцель? В первом случае я вижу в человеке одно из звеньев непрерывной цепи обстоятельств, связанных с моими собственными действиями; во втором случае я стараюсь познать и постичь человека. Уважение к ближнему начинается тогда, когда мы интересуемся им, когда мы обдумываем его поступки и судьбу с тем, чтобы постичь их, чтобы понять его самого. Кто, подавляя в себе самолюбие и чувство обиды по поводу мелких раздражений, вызванных поступками ближнего, старается понять его, тот поистине бескорыстный человек. Его образ действий морален, так как он подавляет в себе самом сильного врага, стоящего на пути понимания своего ближнего: себялюбие.

Как поступает в этом отношении гениальный человек? Он, который понимает наибольшее число людей, так как по природе своей универсальнее всех, который стоит в самых близких отношениях к мировому целому и страстно жаждет объективного познания его, он – поступает нравственно со своим ближним, как никто другой. Действительно, никто не думает так много и интенсивно о других людях (даже в том случае, если он видел их один только раз), никто не дает себе столько труда понять их, усвоить их содержание, как он. Имея за собой прошлое, через которое непрерывно проходит его собственное «я», он естественно задумается над их прошлым, над тем, что происходило в их жизни до того момента, когда он их узнал. Стараясь понять их, он одновременно удовлетворяет самому могучему стремлению своей собственной души: достижению ясного и правдивого понимания своей «я». Здесь обнаруживается тот факт, что люди являются членами одного умпостигаемого мира, в котором нет оригинального эгоизма или альтруизма. Этим объясняется то странное явление, что великие люди чувствуют живую, содержательную близость не только к своим ближним, но и к историческим личностям, жившим задолго до них. Вот почему великий художник ярче и интенсивнее схватит все черты исторической личности, чем представитель исторической науки. Нет великого человека, который безразлично бы относился к Наполеону, Платону или Магомету. Таким образом, он проявляет уважение и преклонение к личностям, жившим до него. Человек, вращающийся среди художников иногда самым неожиданным образом находит свое изображение в картине своего приятеля. Это его задевает, и не без основания. Далее раздаются голоса, обвиняющие поэтов в том, что все люди для них одна только модель. Можно понять неудобство такого положения. Но надо быть справедливым и признать, что они подобными поступками еще не совершают преступления, так как мало считаются с мелочностью людей. Своим изображением, свободным от всякой рефлексии, пересозданием мира посредством искусства, художник проявляет по отношению

к человеку творческий акт понимания; более низшего отношения между людьми не бывает.

Этим мы лучше поймем глубоко справедливое выражение Паскаля о том, что чем человек выше, тем больше требований он предъявляет к своему пониманию чужих мыслей.

Бездарности все кажется ясным, она даже не чувствует, что в данной мысли заключается нечто такое, чего она далеко еще не поняла, что ей остается чуждым самый дух какого нибудь художественного произведения или философской системы. Она в лучшем случае усваивает определенное отношение к вещам, но не поднимается своей мыслью к самому творцу. Эта мысль находится в самой тесной связи с дальнейшим.

Гениальный человек, который занимает высшую ступень сознательности, не спешит связать прочитанное со своим собственным мнением. Более податливый ум, наоборот, смешивает самые разнообразные вещи в одну кучу.

Гениальный человек – это тот, который достиг ясного сознания своего «я», а потому он наиболее удачно отмечает все тончайшие различия между собой и другими людьми. Потому он так отчетливо схватывает это «я» другого человека, которое еще настолько слабо определилось, что осталась еще неясным для самого носителя этого «я». Человек, который, как в себе, так и в другом человеке, видит монаду, «я», особый мировой центр, особую форму чувствования и мышления, особое прошлое, только он будет особенно далек от мысли воспользоваться другим человеком, как средством для осуществления какой либо цели, он, оставаясь верным заветом кантовской этики, видит, чувствует, а потому уважает в своем ближнем личность (как часть умопостигаемого мира. Основным психологическим условием практического альтруизма есть поэтому теоретический индивидуализм. Вот тот мост, который можно перекинуть между моральным отношением к себе и ко всем прочим людям. Напрасно Шопенгауэр упрекал Канта в том, что основные принципы его философии как бы совершенно исключают наличность этой связи.

Это легко проверить. Только озверевший преступник и сумасшедший не проявляют никакого интереса к своим ближним. Они совершенно не чувствуют существования других людей, как будто они одни и жили бы во всем свете. Нет поэтому практического солипсизма: там где существует сознание своего «я», есть вместе с тем и сознание наличности «я» и у других людей. Если человек утратил ядро (логическое или этическое) своей сущности, он уже в другом человеке не видит человека, не видит существа, обладающего собственной индивидуальностью. Я и ты – понятия соотносительные. Только в общении с другими людьми человек в состоянии особенно ярко познать свое «я». Потому человек в присутствии других людей кажется особенно гордым. Только в часы одиночества он может позволить себе умерить свою гордость.

Наконец: кто себя убивает – убивает весь мир. Кто убивает другого человека, совершает самое тяжкое преступление, так как в нем он убил себя. Отсюда ясно, что практический солипсизм – бессмыслица. Его скорее следовало бы назвать нигилизмом. Если нет налицо понятия «ты» тогда по-прежнему нет никакого «я», нет вообще ничего.

Невозможность превратить человека в простое средство для достижения наших целей, лежит в самом укладе нашей психической жизни.

Но мы уже видели, что человек, который чувствует свою индивидуальность, чувствует себя и в других. Для него *tat tvamasi* – не гипотеза, а действительность. Высший индивидуализм есть высочайший универсализм.

Тяжело заблуждается отрицатель субъекта, Эрнст Мах, полагая, что отречением от собственном «я» мы приходим к этическому принципу, который

«совершенно исключает пренебрежение к чужому „я“ переоценку собственного». Мы уже видели, к каким отношениям между людьми ведет отрицание своего «я». «Я» – основной принцип всякой социальной этики. К какомунибудь узловому пункту, в котором перекрещиваются разнообразные «элементы», «я» психологически не в состоянии применить какой-нибудь этический принцип. Это, пожалуй, является идеалом, но для практического поведения оно лишено всякого значения, так как исключает психологическое условие осуществления всякой нравственной идеи. Нравственное требование уже заключено в самом психологическом строе нашем.

Совершенно другая картина получается, когда речь идет о том, что бы привить людям сознание своего высшего «я», своей души так же, как и сознание наличности души и других людей. Большинству людей необходим для этого пастырь души. Только тогда и будет существовать действительное этическое отношение между людьми.

У гениального человека осуществляется это отношение известным образом. Никто в такой сильной степени не принимает участия в страданиях своего ближнего, как он. В известном смысле можно говорить о том, что человек познается только состраданием. Если сострадание и не то же, что ясное знание, выраженное в абстрактных понятиях и наглядных символах, то оно во всяком случае сильнейший импульс к достижению знаний. И только страдание под гнетом вещей дает гению понимание их, только страдание к людям уясняет ему их сущность. Гений страдает больше всех, так как он страдает во всех и со всеми. Но сильнее всего он страдает от своего страдания. В одной из предыдущих глав мы выяснили, что гениальность есть фактор, который собственно и возвышает человека над животным, вместе с тем мы уже установили тот факт, что только человек имеет историю (это объясняется наличностью у всех людей гениальности различных степеней). К этой теме мы должны теперь вернуться. Гениальность вполне совпадает с живой деятельностью умпостигаемого субъекта. История проявляется в социальном целом, в «объективном духе», индивидуумы же остаются равными себе и не прогрессируют подобно «объективному духу» (они элемент исторический). И мы видим, как сходятся нити нашего изложения с тем, чтобы получить неожиданный результат. Я несколько не сомневаюсь, что вневременная человеческая личность является условием истинно этического поведения по отношению к ближним, что индивидуальность, – предпосылка социального чувства. Если это так, то ясно, почему творец и детище истории, представляют собою одно и то же существо. Существо – это человек. Таким образом разрешен старый спор о том, что было раньше: индивидуум или общество: оба даны вместе и одновременно.

Теперь я считаю совершенно доказанным, что гениальность есть высшая нравственность. Гениальный человек – самый верный самому себе человек, ничего о себе не забывающий, болезненно реагирующий на всякую ложь и заблуждение. Но не это только. Он одновременно самый социальный человек, самый одинокий и самый общительный. Гений – высшая форма бытия вообще, не только в интеллектуальном, но и в моральном отношении. Гений самым совершенным образом раскрывает идею человека. Он возвещает на вечные времена, что есть человек: субъект, объектом которого является вся вселенная.

Не следует заблуждаться. Сознание и только сознание уже само по себе нравственно, бессознательность – аморальна, и наоборот, все аморальное бессознательно. «Безнравственный гений, „великий злодей“ – сказка, созданная, как возможность, великими людьми в определенные моменты их жизни с тем, чтобы против воли творцов превратиться в пугало для слабых, пугливых людей. Нет ни одного преступника, который дошел бы до сознания

своего преступления, который думал и говорил бы устами Гагена в „Сумерках богов“ перед трупом Зигфрида: „Да, я его убил, я, Гаген, убил его насмерть!“ Наполеон и Бэкон Беруланский, которых приводят в качестве опровержения этого взгляда, непомерно переоценены или скверно поняты». И к Ницше, особенно там, где он говорит о Борджиа, следует питать мало доверия в подобных делах. Концепция Дьявола, Антихриста, Аримана, «радикального зла в человеческой природе», производит потрясающее впечатление. К гению же она имеет то отношение, что представляет собою его противоположность. Она – фикция, рожденная в минуты решительной борьбы великих людей с преступником, таившимся в них.

Универсальная апперцепция, всеобщее сознание, абсолютная вневременность – это идеал и для «гениального» человека. Гениальность – внутренний императив, факт, не получающий полного завершения в одном человеке. Поэтому «гениальный» человек меньше, чем кто либо другой, в состоянии просто сказать: «Я – гений». Ибо гениальность есть не что иное, как полное осуществление идеи человека, т. е. то, чем должен быть человек и чем он принципиально в состоянии стать. Гениальность – высшая нравственность, а потому она – долг каждого. Человек становится гением путем высшего акта воли, тем, что он утверждает в себе всю вселенную. Гениальность есть то, что «гениальные» люди сами взяли на себя: величайшая задача и величайшая гордость, величайшее несчастье и величайшее, блаженство, которых только может достигнуть человек. Это звучит несколько парадоксально: человек гениален, если он того хочет. Пожалуй, возразят мне: очень многие люди охотно превратились бы в «оригинальных гениев», но одного желания, очевидно, мало. На это мы ответим: если бы эти люди, которые «охотно превратились бы», имели более ясное представление о том, к чему направлено их желание, если бы они поняли, что гениальность есть ни что иное, как универсальная ответственность (а пока предмет не совсем ясен, его можно только желать, но не хотеть), то надо полагать, что подавляющее большинство этих людей откажется от своего желания.

В этом кроется причина того, что столько гениальных людей сходят с ума. (Глупцы, конечно, склонны приписать это поклонению культу Венеры или спинномозговой дегенерации неврастеника). Это те, для которых слишком обременительно стало тащить на своих плечах, подобно Атланту, всю вселенную, а потому они менее значительные, менее выдающиеся, не величайшие и не сильнейшие души. Но чем выше человек, тем глубже его падение. Гений есть преодоление абсолютного ничто, темноты, мрака. Когда же он обезличивается и исчезает, то наступает ночь, тем более глубокая и черная, чем обильнее и ослепительнее был свет, который он испускал. Гений сошедший с ума, не хочет дальше оставаться гением, вместо нравственности он жаждет счастья. Всякое безумие имеет своим источником невыносимые страдания, связанные с сознанием. Софокл глубже всех отметил мотив, почему человек может желать своим собственным помешательством.

Я заключаю эту главу прекрасными словами Пико Мирандолы пробуждающими в нас память о возвышенном кантовском стиле. Очень может быть, что я своим изложением облегчил понимание их. В своей речи «О человеческом достоинстве» он описывает обращение Божества к человеку: «О, Адам, мы не дали тебе ни истинного местопребывания, ни свойственного тебе облика, ни соответствующей тебе обязанности: ты получишь и сохранишь то местопребывание, тот образ, то занятие, какое сам изберешь по собственному желанию. Природа, законченная в остальном, принудила тебя оставаться в рамках, предписанных нам законов, но ты, не побуждаемый ровно никакими стеснениями, сам, по собственному суждению, предпишешь

себе свой закон, во власть которого я поставил тебя. Я поставил тебя в середине мира, чтобы ты лучше мог наблюдать оттуда за всем тем, что происходит в этом мире. А для того, чтобы ты сам, как бы свободный и почтенный пластик и скульптор, мог нарядить себя в такую форму, в которой ты лучше всего выглядел бы, я не создал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным. Ты можешь выродиться в низшее существо, к которому принадлежит животное, но в то же время, по твоей собственной воле, ты можешь и возродиться до существа высшего, к которому принадлежит Божество».

О, великая либеральность Бога Отца, о величайшее и удивительнейшее счастье человека! Кому дано иметь то, что захочет, быть тем, чем пожелает! Животные, рождаясь, приносят с собою из чрева матери все, чем суждено им быть. Высшие же духи уже почти с самого начала были тем, чем они будут в постоянной вечности. Отец указал человеку при его рождении на все семена и все зародыши жизни. О каких он будет заботиться, те и будут цвести в нем и принесут плоды: если они растительного мира – станет растением, если чувственного мира – животным; если духовного – станет существом небесным, если интеллектуального мира станет ангелом и сыном Божим. И если человек, недовольный никаким родом творения, сочтет самого себя центром вселенной, то став духом единым с Богом, предстанет в одинокое жилище Отца, который над всем возвышается, на котором все зиждется.

Глава IX

Мужская и женская психология

Пора вернуться к основному вопросу нашего исследования. Разрешение его теперь значительно облегчено предшествовавшим разбором различных второстепенных явлений, который очень часто грозил увести нас далеко в сторону от главной темы.

Следствия, вытекающие из развитых основных положений для психологической характеристики полов, до того радикальны, что могут отпугнуть от себя даже человека, который до сих пор соглашался с нашими выводами. Здесь не место анализировать основания для подобного отношения к ним. В этой главе я хочу выдвинуть наиболее веские аргументы, которые должны будут окончательно убедить нас в правильности выставленного мною тезиса и совершенно обессилить все возражения, которые он может вызвать.

Разбираемый нами вопрос вкратце заключается в следующем. Мы видели, что логический и этический феномены, сливаясь в одну высшую ценность в понятии истины, с неизбежностью приводят нас к принятию умопостигаемого «я», какой то души, как бытия высшей, сверхэмпирической реальности. Для существа, которое подобно Ж, лишено логического и этического феноменов, нет оснований для принятия подобного положения. Истинно женское существо не знает ни логического ни нравственного императива. Слова: закон, долг, долг по отношению к себе совершенно пустой звук для женщины. Отсюда правильно будет заключить, что женщина лишена понятия сверхчувственной личности.

Абсолютная женщина лишена всякого «я». Это положение представляет собой в известном отношении последний итог, к которому в конечном счете приводит нас всякий анализ женщины. Правда, в такой краткой и сжатой формуле оно звучит несколько резко, парадоксально и даже ново. Но можно быть вполне уверенным, что в этом вопросе автор далеко не первый человек, который пришел к подобному взгляду, хотя бы ему и пришлось самостоятельно

прокладывать путь для достижения той же истины, но открытой задолго до него.

Китайцы уже с давних пор отказываются признать за женщиной собственную душу. Если вы спросите у китайца, сколько у него детей, то вы получите в ответ точную цифру его сыновей, если же вся его семья состоит из дочерей, то он объявляет себя совершенно бездетным. Теми же причинами, вероятно, следует объяснить и изгнание Магометом женщин из рая и вызванное этим подчиненное положение, которое женщина занимает в странах Ислама.

Из философов здесь прежде всем следует назвать Аристотеля. Для него мужской принцип при зачатии есть элемент формирующий, активный элемент, играющий роль Логоса, женский же играет роль пассивной материи. Если же вдуматься несколько глубже а то, насколько сильно Аристотель отождествляет душу с формой, энтелехией, изначально движущим началом, то ясно станет, как близко подходит он к высказанному нами взгляду. Правда, свое воззрение на женщину он излагает только там, где говорит о процессе оплодотворения, но мы напрасно будем искать у него, как и у всех греков, кроме Эврипида, общей точки зрения на характер женщины (не только на ее роль в акте оплодотворения). Она, по видимому, в очень слабой степени занимает их мысли.

Среди отцов церкви особенно отличались своим взглядом Тертуллиан и Ориген, которые ставили женщину очень низко. Между тем Августин не мог придерживаться подобного взгляда, в силу глубокой привязанности, которую он питал к своей матери. В эпоху Возрождения взгляд Аристотеля снова приобрел много сторонников, например, в лице Жана Вира (1518–1588 гг.). В то время вообще лучше понимали этот взгляд, его воспринимали инстинктом, интуицией. В нем не видели один только курьез, как это делает современная наука, которой еще во многих отношениях придется преклониться перед Аристотелевской антропологией.

В последние десятилетия аналогичный взгляд высказали Ибсен (в образе Анитры, Риты и Ирены) и Август Стриндберг («Верующие»). Но наибольшее распространение мысли об отсутствии у женщины души сделала дивная сказка Фукэ. Этот романтик позаимствовал материал для нее из Парацельса, произведениями, которого он усердно занимался. Сказку эту переложили на музыку Гофман, Гиршнер и Альберт Лортцинг. Ундина, лишенная души. Ундина – вот платоновская идея женщины. Несмотря на бисексуальность, эта идея сильно соответствует действительности. Очень распространенное выражение: «женщина лишена характера» имеет в своей основе ту же мысль. Личность и индивидуальность, (умопостижимое) «я» и душа, воля и (умопостижимый) характер – все это одноименные понятия, которые присущи мужской половине человеческого рода и чужды женской его половине.

Так как человеческая душа есть микрокосм, а люди, которые живут душой, т. е, в которых жив весь мир, гениальны, то следует заключить, что Ж по природе лишены гениальности. Мужчина таит в себе все и может, как выражается Пико де Мирандола, особенно ярко развить в себе ту или другую черту. Он может вознестись на неизмеримую высоту и может очень глубоко пасть; он может превратиться в животное, в растение, даже в женщину, а потому мы и видим женственных мужчин.

Но женщина никогда не может стать мужчиной. Таким образом, здесь приходится сделать самое существенное ограничение в положениях, выставленных нами в первой части этого труда. Я знаю много мужчин, которые по всему своему психическому укладу, а не только в каком нибудь определенном отношении, совершенно похожи на женщину. Я видал также много женщин, которые обладают чисто мужскими чертами, но среди них ни одной, которая в основе своей не сохранила бы свою истинно женскую природу,

правда, эта женственность удачно окутана тонкой пеленой, так что она тщательно скрыта не только от подобной женщины, но и от постороннего взгляда. Человек может быть (см. гл. 1 II части) или мужчиной или только женщиной, хотя бы он вмещал в себе самые разнообразные качества обоих полов. Это бытие человека – основная проблема нашего исследования – определяется сообразно его отношению к логике и этике. Но в то время, как мужчина, взятый с анатомической точки зрения, может психологически вполне походить на женщину, женщина никогда психологически на мужчину походить не может, как бы мужествен ни был ее внешний вид и как бы мало женственно ни было впечатление, которое она производит.

Теперь мы можем с достоверностью дать окончательный ответ на вопрос об одаренности полов: есть женщины с некоторыми чертами гениальности, но нет женского гения, никогда его не было (даже у мужественных женщин, о которых говорит история и первая часть нашего труда), никогда его и не будет. Кто в этом вопросе проявит нерешительность и настолько расширит понятие гениальности, что под него отчасти подойдут и женщины, тот тем самым окончательно разрушит это понятие. Если вообще есть возможность отыскать понятие гениальности и сохранить его во всей строгости и неизменности, то мне кажется, что для этой цели необходимо придерживаться тех определений, которые мы выставили в этом труде. Не могут ли эти определения приписать гениальность такому существу, которое лишено души? Гениальность идентична глубине. Достаточно только связать подлежащее – женщина, со сказуемым – глубокая для того, чтобы каждый почувствовал в этом какое то противоречие. Женский гений есть поэтому *contradictio in adjecto*, так как гениальность есть повышенная, высоко развитая, вообще осознанная мужественность. Гениальный человек включает в себе все, а потому и женщину. Женщина же представляет собою только часть вселенной, а потому, как часть, не может содержать в себе целое. Женственность не может включать в себе гениальность. Негениальность женщины с неумолимой последовательностью вытекает из того факта, что она не монада, а потому и не отражение вселенной. Все предыдущие главы говорят, как бы в один голос, в пользу того взгляда, что женщина лишена души. Прежде всего третья глава доказала, что женщина живет генидами, между тем как мужчина – расчлененным содержанием, что женский пол ведет менее сознательную жизнь, чем мужской. Сознание есть одно из гносеологических понятий, но вместе с тем единственное основное понятие психологии. Гносеологическое сознание и обладание непрерывным «я», трансцендентальный субъект и душа – понятия, взаимно заменяющие друг друга. «Я» существует в том смысле, что оно само себя чувствует, познает себя в содержании своего мышления: всякое бытие есть сознание. Но здесь следует прибавить одно очень ценное пояснение к теории генид. Расчлененное содержание сознания мужчины не следует себе представлять в виде развитого, оформленного сознания женщины; это не актуальная форма того, что будто бы потенциально скрывается в сознании женщины. В нем уже с самого начала лежит нечто качественно отличное. Психическое содержание мужчины даже в стадии гениды, которую оно всячески старается одолеть, проявляет склонность к специфичности понятия. Весьма возможно, что всякое ощущение мужчины, даже на самых ранних ступенях его развития, обладает стремлением выделиться в понятие. Женщина же лишена этого стремления, как в своем восприятии, так в мышлении.

Принципом всякой специфичности понятия являются логические аксиомы, которые для женщины совершенно не существуют. Закон тождества, который придает понятию однозначную определенность, для них лишен значения путеводной нити. Они не признают нормой и *principium contradictionis*,

который ограничивает это понятие, как нечто самостоятельное, от всего сущего и возможного. Отсутствием специфической определенности понятий в мышлении женщины объясняется ее «чувствительность», которая способствует возникновению самых неосновательных ассоциаций и сравнений предметов, ничего общего между собой не имеющих. Даже женщины с наиболее богатой и наименее ограниченной памятью никак не могут отказаться от этой склонности к синэстезиям. Предположим, например, что какое –нибудь слово напоминало им определенный цвет, или представление о человеке ассоциировалось у них с представлением о какой-нибудь определенной пище – явление, которое очень часто бывает у женщин. Но важнее всего то, что они вполне удовлетворяются одной этой ассоциацией; у них нет желания выяснить, почему они попали именно на такое сравнение, насколько оно вызвано фактическими отношениями предметов друг к другу. Но еще меньше они думают о том, чтобы разобрать, какое впечатление произвело на них это слово или этот человек. Эта непритязательность и самоудовлетворенность находится в тесной связи с тем, что раньше было названо бессовестностью женщины. Мы еще вернемся к этому вопросу и постараемся выяснить его отношение к отсутствию определенности понятия женщины.

Это вечное пребывание в сфере неуловимых чувств, это отрицание понятия и понятливости, это самоубакивание без порывания к глубине придает зыбкому стилю большинства современных писателей и художников характер женственности. Мужское мышление основным образом отличается от женского потребностью в прочных формах, а потому всякое «искусство настроений» есть «искусство» бесформенное.

По этим соображениям психическое содержание мужчины не может быть приравнено к более развитой форме генида женщины. Мысль женщины порхает между различными предметами, сквозит по их поверхности, чего не делает мужчина, который привык мыслить «в корень всех вещей»; она отведывает, лакожится, осязает, но не схватывает истинной сущности предметов. Так как мышление женщины преимущественно протекает в форме своеобразного вкушения, самым выдающимся свойством женщины остается вкус. Вкус – исключительная принадлежность женщины. В его развитии она может достигнуть даже известной степени совершенства. Вкус требует сосредоточения внимания на самой поверхности предметов, он направлен на однообразное строение целого и никогда не останавливается на отдельных резко выделяющихся частях. Когда женщина «понимает» мужчину, о возможности или невозможности такого понимания речь впереди, то она старается понять, ход его мыслей. Так как при этом нельзя достигнуть точной определенности понятий с ее стороны, то она вполне удовлетворяется тем, что сказанное вызывает в ней ряд неустойчивых аналогий и уверена, что поняла все. Это различие в мышлении мужчины и женщины не следует себе объяснять тем, что оба эти рода мышления расположены на различных линиях, что содержание мышления мужчины занимает линию, несколько более удаленную, чем содержание мышления женщины. Это два совершенно различных ряда, простирающихся на один и тот же объект: один – мужской, вращающийся всецело в понятиях, другой – женский, находящийся совершенно вне всяких понятий. Поэтому, если можно установить некоторое тождество содержания развитого, дифференцированного, позднейшего с содержанием того же порядка, но хаотическим, нерасчлененным, более ранним, то в применении к различию способов мышления у мужчины и женщины это тождество не выдерживает критики: мысли, выраженной в определенном понятии с одной стороны, т. е. у мужчины, соответствует «чувство», лишенное всякого логического понятия, гениды, на другой стороне, т. е. у женщины.

Природа женщины, существенной чертой которой является отсутствие определенности логических понятий, не менее убедительно, чем слабо развитая сознательность ее, доказывает, что у женщины нет своего «я». Только понятие превращает комплекс ощущений в объект. Оно делает его независимым от того, существует ли он у меня в настоящее время, или нет. Наличие или отсутствие комплекса ощущений находится в полнейшей зависимости от воли человека: он закрывает глаза, затыкает уши – ни зрительное, ни звуковое раздражение до него не доходит, он опьяняет себя или засыпает – тогда он обо всем забывает. Только понятие освобождает комплекс ощущений от вечно субъективного, психологически относительного факта ощущения, только оно создает вещи. Человеческий интеллект может противопоставить себе объект только потому, что вся его деятельность протекает в сфере понятий, и наоборот, только там может идти речь об объекте и субъекте и различиях между ними, где существует сфера понятий. Во всех других случаях мы имеем целую массу сходных или несходных между собою картин, которые без определенного плана и порядка сливаются и переходят друг в друга. Понятие, таким образом, превращает свободно реющие в воздухе впечатления в предметы, из ощущения создает объект, которому противостоит субъект, пробуя свои силы на нем, как на враге. Понятие играет конститутивную роль по отношению ко всему реальному. Это положение не следует понимать в том смысле, что предмет обладает реальностью постольку, поскольку он связан с идеей, лежащей по ту сторону опыта, и является несовершенной проекцией, неудачным отражением ее. Совершенно наоборот. Поскольку наш интеллект, как функция понятия, простирается на какой-нибудь предмет, постольку он приобретает реальность. Понятие есть «трансцендентальный объект» кантовской критики разума, который, как таковой, соответствует «трансцендентальному субъекту». Только субъект является источником той загадочной объектирующей функции, которая создает кантовский «предмет X» – направление всякого познания. Функция эта совершенно тождественна логическим аксиомам, в которых снова получает свое выражение наличие субъекта. *Principium contradictionis* ограничивает понятие от всего того, что не является его содержанием. *Principium identitatis* дает возможность рассмотреть понятие так, как будто оно одно только и существовало бы в мире. Сырой, необработанный комплекс ощущений не может меня побудить к заключению, что он равен самому себе, но, с применением к нему закона тождества он превращается уже в определенное понятие. Так понятие придает соответствующее достоинство и строгость пестрому сочетанию ощущений, всякому узору, сотканному из мыслей: понятие освобождает содержание тем, что оно его связывает. Существует свобода объекта, как и свобода субъекта. Оба соответствуют друг другу. Здесь снова раскрывается перед нами тот факт, что, как в логике, так и в этике, всякая свобода содержит в себе самоограничение. Человек становится свободным только тогда, когда он сам превращается для себя в верховный закон. Только таким путем ему удастся избежать гетерономии, поставить себя вне зависимости от чужой воли, которая неизбежно включает в себя произвол. Поэтому ФУНКЦИЯ понятия является вместе с тем и мотивом самоуважения человека давая своему объекту, как всеобщему предмету познания, полнейшую свободу и независимость, человек тем самым как бы уважает самого себя. Когда двое мужчин спорят между собою, они всегда ссылаются на какой-нибудь предмет. Только женщина этого не делает: она носит с предметами и реет среди них, подчиняясь исключительно своему желанию, она не может дать объекту свободу, так как сама ею не обладает.

Самостоятельность, приобретаемая ощущением, благодаря понятию, не представляет собою освобождения от субъекта, а освобождение от субъективности. Ведь понятие и есть именно то, о чем я мыслю, о чем я говорю, что я могу написать. Это обстоятельство служит источником веры, что я тем не менее еще нахожусь в некотором отношении к понятию, эта вера – сущность всякого суждения. Имманентные психологи, Юм, Гексли, Мах, Авенариус, совершенно разделались с понятием, отождествив его с общим представлением, причем, между логическим и психологическим понятием они никакой разницы не делают. Поэтому весьма характерно для них, что они совершенно игнорируют самое суждение, как будто его совершенно не существовало. С своей точки зрения ни никак не в состоянии понять элементы, чуждые монизму ощущений, которые скрываются в каждом акте суждения. Каждое суждение содержит в себе признание или отрицание, одобрение или неодобрение определенных вещей, мера этого признания – идея истины, не может одновременно заключаться в комплексах ощущений, которые подвержены нашему суждению. Там, где нет ничего, кроме ощущений, все ощущения должны являться равноценными и иметь право на одинаковое значение в построении реального мира. Отсюда видно, что именно эмпиризм разрушает действительность опыта, а позитивизм, несмотря на «солидность» и «добросовестность» своей фирмы должен превратиться в настоящий нигилизм. Так очень часто бывает и с весьма почтенными торговыми предприятиями, которые в конечном счете обнаруживают свою беспочвенность и шарлатанство. В самом опыте еще не может заключаться мысль об определенной мере опыта, об идее истины. Но всякое суждение содержит в себе именно это притязание на истинность. Оно, несмотря на целый ряд ограничивающих его дополнений, предъявляет свое требование на объективную непреложность в той решительной, строгой форме, какую придал этому суждению его творец. Действительно, когда человек высказывает суждение в подобной форме, то в этом видят с его стороны требование всеобщего признания того, что он высказал. Если же человек отказывается от подобного требования, то ему вполне справедливо замечают, что он злоупотребил формой суждения. Отсюда вполне правильно будет заключить, что в функции суждения лежит притязание на познание, или другими словами на истинность того, что высказывается.

Это притязание на познание выражает собою только ту, мысль, что субъект обладает способностью высказывать суждения об объекте, причем суждения совершенно правильные. В качестве объектов, относительно которых мы высказываем свои суждения, служат понятия; понятие есть предмет познания. Оно противопоставляет объект субъекту.

Путем суждения снова устанавливается связь и родство между ними. Ибо требование истины предполагает, что субъект способен правильно судить об объекте. Таким образом мы пришли к выводу, что в функции суждения уже заключается доказательство известной связи между «я» и всебытием, доказательство возможности их абсолютного единства. Только такое единство, не простая согласованность, а тождество бытия и мышления, есть истина. Оно является вечным требованием, постулатом, но не фактом, который человек в состоянии был бы осуществить. Свобода субъекта и свобода объекта есть в конечном счете одна и та же свобода. Способность суждения со своей основной предпосылкой, человек может судить обо всем, является только сухим логическим выражением теории микрокосма человеческой души. Вызвавший столько споров вопрос о том, что чему предшествовало, понятие ли суждению или наоборот, нужно будет разрешить в том смысле, что оба они, хотя и одновременны, но необходимо друг друга обуславливают. Всякое познание направлено на какойнибудь предмет, сам же

процесс познания совершается в форме суждения, предметом которым является понятие. Функция понятия разделила субъект и объект и оставила в одиночестве субъект. Как и всякая любовь, тоска познавательного инстинкта стремится объединить раздвоенное.

Если какое либо существо, подобное истинной женщине, лишено деятельности в сфере понятий, то оно неизбежно лишено и деятельности в сфере суждения. Это положение может показаться смешанным парадоксом, так как ведь и женщины достаточно говорят (по крайней мере, мы не слышали, чтобы ктонибудь жаловался на их склонность к молчанию), а всякая речь является выражением суждений. Лжец, например, которого всегда выставляют в качестве убедительного довода против глубокого значения явлений суждения, никогда не строит суждений в собственном смысле слова (есть «внутренняя форма суждения», как и «внутренняя форма речи»), так как он, говоря ложь, оставляет совершенно в стороне меру истины. Правда, он требует всеобщего признания своей лжи, но это требование он предъявляет ко всем решительно людям, кроме себя, а потому его ложь лишена объективной истины. Если человек обманывает самого себя, то это значит, что он свои мысли не подвергает суду своего внутреннего голоса, тем менее он будет расположен защищать их перед внешним судом, судом других людей. Таким образом, можно вполне соблюсти внешнюю форму суждения, не соблюдая внутреннего условия его. Это внутреннее условие есть искреннее признание идеи истины в качестве верховного судьи всех наших суждений, беззаветная готовность держать ответ и оправдаться в своих покупках перед этим судьей. У человека раз и навсегда заложено известное отношение к идее истины. Это обстоятельство является источником правдивости по отношению к другим людям, вещам и к самому себе. Поэтому выставленное раньше деление: ложь по отношению к себе и ложь по отношению к другим – неверно. Кто субъективно расположен ко лжи, склонность, отмеченная у женщины и подлежащая еще более подробному разбору, тот не ощущает никакого интереса в объективной правде. Женщина не чувствует никакого стремления к истине, отсюда ее несерьезность, ее безучастное отношение к мыслям. Есть много писательниц, но нет ни одной мысли в их произведениях. Их любовь к (объективной) правде столь незначительна, что даже заимствовать мысли у других они считают делом, на которое не стоит тратить труда. Ни одна женщина не питает серьезного интереса к науке. На этот счет она, пожалуй, легко введет в заблуждение как себя, так и многих других благородных людей, но очень скверных психологов. В тех случаях, когда женщина успела в своей научной деятельности создать нечто более или менее значительное (София Жермен, Мария Сомервилль и т. д.), можно с уверенностью сказать, что за всем этим скрывается мужчина, на которого она таким образом старалась больше походить. Гораздо правильнее будет применить к женщине «*cherche la homme*», чем к мужчине – «*cherche la femme*».

Женщина не создала еще ничего выдающегося в научной области. Ибо способность к истине вытекает из воли к истине и ею измеряется. Поэтому понимание действительности у женщин гораздо слабее, чем у мужчин, хотя бы многие и утверждали противное. Факт познания у них всегда подчинен посторонней цели, и если стремление к ее осуществлению достаточно интенсивно, то женщина в состоянии очень правильно и безошибочно смотреть на вещи. Но она никогда не в состоянии понять истину ради самой истины, постигнуть, какую ценность имеет истина сама по себе. Женщина теряет всякую способность к критике, она совершенно теряет контроль над реальностью, когда в своих (часто бессознательных) стремлениях сталкивается лицом к лицу с заблуждением. Этим объясняется

твердая уверенность очень многих женщин, что им отовсюду угрожает любовная атака, это же является причиной столь частых галлюцинаций чувства осязания у женщин, галлюцинаций, которые обладают столь ярко выраженным характером чего то реального, что совершенно непонятно для мужчин. Ибо фантазия женщины – заблуждение и ложь, фантазия же мужчины, как художника или философа, есть высшая истина.

Идея истины лежит в основе всего того, что только может быть названо суждением. Суждение есть форма всякого познания, а мышление есть не что иное, как процесс составления суждений. Закон достаточной основания является нормой суждения в том же самом смысле, в каком законы тождества и противоречия конститутивны для понятия нормы сущности. Было уже сказано, что женщина не признает закона достаточного основания.

Всякое мышление есть сведение разнообразного к известному единству. Закон достаточного основания ставит правильность всякого суждения в зависимость от логической основы познания. В нем заложена идея функции единства нашего мышления по отношению к многообразию и вопреки ему, в то время, как три прочие логические аксиомы являются выражением бытия единства, без отношения ко всему многообразию явлений. Поэтому оба эти принципа, единство и множественность, нельзя свести к одному. В их двойственности скорее следует видеть формально логическое выражение мирового дуализма, существование множественности рядом с единством. Во всяком случае Лейбниц был совершенно прав, различая эти два принципа. Всякая теория, которая отказывает женщине в логическом мышлении, должна не только доказать полное пренебрежение с ее стороны к закону противоречия (и тождества), который находит свое приложение в процессе выяснения понятия, но она должна кроме того показать, что и закон достаточного основания, которому всецело подчинено суждение, остается ей совершенно чуждым и непонятным. Указанием на это служит интеллектуальная бессовестность женщин.

Теоретическая мысль, случайно возникшая в мозгу женщины, остается без дальнейшей разработки. Женщина не дает себе труда развить эту мысль, применить ее к различным жизненным отношениям, привести ее в связь с другими мыслями, словом, женщина не останавливается на этой мысли. Поэтому, менее всего возможно существование женщины философа. Ей не достает выдержки, резкости и настойчивости мышления. Она лишена и мотивов к нему. Совершенно не может быть речи о женщинах, которых мучают неразрешимые проблемы. Предпочтительнее молчать о таких женщинах, так как их положение поистине безнадежно. Мужчина, занятый всецело проблемами, хочет познать, женщина же, носящаяся с проблемами, хочет только быть познанной.

Психологическим доказательством того, что функция суждения есть показатель мужественности, служит тот факт, что женщина воспринимает суждение, как нечто мужественное, а потому притягивающее ее, как третичный половой признак. Женщина всегда требует от мужчины определенных взглядов, чтобы иметь возможность их заимствовать. Мужчина с неустойчивыми взглядами (какова бы ни была эта неустойчивость) совершенно чужд ее пониманию. Она страстно жаждет, чтобы мужчина рассуждал. Рассуждения мужчины для нее признак мужественности. Женщина обладает способностью творить, но лишена способности рассуждать. Особенно опасна женщина, когда она нема, так как мужчина слишком часто склонен принимать немоту за молчание. Таким образом мы доказали, что Ж лишена не только логических норм, но также тех функций, которые регулируются этими нормами иными словами, она лишена деятельности в сфере понятий и суждений. Но функция понятия по своему существу заключается в том, что субъект стоит лицом к лицу со своим объектом, функция же суждения является отражением

первоначального родства и глубочайшего единства сущности объекта и субъекта. Отсюда мы не в первый раз приходим к выводу: у женщины нет субъекта.

К доказательству алогичности абсолютной женщины непосредственно примыкает доказательство аморальности в некоторых ее проявлениях. Мы уже видели, насколько глубоко внедрилась ложь в природу женщины. Этот факт является результатом отсутствия у нее всякого отношения к идее истины, как и вообще ко всевозможным ценностям. Но нам придется еще вернуться к этой теме, а пока сосредоточим наше внимание на некоторых других моментах. При этом рекомендуется соблюдать особенную осторожность и проявить известную степень проницательности. Дело в том, что существует столько подражаний на этичность, столько фальшивых подделок под мораль, что многие уже ставят женскую нравственность выше мужской. Я уже указал, что необходимо точно различать антиморальное поведение от аморального, и я повторяю, что в применении к женщине речь может идти только об аморальном поведении, которое никакого отношения к морали не имеет, которое даже не является особым направлением или течением в области морали. Общеизвестен факт, неоднократно подтвержденный данными криминальной статистики и повседневной жизни, что женщины совершают несравненно меньше преступлений, чем мужчины. На этот факт неизменно ссылаются усердные апологеты чистоты женских нравов.

Но при решении вопроса о нравственности женщин существенным является не то, согрешил ли человек объективно против какой-нибудь идеи. Гораздо важнее определить, есть ли в человеке определенное, субъективное начало, которое стоит в известных отношениях к поруганной идее, и знал ли человек в момент преступления, какую ценность он приносит в жертву в лице упомянутого начала. Правда, преступник рождается уже с преступными задатками. Тем не менее он сам чувствует, вопреки всевозможным теориям о «moral insanity», что своим преступлением он утратил свою человеческую ценность и право на человеческое существование. Это объясняется тем, что преступники – народ по преимуществу малодушный. Нет среди них ни одного, который был бы горд сознанием совершенного им злодеяния, который нашел бы в себе столько мужества, чтобы оправдать свое преступление.

Преступник – мужчина уже с самого рождения своего стоит в таких же отношениях к идее ценности, как и всякий другой мужчина, и который лишен преступных инстинктов. Женщина, напротив, не чувствует никакой вины за собой, даже когда совершит самое гнусное преступление. В то время, как преступник молчаливо выслушивает все пункты обвинения, женщина может искренне удивляться и возмущаться, ей кажется странным, что подвергают сомнению ее право поступать так или иначе. Никогда не подвергая себя суду своей совести, женщины всегда убеждены в своем «праве». И преступник, правда, тоже мало прислушивается к своему внутреннему голосу, но он никогда и не настаивает на своем праве. Он старается по возможности дальше уйти от мысли о праве, так как эта мысль может только напомнить ему о совершенном им преступлении. Это ясно доказывает, что он имел раньше определенное отношение к идее, но теперь не хочет вызвать в своей памяти факт измены своему бывшему, лучшему «я». Ни один преступник еще не думал серьезно о том, что люди учиняют над ним несправедливость, подвергая его наказанию, женщина, напротив, убеждена в том, что ее обвинитель руководствуется только злым умыслом. Никто не в состоянии будет ей доказать, что она совершила преступление, если сама не захочет этого понять. Когда начинают ее увещивать, то весьма часто бывает, что она бросается в слезы, просит прощения и кается, что «узрела всю свою вину», она серьезно убеждена, что чувствует всю тяжесть ее. Все это

возможно только при известном желании с ее стороны: сами эти слезы доставляют ей томительное наслаждение. Преступник запирается, его нельзя сразу переубедить, но мнимое упорство женщины при известном умении со стороны обвинителя легко превращается в такое же мнимое сознание виновности. Страдания в одиночестве под тяжестью преступления, тихие слезы, отчаяние от позора, запятнавшего ее на всю жизнь все это вещи совершенно неизвестные женщине. Кажущееся исключение из этого правила – именно флагеллантка, кающаяся, бичующая свое тело, впоследствии нас еще убедит в том, что женщина чувствует себя виновной только в компании с другими.

Итак, я не говорю, что женщина зла, антиморальна, скорее я утверждаю, что она не может быть злой: она – аморальна, низка.

Женское сострадание и женская непорочность – два дальнейших феномена, на которые неоднократно ссылается ценитель женской добродетели. В частности, доброта и женское сочувствие дали повод к созданию чудесной сказки о душе женщины, но самым неотразимым аргументом в пользу высшей нравственности женщины явилась женщина, как сиделка, как сестра милосердия. Я касаюсь этого пункта без особенного желания и охотно оставил бы его без внимания, но меня вынуждает к этому возражение, которое мне лично выставили в одном разговоре и второе, вероятно, повторят и другие. Совершенно ошибочно предполагать, будто ухаживание женщин за больными доказывает их сострадание, по моему, это свидетельствует о наличии у них совершенно противоположной черты. Мужчина никогда не в состоянии был бы смотреть на страдания больных: один вид этих страданий до того мучительно подействовал бы на него, что он совершенно измучался бы, а потому не может быть и речи о каком-нибудь продолжительном ухаживании мужчины за пациентами. Кто наблюдал сестер милосердия, тот, вероятно, немало удивлялся их равнодушию и «мягкости» даже в минуты самых отчаянных страданий смертельно больных. Так оно и должно быть. Ибо мужчина, который не может хладнокровно созерцать страдания и смерти других людей, мало помог бы делу. Мужчина хотел бы успокоить боль, задержать приближение смерти, словом, он хотел бы помочь, но где помочь нельзя, там для него нет места, там вступает в свои права ухаживание – занятие, для которого наиболее приспособлена женщина. Жестоко заблуждаются, когда деятельность женщин на этом поприще объясняют какими-либо иными соображениями, кроме утилитарных.

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что женщине совершенно чужда проблема одиночества и общества. Она наиболее приспособлена к роли компаньонки (чтицы, сестры милосердия) именно потому, что она никогда не выходит из своего одиночества. Для мужчины состояние одиночества и пребывание в обществе составляют, так или иначе, проблему, хотя бы он только одно из двух признавал для себя возможным. Чтобы ухаживать за больным, женщина не оставляет своего одиночества. Если бы она в состоянии была оставить его, то ее поступок мог бы быть назван нравственным.

Женщина никогда не одинока, она не питает особенной склонности к одиночеству, но и не чувствует особенного страха перед ним. Женщина, даже будучи одинокой, живет в самой тесной связанности со всеми людьми, которых она знает: это лучшее доказательство того, что она не монада, так как монада все же имеет свои границы. Женщина по своей природе безгранична, но не в том смысле, как гений, границы которого совпадают с границами мира. Под безграничностью женщины нужно понимать только то, что ничто существенное не отделяет ее от природы и людей.

В этом состоянии слияния есть несомненно нечто половое. Сообразно этому, женское сострадание проявляется в некотором телесном приближении к

существу, вызывающему в ней это чувство. Это – животная нежность; женщина должна ласкать для того, чтобы и утешать. Вот еще одно доказательство в пользу того, что между женщиной и окружающей средой нет той резкой грани, как между одной индивидуальностью и другой! Женщина проявляет свое уважение к страданиям ближнего не в молчании, а в причитаниях: настолько сильно он чувствует свою связь с ним не как существо духовное, а физическое.

Жизнь, расплывающаяся в окружающем, является одной из наиболее важных черт существа женщин, чреватых самыми глубокими последствиями. Она является причиной повышенной чувствительности женщины, ее необычайной готовности и бесстыдства лить слезы по всякому поводу. Недаром мы знаем только тип плакальщицы. Мужчина же, который плачет в обществе, мало может рассчитывать на уважение к себе. Когда кто либо плачет, женщина плачет вместе с ним, когда кто либо смеется (только не над ней), женщина делает то же. Этим исчерпана добрая половина женского сострадания.

Приставать к другим людям со своим горем, плакаться на свою судьбу, требовать от людей сострадания – искусство исключительно женское. В этом лежит самое убедительное доказательство психического бесстыдства женщины. Женщина вызывает сострадание в других людях, чтобы иметь возможность плакать вместе с ними и, таким образом, повысить собственную жалость к самой себе. Можно без преувеличения сказать, что женщина, проливая слезы даже в одиночестве, плачет вместе с другими, которым она мысленно жалуется на свои страдания. Это еще в большей степени растрогивает ее. «Сострадание к себе самой» исключительно женская особенность. Женщина прежде всего ставит себя в один ряд с другими людьми, делает себя объектом их чувства сострадания, а затем она, сильно растроганная, вместе с ними начинает плакать над собой «несчастной». На этом основании ничто в столь сильной степени не вызывает стыда в мужчине, как импульс к этому, так называемому «состраданию к себе самому», на котором он себя иногда неожиданно поймают: такое состояние фактически превращает субъекта в объект.

Женское сострадание, в которое верил даже Шопенгауэр, это вообще один только плач и вой, при малейшем поводе, без малейшего труда, без стыда подавить в себе это чувство. Истинное сострадание, как и всякое страдание, поскольку оно действительно серьезно, должно быть стыдливо. Больше того, ни одно страдание не может быть так стыдливо, как сострадание и любовь, так как в этих двух чувствах мы приходим к сознанию тех крайних пределов личности, которых уже нельзя перейти. О любви и ее стыдливости мы поговорим в дальнейшем. В сострадании, в истинном мужском сострадании, лежит какое то чувство стыда, какое то сознание вины, что мне не приходится так сильно страдать, как ему, что я – не одно и то же, что и он, а совершенно отличное от него существо, отделенное от него даже внешними условиями жизни. Мужское сострадание – это краснеющее за самого себя *principium individuationis*. Поэтому женское сострадание навязчиво, мужское – скрытно.

Какое отношение имеет сострадание к стыдливости женщин, отчасти уже выяснено здесь, отчасти будет разобрано в дальнейшем в связи с вопросом об истерии. Мы окончательно отказываемся понимать, как люди могут говорить о какой то врожденной стыдливости женщины при том наивном усердии, с каким они щеголяют в декольтированных платьях, конечно, с некоторого разрешения со стороны общественного мнения. Можно быть стыдливым, можно и не быть. Но нельзя говорить о стыдливости женщин, раз они равномерно забывают о ней в известные промежутки времени.

Абсолютным доказательством бесстыдства женщин может служить тот факт, что они в присутствии других женщин без всякого стеснения выставляют напоказ свое голое тело, мужчины же между собою всегда стараются прикрыть свою наготу. В этом лежит также указание на то, откуда собственно исходит это пресловутое требование стыдливости, которое женщины внешним образом так педантично соблюдают. Когда женщины остаются одни, между ними происходит самый оживленный обмен сравнений физических прелестей каждой из них, и нередко все присутствующие подвергаются самому подробному осмотру. Все это делается не без некоторой похотливости, так как совершенно бессознательно основной точкой зрения остается та ценность, которую мужчина придает тому или иному физическому преимуществу женщины. Мужчина абсолютно не интересуется наготой другого мужчины, женщина же мысленно раздевает всякую другую женщину и, таким образом, она доказывает всеобщее межиндивидуальное бесстыдство своего пола. Мужчине неприятно и противно знать половую жизнь другого мужчины. Женщина же создает себе в мыслях общую картину половой жизни другой женщины немедленно после первого знакомства с ней, она даже оценивает другую женщину исключительно с этой точки зрения в ее «жизни».

Я еще вернусь к более глубокому разбору этой темы. Здесь изложение впервые сталкивается с тем моментом, о котором я говорил во второй главе этой части труда. Необходимо прежде всего сознавать то, чего мы стыдимся, только тогда мы и можем ощущать чувство стыда. Но для сознательности, как для чувства стыда, необходим прежде всем какой-нибудь дифференцирующий момент. Женщина, которая только сексуальна, может казаться асексуальной, так как она – сама сексуальность. У нее половая индивидуальность не выступает ни физически, ни психически, ни пространственно, ни во времени с такой отчетливостью, как у мужчины. Женщина, бесстыдная по природе своей, может произвести впечатление стыдливости, так как у нее нет стыда, который можно было бы оскорбить. Таким образом оказывается, что женщина или никогда не бывает голой, или пребывает в вечной наготе. Она никогда не может быть голой, так как не в состоянии придти к мысли об истинной наготе. Она всегда остается голой, так как в ней отсутствует то, что могло бы привести ее к сознанию своей (объективной) наготы и послужить импульсом к ее прикрытию. Что можно быть голым и в одежде – истина, недоступная только тупому уму, но плох тот психолог, на которого одежда так убедительно действует, что он отказывается говорить о наготе. Женщина объективно всегда нага, даже в кринолине и корсете.

Это находится в неразрывной связи с тем значением, которое имеет для женщины слово «я». Когда спрашивают женщину, что она разумеет под своим «я», то она не может себе представить ничего иного, кроме своего тела. Внешность – это «я» женщин. «Рисунок человеческого я» набросанный Махом в его «Предварительных антиметафизических замечаниях», дает нам истинную характеристику «я» совершенной женщины. Если Э.Краузе говорит, что самосозерцание «я» вполне выполнимо то это вовсе не так смешно, как думает Мах, а за ним многие другие, которым в произведениях Маха понравилась именно эта «шутливая иллюстрация философского „Много шума из ничего“».

Женское «я» является основанием ее специфического тщеславия. Мужское тщеславие есть проявление воли к ценности. Объективная форма его выражения, его чувствительность, заключается в потребности устранить всякое сомнение со стороны других людей в достижимости этой ценности. Личность – это то, что дает мужчине ценность и вневременность. Эта высшая ценность, которую нельзя отождествить с ценой, так как она, по выражению Канта, «не может быть замещена никаким эквивалентом», «она выше всякой

цены, а потому совершенно устраняет возможность эквивалента» – эта ценность есть достоинство мужчины. Женщины, вопреки мнению Шиллера, не обладают никаким достоинством. Этот пробел старались заполнить изобретением слова «дама». Их тщеславие естественно направится к высшей женской ценности, т. е. к сохранению, усилению и признанию их телесной красоты. Тщеславие Ж, таким образом, представляет собою с одной стороны известное расположение к своему собственному телу, расположение, присущее только ей, чуждое даже самому красивому (мужественному) мужчине. Это своего рода радость, которая проявляется даже у самой некрасивой девушки, когда она любуется собою в зеркале, трогает себя или испытывает какие либо ощущения отдельных органов своего тела. Но тут же с яркой силой и возбуждающим предчувствием вспыхивает в ее голове мысль о мужчине, которому когда нибудь будут принадлежать все эти прелести. Все это еще раз доказывает, что женщина может находиться одна, но она никогда не может быть одинокой. С другой стороны, женское тщеславие выражается в потребности, чтобы тело женщины вызывало удивление и было предметом желаний возбужденного в половом отношении мужчины.

Эта потребность столь сильна, что существует в действительности много женщин, которых вполне удовлетворяет это восхищение, сопровождаемое вождением у мужчин и завистью у женщин, этого для них вполне достаточно. Других потребностей у них совершенно нет.

Итак, женское тщеславие есть внимание, всегда обращенное на других, женщины живут только мыслью о других. Щепетильность женщины имеет именно это основание. Женщина никогда в жизни не забудет, что какой то человек нашел ее безобразной. Сама она никогда не признает себя некрасивой, в крайнем случае, она согласится с тем, что ее недооценивают. Но и к этому печальному выводу приводят ее единственно победы, одержанные другими женщинами над ней в борьбе за мужчину. Нет женщины, которая нашла бы себя в зеркале некрасивой и непривлекательной. У женщины собственная безобразная внешность никогда не приобретает столь мучительной реальности, как у мужчины. Она до конца старается разубедить в этом себя и других.

Где источник подобного тщеславия женщины? Оно вполне совпадает с отсутствием у нее умопостигаемого «я», с отсутствием того, чему человек придает всегда абсолютную ценность. Оно объясняется отсутствием самооценности. Так как женщина лишена всякой самооценности для себя и перед собой, то вполне естественно, что она старается приобрести ее для других или перед другими, путем превращения себя в объект для изучения с их стороны, вызывая в них восхищение и вождение. Единственное в мире, что имеет абсолютную бесконечную ценность, есть душа, «Вы лучше многих птиц», – говорил Христос людям. Женщина оценивает себя не с той точки зрения, насколько она оставалась верной своей личности, насколько она была свободна. Всякое же существо, обладающее своим «я», оценивает себя так и только так. Если же женщина всегда и без всякого исключения ставит себя на ту высоту, которую занимает муж, избравший ее – обстоятельство, которое вполне соответствует действительности, если она далее приобретает ценность только через посредство своего мужа или любовника, так что она не только в социальном и материальном отношении, но и в глубочайшей сущности своей теснейшим образом связана с браком, если это все так, то вывод может быть только один: она сама по себе не обладает никакой ценностью, у нее отсутствует самооценность человеческой личности. Женщина приписывает себе ценность, сообразно ценности других предметов: денег и богатства, количества и пышности своих платьев, театрального яруса, в котором находится ее ложа, своих детей и прежде всего сообразно ценности

своего обожателя, своего мужа. Самым верным оружием женщины в споре ее с другой женщиной является указание на высшее социальное положение своего мужа, на богатство, почет и титул его, при этом является нелишним указать на сравнительную его молодость и многочисленность его поклонниц. Это в состоянии окончательно сразить противницу и лишить ее всяких дальнейших возражений. Но колоссальный позор для мужчины (и он это чувствует лучше всякого другого), если он ссылается на что нибудь чужое и не защищает собой своей собственной ценности против всяких посягательств на нее. Дальнейшим доказательством отсутствия души у Ж послужит следующее. Женщина ощущает (по известному рецепту Гете) сильнейшее желание произвести впечатление на мужчину, когда тот не обращает на нее никакого внимания, ведь в этой способности произвести впечатление лежит весь смысл и ценность ее жизни. М, напротив, чувствует антипатию к той женщине, которая встретила его неприветливо или поступила по отношению к нему невежливо. Ничто не может сделать М столь счастливым как любовь девушки, если она его пленила и не сразу, то для него самого существует опасность воспламениться впоследствии. Любовь мужчины, который не нравится женщине, является для нее удовлетворением ее тщеславия, пробуждением долго дремавших в ней надежд. Женщина заявляет одновременно притязание на всех мужчин мира. То же самое лежит в основе ее склонности дружить преимущественно с представительницами своего же пола. Эта склонность не лишена некоторого полового оттенка.

Таким образом взаимоотношение эмпирически данных промежуточных половых форм определяется сообразно их положению между М и Ж. Чтобы доказать справедливость этого положения приведем следующий факт. В то время, как всякая улыбка девушки вызывает в М чувство восхищения, умиления, женственные мужчины обращают свое исключительное внимание на тех женщин и мужчин, которые о них совершенно не думают. Так поступает женщина, бросая своего поклонника, который настолько верен ей, что совершенно не в состоянии повысить ее самооценку. Поэтому женщина чувствует особенное влечение к тому мужчине, который пользуется у других женщин таким же успехом, как у нее, такому и только такому мужчине женщина остается верной и во время брака. Объясняется это тем, что она не может дать мужчине никакой новой ценности, противопоставить свое суждение суждениям других. Совершенно обратное имеет место у настоящего мужчины. Бесстыдство и бессердечие женщины особенно сильно проявляется в ее способности говорить о том, что какой либо мужчина ее любит. Мужчина, напротив, чувствует себя пристыженным любовью к нему со стороны другого человека, так как эта любовь его сковывает, ограничивает, делает его пассивным, между тем как по природе своей он должен быть одаряющим, активным, свободным. Далее мужчина отлично сознает, что, как целое, он не заслуживает любви в полной мере. Поэтому мужчина нигде не будет так упорно хранить молчание, как в этом вопросе, хотя бы отсутствие у него интимных отношений к какой либо девушке и устраняло всякий риск ее скомпрометировать. Женщина горда тем, что ее любят, она хвастается своей любовью перед другими женщинами для того, чтобы вызвать в них зависть. Мужчина воспринимает любовь к себе другого человека, как внимание к его истинной ценности, как более глубокое понимание его сущности. Совершенно не то чувствует женщина. В любви другого человека она видит факт, который придает ей ценность, прежде ей не принадлежавшую, который дарует ей впервые бытие и сущность, который легитимизирует ее в глазах других людей. Этим объясняется невероятная способность женщины запоминать все комплименты, сказанные ей даже в самом раннем детстве. Эта своеобразная память женщины была уже предметом особого исследования в одной из

предыдущих глав. Путем комплиментов она собственно приобретает сознание своей ценности, а потому женщина всегда требует от мужчины «галантности». Обходительность является для мужчины наиболее дешевой формой придания ценности женщине. Ему она ровно ничего не стоит. Но зато какое значение она приобретает для женщины, которая, в жизни своей не забудет ни одной любезности, проявленной к ней, и до самой глубокой старости питается пошлыми комплиментами. Стоит только вспомнить о том, что может иметь для человека известную ценность, тогда только мы поймем значение того факта, что женщина обладает особенной памятью по отношению к комплинтам. Женщина извлекает из комплиментов сознание своей ценности только потому, что у нее нет изначального мерил ценности, чувства своей собственной абсолютной ценности, которая признает только себя и пренебрегает всем прочим. И мы видим, что явление ухаживания, «рыцарства» снова подтверждает наш взгляд, что женщина лишена души. Когда мужчина особенно галантен по отношению к женщине, именно тогда он меньше всего склонен приписать ей душу, самооценку. Он особенно глубоко презирает и обесценивает ее как раз в момент, когда она сама чувствует себя на недостижимой высоте.

Насколько женщина аморальна, можно видеть из того, что она моментально забывает совершенную ею безнравственность. Этот факт вызывает неоднократные замечания по ее адресу со стороны мужчины, который взял на себя роль воспитателя женщины. Благодаря характерной лживости женской природы, она в состоянии уверить себя, что поняла всю преступность своего поступка, и таким образом ввести в заблуждение и себя, и мужчину. Напротив, мужчина ничего так отчетливо не помнит, как моменты, в которые он совершил преступление. Здесь память опять является перед нами в виде в высшей степени нравственного качества. Одно и то же – простить и забыть, но не простить и понять. Кто вспоминает о лжи, тот вместе с тем и сильно упрекает себя в ней. Тот факт, что женщина никогда не винит себя в своей низости, вполне объясняется тем, что она никогда не в состоянии придти к сознанию этой низости, так как ей совершенно чужда нравственная идея, а потому она ее и забывает. Вполне понятно, что она отрицает за собою эту низость. Как то совершенно неосновательно считают женщину невинной, так как этическое начало никогда не приобретало в ее глазах значения проблемы, ее даже считают более нравственной, чем мужчину. Такой взгляд можно объяснить только тем, что женщине чуждо понятие безнравственности. Невинность ребенка – не заслуга, заслугой является невинность старца, но ее то и не существует.

Самонаблюдение, как и сознание вины и раскаяние – черты чисто мужские. Мы пока оставим в стороне мнимое исключение из этого правила, а именно: истерическое самонаблюдение некоторых женщин. Самобичевания, которым подвергают себя женщины, эти поразительно удачные подражания истинному чувству вины, послужат для нас еще предметом дальнейшего изучения в связи с формой женского самонаблюдения. Субъект самонаблюдения тождествен с субъектом морализующим: оценивая психические явления, он их подмечает. Взгляд Огюста Конта на самонаблюдение несколько нас не удивляет, так как этот взгляд вполне соответствует характеру позитивизма. По мнению О. Конта самонаблюдение кроет в себе противоречие и является «глубочайшим абсурдом». Совершенно справедливо, что при ограниченности нашего сознания невозможно полнейшее совпадение во времени факта возникновения какого-нибудь переживания с особым восприятием его: об этом даже не приходится особенно много говорить. Наблюдение и оценка связаны прежде всего с «первичным» образом, оставшимся в нашей памяти. Мы как бы произносим суждение относительно образа, существующем еще в нашем воображении. Но

среди двух совершенно равноценных феноменов невозможно превратить только один из них в объект, только его признать или отрицать, как это бывает при всяком самонаблюдении. То, что исследует, судит и оценивает содержание, само содержанием быть не может. Все это совершает умопостигаемое «я», которое одинаково ценит прошлое, как и настоящее, которое создает «единство самосознания», непрерывную память – вещи, чуждые женщине. Ибо не память, как думает Милль, и не непрерывность, как полагает Мах, рожают веру в свое «я», которое будто бы вне памяти и непрерывности совершенно не существует. Совершенно напротив. Память и непрерывность, как благочестие и жажда бессмертия, вытекают из ценности своего «я». Содержание их не должно ни в каком отношении превратиться в простую функцию времени и подвергнуться полнейшему уничтожению. Если бы женщина обладала известной самооценностью и достаточной волей защищать ее от всяких нападений, если бы она ощущала хоть потребность в самоуважении, то она не могла бы быть завистливой. Все женщины, вероятно, завистливы. Зависть же представляет собою качество, возможное только при отсутствии вышеупомянутых предпосылок. Даже зависть матерей по поводу того, что дочери других женщин успели раньше выйти замуж, чем ее собственные, есть симптом действительной низости. Эта зависть, как и всякая другая, предполагает позднейшее отсутствие чувства справедливости. В идее справедливости, которая является практическим выражением идеи истины, логика и этика касаются между собою, как и в теоретической ценности истины.

Без справедливости нет общества. Зависть, напротив, абсолютно несоциальное свойство. Действительно, женщина совершенно несоциальна. Здесь именно можно проверить правильность того взгляда, который ставил идею общества в тесную связь с наличием индивидуальности. Таких вещей, как государство, политика, товарищеское общение, женщина совершенно не понимает. Женские союзы, в которые закрыт доступ мужчине, распадаются вскоре после своего возникновения. Наконец, семья представляет собою институт далеко не социальный. Мужчины тотчас же после женитьбы оставляют все те общества и союзы, в которых они до того принимали самое живое участие. Эти строки были написаны еще до появления замечательных этнологических исследований Генриха Шурца. Там он с богатым материалом в руках доказывает, что не в семье, а в особых союзах мужчин следует искать зачатки человеческого общества.

Нужно только удивляться тонкости Паскаля, который доказал, что человек ищет общества не потому, что он не может выносить одиночества, а исключительно потому, что хочет забыться. Здесь обнаруживается полнейшее согласие между прежним положением, которое отрицало за женщиной способность к одиночеству, и теперешним, которое настаивает на ее несоциальности.

Если бы женщина обладала сознанием своего «я», то она могла бы постигнуть значение собственности, как своей, так и чужой. Клептомания сильнее развита у женщин, чем у мужчин: kleptomаны (воры без нужды) почти исключительно женщины. Женщине доступно понятие власти, богатства, но не собственности. Женщина kleptomанка, случайно настигнутая на месте преступления, всегда оправдывается тем, что по ее ошибочному предположению все это должно было принадлежать ей. В библиотеках, выдающих книги на дом, большинство посетителей составляют женщины, причем среди них есть и такие, которые обладают достаточными средствами, чтобы купить несколько книжных лавок. Дело в том, что свои вещи и вещи чужие для них одно и то же. Они к своим вещам не питают более глубокого отношения, чем к вещам чужим, которые они только одолжили. И здесь

особенно ярко проявляется связь между индивидуальностью и социальностью. Для того, чтобы признавать чужую личность, необходимо прежде всего обладать своею собственною. Параллельно этому, наша мысль должна быть направлена на приобретение своей собственности, только тогда и чужая собственность остается неприкосновенной.

Но еще глубже, чем собственность, заложено в человеческой личности имя. Личность питает к своему имени поистине сердечные чувства. И здесь факты так красноречиво говорят за себя, что следует только удивляться, почему язык этих фактов так мало понятен для людей. Женщина никакими узами не связана со своим именем. Доказательством может служить тот факт, что она без всякого сожаления, самым легкомысленным образом отказывается от своего имени и принимает имя мужчины, за которого выходит замуж. Этому обстоятельству она не придает решительно никакого значения, и уже во всяком случае оно не в состоянии омрачить ее настроение, хотя бы на секунду. Аналогичное явление мы имеем в факте перехода (по крайней мере еще до недавнего времени) всего имущества женщины к мужчине, факт, объяснение которого следует искать глубоко в природе женщины. Не видно также, чтобы женщине стоило особенной борьбы расстаться со своим именем, мы видим как раз обратное, а именно, что женщина разрешает своему любовнику или ухаживателю называть ее так, как ему заблагорассудится. Даже в том случае, когда она против своего желания выходит замуж за ненавистного ей человека, и тогда не слышно с ее стороны особенных жалоб на то, что пришел момент расстаться со своим именем. Она легко бросает свое имя и не проявляет благочестия даже тем, что вспоминает иногда о нем. Она требует еще от своего любовника нового имени для себя с такой же настойчивостью, с каким нетерпением она ждет его от своего мужа, увлеченная новизной этого имени. Но под именем следует понимать символ индивидуальности, и только у рас, стоящих на самой низкой ступени развития, как, например, у бушменов Южной Африки, нет человеческих имен, так как естественная потребность различения людей еще слишком слабо развита у них.

Женщина – существо в основе своей безымянное, а потому она, сообразно идее своей, лишена индивидуальности.

В связи с этим стоит одно явление, которое при известной внимательности прямо бьет в глаза. Стоит женщине услышать шаги, почувствовать присутствие или увидеть, наконец, мужчину, который вошел туда, где она находится, как она моментально становится совсем другой. Все манеры, движения ее меняются с непостижимой быстротой. Она начинает поправлять прическу, разглаживать складки на своем платье, подтягивать юбку, все существо ее наполняется то бесстыдным, то трусливым ожиданием. В отдельном только случае можно сомневаться, краснеет ли она по поводу своего бесстыдного смеха, или она бесстыдно смеется над тем, что покраснела.

Душа, личность, характер – все это тождественно со свободной волей, в этом заключается бесконечно глубокий, непреложный взгляд Шопенгауэра. По крайней мере, воля постольку совпадает с «я», поскольку мы понятие «я» мыслим в известном отношении к абсолютному. Так как женщина лишена своего «я», то у нее не может быть также и воли. Кто не обладает своей волей, своим характером в высшем значении этого слова, тот очень легко поддается влиянию. На него, как и на женщину, влияет один только факт наличности другой человека рядом с ним. Он становится в функциональную зависимость от одной только этой наличности вместо того, чтобы служить объектом восприятия с ее стороны. Оттого Ж – лучший медиум, а М – лучший гипнотизер ее. Из этого факта еще не видно, почему думают, что женщины

особенно приспособлены к медицинской деятельности. Ведь наиболее выдающиеся врачи сами утверждают, что главным их средством помочь больному в настоящее время (и, вероятно, останется в будущем) является воздействие на него через внушение.

Во всем животном царстве Ж легче поддается гипнозу, чем М. Насколько гипнотические явления имеют близкое родство с явлениями повседневной жизни, видно из следующего: как легко «заразить» Ж смехом или плачем (об этом я уже говорил при разборе вопроса о женском сострадании)! Как импонирует ей все, что она прочитывает в газете! Как легко она падает жертвой самого нелепого предрассудка! Как набрасывается она на всякое чудодейственное средство, которое порекомендовала ей соседка!

У кого нет характера, у того нет и убеждений. Потому Ж легковерна, некритична, поэтому она не может постигнуть духа протестантизма. Мы, конечно, не сомневаемся, что всякий христианин рождается католиком или протестантом еще до крещения, но у нас, тем не менее, очень мало основания признать католичество женской религией только потому, что оно доступнее ей, чем протестантизм. Здесь следовало бы установить другую основу характерологического подразделения, но это не входит в задачи нашего труда.

Таким образом, мы вполне и исчерпывающе доказали, что женщина бездушна, что она лишена своего «я», индивидуальности, личности, свободы, характера и воли. Этот результат обладает такой ценностью для всякой психологии, что его значение трудно преувеличить. Он говорит, ни больше ни меньше, что психологию М и психологию Ж следует изучать совершенно отдельно. По отношению к Ж возможно чисто эмпирическое исследование ее психической жизни. При изучении психологии М мы должны придерживаться того основного положения, которое выдвинул еще Кант, а именно: исходить из понятия «я», понятия, венчающего все здание мужской психологии.

Взгляд Юма (и Маха), согласно которому существуют одни только «impressions» и «thoughts» (А.В.С... К...), как известно, совершенно изгнал душу из области психологии. Он изображает весь мир в виде какого то калейдоскопа, сводит его к игре «элементов» и, таким образом, лишает мир всякого смысла и почвы. Он разрушает всякую возможность найти твердую точку опоры для нашего мышления, уничтожает понятие истины и вместе с ним ту самую действительность, философию которой он считает своим исключительным призванием. В результате это воззрение несет на себе всю вину за жалкое положение современной психологии.

Современная психология с гордостью несет свое имя «Психология без души» – имя, которым окрестил ее не по заслугам превознесенный Фридрих Альберт Ланге. Нам удалось, кажется, доказать, что невозможно объяснить себе психические явления, отрицая существование души. Наличие души необходима, как для толкования психических феноменов М, которому необходимо приписать душу, так и для разрешения соответствующих феноменов Ж, которая окончательно должна быть признана бездушной. Наша современная психология по преимуществу женская психология. Именно поэтому столь поучительно сравнительное изучение полов – обстоятельство, которое сыграло не последнюю роль в той основательности, с какой я разобрал этот вопрос. Только подобное изучение может помочь уяснить нам, что собственно заставляет нас допустить существование «я», почему полное смешение мужской и женской психики (в самом широком и глубоком смысле) привело к таким роковым ошибкам при создании всеобщей психологии.

Возникает вопрос: может ли психология М являться наукой? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Я уже предвижу, что некоторые отошлют меня к исследованиям экспериментаторов: даже тот, который среди всего этого

экспериментального шума сохранил известную трезвость мысли, с удивлением спросит себя, неужели эти труды не стоят внимания. Но экспериментальная психология не только не раскрыла нам глубоких основ мужской психики, она не только не дает возможности систематически разработать этот бесконечный ряд научных опытов, но едва позволяет мечтать даже о какой-нибудь приблизительной систематизации их. Мало того, метод ее, насквозь, от самого верхнего слоя своего до сердцевины, – ложен, а потому, экспериментальная психология не дала и не могла дать объяснения глубокой внутренней связи психических явлений. Психофизическая иллюзия измерений прямо показала истинную сущность психических явлений в противоположность физическим: эта сущность заключается в том, что функции, с помощью которых можно было бы установить связь явлений и объяснить переход одного явления в другое, в лучшем случае непостоянны, а потому они не поддаются и точному разграничению. Но вместе с отсутствием постоянства функций принципиально приходится расстаться с самой возможностью когда-либо достигнуть непреложный математический идеал всякой науки.

Нет научной психологии мужчины. Ибо существованию всякой психологии свойственно выводить то, чего собственно и вывести то нельзя, точнее говоря, ее конечной целью было бы доказать человеку его бытие, его сущность. Но тогда каждый человек был бы даже в своей глубокой сущности только следствием известной причины, он был бы детерминирован, и ни один человек не должен был бы уважать другого, как представителя царства свободы и бесконечной ценности. В тот самый момент, когда я превратился бы в вывод из определенных посылок и оказался бы подчиненным известным определениям, я потерял бы вместе с тем всякую ценность и лишился бы души. Со свободой хотения и мышления (последнюю необходимо присоединить к первой) не мирится допущение безусловной определенности, которая является исходным пунктом всякого психологического исследования. Кто верит в существование свободного субъекта, подобно Канту и Шопенгауэру, тот должен отрицать психологию как науку. Но кто верил до сих пор в психологию, для того свобода субъекта немыслима, даже в виде теоретической возможности. В таком виде эта свобода представляется Юму и Гербарту, этим основателям современной психологии.

Этой дилеммой объясняется то плачевное положение, которое занимает современная психология во всех своих принципиальных вопросах. Неимоверные усилия, направленные к тому, чтобы изгнать волю из области психологии, бесконечные попытки вывести наличие этой воли из ощущения и чувства – все это скрывает в основе своей совершенно верную мысль, а именно, что воля не есть эмпирический факт. Нигде в опыте не представляется возможным сыскать волю, так как она сама является предпосылкой всякого эмпирически – психологического факта. Пусть попытается человек, который любит долго спать по утрам, произвести над собой наблюдение в тот момент, когда окончательно решается встать с постели. Решение (как и внимание) всецело поглощает неделимое «я», а потому в нем нет той двойственности, которая необходима для восприятия воли. Мышление столь же мало, как и желание, является фактом, который можно было бы фиксировать для целей научной психологии. Мыслить значит судить, но что представляет собою суждение для внутреннего восприятия? Ровно ничего. Это нечто чуждое, привходящее в качестве постороннего элемента в восприятие, чего нельзя вывести из того строительного материала, который натаскали эти психологические Фазольты и Фафнеры. Каждый новый акт суждения разрушает кропотливую работу атомистов ощущения. Так же обстоит дело и с понятием. Ни один человек не мыслит понятиями, тем не менее существуют понятия, как и суждения. В конце концов совершенно правы противники Вундта, утверждая, что апперцепция не

есть факт эмпирически – психологического характера, что она и не акт, который можно было бы воспринять. Бесспорно, Вундт глубже своих противников. Только плоские умы могут быть ассоционными психологами. Он не без основания связывает апперцепцию с волей и вниманием. Но апперцепция столь же мало является фактом опыта, как и внимание, как понятие и суждение. Итак, если все это, как желание, так и мышление существует, если все это оставить без изучения нельзя, если далее все это зло смеется над попытками подвергнуть их анализу, то ясно, что мы стоим перед выбором: принять ли нечто такое, что обуславливает самую возможность психической жизни, или нет.

Пора поэтому оставить разговоры о какой то эмпирической апперцепции и признать раз навсегда, что Кант был глубоко прав, признавая одну только трансцендентальную апперцепцию. Но если неудобно расстаться с опытом в качестве средства изучения, то тогда остается только расплывчатая, безнадежно пустая атомистика ощущений с ее ассоциативными законами. Психология же при этом, с точки зрения своей методы, должна превратиться в придаток к физиологии и биологии, как у Авенариуса. Последний очень тонко разработал один только, и то весьма узкий, отдел всей нашей психической жизни, но его труд не вызвал дальнейшего развития идей, лежащих в его основе, за исключением немногих, кстати, очень неудачных попыток.

Таким образом, отсутствие философской точки зрения в изучении нашей души вполне показало, что оно не может привести нас к постижению истинной сущности человека, что никакие утешения не могут нам доставить гарантии того, что мы таким путем когда нибудь в будущем достигнем желательных результатов. Чем лучше психолог, тем скучнее ему изучать современные системы психологии. Так все они вместе и каждая порознь прилагают всяческие усилия к тому, чтобы по возможности меньше обращать внимание на то единство, которое только и является основой каждого психического явления. Тем сильнее поражает нас своей неожиданностью последний отдел каждой такой психологии, трактующий о развитии единой гармонической личности. Это единство, которое представляет собою истинную бесконечность, думали создать из большего или меньшего числа определяющих его элементов. «Психология как опытная наука» хотела найти условие всякого опыта в самом опыте! Подобные попытки вечно рушатся и вечно возобновляются, так как умственное течение, подобное позитивизму и психологизму, не исчезнет до тех пор, пока будут существовать посредственные и оппортунистические головы, пока не переведутся натуры, неспособные довести свою мысль до ее окончательного завершения. Кто, подобно идеализму, дорожит душой и не хочет ею жертвовать, тот должен отказаться от психологии. Кто создает психологию, тот убивает душу. Всякая психология хочет вывести целое из отдельных его частей, представить его в виде чего то обусловленного. Но более вдумчивый взгляд признает, что частные явления вытекают здесь из целого, как своего первоисточника. Так психология отрицает душу, а душа, по своему понятию, отрицает всякую науку о себе: душа отрицает психологию.

В этом исследовании мы решительно высказались в пользу души и против комичной и вместе с тем жалкой психологии без души. Для нас является еще вопросом, можно ли совместить психологию с душой, можно ли вообще науку, ищущую раскрытия законов причинности и норм мышления и желания, поставить рядом с свободой мышления и желания. Даже принятие особой «психической причинности» мало поможет делу: психология, показав наконец свою собственную неспособность, дает тем самым блестящее доказательство в пользу понятия свободы, понятия вообще осмеянного и поруганного.

Этим мы еще не провозглашаем новой эры в области рациональной психологии. Напротив, если согласиться с Кантом, то трансцендентальная идея души является для нас руководящей нитью при восхождении в ряду условий вплоть до необусловленного, а не наоборот, т. е. при «схождении к обусловленному». Нужно только отвергнуть все попытки вывести это необусловленное из обусловленного, вывод, который неизменно преподносится нам в конце какойнибудь книги в 500–1500 страниц. Душа есть регулирующий принцип, который должен лежать в основе и руководить нами при всяком истинно психологическом, но не относящимся к области анализа ощущений, исследовании. В противном случае, сколько старания, любви и понимания мы ни вложили бы в это дело, всякое изображение психологической жизни человека в самой существенной части своей страдало бы роковым пробелом. Совершенно непонятно, откуда взялось столько мужества у исследователей легко разделаться с понятием «я» только на том основании, что «я» не поддается восприятию в той форме, в какой мы воспринимаем цвет апельсина или вкус щелочи. Тем более странно, что эти исследователи даже не пытались анализировать такие чувства, как стыд и вина, вера и надежда, страх и раскаяние, любовь и ненависть, тоска и одиночество, тщеславие и восприимчивость, жажда славы и потребность в бессмертии. Каким иным путем хотят Мах и Юм объяснить один только факт стиля, как не с помощью индивидуальности? Далее: животные ничуть не боятся своего отражения в зеркале, но ни один человек не в состоянии будет провести свою жизнь в зеркальной комнате. Может быть, этот страх следует себе объяснить «биологически», «дарвинистически» страхом перед своим двойником (которого, интересно заметить, нет у женщины)? Стоит только назвать слово двойник для того, чтобы вызвать сильнейшее сердцебиение у мужчины. Здесь эмпирическая психология совершенно бессильна, здесь нужна глубина. Ибо как можно все эти явления свести к отдаленной стадии дикости, животности, когда человечество лишено было той безопасности, которую в состоянии доставить одна только цивилизация, как это сделал Мах, признав страх у маленьких детей пережитком онтогенетического развития? Я об этом только вскользь упомянул с тем, чтобы поставить на вид «имманентным» и «наивным реалистам», что в них самих имеется много такого, о чем они не знают. Почему человека неприятно задает, когда говорят, что он принадлежит к ницшеанцам, гербартианцам, вагнерианцам и т. д.? Словом, когда его подводят под определенное понятие? Ведь такой случай наверное приключился и с Махом, когда кто либо из милых друзей хотел его причислить к позитивистам, идеалистам и т. п. Неужели он серьезно думает, что чувство, которое вызывают в нас подобные определения со стороны других людей, можно исчерпывающе объяснить полной уверенностью в одиночности совпадения «элементов» в одном человеке, что это чувство есть не что иное, как оскорбленный расчет вероятности? Однако это чувство не имеет ничего общего с тем явлением, когда мы, например, не согласны с какимнибудь научным тезисом. Его не следует смешивать также с тем чувством, которое испытывает человек, когда он сам причисляет себя, например, к вагнерианцам. В глубочайших основах этого чувства кроется положительная оценка вагнерианства, так как сам говорящий – вагнерианец. Человек искренний всегда сознается, что подобным признанием он имел в виду возвысить Вагнера. В признаниях других людей мы чувствуем, что человек имел в виду как раз обратное. Отсюда мы видим, что человек может о себе сказать очень много такого, что ему крайне неприятно слышать от других. Где же источник этого чувства, которое свойственно даже людям, низко стоящим? Он находится в сознании, может быть, даже очень неясного, своего

«я», своей индивидуальности, которая чувствует себя стесненной подобными определениями. Этот протест есть зародыш всякого возмущения. Как то нелепо с одной стороны признавать Паскаля и Ньютона великими мыслителями, а с другой стороны приписывать им целый ряд самых бессмысленных предрассудков, с которыми «мы» давно уже расстались. Действительно ли мы ушли уже так далеко от того времени со всеми нашими электрическими дорогами и эмпирическими психологиями? Неужели, действительно, культура (если только существуют культурные ценности) измеряется состоянием науки, которая всегда имеет характер социальный, но не индивидуальный, числом лабораторий и народных библиотек? Является ли культура чем то внешним по отношению к человеку, не лежит ли она прежде всего в нем самом?

Можно, конечно, ставить себя выше Эйлера, величайшего математика всех времен, который говорит: «То, что я делаю в настоящий момент, когда пишу письмо, я делал бы совершенно так же, если бы находился в теле носорога». Я не берусь защищать эту мысль Эйлера, она очень характерна для математика, художник никогда ничего подобном не сказал бы. Тем не менее, я считаю глубоко неосновательным видеть в ней один только смешной курьез и оправдывать Эйлера общей «ограниченностью его времени», не дав себе труда понять содержание этой мысли.

Итак, невозможно обойтись без понятия «я» в психологии, по крайней мере, по отношению к мужчине. Приходится, правда, сомневаться, совместимо ли это понятие с номотетической психологией в Виндельбандовском смысле, имеющей своей целью установить определенные психологические законы. Но это обстоятельство несколько не умаляет значения нашего положения о необходимости понятия «я». Быть может, психология вступит на тот путь, который был указан ей в одной из предыдущих глав и, таким образом, превратится в теоретическую биографию. Только тогда она познает истинные границы всякой эмпирической психологии.

Тот факт, что всякое исследование мужской психологии в конечном счете сталкивается с чем то неделимым, неразлагаемым, с «ineffabile», поразительно совпадает с тем, что равномерные явления «duplex», «multiplex personality» раздвоения или умножения человеческого «я», наблюдались только у женщин. Психика абсолютной женщины разложима до последнего атома. Мужская психика не поддается полному разложению на составные части. Этого не в состоянии сделать самая совершенная характерология, не говоря уже об эксперименте. В ней заключено ядро сущности, не поддающееся дальнейшему делению. Ж - агрегат, а потому она диссоциируема, делима.

Поэтому то так смешно и забавно слышать разговоры гимназистов (гимназист, как платоновская идея) о женской душе, о женском сердце и его мистериях, о душевном складе современной женщины и т. д. Вера в женскую душу является, кажется, в настоящее время и доказательством выдающихся качеств акушера. По крайней мере, женщины очень охотно слушают, когда им говорят о женской душе, хотя они отлично (в форме гениды) знают, что все это - ерунда. Женщина - сфинкс! Ничего более нелепого нельзя было сказать! Вряд ли какая нибудь чепуха превзойдет эту! Мужчина бесконечно загадочнее, несравненно сложнее. Достаточно выйти на улицу, чтобы убедиться, что у женщины нет ни одного такого выражения лица, которое сразу не стало бы ясным и понятным для нас. Как бесконечно беден у женщины регистр ее чувств, ее настроений! Вместе с тем мы на лице мужчины часто видим такое выражение, которое можно отгадать только в результате продолжительного напряжения мысли.

Наконец, мы пришли к разрешению вопроса о том, существует ли между психическими и физическими явлениями известный параллелизм или взаимодействие. В применении к Ж координирующим началом обоих рядов явлений следует признать психофизический параллелизм: по мере того, как женщина стареет, она теряет способность к психическому напряжению, которая является средством для достижения ее половых целей и развивается вместе с последними. Мужчина никогда не стареет в столь сильной степени, как женщина. Духовная деградация для него не является необходимостью, в отдельных случаях она проявляется в связи с физической деградацией. Меньше всего, наконец, проявляется старческое слабосилие у тех людей, которые обладают широко развитой духовной мужественностью у гениев. Недаром такие философы – параллелисты чистейшей воды, как Спиноза и Фехнер, были одновременно и самыми строгими детерминистами. Свободному, умопостигаемому субъекту М, который выбирает между добром и злом, руководствуясь своей волей, чужд психофизический параллелизм, который для психических явлений требует той же последовательной причинности, как и для явлений механических.

Этим разрешен вопрос о принципиальной точке зрения всякого психологического изучения полов. Этот взгляд снова встречается с колоссальным затруднением в виде целого ряда фактов самого поразительного свойства. Правда, эти факты лишний раз нам доказывают полнейшее отсутствие души у Ж и притом самым решительным образом, но с другой стороны они требуют выяснения одной очень своеобразной черты в поведении женщины, черты, которая, как это ни странно, до сих пор еще не приобрела ни в одном произведении значения проблемы.

В свое время мы обратили уже внимание на ясность, свойственную мышлению мужчины, в сравнении с той неопределенностью, которая господствует в мышлении женщины. Далее мы указывали, что функция правильной речи, содержанием которой являются твердые логические суждения, влияет на женщину в качестве характерного полового признака мужчины. Но то, что возбуждает Ж в половом отношении, должно являться свойством М. Твердость характера мужчины производит на женщину также чисто половое впечатление. Она презирает покладистого, уступчивого мужчину. В подобных случаях говорят о нравственном влиянии женщины на мужчину, а между тем она стремится только приобрести свое половое дополнение во всех его дополнительных качествах. От мужчины женщины требуют мужественности. Они чувствуют свое незыблемое право возмущаться и презирать того мужчину, который не оправдал их ожиданий в этом направлении. Как ни кокетлива, как ни лжива женщина, тем не менее ее раздражает и возмущает кокетство и лживость мужчины. Она может быть трусливой до последней степени, но мужчина должен быть храбр. Обыкновенно не хотят и знать о том, что это все проявления полового эгоизма, который жаждет неомраченного наслаждения через свое дополнение. И вряд ли можно было бы найти где нибудь в опыте более убедительное доказательство бездушности женщины, чем в том факте, что женщина всегда требует от мужчины души, что на нее приятно действует доброта, тогда как она сама далеко не добра. Душа есть половой признак, которого женщина требует от мужчины совершенно так же и для тех же целей, для каких ей нужна мускульная сила и щекочущие усы. Можно возмущаться грубостью этого выражения, но дело от этого не изменится. Сильнее всего действует на женщину мужская воля. В этом отношении она обладает удивительно тонким чутьем. Она с точностью узнает, где под словами «я хочу» скрывается у мужчины напряженность и аффектация, и где видна истинная решимость. В последнем случае эффект получается самый поразительный. Как может женщина, являясь бездушной, чувствовать душу

мужчины? Как может она, будучи аморальной, судить о его нравственности? Как может она знать о твердости его характера, если она сама, как личность, не обладает характером? Как может она чувствовать его волю, не имея сама воли?

Вот формулировка той колоссально сложной проблемы, которая послужит предметом дальнейшего изложения.

Но прежде, чем приступить к разрешению этого вопроса, необходимо укрепить со всех сторон занятые нами позиции и защитить их от нападений, которые могли бы их хоть скольконибудь поколебать.

Глава X

Материнство и проституция

Главное выражение, которое без сомнения будет выставлено против нашего исследования, заключается в том, насколько найденные положения применимы ко всем женщинам. Для некоторых, даже для многих женщин это, пожалуй, и верно, но есть ведь еще и другие.

Первоначально я не имел в виду останавливаться на специальных формах женственности. Женщины поддаются подразделению с различных точек зрения. Но следует остерегаться применить ко всем женщинам то положение, которое справедливо только относительно какого-нибудь крайнего типа их, хотя бы этот тип и обладал большой распространенностью, попадался бы нам повсюду, необходимо однако помнить, что это только известный тип и что характерная индивидуальность его может потерять всю свою яркость при преобладании другого прямо противоположного типа. Существует много подразделений женщин, существуют также различные женские характеры, хотя слово характер следует в данном случае понимать в эмпирическом смысле. Все черты характера мужчины имеют много поразительных аналогий в характере женщины – обстоятельство, которое часто дает повод для разных амфиболий (интересное сравнение этого рода будет приведено в дальнейшей части этой главы). Но помимо этого характер мужчины всецело погружен в сферу умопостижимого и прочно укреплен там. Благодаря этому для нас опять выясняется факт смешения характерологии и учения о душе, также общность их судьбы. Характерологические различия женщин не имеют тех глубоких и прочных корней, которые могли бы привести к развитию обособленной индивидуальности.

Пожалуй, не существует ни одной женской черты, которая в течение всей жизни женщины, сохранилась бы в первоначальной своей чистоте, которая не изменилась бы благодаря воздействию мужской воли и не отступила бы на задний план или окончательно не уничтожилась бы под ее влиянием. Каковы дальнейшие различия между одинаково мужественными и одинаково женственными индивидуумами – этот вопрос я намеренно оставляю пока в стороне. Но сделали мы это не потому, что сведение психологических различий к принципу половых промежуточных форм дало нам больше, чем только одну из тысячи руководящих нитей, которую можно найти в этой запутаннейшей из всех областей. Мы исходили при этом из того простого соображения, что всякое скрещение с другим принципом, всякое расширение линейного метода до плоскостного неблагоприятно отразилось на этой первой попытке основательно разобраться в характерологических явлениях. Эта попытка имеет в виду нечто больше установления характеров или эмоциональных типов. Специально женская характерология должна явиться предметом особого исследования, хотя и настоящая работа, по мере возможности, не упускала из виду индивидуальных различий женщин. Мне кажется, что я при этом избежал поспешных и ложных обобщений и утверждал

только то, что в одинаковой степени и с одинаковой справедливостью применимо ко всем женственным женщинам без исключения. Речь до сих пор шла о Ж в самом общем смысле слова. Но так как мне в качестве возражения могут выставить только один тип, то я нахожу нужным охарактеризовать здесь из всего множества только пару самых противоположных типов. Все то низкое и гадкое, что я приписал женщине, найдут неправильным в приложении к женщине – матери.

Придется остановиться на этом несколько дольше. Тут же следует заметить, что никто не может взяться за разрешение этой проблемы, не подвергнув одновременно изучению и противоположный полюс матери, диаметрально противоположную возможность женской натуры. Только таким путем нам удастся провести точные границы типа матери, резко выделить свойства матери от всевозможных свойств, присущих другим женщинам.

Диаметрально противоположным типу матери является тип проститутки. Это противопоставление так же мало можно вынести из каких-нибудь логических посылок, как и противопоставление мужчины женщине. Последнее мы только видим, но никогда не доказываем. То же самое и относительно первого: его мы должны разглядеть или найти в опыте. Только тогда мы убедимся, что оно ничуть не нарушает стройности нашей схемы. Всевозможные ограничения, которые здесь необходимо установить, будут рассмотрены в дальнейшем. Пока мы только рассмотрим женщину с точки зрения двух типов, причем, в одном случае преобладает один тип, в другом случае – другой.

Эти оба типа – мать и проститутка.

Наше деление может быть превратно понято, если мы не укажем на отличие его от другого, очень распространенного подразделения. Нередко приходилось слышать, что женщина является одновременно и матерью и возлюбленной. Мне трудно уяснить себе мысль и пользу подобного деления. Должно ли качество возлюбленной представлять собою определенную стадию, которая необходимо предшествует материнству? В таком случае оно не может быть длительной характерологической особенностью. Далее, что говорит нам понятие «возлюбленная» относительно самой женщины? Ровно ничего, разве только то, что ее любят. Придает ли это понятие женщине существенное качество, или оно дает только внешнее определение ей? Быть любимой может быть одинаково как мать, так и проститутка. В крайнем случае, можно было бы под видом «возлюбленной» описать целую группу женщин, которая занимает среднее положение между матерью и проституткой, которая представляет собою промежуточную форму двух упомянутых полюсов. Или, быть может, считали необходимым особо подчеркнуть тот факт, что женщина стоит в других отношениях к отцу своих детей, чем к самим детям. Но иногда под «возлюбленной» следует понимать женщину, которая дает себя любить, т. е. всецело отдается любящему. Этим однако мы еще ничего ценного не приобрели, так как в подобном случае и мать, и проститутка формально могут действовать одинаково. Понятие «возлюбленная» еще ничего не говорит о качествах того существа, которое является предметом любви: да, это само собою понятно, так как оно выражает собою определенную стадию жизни одной и той же женщины, стадию, за которой следует другая в форме материнства. Так как состояние «возлюбленной» является только случайным признаком ее личности, то можно видеть, насколько нелогично это подразделение. Ведь материнство содержит в себе нечто более глубокое, чем один только факт того, что женщина родила. Эта именно более глубокая сущность материнства и является ближайшей задачей нашего исследования.

Итак, материнство и проституция – два полярно противоположных явления. Это положение можно с известной степенью вероятности заключить уже из того

факта, что у женщины матери гораздо больше детей, чем у кокетки, в то время как уличная проститутка в большинстве случаев совершенно бездетна. Следует заметить, что не одна только продажная женщина принадлежит к типу проститутки. К нему можно причислить и много, так называемых, благородных девушек и замужних женщин, даже таких, которые не нарушают брачных уз. Они не делают этого не потому, что не представлялось случая, а просто потому, что сами не хотели заходить так далеко. Поэтому не следует особенно удивляться применению понятия проститутки к более широкому кругу женщин, чем это привыкли до сих пор делать, относя это понятие только к продажным женщинам. Уличная проститутка только тем отличается от пользующейся большим почетом кокетки и более благородной гетеры, что она абсолютно лишена способности к какому либо дифференцированию отношений. Далее, отсутствие у нее всякой памяти превращает ее жизнь в совокупность отдельных, изолированных моментов, между которыми нет ни малейшей связи. Поэтому тип проститутки мог бы существовать даже и тогда, когда на свете были бы только один мужчина да одна женщина, ибо этот тип получает свое выражение в специфическом отношении к отдельному мужчине. Только сам по себе факт меньшей плодовитости проститутки уже освобождает меня от обязанности опровергать один очень распространенный взгляд, по которому проституция – явление, лежащее, строго говоря, глубоко в естественной природе человеческого существа, представляет собой результат неблагоприятных социальных условий а именно отсутствия заработка у многих женщин. Этот взгляд склонен обвинять существующий общественный строй, в котором экономический эгоизм мужчин, забравших всю власть в свои руки, сильно затрудняет незамужним женщинам доступ к честной жизни. Далее он указывает на сильно распространенную холостую жизнь, вызванную будто бы материальными условиями и требующую во что бы то ни стало существования проституции. Разве следует напоминать, что проституция – черта, свойственная не одним только уличным проституткам, но что иногда и богатые девушки, пренебрегая всеми преимуществами своего положения, предпочитают открытое фланирование по улицам. Улица есть принадлежность истинной проституции. Ведь женщинам отдают даже предпочтение в занятии должностей в магазинах, на почте, телеграфе, телефоне. Правда, эти занятия очень однообразны и шаблонны, но ведь женщина менее дифференцирована, чем мужчина, а потому и менее требовательна. В этом отношении капитализм опередил науку. Он нашел, что женский труд должен быть оплачиваем дешевле мужского, так как потребности женщины менее значительны. Впрочем, проститутке приходится очень туго, так как ей нужно дорого платить за квартиру, одеваться в дорогие платья и сверх того содержать еще сутенера. Насколько сильно в них влечение к этому образу жизни видно из того, что проститутка, даже выйдя замуж, часто возвращается к своему прежнему ремеслу. Проститутка кроме того, в силу неизвестных, лежащих глубоко в ее природе причин, совершенно невосприимчива к некоторым инфекциям, которые в большинстве случаев поражают честных женщин. Наконец, проституция существовала всегда и ее рост не находится ни в каком отношении с различными усовершенствованиями капиталистической эпохи. Мало того, она даже принадлежала к числу религиозных институтов некоторых народов древности, например, финикиян. Итак, проституция не есть какой нибудь определенный путь, на который мужчина толкал бы женщину. Мы не отрицаем, что в очень многих случаях вина всецело падает на мужчину, а именно, когда девушка должна была покинуть свою должность и остаться без хлеба. Но тот факт, что в подобных случаях женщина видит надлежащий выход из затруднительного положения только в проституции, – этот именно факт глубоко лежит в природной

сущности ее. Чего нет, того и быть не может. Ведь мужчине, который с материальной стороны гораздо чаще подвергается всяким превратностям судьбы и который интенсивнее ощущает нужду, чем женщина, проституция совершенно чужда. Если она и встречается (среди кельнеров, парикмахеров и т. д.), то только в ярко выраженных промежуточных половых формах. Поэтому склонность и влечение к проституции являются органической врожденной чертой женщины, такой же естественной чертой, как и предрасположение к материнству.

Этим я не хотел сказать, что женщина становится проституткой исключительно под влиянием внутренней необходимости. В большинстве женщин кроются обе возможности – матери и проститутки. Прошу извинения, ибо знаю, что это жестоко по отношению к мужчинам, нет только девственницы. Решающим моментом в торжестве одной из этих возможностей является мужчина, который может сделать женщину матерью, но не актом совокупления, а одним только своим взглядом. Шопенгауэр заметил, что человек, строго говоря, должен исчислять время своего существования с того момента, когда его отец и его мать влюбились друг в друга. Но это неверно. В идеальном случае рождение человека следовало бы отнести к тому моменту, когда женщина впервые увидела или услышала только голос мужчины, будущего отца ее ребенка. Правда, биология и медицина, теория искусственного подбора и гинекология за последние шестьдесят лет, под влиянием Иоганна Мюллера, Т.Бишофа и Ч.Дарвина, относились крайне отрицательно к вопросу о «предопределяющем глазе» и «предопределяющем взгляде». В дальнейшем я постараюсь развить теорию этого явления. Здесь же и только замечу, что очень несправедливо отрицать возможность существования «предопределяющего глаза» только на том основании, что она несоместима с взглядом, по которому только семенная клетка и яйцо могут образовать новый индивидуум. «Предопределяющий глаз» в действительности существует, и наука должна стремиться объяснить его вместо того, чтобы без всяких разговоров объявлять его невозможным. Ведь трудно сказать, чтобы наука обладала тем огромным запасом опыта, который дал бы ей право упорно настаивать на своем взгляде. В априорной науке, подобной математике, я должен решительно отвергнуть мысль, что на Юпитере дважды два равно пяти, биология же имеет дело с положениями «относительной всеобщности» (Кант). Если я здесь выступаю в пользу «предопределяющего глаза» и в его отрицании вижу только ограниченность человеческого понимания, то из этого еще не следует заключить, что я его принимаю за причину всех уродливостей или только большей части их. Речь пока идет только о возможности влияния на потомство без полового акта с матерью. И здесь я осмелюсь сказать следующее: тот факт, что Шопенгауэр и Гете придерживались одного взгляда в теории цветов, а priori устраняет всякое сомнение в превосходстве их взгляда перед всеми мнениями прошлых, настоящих и будущих физиков. Точно также истина, высказанная Ибсеном («Женщина с моря») или Гете («Wahlverwandschaften»), не может быть опровергнута приговорами всех вместе взятых медицинских факультетов мира.

Человек, от которого можно было бы ожидать такого сильного влияния на женщину, что ее дитя оказалось бы похожим на него даже в том случае, если бы оно выросло не из его семени – такой человек должен был бы явиться самым совершенным дополнением этой женщине в половом отношении. Если же такие случаи чрезвычайно редки, то это объясняется невероятностью встречи двух, столь совершенных дополнительных моментов, но ни в коем случае не служит возражением против принципиальной возможности тех фактов, которые описаны Гете и Ибсеном.

Встретит ли женщина такого мужчину, который одним только присутствием своим уже делает ее матерью своего ребенка – это является делом случая. В этих именно пределах можно допустить мысль, что судьба многих матерей и проституток могла сложиться совершенно иначе. С другой стороны существует бесчисленное множество примеров совершенно противоположного характера. Женщина может в течение всей своей жизни не встретиться с таким человеком и вместе с тем навсегда сохранить типичные черты матери. И наоборот. Такой единственный мужчина может появиться, но он своим появлением не в состоянии предотвратить окончательного и решительного обращения женщины к проституции.

Остается один выход: следует принять два врожденных противоположных предрасположения, которые в различных женщинах распределены в неодинаковой пропорции: абсолютная мать и абсолютная проститутка. Действительность лежит между двумя этими типами. Нет ни одной решительно женщины, которая была бы лишена инстинктов проститутки.

Я знаю, многие будут это отрицать. Они спросят: что свойственное проститутке, можно найти в женщине, которая меньше всего похожа на кокетку? Я пока ограничусь указанием на то, с какой снисходительностью, даже сочувствием относится женщина к грязному прикосновению со стороны чужого человека. Если придерживаться этого масштаба, то легко будет доказать, что абсолютной матери совершенно не существует.

Нет также ни одной женщины, которая не обладала бы побуждениями матери. Но я должен тут же заметить, что гораздо чаще встречал в женщинах резко выраженные черты абсолютной проститутки, чем черты материнства, развитые до такой степени, что совершенно вытеснили бы из нее всякое подобие проститутки.

Самый поверхностный анализ понятия материнства приводит нас к заключению, что желание иметь детей является главной и основной целью жизни матери. Для абсолютной проститутки, напротив, акт оплодотворения совершенно потерял эту цель. Таким образом всестороннее исследование поставленного нами вопроса должно прежде всего выяснить отношение матери и проститутки к следующим двум явлениям: к ребенку и к акту совокупления.

Мать и проститутка различаются прежде всего по характеру их отношения к ребенку. Центром тяжести для проститутки является мужчина, для матери – ребенок. Пробным камнем в этом вопросе может служить отношение к дочери. Если женщина не завидует сравнительной молодости и красоте своей дочери, ее успехам у мужчин, вполне отождествляя себя с нею и радуясь ее поклонникам, как будто своим собственным, только такая женщина может быть названа матерью.

Абсолютная мать, все помыслы которой сосредоточены только на ребенке, становится матерью через любого мужчину. Замечено, что женщины, которые в детстве много внимания уделяли куклам, любили детей и охотно ухаживали за ними, не особенно разборчивы в отношении мужчины. Они берут себе в мужья первого попавшегося молодца, который в состоянии ее кое как обеспечить и расположить к себе ее родителей и родственников, когда же такая девушка становится матерью, то каков бы ни был ее муж, она никогда о другом мужчине не думает (конечно, в идеальном случае). Для абсолютной проститутки, даже в детском ее возрасте, дитя является синонимом ужаса. Впоследствии она пользуется ребенком только как средством создать обманчивые идиллические отношения матери к ребенку, отношения, которые всецело рассчитаны на то, чтобы растрогать мужчину и привлечь его к себе. Она – женщина, которая ощущает сильнейшую потребность нравиться всем мужчинам. Но так как абсолютной матери не существует, то можно в каждой

женщине найти, по крайней мере, следы этой потребности, которая распространяется на всех без исключения мужчин в мире. Здесь мы подошли только к формальному сходству между абсолютной матерью и абсолютной кокеткой. Строго говоря, они обе не предъявляют никаких требований к личности своего полового дополнения. Одна берет любого мужчину, который ей может быть полезен в ее желании иметь ребенка, и когда этот ребенок уже налицо, ей другого мужчины не надо: только в этом смысле ее можно назвать «единобрачной». Другая же отдается первому попавшемуся мужчине, который может доставить ей эротическое наслаждение: он является для нее самоцелью. Здесь, таким образом, сходятся эти две крайности, и мы имеем основание надеяться, что исходя из этого мы проникнем в сущность женщины вообще.

В самом деле: всеобщее распространенный взгляд, которого я раньше сам придерживался, взгляд, что женщина – однобрачна, а мужчина – многобрачен, следует считать крайне ложным. Как раз наоборот. Нас не должен вводить в заблуждение тот факт, что женщины иногда подолгу выжидают и, где это представляется возможным, выбирают того мужчину, который может сообщить им высшую ценность – мужчину благороднейшего, известнейшего, «первого среди всех». Этой потребностью женщина отличается от животного, которое вообще не стремится приобрести какую либо ценность ни перед самим собою, ни через себя (как мужчина), ни перед другими, ни посредством других (как женщина). Но только дураки могут с восхищением говорить об этом явлении, которое убедительнейше говорит нам о том, насколько женщины лишены самооценности. Эта потребность несомненно жаждет удовлетворения, но в ней мы никак не видим нравственной идеи моногамии. Мужчина в состоянии вскоду раздавать свою ценность, он может перенести ее на женщину, он может и хочет ее подарить. Но он никак не может, подобно женщине, приобрести свою ценность в качестве подарка от другого человека. Женщина поэтому старается приобрести для себя возможно больше ценности, останавливая свой выбор именно на том человеке, который в состоянии ей дать наивысшую ценность. У мужчины же в основе брака лежат совершенно другие мотивы. Первоначально он является для него завершением идеальной любви, исполнением его заветных желаний, хотя бы очень уместно было бы и спросить, действительно ли это так. Далее, он насквозь проникнут исключительно мужской идеей верности (которая предполагает непрерывность, умопостигаемое «я»). Очень часто приходится слышать, что женщина добросовестнее соблюдает верность, чем мужчина, что для мужчины верность является бременем, которое он сам, несомненно по свободной воле и в полном знании, взвалил на себя. Он может иногда отказаться от этого самостеснения, но он вечно будет чувствовать в этом поступке вину свою. Когда он нарушает супружескую верность, он при этом лишает слова свою умопостигаемую сущность. Для женщины же измена является интересной, пикантной игрой, в которой принимает участие не идея нравственности, а мотив безопасности и доброго имени. Нет ни одной женщины, которая в мыслях никогда не изменяла бы своему мужу и которая вместе с тем ставила бы себе это в упрек. Ибо женщина вступает в брак, полная трепетного, бессознательного желания, и нарушает его, так как она лишена вневременного «я», полная таких же ожиданий и так же бессмысленно, как и заключила его. Мотив верности заключенному договору – принадлежность одного только мужчины. Связующая сила раз данного слова – вещь, недоступная пониманию женщин. Все факты, которые обыкновенно приводят в доказательство верности женщины, мало говорят против высказанного взгляда. Такая верность является или результатом интенсивной половой связи (Пенелопа), или она представляет собой женскую покорность,

покорность собаки, бегущей по пятам, покорность, соединенную с цепкой привязанностью, которую можно сравнить с физической близостью, характеризующей женское сострадание (Кэтхен фон Гейльброн). Мужчина создал моногамию. Своим источником она имеет идею мужской индивидуальности, которая в потоке времени остается неизменной, именно поэтому она для своего полного завершения вечно требует одной и той же сущности. В этом смысле установление моногамии кроет в себе какую то высшую идею. И для нас становится вполне понятным, почему она включена в число таинств католической церкви. Я предупреждаю: своими словами я не хочу наметить своего отношения к вопросу «брак или свободная любовь». На почве различных уклонений от строжайшего закона нравственности, а такие уклонения свойственны всякому эмпирическому браку, уже невозможно найти вполне удовлетворительное решение выдвинутой проблемой: вместе с браком явилось на свет и его нарушение.

А все таки только мужчина мог создать брак. Нет ни одного правового института, который был бы создан руками женщин. Все право принадлежит мужчине, женщине – только различные обычаи (поэтому совершенно ошибочен взгляд, по которому законы развиваются из обычаев или наоборот. Оба – совершенно различные вещи). Только мужчина чувствует потребность и обладает достаточной силой для того, чтобы ввести порядок в запутаннейшие половые отношения. Это является выражением его общего стремления к порядку, правилу, закону. И кажется, что у многих народов на самом деле было некогда время, когда женщина могла пользоваться большим влиянием на устои социальной жизни, но тогда не было ничего похожего на брак: эпоха патриархата есть эпоха многожества.

Различное отношение матери и проститутки к ребенку дает повод к дальнейшим весьма ценным выводам. Женщина, в которой преобладают черты проститутки, и в сыне своем прежде всего видит мужчину, и ее отношение к нему всегда носит половой характер. Так как нет женщины, которая всецело была бы матерью, то едва уловимый оттенок полового влияния сына на свою мать можно заметить повсюду. Поэтому то я и считаю отношение к дочери самым надежным масштабом материнской любви. Не подлежит сомнению, что каждый сын стоит в известных половых отношениях к своей матери, хотя бы эти отношения были тщательно скрыты от взоров как сына, так и матери. Эти отношения ярко сказываются в том факте, что для многих мужчин мать является главным объектом их половых фантазий во время сна («Сон Эдипа»). У некоторых это проявляется в раннем периоде их половой зрелости, а у других и позже, но как в том, так и в другом случае, подобные фантастические картины совершенно вытесняются из воображения сына в бодрствующем сознании. Что и в действительных отношениях истинной матери к своему ребенку заключается глубокий половой элемент, в этом можно убедиться на том бесспорном факте, что кормление ребенка грудью доставляет матери чувство мучительного наслаждения. Это так же несомненно, как и тот анатомический факт, что под сосками женских грудей находится эректильная ткань, раздражением которой, как доказано физиологами, можно вызвать сокращение маточной мускулатуры. Как пассивность, которая обусловлена фактом сосания ребенком молока, так и тесное физическое прикосновение во время кормления, представляет поразительную аналогию с ролью женщины в акте оплодотворения. Этим объясняется прекращение месячных регул во время кормления и нам до некоторой степени становится понятным неясная, но очень глубокая ревность мужчины даже к грудному ребенку. Но кормление ребенка – исключительно материнское занятие. Чем женщина сильнее приближается к типу проститутки, тем меньше у нее будет желаний самой кормить ребенка, тем меньше она в

состоянии будет это сделать. Поэтому нельзя отрицать того, что в отношении матери к ребенку уже заключено нечто родственное отношению между женщиной и мужчиной.

Материнство такая же всеобщая черта, как и сексуальность, и та, и другая проявляются у различных существ с неодинаковой силой. Женщина, которая является воплощением материнства, должна раскрывать эту черту не только в отношениях к своему кровному ребенку, но прежде всего в отношениях ко всем людям без исключения. Правда, впоследствии интерес к собственному ребенку до того поглощает все остальное, что такая женщина в случае конфликта поступает крайне слепо, несправедливо, иногда даже безжалостно по отношению к другим. Интереснее всего здесь отметить отношение девушки матери к своему возлюбленному. Женщина мать, еще будучи девушкой, проявляет чисто материнские чувства к мужчине, которого она любит, и даже к тому мужчине, которой впоследствии должен стать отцом ее ребенка. Он уже сам в известном смысле ее ребенок. В этой именно черте, одинаково свойственной как матери, так и любящей женщине, проявляется глубочайшая сущность этого типа женщин: она именно и есть тот корень, вечно живой, сросшийся с почвой, вечно распускающийся, от которого единичный мужчина отделяется, как индивидуум, и перед которым он чувствует всю свою мимолетность. Это именно та мысль, которая заставляет каждого мужчину с большей или меньшей сознательностью видеть в женщине матери, даже в девушке матери, какую то идею вечности и которая возводит беременную женщину в степень какой то возвышенной идеи (Золя). Колоссальная самоуверенность рода, но ничего больше, кроется в молчании этих существ, перед которым мужчина чувствует себя моментами очень ничтожной величиной. В подобные минуты мир и спокойствие сходят в его душу, высшая и глубочайшая тоска умолкает в нем и он готов себя уверить, что женщина сообщила ему самую глубокую тайну связи человека с миром. Тогда он сам превращается в ребенка любимой им женщины (Зигфрид у Брунгильды в третьем акте), в ребенка, на которого мать смотрит с радостной улыбкой, для которого она бесконечно много знает, за которым умеет ухаживать, которого умеет укрощать и держать под уздой. Но это продолжается один миг. Зигфрид решительно сбрасывает гнет мыслей, навеянных Брунгильдой. Ибо сущность мужчины заключается в том, что он свергает с себя эту власть и возносит себя над ней. А потому роль отца менее всего способна удовлетворить глубочайшую потребность его духа, потому мысль раствориться и исчезнуть в бесконечности рода является для него ужасной. Наиболее пессимистическое из всех произведений мировой литературы – «Мир как воля и представление» в самой потрясающей главе своей: «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашей сущности в себе» объявляет эту бесконечность воли рода единственно мыслимым бессмертием.

Эта уверенность рода имеет своим результатом мужество и бесстрашие матери в противоположность неуверенности и робости проститутки. Это не моральное мужество, не мужество индивидуальности, которое вытекает из глубокой ценности истины и непреклонности внутренне свободного существа. Оно скорее является жизненной волей рода, который через посредство матери берет под свою защиту ребенка и даже мужчину. Противоположные понятия мужества и трусости распределяются между матерью и проституткой совершенно так же, как и понятия надежды и страха: надежда свойственна матери, страх – проститутке. Абсолютная мать всегда и при всяких обстоятельствах, так сказать, «надеется». В существовании рода лежит ее бессмертие, а потому она не знает страха смерти. Проститутке, наоборот, смерть внушает жесточайший ужас, несмотря на то, что ей совершенно чужда потребность в индивидуальном бессмертии.

Вот еще одно доказательство того, насколько ложен взгляд, по которому жажда личного бессмертия обусловлена страхом и сознанием физической смерти. Женщина мать всегда чувствует свое превосходство над мужчиной. По ее мнению, она для него – спасательный круг. Она защищена со всех сторон замкнутой цепью поколений, подобна гавани, из которой выплывают все новые корабли. Мужчина же, один плывет далеко в открытом, бурном океане. Даже в самой глубокой старости мать еще вполне готова к тому, чтобы принять и охранить своего ребенка. Этот момент, как мы увидим из дальнейшего, глубоко заложен в психике матери уже во время зачатия, во время же беременности ясно выступает момент защиты и питания. Сознание превосходства проявляется также по отношению к возлюбленному. Женщина мать особенно восприимчива ко всему наивному и детскому, к простоте мужчины. Гетера же любит его изысканность, тонкость его натуры. В матери глубоко изложена потребность учить своего ребенка, одарять его, хотя бы этот ребенок был ее возлюбленным. Гетера же стораает от желания, чтобы мужчина ей импонировал, чтобы она во всем была обязана ему. Женщина мать, как представительница целого рода, питает чувства глубокой любви ко всем членам его (в этом смысле и дочь является матерью своего отца). С появлением же ребенка все интересы ее сосредоточиваются исключительно на нем, все прочее уже не занимает ее внимания ни в малейшей степени. Женщина проститутка никогда не бывает так любвеобильна и узкосердечна, как мать.

Цель рода всецело поглощает женщину мать, проститутки же находится совершенно вне этой цели. Мало того. Род имеет в лице матери единственного своего защитника, единственного жреца. Она выражает его волю в ее чистейшем виде. Появление же проститутки доказывает насколько прав был Шопенгауэр, говоря, что взгляд, согласно которому целью всякой половой жизни является производство будущих поколений, лишен всеобщего значения. Из того факта, что женщины матери проявляют особенно жестокое отношение к животным, можно убедиться, насколько все их помыслы направлены к жизни и сохранению своего рода. Следует присмотреться, с каким невозмутимым спокойствием домовитая хозяйка и мать шлет на закланье одну курицу за другой. Надо заметить, что все это она совершает с чувством глубокого удовольствия по поводу исполняемого ею похвального долга. Ибо всякая медаль имеет свою обратную сторону, обратной же стороной матери является мачеха. Женщина может быть матерью только по отношению ко своему ребенку, ко всему остальному она – мачеха. Итак, женщина – мать всецело живет мыслью о сохранении рода. Для доказательства этого положения достаточно обратить внимание на своеобразное отношение ее ко всем предметам, которое служат целям питания. Она не может хладнокровно смотреть на то, что какаянибудь съедобная вещь, будь то даже самый жалкий объедок, пропадает напрасно. Совершенно обратное отношение замечается у проститутки. Она, подчиняясь минутному капризу своему, заготавливает огромные запасы съестных веществ и несколько не страдает, когда эти запасы пропадают самым бесполезным образом. Мать – скупа и мелочна, проститутка же – расточительна, капризна. Сохранение рода является основной целью жизни матери. Вот почему она вечна носится с заботой о хорошем питании своих детей, вот почему ничто не в состоянии доставить ей столько удовольствия, как здоровый хороший аппетит их. Неразрывно с этим связано ее отношение к хлебу и ко всему, что может быть названо хозяйством. Церера – отменная мать, этот факт особенно ясно выражен в ее греческом имени – Деметры. Мать воспитывает своего ребенка физически, но не духовно. Со стороны матери отношение ее к ребенку носит всегда физический характер. Это проявляется во всех ее поступках, начиная

от поцелуев и ласк, которыми она осыпает его в детстве, и кончая заботами, которые как бы окутывают существо его в период возмужалости. Бессмысленное восхищение, которое способно вызвать в матери всякое внешнее проявление грудном младенца, имеет в своей основе то же начало: сохранение и поддержание земного жизни.

Из всего этого вытекает, что с нравственной точки зрения нельзя особенно высоко ставить материнскую любовь. Ведь каждый может с полным основанием спросить себя: настолько умалилась бы любовь матери к нему, если бы он представлял из себя нечто совсем другое, чем он есть на самом деле! В этом вопросе лежит центр тяжести всей нашей проблемы. Пусть дадут ответ на него те, которые в материнской любви видят доказательство нравственного величия женщины. Определенная индивидуальность ребенка не имеет никакого значения для материнской любви. Для нее достаточно одного того, что он ее ребенок: в этом лежит безнравственность ее. Во всякой любви мужчины к женщине, даже в любви к представителю одного с ним пола главную роль играет определенное существо с известными физическими и психологическими качествами, одна только материнская любовь неразборчива: она простирается на все, что мать когда либо носила в своем чреве. Это роковая истина, роковая как для матери, так и для ребенка, но нельзя не видеть, что именно в этом заключается вся безнравственность материнской любви, той любви, которая остается всегда одинаковой, становится ли сын святым или преступником, королем или нищим, остается ли он ангелом или превращается в мерзкое чудовище. Не менее безнравственно и притязание детей на любовь со стороны их матери, притязание, которое всецело покоится на том, что они ее дети (особенно требовательны в этом отношении дочери, но нельзя также сказать, чтобы и сыновья были без греха). Материнская любовь безнравственна, так как она не выражает определенного отношения к чужому «я», а представляет из себя с самого начала состояние какой то срощенности. Как и всякая безнравственность, она является нарушением чужих границ. Отношение одной индивидуальности к другой – вот истинно нравственное отношение. Материнская же любовь отвергает понятие индивидуальности, являясь в основе своей неразборчивой и навязчивой. Отношение матери к ребенку есть не что иное, как система рефлекторных взаимоотношений между ними. Таков вечный и неизменный характер материнской любви. Закричит ли ребенок, или он заплачет в тот момент, когда мать будет находиться в смежной комнате, она вскакивает, словно ужаленная, и быстро спешит к нему (великолепный случай убедиться, является ли данная женщина проституткой или матерью). И в период возмужалости всякое желание, всякая жалоба взрослого моментально сообщается матери, переходит в сферу ее личных переживаний и превращается самым необдуманым, самым неудержимым образом в ее собственное желание, в ее собственную жалобу. Никогда не прерывающееся взаимодействие между матерью и всем тем, что было соединено с нею пупочной связью – вот истинная сущность материнства. Я окончательно отказываюсь делить всеобщее преклонение перед материнским чувством, ибо нахожу безнравственным именно то, что люди так высоко ценят в матери, т. е. ее неразборчивость. Я не сомневаюсь, что эту истину отлично сознавали очень многие выдающиеся художники и философы, но они предпочитали хранить о ней глубокое молчание. Безграничная переоценка Рафаэля в настоящее время сильно умерилась. Вообще же певцы материнской любви не поднимаются выше Фишарта или Ришпена. Материнское чувство инстинктивно, произвольно. Оно свойственно животным не в меньшей мере, чем людям. Этим одним уже достаточно доказано, что материнская любовь – не настоящая любовь, что подобный альтруизм не может быть назван нравственным. Ибо всякая мораль

вытекает из умственного характера, которого совершенно лишены несвободные животные. Только разумное существо может подчиниться нравственному императиву. Непроизвольной нравственности нет, есть только нравственность сознательная.

Если вообще позволительно творить об этическом превосходстве одной женщины над другой, то можно с уверенностью сказать, что гетера стоит в известном отношении выше матери. Основные цели рода ей совершенно чужды. Все новые и новые существа в бесконечной смене их вечно мелькают перед глазами гетеры, не находя в ней того прочного, насиженного места, которое представляет собою мать. Эти существа не поглощают ее в вечной заботе об их пропитании. Напротив того, мать, поглощенная непрерывными заботами о пище и одежде, кухне и хозяйстве, в интеллектуальном отношении стоит очень низко. Наиболее развитые в духовном отношении женщины, которые становились для мужчин чем то вроде Музы, принадлежат исключительно к категории проституток. К этому типу, типу Аспазии, следует причислить всех женщин романтического периода и прежде всего наиболее выдающуюся среди них Каролину Михаэлис Бэмер Форстер Шлегель Шеллинг.

В неразрывной связи с этим находится тот факт, что только люди, которые не ощущают никакой потребности в духовной деятельности, испытывают особенно сильное половое влечение к своей матери. От человека, отцовство которого ограничивается кругом только телесных детей, следует ожидать, что он среди всех женщин выберет наиболее плодovitую, наиболее приближающуюся к типу женщины матери. Выдающиеся люди всегда любили только проституток. Их выбор всегда останавливается на женщине бесплодной. Если же они и оставляют потомство, то оно лишено всякой жизнеспособности и очень склонно к вымиранию. В этом следует признать факт, покоющийся на очень глубокой этической основе. Земное отцовство так же малоценно, как и материнство, оно так же безнравственно (глава XIV). Оно тоже нелогично, ибо является во всех отношениях иллюзией: ни один человек не может знать, в какой степени он является отцом своего ребенка. Наконец, это чувство очень непродолжительно и преходяще: каждый народ, каждая раса, в конце концов, гибли и бесследно исчезали с лица земли. Широко распространенное исключительное и даже благоговейное преклонение перед женщиной – матерью, которую хотят признать единственным наиболее совершенным типом истинной женщины, лишено всяких оснований. Правда, мужчины упорно настаивают на подобном отношении к женщине. Они утверждают, что только в типе матери женщина находит свое завершение. Я откровенно сознаюсь, что мне лично проститутка, не как лицо, а как явление, импонирует гораздо больше.

Всеобщее превознесение матери имеет самые разнообразные основания. Прежде всего она, по видимому, вполне удовлетворяет тем идеальным требованиям девственности, которая, как увидим дальше, каждый мужчина в силу особой потребности своей предъявляет к женщине. И на первый взгляд это может показаться действительно правильным: ведь для женщины – матери мужчина сам по себе не играет никакой роли, а если он и играет некоторую роль, то в той только мере, в какой она может относиться к нему, как к ребенку. Но следует заметить, что целомудрие чуждо в одинаковой степени как женщине – матери, все мысли которой направлены на ребенка, так и проститутке, которая страстно жаждет мужчину.

Эта иллюзия нравственности не остается без награды: мужчина самым неосновательным образом возносит женщину – мать в моральном и социальном отношении над проституткой. Женщина проститутка совершенно игнорирует тот масштаб ценности, которого придерживаются мужчины. Она не подчиняется идеалу девственности, которого мужчины так настойчиво требуют. Она

протестует против всего этого в самых разнообразных формах. В открытой ли форме светской дамы, в слабой ли, массивной форме демимондки или, наконец, в форме открытой демонстрации уличной проститутки – все в ней протест. Этим объясняется исключительное положение проститутки в обществе: она стоит вне права, вне закона, вне сферы социального уважения. Женщине матери не стоит особенного труда подчиниться воле мужчины: ведь главным для нее является жизнь ребенка, жизнь рода. Другое дело – проститутка. Она по крайней мере живет исключительно своей жизнью, хотя бы ей это досталось (я беру крайний случай) ценой общественном презрения. В ней, правда, нет того мужества, что у матери, она труслива насквозь, но зато обладает неизменным коррелятом трусости, т. е. нахальством, а потому она и не стыдится своим бесстыдства. Склонная от природы к многомужеству, она отдается всем мужчинам, не ограничиваясь одним только основателем семьи. Она дает безграничный простор своему влечению, удовлетворяя его назло всему.

Она – владычица, которая отлично понимает, что в ее руках – власть. Женщину мать легко смутить, еще легче оскорбить, проститутку же никто не в состоянии задеть, оскорбить. Мать, как хранительница рода, семьи, обладает сознанием чести, проститутка же игнорирует всякое общественное уважение, в этом ее гордость, это заставляет ее высоко держать свою голову. Но мысль, что у нее нет никакой власти, эту мысль она не в состоянии понять. Все люди заняты ею, думают только о ней живут ею одной, вот в чем ее никак разубедить нельзя. Оно и в действительности так. Женщина проститутка – эта женщина, как дама, обладает наибольшей властью среди всех других людей. Она оказывает преобладающее, даже исключительное влияние на всякую человеческую жизнь которая не определяется мужскими союзами (начиная с гимнастических клубов и кончая государством). Здесь мы видим полнейшую аналогию между проституткою и великим завоевателем в области политики. Подобно Александру и Наполеону, великая, чарующая своею прелестью проститутка рождается раз в тысячу лет и, родившись, победоносно шествует по всему миру, подобно этим великим завоевателям.

Каждый такой человек содержит в себе нечто родственное проститутке (каждый политик является некоторым образом и народным трибуном, а в трибунате лежит элемент проституции). В сознании своей власти ни завоеватель, ни проститутка не могут быть смущены кем бы то ни было, в то время как другие люди очень легко смущаются. Как и великий трибун, всякая проститутка уверена, что она может осчастливить человека своим разговором с ним. Обратите внимание на такую женщину, когда она обращается к полицейскому за справкой или входит в какойнибудь магазин. Безразлично, приказчики ли там или приказчицы, купила ли она ценную или очень ничтожную вещь, она глубоко убеждена в том, что раздаст какие то подарки на все стороны. Те же элементы можно раскрыть и во врожденном политике. Стоит только вспомнить отношение Гете, насквозь проникнутого сознанием своего «я», к Наполеону в Эрфурте для того, чтобы видеть, что многие глубоко убеждены в этой способности подобных людей действительно одарять всех (миф о Пандоре, о рождении Венеры: едва вынырнув из пены морской, она окидывает милостивым взором все окружающее).

Таким образом я исполнил обещание, данное мною в V главе, и вернулся на очень короткое время к «людям дела». Даже такой глубокий человек, как Карлейль, очень высоко ценил их, но выше всех вопросов ставил он «the hero as king». Мы уже показали, что подобный взгляд неправилен. Теперь же я хотел бы доказать, что великие политики не брезгают в своей деятельности ни ложью, ни обманом, что эта черта свойственная даже самым

величайшим среди них, как, например, Цезарю, Кромвелю, Наполеону. Александр Великий стал даже убийцей и с чувством удовольствия выслушивал оправдания своего поступка, которые придумал для него софист. Но лживость несовместима с гениальностью. Наполеон на о. Св. Елены пресытился ложью. Он писал мемуары насквозь проникнутые сентиментализмом, и его последним словом была любовь к Франции, что вполне соответствовало характеру его альтруистической позы. Наполеон – это величайшее из всех явлений, дает выразительное доказательство того, что «великие люди воли» – преступники, а потому они не могут быть гениями. Его нельзя понять иначе, как по той изумительной интенсивности, с какой он бегал от самого себя. Только таким образом можно объяснить себе всякое завоевание, как ничтожных, так и огромных размеров. Над своей собственной сущностью Наполеон никогда не в состоянии был думать. Он и часу не мог остаться без какогонибудь подвига, который должен был наполнить его существо: поэтому то он и должен был завоевать весь мир. Так как он обладал выдающимися качествами, гораздо более выдающимися, чем все императоры до него, то вполне естественно, что ему необходимо было очень многое, чтобы подавить в себе противоречия своей натуры. Заглушить свою лучшую сущность – вот властный мотив его честолюбия. Человек гениальный может делить с остальными людьми их страсть к славе и удивлению, но его честолюбие будет совершенно другого рода. Он не поставит все предметы в мире в исключительную зависимость от себя, не свяжет их с собой, как с эмпирической личностью, и не нагромоздит их на своем имени в виде бесконечной пирамиды. Вот почему достоверное ощущение действительности постепенно покидает императора (он становится эпилептиком). Он отнял свободу у объекта и вступил в преступную связь с вещами, превратив их в средство для своих целей, в подножие своей ничтожной личности с ее эгоистическими, хищными замыслами. У великого человека есть определенные границы, так как он монада из монад, так как он, что является наиболее важным, сознательный микрокосм.

Он – пантогенен, включает в себе всю вселенную и уже при первом опыте (я беру самый выдающийся случай) видит тесную связь мировых явлений. Ему нужны дальнейшие переживания, но ему не нужна индукция. Великий трибун и великая гетера – абсолютно безграничные люди, они превращают мир в декорацию, на которой должно с особенной яркостью отразиться их эмпирическое «я». Потому им чужда любовь, дружба, расположение. В их душе нет любви.

Вспомните глубокую сказку о царе, который хотел завладеть звездами. Она раскрывает идею императора с ослепительной ясностью. Истинный гений сам воздаст себе честь, но ни в коем случае не становится к черни в отношении взаимной зависимости, как это делает трибун. Ибо великий политик не только спекулянт и миллиардер, он к тому же уличный певец, он великий шахматист, но и великий актер, он деспот, но он в сильной степени заискивает у других, он не только проституирует, он сам величайшая проститутка. Нет того политика, того полководца, который «снисходил» бы к другим людям. Его снисхождения приобретают известность – это его половые акты! Улица является также принадлежностью истинного трибуна. Отношение его к черни, как к своему дополнению, является конститутивным для политика. Вся сфера его деятельности – это чернь. С отдельными людьми, с индивидуальностями он порывает, если он, конечно, не умен, но если он также хитер, как Наполеон, то он лицемерит и оказывает им всякие знаки уважения для того чтобы сделать их безвредными для себя. Наполеон тоньше всех понимал свою зависимость от черни. В своих замыслах политик не может руководствоваться одним только желанием своим. Не может он этого сделать

как в том случае, если он – сам Наполеон, так и в том случае, когда он вдруг захотел бы осуществить свои идеалы, чего Наполеон ни в коем случае не сделал бы: чернь, этот истинный владыка его, живо вразумил бы его. Всякое «наказание воли» имеет значение только для формального акта инициативы, но воля властолюбца свободной быть не может. Каждый император отлично чувствует свою связь с народными массами, а потому они как бы инстинктивно стоят за конституцию, за народные или военные собрания, за всеобщее избирательное право (Бисмарк в 1866 г.). Не Марк Аврелий и Диоклетиан, а Клеон, Антоний, Фемистокл, Мирабо – вот личности, в которых вполне отлилась фигура политика. *Ambitio* в собственном смысле слова значит «хождение вокруг». Это именно и делают, как трибун, так и проститутка. Эмерсон говорит, что Наполеон гулял «кинкогнито» по улицам Парижа с тем, чтобы прислушиваться к ликованию и восторженным крикам толпы. То же самое говорит Шиллер о Валенштейне. «Великие люди дела», как известное явление, уже с давних пор приковывали к себе внимание художников (не философов) своей исключительной своеобразностью. Неожиданная аналогия, которая была развита мною, облегчит нам задачу понимания этого явления. Постараемся проанализировать и уложить в рамки какогонибудь определенного точного понятия. Антоний (Цезарь) и Клеопатра – люди весьма похожие друг на друга. Большинство людей увидят, пожалуй, в этой параллели какую-то фикцию, но для меня эта аналогия не подлежит никакому сомнению, как бы сильно ни расходились на первый взгляд эти люди. «Великий человек дела» отказывается от своей внутренней, духовной жизни с тем, чтобы, изжить себя в мире и уничтожиться, подобно всему изжитому, вместо того, чтобы вечно пребывать в виде чего-то внутренне пережитого. Свою собственную ценность он со всей свирепостью отвергает и держит себя всю жизнь вдали от нее. То же самое представляет собою и проститутка: она нагло бросает в лицо всему обществу ту ценность, которую могла приобрести от него в качестве матери, но не для того, чтобы углубиться в свою внутреннюю сущность и вести созерцательную жизнь, а исключительно с тем, чтобы дать полный простор своему чувственному влечению. Оба они, великая проститутка и великий трибун, являются факелами с ослепительным далеким светом, их путь усеян грудой трупов, но они погасают, как метеоры, бессмысленно, бездельно для человеческой мудрости, не оставив по себе ничего неизменного, ничего вечного. Только мать и гений ведут свою тихую работу, рассчитанную на будущее. Поэтому трибун и проститутка получили название «бичей Божьих». Они рассматриваются, как явления глубоко антиморальные. Здесь мы еще раз убеждаемся, насколько правильно было господствовавшее в свое время мнение, согласно которому «великий человек воли» был исключен из понятия гения. Не только философский, но и художественный гений имеет ту характерную особенность, что теоретическое или образное мышление преобладает у него над всем практическим. Нам предстоит еще исследовать мотив, который руководит проституткой. Познать сущность матери было относительно легко: она является совершеннейшим орудием для сохранения рода. Познать же сущность проституции представляется делом более сложным и запутанным. Человек, который задумывается над ней несколько глубже, несомненно переживал моменты, когда он терял всякую надежду прийти к какому-нибудь окончательному результату по этому вопросу. Все дело заключается в различном отношении матери и проститутки к акту оплодотворения. Надо полагать, что разбор этого вопроса, как и вообще вопроса о проституции, сочтут делом вполне достойным философа. Было бы смешно, если бы мне пришлось слышать обратное. В каждом произведении дух исследования является

тем моментом, который придает достоинство всему предмету. Скульптор или живописец очень часто задавались вопросом о том, что ощущает Леда или Даная. Художники, которые избирали предметом своего творчества проститутку (мне известны в этом направлении «Исповедь Клода» Гортензии, «Рене» и «Нана» Золя, «Воскресение» Толстого, наконец, Соня – создание одного из величайших гениев – Достоевского), всегда имели в виду изобразить нечто общее, а не отдельные частные случаи. Где есть общее, там может быть создана и теория о нем.

Половой акт имеет для матери значение средства в интересах определенной цели. Проститутка же занимает исключительное положение в том смысле, что половой акт является для нее самоцелью. Тот факт, что в природе, как целом, половой акт, кроме роли своей в процессе размножения, играет еще другую роль, приобретает особенную достоверность благодаря следующему явлению: у многих живых существ процесс размножения протекает без акта совокупления (партеногенезис). Но, с другой стороны, мы видим, что половой акт у всех животных служит целям размножения рода, и мы очень далеки от мысли предположить, что копуляция столь привлекательна для животных исключительно в силу того удовольствия, с которым она связана. Последнее не выдерживает критики уже благодаря тому, что копуляция совершается в определенное время, а именно в период течки, а потому и самое удовольствие от полового акта является как бы средством, которое природа применяет в своих собственных целях – в целях поддержания рода. Итак, половой акт является для проститутки самоцелью. Но этим еще не сказано, что для матери он лишен всякого значения. Правда, существует категория «сексуально анестетических» женщин, которых в общежитии называют «холодными», но таких женщин значительно меньше, чем думают, так как очень часто виною этой холодности является сам мужчина, который не сумел вызвать в женщине противоположного настроения. Последние именно случаи мы не вправе причислять к типу женщины матери. Холодность одинаково присуща как матери, так и проститутке. Мы ниже еще рассмотрим ее в связи с явлениями истерии. Мы также не должны говорить об отсутствии половой восприимчивости у проститутки только потому, что уличные проститутки (главный контингент которых набирается из крестьянского населения, среди служанок и т. д.) иногда не оправдывают самые напряженные ожидания отсутствием всякой жизни. Нужно помнить, что проститутка терпит любовные ласки и таких людей, которые для нее совершенно безразличны в половом отношении, а потому не следует утверждать, что безжизненное, холодное отношение к половому акту является характерной чертой проститутки. Эта мнимая холодность возникает именно потому, что проститутка предъявляет самые высокие требования к чувственному наслаждению, и за все лишения, которым она подвергается в этом направлении, она вознаграждает себя еще в более сильной степени связью с сутенером.

Что половой акт обладает для проститутки значением самоцели, видно из того, что она и только она кокетлива. Кокетство всегда сохраняет известное отношение к половому акту. Сущность кокетства сводится к следующему: обладание женщиной рисуется в воображении мужчины в виде факта уже вполне законченного. В действительности же этого факта еще нет, и вот тут то выступает основная цель всякого кокетства, а именно, путем контраста между его иллюзией и действительностью вызвать в мужчине импульс к осуществлению этого обладания. Этот вызов ставит перед мужчиной одну и ту же задачу в вечно меняющейся форме и одновременно он дает мужчине понять, что его считают неспособным выполнять эту задачу. Но кокетство оказывает женщине еще ту услугу, что кокетничая, она в то же

время удовлетворяет до известной степени своему единственному желанию: переживать акт соития. Ибо страсть, которую проститутка разжигает в мужчине, вызывает в ней нечто аналогичное тем ощущениям, которые она испытывает при акте совокупления, и таким образом доставляет себе сладострастное наслаждение в любое время и через любого мужчину. Дойдет ли женщина в этой игре до последних пределов или она начнет отступать, когда дело примет решительный оборот, зависит от того, удовлетворяет ли ее форма действительного общения с ее мужем в такой степени, что она не нуждается в услугах других мужчин. Тот факт, что именно уличные проститутки а общем не кокетливы, объясняется просто тем, что те ощущения, которые составляют основную цель кокетства, они и без того испытывают в большом числе и в самой грубой форме, так что им очень легко отказаться от более утонченных, щекоцущих вариаций полового чувства. Итак, кокетство является средством вызвать активное половое нападение со стороны мужчины, усилить или ослабить по желанию интенсивность этого нападения и, совершенно незаметно для мужчины, направить его в ту сторону, которая особенно желательна женщине. Это средство одинаково действительно и для того, чтобы вызвать в мужчине отдельные взоры и слова, которые мучительно сладостно действуют на женщину, так и для того, чтобы довести всю эту игру до «изнасилования».

Ощущение полового акта принципиально не отличается у женщины от всех прочих ощущений, которые она знает и которые при этом акте проявляются только с высшей интенсивностью. В половом акте проявляется все бытие женщины в потенцированном виде, поэтому то в нем особенно резко отражаются различия между матерью и проституткой. Женщина мать испытывает ощущения от полового акта с меньшей силой, чем проститутка, но переживает она их иначе: она как бы вбирает, впитывает в себя, проститутка же упивается чувственным наслаждением до последних пределов. Мать (таковы все женщины, когда они беременны) ощущает в семени мужчины нечто вроде depositum: уже в этом чувстве, которое она испытывает при половом акте, можно раскрыть в ней момент принятия и сохранения; ибо она – хранительница жизни. Проститутка совершенно не стремится к тому, чтобы почувствовать общий подъем существования, когда она встает после полового акта. Она скорее хотела бы исчезнуть в половом акте, уничтожиться, превратиться в ничто, опьянеть до потери сознания от сладострастного наслаждения. Для матери половой акт представляет собою начало целого ряда дальнейших явлений, проститутка же ищет в нем своего конца, она хотела бы утонуть в нем. Крик матери поэтому короткий, он быстро обрывается, крик же проститутки – затяжной, ибо она хочет, чтобы вся ее жизнь была сосредоточена на этом одном моменте. Так как это желание совершенно неосуществимо, мы и видим, что проститутка никогда не может быть удовлетворена, хотя бы всеми мужчинами мира.

В этом заключается громадная разница в существе матери и проститутки. Так как женщина является существом сексуальным, и эта сексуальность распространяется по всему телу равномерно, за исключением некоторых пунктов, в которых, говоря языком физики, она выражена плотнее, прямым следствием отсюда является то, что она испытывает ощущения полового акта всегда и везде, во всем теле и от всех вещей. То, что обозначают обыкновенно половым актом, представляет собою только частный случай высшей интенсивности. Проститутка хочет быть обладаемой всеми вещами. Этим объясняется тот факт, что она кокетничает, находясь совершенно одна, даже с безжизненными предметами, с ручьем, деревом и т. д. Мать же, наоборот, беременеет от всех предметов и во всех частях тела. В этом лежит объяснение «предопределяющего взгляда». Все, что произвело какое

нибудь впечатление на мать, продолжает в ней действовать в том же направлении соразмерно силе своего влияния. Половой акт, ведущий к зачатию, представляет из себя наиболее интенсивную форму подобных переживаний, которая своей силой подавляет все другие переживания. Во всех этих переживаниях отец ребенка уже налицо. Они являются началом определенного процесса развития, результаты которого впоследствии проявятся в лице ребенка.

Вот почему отцовство жалкая иллюзия, так как отец должен делить свое чувство с бесконечным числом людей и вещей. Естественное, физическое право – право материнства. Белые женщины, которые когда либо родили ребенка от негра, впоследствии рожают детей с ясными признаками негритянской расы, даже воспринявши семя от белого мужчины. Не только зародыш, но и материнская ткань переживают крупные изменения, когда какое либо растение оплодотворяется несоответствующей пылью. Эти то изменения и рассматриваются, как известные приближения к форме и цвету этой чужой особи. А кобыла лорда Мортонна даже приобрела известность после того, как родив от квагги ублюдка, она долгое время спустя принесла от арабского жеребца двух жеребят с ясно выраженными признаками квагги.

Об этих случаях много говорили в свое время. Многие утверждали, что они должны были встречаться гораздо чаще, если бы этот процесс вообще был возможен. Но для того, чтобы «инфекция», как называют это явление, могла вполне проявиться (Вейсман обозначил это явление замечательным словом «телегония» – т. е. оплодотворение на расстоянии, Фокке же говорит о подарках за гостеприимство, Ксениях) для того, чтобы это оплодотворение на расстоянии всегда сопровождалось надлежащим результатом, необходимо соблюсти все законы полового притяжения, необходимо из ряда вон выходящее половое родство между первым отцом и матерью. Предположение, что существует пара индивидуумов, в которых половое родство настолько сильно выражено, что оно в состоянии возместить недостаток расового родства, кажется с самого начала маловероятным, а ведь только при наличии расовых различий можно надеяться на раскрытие всеобщее доказательных отступлений, которые обладали бы особенной убедительностью. При очень близком семейном родстве совершенно невозможно с уверенностью констатировать наличие некоторых отклонений от отцовского типа в таком ребенке, который находился под влиянием более раннего оплодотворения. Впрочем, многочисленные возражения, с которыми столкнулась теория инфекции зародышевой плазмы, можно объяснить только тем, что все явления подобного рода еще до сих пор не сведены в определенную систему. Не лучше, чем с теорией инфекции, обстоит дело и с учением о половом предопределении. Стоило только вникнуть и понять, что оплодотворение на расстоянии является частным случаем полового предопределения. В наиболее интенсивной форме, что мочеполовой аппарат есть не единственное, а наиболее совершенное средство женщины для переживания полового акта, что женщина одним только взглядом или словом уже чувствует себя в обладании мужчины, и тогда все возражения, которые раздаются против телегонии и предопределения, потеряли бы всю свою остроту. Существо, которое продельвает половой акт всюду и с помощью всевозможных вещей, может быть оплодотворено в каком угодно месте и какой угодно вещью: женщина мать вообще открыта для восприятия. Все производит на нее физиологическое впечатление, все отражается на ее ребенке в виде новой черты, все приобретает в ней жизнь. В самой низкой физической области ее можно вполне сравнить с гением.

Другое дело – проститутка. Она полна самых разрушительных инстинктов: в половом акте она ищет своей гибели, во всех других проявлениях она

также жаждет разрушения. Женщина мать всячески заботится о земной жизни и благополучии человека, охраняя его от всяких излишеств и разврата. Она поддерживает прилежание в сыне, побуждает мужа к трудолюбию. Гетера, напротив, требует от мужчины, чтобы он уделял ей одной все свои силы, все свое время. Гетера злоупотребляет мужчиной. Но в этом злоупотреблении играет роль не одна только природная склонность гетеры. Здесь важное значение имеет еще следующее обстоятельство: в самом мужчине кроется нечто такое, что не может удовлетвориться простой, вечно занятой, безвкусно одетой, лишенной всякой духовной элегантности женщиной матерью. В нем что-то ищет наслаждения, а забвенья он может легче всем достигнуть только у жрицы веселья. Ибо только она является воплощением легкомыслия, только она лишена вечных забот о будущем, которые в столь сильной степени наполняют существо женщины матери. Она, а не мать, лучшая танцовщица, она любит оживленный разговор, шумное общество, прогулки, увеселительные места, морские купанья, курорты, театр, концерты, новые туалеты и драгоценные камни. Она жаждет денег, чтобы можно было рассыпать их целыми пригоршнями. Она любит роскошь, но не комфорт, шум, но не спокойствие. Уютное кресло, окруженное со всех сторон внуками и внучками – не ее идеал. Ее заветная мечта – триумфальное шествие по всему миру на победоносной колеснице богатого красивого тела. Чувства, которые проститутка пробуждает в мужчине, вызывают в нем представление о ней, как о соблазнительнице. Эта женщина, нецеломудренная *par excellence*, только она является «волшебницей». Она – женский «Дон Жуан», она – то существо среди женщин, которое знает, провозглашает и учит искусству любви.

В связи с этим находятся еще более интересные и глубокие явления. Женщина мать требует от мужчины порядочности, но не ради самой идеи, а потому, что она является основой, на которой зиждется земная жизнь. Деловитая и работающая, погруженная в свои вечные заботы о будущем, она в противоположность проститутке полна сочувствия трудолюбию мужчины и охраняет последнего от всяких искушений, которые могут нарушить правильный ход его занятий. Мысль о беспечном, беспардонном, пренебрежительно относящемся к труду мужчине возбуждает проститутку в самой сильной степени. Человек, понесший наказание за какое-нибудь преступление, внушает матери отвращение, а проститутке – бесконечную симпатию. Есть женщины, которые действительно недовольны своим сыном, если он скверно ведет себя в школе, но есть и такие, которые благодаря этому обстоятельству склонны находить в сыне еще какую-то особую привлекательность, хотя бы в разговоре с другими они и утверждали обратное. Матери нравится все «солидное», проститутке же – «несолидное». Мать презирает мужчину пьяницу, проститутка, наоборот, даже любит его. Можно было бы привести еще массу фактов такого рода. Тот факт, что уличные проститутки особенно расположены к заклётым преступникам, является частным случаем того общего различия между двумя типами женщин, которое можно проследить во всех слоях населения, включая сюда и состоятельные классы: сутенер – насильник, имеющий в себе задатки преступника, подчас разбойник и обманщик, если к тому же не убийца. Все сказанное наводит нас на мысль о том, что проституция находится в некотором отношении к безнравственности, к антиморальному, поскольку в применении к женщине можно вообще говорить об антиморальном (мы уже видели, что женщина может быть только аморальной). Сущность материнства, как мы успели убедиться, не содержала в себе указания на подобное отношение. Не следует представлять себе дело так, что проститутка является женским эквивалентом преступника мужчины. Хотя они оба вполне

похожи друг на друга в смысле их одинакового презрительного отношения к труду, но уже на основании тех положений, которые были разобраны нами в предыдущей главе, мы должны отвергнуть всякое предположение о возможности существования преступной женщины: женщины стоят не так высоко. Нет сомнения, что мужчина видит в проститутке признак чего-то антиморального, злого, хотя бы он в половую связь никогда с ней и не вступал. Уже из одного этого видно, насколько неправильно мнение, что мужчина связывает с проституткой представление о зле только для защиты собственного сладострастия. В переживаниях мужчины проституция вызывает мрачные, ночные, потрясающие, чудовищные образы. Своей сущностью она беспощаднее и мучительнее давит на психику мужчины, чем женщина-мать. Все факты жизни, все решительно подтверждают наш взгляд. Возьмем ли мы поразительную аналогию между великой гетерой и великим преступником, т. е. завоевателем, вникнем ли мы несколько глубже в интимные отношения проститутки к этому вырожденку человеческой нравственности – сутенеру, или мы остановимся на том чувстве, которое проститутка вызывает в мужчине, на тех замыслах, которыми она опутывает его в виде тонкой сети, наконец, на той особой форме переживания полового акта – во всем этом мы найдем все более веские и убедительные доказательства в пользу нашего взгляда. Женщина – мать является воплощением принципа любви к жизни, проститутки – носительницей принципа глубокой вражды к ней. Как утверждение матери, так и отрицание проститутки простирается в дьявольском размахе не на идею, не на душу человеческую, а на эмпирическую, животную сущность нашу. Проститутка носится с желанием самоуничтожения и всеунижения. Она наносит вред и разрушает. Физическая жизнь и физическая смерть, объединяясь таинственной, глубокой связью в половом акте (см. след. главу), распределяются между женщиной-матерью и женщиной-проституткой. Едва ли возможно бы было дать более определенный ответ на вопрос о значении материнства и проституции. Область, в которой я нахожусь, окутана непроницаемым мраком. Туда еще не заглянул блуждающий глаз человеческой мысли. В расцвете религиозной фантазии мир дерзает раскрыть сущность этих явлений, но философу не подобает торопиться с подобными метафизическими обобщениями. Тем не менее нам придется остановиться еще на одном пункте. Глубокая безнравственность проституции вполне соответствует тому факту, что она ограничивается исключительно человеком. У животных самка всецело подчинена целям размножения рода. Там мы не встретим бесплодной женственности. Больше того, есть много явлений в животном царстве, которые наводят нас на мысль о проституции самцов. Вспомним павлина, широко развевающего свой хвост, или возьмем факт свечения светляка, призывные крики певчих птиц, токующего глухаря. Но эта демонстрация вторичных половых признаков является только эстибиционными актами самца. Подобные явления имеют место и среди грубых людей. Некоторые мужчины не стесняются обнажать перед женщиной свои половые органы с целью склонить ее к половому акту. Все упомянутые факты следует толковать осторожно в том смысле, что нельзя предполагать наличности у животного обдуманного плана и расчета на то психическое действие, которое эти акты могут вызвать в самке. Сущность их заключается в том, что они являются инстинктивным выражением собственной половой страсти, а не средством вызвать ее у самки, иными словами, это не что иное, как демонстрация полового возбуждения перед самкой. У эстибиционирующих людей имеет место явление совершенно другого характера, здесь всегда играет роль представление о половой возбужденности женщины. Итак, проституция есть явление, свойственное исключительно человеку. Животные и растения абсолютно аморальны. Они никакого отношения к

антиморальному не имеют, а потому им знакомо только явление материнства. Таким образом в этом скрывается одна из глубочайших тайн сущности и происхождения человека. Тут пора внести поправку в найденные нами положения, поправку, которая мне кажется все более необходимой по мере дальнейшего углубления в природу разбираемого вопроса: проституция является такой же возможностью для всех женщин, как и физическое материнство. В ней, пожалуй, следует видеть нечто, свойственное каждой женщине, как бы ингредиент всякого животного материнства. Наконец, она является чем то соответствующим тем особым качествам женщины, благодаря которым мужчина представляет из себя нечто больше, чем животный самец. В связи с антиморальным элементом в мужской природе, к нему здесь присоединился новый факт, связанный с простым материнством животного. Этот факт ведет к самому глубокому различию, которое лежит между женщиной человеком и самкой животным. То исключительное значение для мужчины, которое могла бы приобрести женщина, как проститутка, послужит предметом нашего разговора в конце всего труда. Происхождение и основная причина проституции до сих пор еще остается и, пожалуй, останется навсегда глубокой загадкой.

В этом исследовании, которое сильно растянулось, но не исчерпало, даже не задело всех явлений, лежащих в сфере разбираемого вопроса, я меньше всего думал выставить проститутку в качестве идеала женщины, что весьма откровенно сделали некоторые новейшие, весьма талантливые писатели. Но я должен был лишить ореола, которым окружали мужчины девушку, одержанную мнимой холодностью и мнимым половым равнодушием, доказав, что именно это существо воплощает в себе все черты материнства и что девственность так же чужда такой девушке, как и проститутке. Более глубокий анализ также показал, что материнская любовь не может почитаться нравственной заслугой. Идея безгрешного зачатия, чистой девы Гете, Данте содержит в себе ту истину, что абсолютная мать в половом акте не видит самоцели, как исключительного средства для удовлетворения половой страсти. Только иллюзия могла признать ее на этом основании святой. Но с другой стороны для нас вполне понятно, почему материнству и проституции, как символам глубоких и могучих тайн, выпали на долю религиозные почести.

Итак, мы доказали всю неприемлемость того взгляда, который берет под свою защиту особый женский тип, будто бы свидетельствующий о наличии нравственного элемента у женщины. Теперь приступим к исследованию тех мотивов, которые всегда и вечно ведут мужчину к возвеличению сущности женщины.

Глава XI

Эротика и эстетика

Аргументы, которыми неоднократно пользовались для обоснования высокой оценки женщины, за немногими исключениями подлежащими дальнейшему разбору, подвергнуты испытанию с точки зрения критической философии, которой не без основания придерживается наше исследование. Мы видели, что аргументы эти испытания не выдержали. Конечно, у нас очень мало основания надеяться, что полемика по этому вопросу будет протекать на суровой почве критической философии. Здесь вспоминается судьба Шопенгауэра, который был очень низкого мнения «о женщинах», но это отрицательное отношение к женщинам неизменно объясняли себе тем, что одна венецианская девушка, с которой он гулял, загляделась на физически более красивого Байрона, проезжавшего мимо них верхом. Словно худшее мнение о женщинах составляет себе тот мужчина, который больше всех пользуется у них успехом!

Вместо того, чтобы опровергать воззрения автора убедительными логическими доводами, вполне достаточно объявить его женоненавистником. Подобный метод борьбы действительно имеет много достоинств. Ненависть никогда не поднимается выше своего объекта, а потому говоря, что человек одержим ненавистью к тому объекту, о котором он высказывает свое суждение, мы тем самым ставим под сомнение искренность, чистоту и достоверность его взглядов. Правда, логической доказательности в подобном приеме мало, но она вполне возмещается гиперболическим характером обвинений, возводимых на него, и патетической защитой, с помощью которой мы охраняем себя от нападений с его стороны. Итак, мы видим, что подобный способ защиты всегда ведет к желательной цели: избавить человека от необходимости высказаться по существу дебатлируемого вопроса. Он является наиболее совершенным и надежным оружием в руках огромного множества мужчин, которые упорно не желают вникнуть и понять истинную сущность женщины. Таких мужчин, которые в своих мыслях уделяли бы много места женщине и вместе с тем высоко ставили бы ее, совершенно нет. Есть среди мужчин или глубокие женоненавистники, или такие, которые никогда не думали особенно долго и глубоко о женщине.

В теоретическом споре, безусловно, недопустимо ссылаться на психологические мотивы, которыми руководствуется противник. Еще хуже, когда эта ссылка должна заменять собою доказательства. Я далек от мысли кого либо поучать в теоретическом отношении, говоря, что в споре о какомнибудь предмете оба противника должны поставить над собою сверхличную идею истины и искать конечных результатов своего спора вне всякой зависимости от конкретных качеств их, как отдельных личностей. Если же одна сторона, придерживаясь строгой логической последовательности своих выводов, привела исследование к определенному, убедительному результату, а другая ограничилась одними только нападками на выводы противника, не доказывая со своей стороны ничего то, в известных случаях, одна сторона имеет полное право упрекнуть противника в непристойности его поведения, лишённого порядочности отношения к процессу строгого логического доказательства, и выложить перед ним все мотивы его настойчивого упрямства. Если бы он признавал эти мотивы, то сам постарался бы их взвесить с тем, чтобы не стать в прямое противоречие с действительностью. Именно потому, что эти мотивы лежат вне сферы его сознания, он не мог объективно отнестись к самому себе. Поэтому мы в настоящий момент после длинного ряда логических и предметных рассуждений повернем острие анализа и рассмотрим, из каких чувств вытекает пафос феминиста, насколько побуждения его благородны и насколько они по своему существу сомнительны. Все возражения, которые обыкновенно выставляют против женофоба, покоятся на известном эротическом отношении мужчины к женщине. Это отношение следует принципиально отличать от исключительно полового отношения у животных, от чисто полового отношения, которое по своему объёму играет наиболее выдающуюся роль среди людей. Совершенно ошибочно думать, что сексуальность и эротика, половое влечение и любовь – вещи в основе своей совершенно тождественные, что вторая является лишь оправой, лишь утонченной, скрытой формой первого, хотя бы в этом клялись все медики, хотя бы это убеждение разделялось такими людьми, как Кант и Шопенгауэр. Прежде чем перейти к обоснованию этого различия, я хотел бы поговорить об упомянутых двух гениях. Мнение Канта не может быть решающим для нас уже потому, что он меньше кого либо другом был знаком с чувством любви и полового влечения. Он был настолько мало эротичен, что даже не чувствовал потребности путешествовать. Он стоит слишком высоко, слишком чисты его побуждения в этом смысле, чтобы явиться для нас авторитетом в данном

вопросе: единственной его возлюбленной, которой он себя вознаградил, была метафизика. Что касается Шопенгауэра, то он скорее понимал чувственную сексуальность, но не сущность высшей эротике. Это можно очень легко доказать. Лицо Шопенгауэра выражает мало доброты, но много жестокости. Нет сомнения, что он больше всех страдал от этой черты своей: людям, насквозь проникнутым чувством сострадания, не приходится создавать этику сострадания. Наиболее сострадательными можно считать тех, которые больше всего осуждают себя за свое сострадание: Кант и Ницше. Но уже здесь следует обратить внимание на то, что только люди, сильно расположенные к состраданию, склонны к страшной эротике. Те люди, которые «ни в чем не принимают участия», неспособны к любви. Это не сатанинские натуры, напротив, они могут очень высоко стоять в нравственном отношении, но вместе с тем не обращать ни малейшего внимания на то, о чем думает, что происходит в душе их ближнего. Эти люди лишены вместе с тем и понимания сверхполового отношения к женщине. Так обстоит дело и с Шопенгауэром. Среди людей, страдавших сильным половым влечением, он представлял из себя крайность, но он вместе с тем никогда не любил. Этот факт дает нам ключ к разумению его знаменитой «Метафизики половой любви», в которой проводится очень односторонний взгляд, что бессознательной конечной целью всякой любви является «производство следующих поколений». Этот взгляд, как я надеюсь доказать, в корне своем ложен. Правда, в реальной действительности нет такой любви, которая была бы лишена чувственного элемента. Как бы высоко ни стоял человек, он все же вместе с тем является чувственным существом. Но решающим моментом, окончательно опровергающим противоположный взгляд, является то, что любовь, совершенно независимо от каких бы то ни было аскетических принципов, видит во всем имеющем какое либо отношение к половому акту нечто враждебное себе, даже свое отрицание. Любовь и воздержание – это два состояния до того различные, противоположные, друг друга исключаящие, что человеку кажется невозможной мысль о телесном единении с любимым существом в те моменты, когда он проникнут чувством истинной любви. Нет надежды без страха, но это ничего не меняет в том факте, что надежда и страх вещи диаметрально противоположные. Таково же отношение между половым влечением и любовью. Чем эротичнее человек, тем меньше гнетет его сексуальность, и наоборот. Если нет преклонения перед женщиной, лишеного страсти, то нельзя еще отождествлять эти оба состояния, которые, в крайнем случае, являются противоположными фазами, последовательно занимаемыми одаренным человеком. Человек лжет или, в лучшем случае, не знает, о чем говорит, когда утверждает, что он еще любит женщину, к которой питает страсть: настолько разнятся между собой любовь и половое влечение. Поэтому то веет на нас каким то лицемерием, когда человек говорит о любви в браке. Тупому глазу, который как бы из намеренного цинизма продолжает настаивать на тождестве этих двух явлений, мы порекомендуем обратить внимание на следующее: половое притяжение прогрессирует соответственно усилению телесной близости. Любовь проявляется с особенной силой в отсутствии любимого существа. Ей нужна разлука, известная дистанция для того, чтобы сохранить свою жизненность и силу. Чего нельзя достигнуть никакими путешествиями по отдаленным странам, чего не в состоянии изгладить из нашей памяти никакое время все что дает нам одно нечаянное, самое случайное телесное прикосновение к любимому существу: оно вызывает страсть и тут же убивает любовь. И для человека богато одаренном, дифференцированного, девушка, к которой он питает страсть, обладает совершенно другими качествами, чем та которую он только любит, но к которой не питает чувственного влечения. Он различает их по внешнему

облику, по походке, по всему складу характера: это два совершенно различных существа.

Итак, «платоническая» любовь существует, несмотря на протесты профессоров психиатрии. Я скажу больше: существует только платоническая любовь. Все прочее, что обозначают именем любовь, есть просто свинство. Есть только одна любовь: любовь к Беатриче, преклонение перед Мадонной. Для полового акта есть только вавилонская блудница.

Если наша мысль верна, то следует дополнить кантовский перечень трансцендентальных идей. Чистая, возвышенная, бесстрастная любовь Платона и Бруно должна бы быть также названа трансцендентальной идеей, значение которой, как идеи, ничуть не умалялось бы благодаря полнейшему отсутствию ее в сфере опыта.

Такова проблема «Тангейзера». С одной стороны – Тангейзер, с другой – Вольфрам, здесь – Венера, там – Мария. Тот факт, что возлюбленные, воистину и навеки нашедшие себя, Тристан и Изольда, скорее идут на смерть, чем на брачное ложе, является абсолютным доказательством того, что в человеке существует нечто высшее, метафизическое, проявившееся хотя бы в мученичестве Джордано Бруно.

Кто же является предметом этой любви? Неужели изображенная нами женщина, которая лишена всех качеств, способных сообщить человеческому существу известную ценность? Неужели та женщина, которой чужда воля к своей собственной ценности? Вряд ли, предметом такой любви является божественно красивая, ангельски чистая женщина. Весь вопрос заключается в том, каким образом женщина приобретает эту красоту, эту девственность.

Очень много спорили о том, можно ли женский пол считать наиболее красивым. Многие даже восставали против одного определения его словом «прекрасный». Здесь уместно будет спросить, кто и в какой степени находит женщину красивой.

Известно, что женщина не тогда прекрасна, когда она совершенно обнажена. Правда, в произведениях искусства, в виде статуи или картины, голая женщина может быть прекрасной, однако никто не найдет прекрасной живую голую женщину уже на том основании, что половое влечение уничтожает всякую возможность бесстрастного наблюдения, этого единственного условия и основной предпосылки всякого истинного искания красоты. Но и помимо этого, голая живая женщина производит впечатление чего то незаконченного, стремящегося к чему то вне себя, что ни в коем случае не вяжется с идеей красоты. Женщина в целом менее прекрасна, чем в отдельных частях своих. Как целое, она вызывает в нас такое чувство, будто она чего то ищет, а потому возбуждает в зрителе скорее чувство неудовольствия, чем удовольствия. Наиболее ярко выступает этот момент внутренней бесцельности, ищущей своей цели во вне, в женщине, стоящей прямо. Лежачее положение, естественно, смягчает несколько это впечатление.

Художественное изображение женщины отлично поняло эту особенность. Оно рисует голую женщину и в вертикальном положении, и в виде человека, несущегося в воздухе, но никогда не одну, а всегда в связи с какой нибудь обстановкой, от которой она пытается прикрыть свою наготу рукой.

Но и в отдельных своих частях женщина не так прекрасна, даже когда она самым совершенным и безукоризненным образом воплощает в себе типические телесные черты своего пола. Теоретически в этом вопросе на первом плане стоят женские половые органы. Если справедливо мнение, что всякая любовь мужчины к женщине есть лишь пронзившее мозг влечение к детумесценции.

Если, далее, приемлемо положение Шопенгауэра: «только мужчина, интеллект которого окутан туманом полового влечения, может найти красоту в низкорослом, узкоплечем, широкобедренном и коротконогом поле: в этом

влечении единственно и кроется его красота», если, повторяем все это верно, то следовало бы ожидать, что именно половые органы женщины являются предметом особенного восхищения для мужчины, что он находит их прекраснее всего. В последнее время появилось несколько отвратительных крикунов, которые назойливо рекламируют красоту половых органов женщины. Правда, уже одной этой рекламой они в достаточной степени доказывают, что необходим упорный труд и настойчивая агитация для того, чтобы убедить людей в правильности их взгляда и в искренности их собственных речей. Но, оставив в стороне этих субъектов, мы со всей решительностью утверждаем, что ни один мужчина не находит женские половые органы красивыми. Он скорее видит в них нечто отвратительное. Даже наиболее низкие натуры среди мужчин, в которых эта часть тела вызывает неудержимую половую страсть, находят в них скорее нечто приятное, чем красивое. Таким образом, красота женщины ни в коем случае не является простым действием половом влечения, она представляет из себя нечто диаметрально противоположное ему. Мужчины, которые всецело находятся под гнетом своего полового влечения, ничуть не понимают женской красоты. Доказательством этому служит тот факт, что подобные мужчины совершенно неразборчивы. Их возбуждает первая встречная женщина с самыми неопределенными формами тела.

Оснований всех приведенных явлений, отвратительности женских половых органов и отсутствия общей красоты живого голого женском тела, следует искать в том, что все это в сильной степени оскорбляет чувство стыда мужчины. Каноническое плоскоумие наших дней видит в чувстве стыдливости результат того, что люди одеваются, и всякий протест против женской наготы оно рассматривает, как склонность к чему то противоестественному, к разврату. Но человек, который всецело погряз в разврате, не восстает против наготы, так как она не возбуждает уже, как таковая, его внимания. Он только жаждет обладания, он не в состоянии больше любить. Истинная любовь так же стыдлива, как и истинное сострадание. Есть одно только бесстыдство: объяснение в любви, искренность которой стала будто бы непреложным фактом для человека именно в тот момент, когда он его произносит. Подобное бесстыдство есть объективный максимум бесстыдства, который вообще только мыслим. Это совершенно то же, как если бы ктонибудь сказал женщине:

– «Я вас страстно хочу». Первое является идеей бесстыдного поступка, второе – бесстыдной речи. Ни то, ни другое не осуществляется в действительности, ибо всякая истина стыдлива. Нет ни одного объяснения в любви, которое не заключило бы в себе какойнибудь лжи. Но насколько глупы женщины, можно видеть из того, что они так охотно и легко верят всяким любовным признаниям.

Таким образом, в любви мужчины, которая обладает неизменной чертой стыдливости, лежит мерило всего того, что в женщине находят прекрасным и отвратительным. Положение несколько иначе, чем в логике, где истинное является мерилом человеческого мышления, а его творец – ценность истины. И в этике дело обстоит иначе: добро есть критерий всего должного, ценность добра заявляет притязание направлять человеческую волю к добру. Здесь же, в эстетике, любовь впервые создает красоту. Тут нет никакого внутреннего нормативного принуждения любить именно то, что красиво, и обратно: красивое не заявляет притязания непременно расположить в свою пользу человеческие сердца. (А потому и не существует сверхиндивидуального, единственно «правильного вкуса»). Всякая красота уже сама по себе есть проекция, эманация потребности в любви, поэтому красоту женщины нельзя отличать от любви мужчины в качестве предмета, на

который эта любовь простирается: красота женщины есть то же самое, что и любовь мужчины, это один и тот же, а не два различных факта. Как безобразие есть выражение ненависти, так и красота – выражение любви. Тот же факт выражается в том, что как красота, так и любовь ничего общего с половым влечением не имеют, что они одинаково чужды чувственной страсти. Красота есть нечто недостижимое, неприкосновенное, что не допускает никакого смешения с чем либо другим. Наблюдая на далеком расстоянии, мы видим ее как бы вблизи, и при каждом приближении она все удаляется от нас. Женщина, которая находилась уже в обладании мужчины, не может рассчитывать на преклонение перед ее красотой. Это дает нам ответ и на вопрос: в чем заключается непорочность, нравственность женщины?

В качестве исходной точки мы возьмем несколько фактов, которые сопровождают начало всякой любви. Как уже было показано, чистота тела является в общем признаком нравственности и правдивости мужчины. По крайней мере, нечистоплотные люди едва ли обладают особенной душевной чистотой. И вот можно заметить, что люди, которые в общем мало заботятся о чистоте своего тела, в моменты исключительного нравственного подъема начинают усерднее и чаще мыться. И люди, в общем далеко нечистоплотные, в период своей любви вдруг ощущают в себе потребность в физической чистоте. Эти короткие периоды, пожалуй, единственные во всей их жизни, когда тело у них чисто, когда у них под рубашкой нет ни одного пятнышка. Перейдем к области духовных переживаний и там мы заметим, что у многих людей начало любви связано с порывами самоосуждения, самообвинения, самобичевания. Совершается нравственный перелом: возлюбленная излучает нас каким то внутренним светом, даже когда мы с ней ни разу не говорили, когда мы ее только видели как то вдали несколько раз. Нельзя признать, чтобы основания этого переворота скрывались где нибудь в существе возлюбленной. Слишком часто мы видим в ней просто девчонку, или она глупа, как корова, или распутная кокетка, и она уже во всяком случае лишена тех небесных неземных качеств, которыми наделяет ее любящий мужчина. Неужели допустимо, чтобы подобная конкретная личность являлась предметом любви мужчины? Не правильнее ли будет предположить, что она является исходным пунктом более возвышенного душевного движения?

Во всякой любви мужчина любит только себя. Но он любит себя не как субъективное существо, опутанное всякими слабостями и низостями, тяжеловесностью и мелочностью своей натуры. Он любит то, чем он хотел бы, чем он должен бы быть. Он любит свое интимнейшее, глубочайшее, умопостижимое существо, свободное от гнета необходимости, от гряд земного праха. В своих временно пространственных проявлениях это существо смешано с грязью чувственной ограниченности, оно не является чистым первоначальным изображением своим. Как бы ни углубился человек в созерцание своего существа, он чувствует в себе тьму и грязь. Он не находит той белой незапятнанной чистоты, которую он так мучительно ищет в себе. И нет у него более сильного, горячего, искреннего желания, чем желание оставаться всецело тем, что он есть. Но эту цель, к которой он так жадно стремится, он не находит в основах собственного существа, а потому переносит своей мыслью в окружающую среду для того, чтобы тем скорее достигнуть ее. Он проектирует свой идеал абсолютно ценного существа, которого не в состоянии выявить в себе самом, на другое человеческое существо, в этом и только в этом кроется значение того, что он любит это существо. Но к этому акту способен только тот человек, который в чем нибудь провинился и чувствует за собою вину: поэтому ребенок еще не в состоянии любить. Любовь изображает высшую, недостижимую цель всякой

страсти в таком виде, будто она уже где то претворилась в действительность. а не витает в образе абстрактной идеи. Она сосредоточивает эту цель в ее чистейшем и непорочнейшем виде на ближнем, выражая этим тот факт, что идеал любящего еще очень далек от осуществления. Вот почему любовь снова вызывает порыв к духовному очищению, будит в нас стремление к какой то цели, которая насквозь проникнута высшим духовным содержанием, а потому не терпит телесного единения с возлюбленной в сфере пространственной близости. Вот почему любовь является высшим и могучим выражением воли к ценности. В ней, как ни в чем другом, раскрывается истинная сущность человека, неустойчивая между духом и телом, между чувственностью и нравственностью, свойственная как миру божественному, так и миру животному. Человек только тогда является во всех отношениях самим собой, когда он любит'. Этим объясняется, что многие люди, только когда они влюблены, начинают отличать собственное «я» от чужого «ты», которые, как было показано, являются не только грамматическими, но этическими соотносительными понятиями. Отсюда и важная роль, которую во всяком любовном отношении играют имена влюбленных. Отсюда становится понятным и тот факт, почему многие люди только в любви приходят к познанию собственного существования и до того времени никак не могут проникнуться мыслью о том, что они обладают душой. Вот отчего любящий ни за какую цену не позволит себе осквернить возлюбленную своею близостью, а будет смотреть на нее издали для того, чтобы убедиться в действительности ее, т. е. своего существования. Таким образом непреклонный эмпирист благодаря любви превращается в мечтательного мистика, примером чему может служить отец позитивизма Огюст Конт, который перетерпел роковой переворот своего мышления после того, как познакомился с Клотильдой де Во. Не только для художника, но вообще для человека, психологически существует одно: amo, ergo sum.

Итак, любовь является феноменом проекции, подобно ненависти, но не феноменом равенства, как дружба. Основной предпосылкой последней является равноценность обоих индивидуумов. Любовь же всегда есть установление неравенства, неравноценности. Любить значит приписать какому нибудь человеку или сделать его носителем всех тех ценностей, которыми хотел бы обладать сам любящий. Чувственным отражением этого высшего совершенства является красота. И для нас не удивительно, что человек любящий способен сильно удивляться, даже ужасаться, когда узнает, что какая нибудь красивая женщина совершенно лишена всяких основ нравственности. Всю вину этой низости, по его мнению, следует приписать исключительно природе, которая вселила «столько порочности» в «столь красивое тело». Для него непонятно что он находит женщину красивой только потому, что ее еще любит, в противном случае, его не трогало бы полнейшее несоответствие внешности с ее внутренним духовным содержанием. Уличная проститутка не может нам казаться красивой потому, что она заведомо неспособна служить для нас проекцией ценности. Самое большее, что она в состоянии сделать, это удовлетворить вкус человека, весьма низко стоящего в моральном отношении. Она может быть возлюбленной человека безнравственного, сутенера. В этом пункте раскрывается перед нами отношение, прямо противоположное моральному, ибо женщина совершенно индифферентна ко всему этическому, она только аморальна. Безнравственный преступник, которого все ненавидят, или черт, который вызывает отвращение во всех людях, оба они ни в коем случае не могут служить основой акта перенесения ценности. Женщина нам дает эту основу. Так как она существо безразличное, она не творит добра, но и не грешит, и в ней ничто решительно не противится

желанию человека сосредоточить свой идеал на ее личности. Красота женщины является лишь олицетворением нравственности, – но нравственность эта принадлежит мужчине, который перенес ее на женщину в высшем ее напряжении и завершении.

Всякая красота неизменно вызывает в нас попытку воплотить в ней высшую ценность» а потому все красивое рождает в нас чувство удовлетворения по поводу чего то найденного, чувство, перед которым умолкают страсти и эгоистические интересы. Всевозможные формы, которые человек находит красивыми, представляют собою не что иное, как число попыток воплотить самое высокое с помощью эстетической функции, которая стремится все нравственное и умопостигаемое облечь в образы. Красота есть символ совершенства. Поэтому красота неприкосновенна, она статична, а не динамична, и всякая перемена в отношениях к ней уничтожает ее, уничтожает самое понятие ее. Любовь к собственной ценности, стремление к совершенству – вот что творит красоту в материальном мире. Так рождается красота природы, красота, которой не знает преступник, ибо этика впервые создает природу. Этим объясняется, что природа всюду и всегда, от самых значительных и до самых мелких своих проявлений, производит впечатление чего то законченного. Таким образом, закон природы есть чувственный символ закона нравственности, как и красота природы – чувственное отражение благородства души, как и логика есть осуществленная этика. Как любовь мужчины создает совершенно новую женщину вместо реально существующей, так и искусство, эротика, направленная на целый мир творит из мирового хаоса полноту реальных форм. Нет красоты природы без определенной формы, определенного закона, как и нет искусства без формы, нет красоты искусства, которая не подчинялась бы определенным правилам. Ибо красота природы воплощается в красоте искусства, как закон природы в законе нравственности, как целесообразность природы в той гармонии, прообраз которой безгранично властвует в душе человека. Природа, которую художник называет своим вечным учителем, есть созданная им самим норма его творчества – не в концентрации логических понятий, а в созерцательной бесконечности. Для иллюстрации приведем математику. Она является реализованной музыкой (не наоборот), она есть точное отражение музыки, перенесенной из царства свободы в царство необходимости, а потому императивом для всех музыкантов является математика. Искусство создает природу, но не природа творит искусство.

После этих замечаний, которые представляют собою продолжение и дальнейшее развитие взглядов Канта и Шеллинга, (а также находившегося под их влиянием Шиллера) на искусство, я вернусь к основной теме этой главы. В интересах подлежащего разбора этой темы следует считать доказанным, что вера в нравственность женщины «интроекция» души мужчины в женщину и красивая внешность ее представляют собою один и тот же факт, что последняя является чувственным выражением первой. Нам представляется вполне понятным, когда говорят о «прекрасной душе» в моральном смысле, или когда этику подчиняют эстетике, как сделали это Шэфтебери и Герbart, а за ними и многие другие, но следует заметить, что подобные положения являются полнейшим извращением истинного отношения. Не следует забывать, что красота является материальным воплощением и осуществлением нравственности, что всякая эстетика есть создание этики. Каждая отдельная, ограниченная временем попытка подобного воплощения уже по самой природе своей должна быть иллюзорной, ибо она дает только ложное изображение достигнутого совершенства. Вот почему всякая единичная красота преходяща, и всякая любовь к женщине терпит крушение, когда женщина состарится. Идея красоты есть идея природы, она вечна,

непреходяща, хотя бы все единично красивое, все естественное и не обладало вечностью.

Только иллюзия может в ограниченном, конкретном узреть бесконечность, только заблуждение может видеть в любимой женщине символ совершенства. Чтобы пересоздать основы полового влечения к женщине, необходимо сильно остерегаться, чтобы любовь к красоте не ограничивалась одной только женщиной. Если всякая любовь к отдельным лицам основана на указанном смешении, то не может быть никакой другой любви, кроме несчастной. Но любовь цепко ухватилась за это заблуждение. Она является наиболее героической попыткой утвердить ценность там, где никаких ценностей не существует. Любовь к ценности бесконечного, т. е. любовь к абсолютизму, к Богу, даже в форме любви к бесконечной, чувственно созерцаемой красоте природы, как целого (пантеизм) – вот она, эта трансцендентальная идея любви, если такая вообще существует. Любовь же к отдельной вещи, как и к женщине, есть уже отпадение от идеи. Она есть вина.

Мотивы, в силу которых человек берет на себя эту вину, были показаны раньше. Всякая ненависть есть проекция низости нашей природы на ближнего с тем, чтобы эта низость выступала перед нами в еще более ужасающей форме. Человек создал черта для того, чтобы где нибудь вне себя узреть все собственные дурные наклонности. Таким путем человек проникается гордостью и силой борца со злом. Совершенно ту же цель преследует и любовь: она облегчает человеку борьбу за то совершенство, то добро, которое он бессилён еще охватить в себе самом, как идею. И ненависть, и любовь поэтому ни что иное, как трусость. Человек, который одержим сильной ненавистью, воображает себя невинной чистотой, которой грозит опасность со стороны другого человека. Он правильнее поступил бы, если бы сознался, что необходимо искоренить зло из его собственной души, что оно гнездится нигде в другом месте, как только в его собственном сердце. Мы создаем черта для того, чтобы запустить в него чернильницей, только тогда мы вполне удовлетворены. Вот почему вера в черта безнравственна: мы пользуемся его преступным образом в качестве момента, облегчающего нам борьбу и сваливающего вину на другое существо, идею собственной ценности сообщаем другому лицу, которое кажется нам для этого наиболее подходящим: сатана безобразен, возлюбленная – прекрасна. Этим противопоставлением, распределением добра и зла между двух лиц мы легче воспламеняемся в пользу моральных ценностей. Если любовь к единичным вещам, в противовес любви к идее, есть нравственная слабость, то она должна проявляться во всех без исключения чувствах любящего.

Никто не совершает преступления, которого он не познал бы путем особого чувства вины. Не даром любовь является наиболее стыдливым из всех чувств: у нее гораздо больше оснований стыдиться, чем у чувства сострадания. Человек, которому я сочувствую, приобретает от меня что то. В самом акте сострадания я уделяю ему часть своего воображаемого или действительного богатства. Помощь есть лишь олицетворение того, что уже заключалось в самом сострадании. Совершенно иначе обстоит дело с человеком, которого я люблю. От него я хочу получить что то. Я хочу, по крайней мере, чтобы он не вторгался в мою любовь к нему своими отвратительными манерами или пошлыми чертами. Ибо с помощью любви я хочу, наконец, где нибудь найти себя вместо того, чтобы продолжить свои искания и умереть. От своего ближнего я не требую ничего иного, кроме самого себя, хочу от него – себя.

Страдание стыдливо, так как оно ставит другого человека ниже меня, оно унижает его. Любовь стыдлива, так как я ставлю себя ниже другого человека. В любви исчезает гордость человека – вот отчего она стыдится.

Так родственны между собою сострадание и любовь. Отсюда понятно, что любовь доступна только тому человеку, которому доступно сострадание. И тем не менее они друг друга исключают: нельзя любить, жалея, нельзя жалеть, любя. В сострадании я – даритель, в любви я – нищий. В любви лежит самая позорная из всех просьб, так как она молит о наибольшем, о наивысшем. Поэтому она так быстро превращается в самую дикую, в самую мстительную гордость, когда предмет любви нечаянно или нарочно доводит до ее сознания, о чем она собственно просила.

Всякая эротика полна сознания любви. В ревности проявляется вся шаткость той почвы, на которой зиждется любовь. Ревность есть обратная сторона любви. Она показывает, насколько безнравственна любовь. В ревности воздвигается власть, господствующая над свободной волей ближнего. Она вполне понятна с точки зрения развитой теории: ведь с помощью любви истинное «я» любящего всецело сосредоточивается в лице его возлюбленной, а человек всегда и всюду чувствует (кстати, в силу очень понятного, но тем не менее ошибочного заключения) за собою право на свое «я». Однако следует признать, что она тут же выдает себя. Мы видим, что она полна страха, а страх, как и родственное ему чувство стыда, всегда простирается на определенную вину, совершенную нами в прошлом. Вот когда мы убеждаемся, что в любви хотят достичь того, чего не следует добиваться на этом пути.

Вина, которую человек совершает в любви, есть желание освободиться от того сознания вины, которое я называл раньше предпосылкой и условием всякой любви. Вместо того, чтобы взять на себя свою вину и постараться в дальнейшем искупить ее, человек стремится в любви освободиться и забыть ее. Это стремление сделаться счастливым. Вместо того, чтобы самостоятельно осуществлять в себе совершенство, любовь раскрывает перед нами уже осуществленную идею, превращает чудо в действительность; правда, эта идея осуществляется в другом человеке, поэтому любовь есть самая тонкая хитрость, но она дает нам освобождение от собственных пороков, освобождение, которое можно достичь так легко, без всякой борьбы. Таким образом объясняется теснейшая связь, которая существует между любовью и потребностью в искуплении (Данте, Гете, Вагнер, Ибсен). Всякая любовь есть только жажда искупления, а жажда искупления – безнравственна (см. конец VII главы). Любовь ставит себя в положение полнейшей независимости от времени и причинности. Без собственного содействия она хочет внезапно и непосредственно достигнуть чистоты. Поэтому она сама в себе заключает невозможность, так как она чудо внешнее, а не внутреннее. Она никогда не в состоянии будет достигнуть своей цели, и меньше всего у тех людей, вторые в особенно сильной степени расположены к ней. Она является наиболее опасным самообманом потому, что производит впечатление будто она сильнее всех толкает нас на путь борьбы за добро. Она может произвести облагораживающее влияние на людей средних, человек же обладающий более тонкой и чуткой совестью, будет всячески противиться неотразимому действию ее чар.

Человек любящий ищет в любимом существе свою собственную душу. В этих пределах любовь свободна и не подлежит действию тех законов полового притяжения, которые мы выставили в первой части этого труда. Там, где психическая жизнь женщины обладает такими достоинствами, которые легко поддаются идеализации, любовь находится под неотразимым и настойчивым влиянием ее в сторону усиления этого чувства, даже при незначительных физических достоинствах и при весьма слабо развитом половом дополнении. Но нет никакой возможности расцвести этому чувству любви там, где упомянутая «интроспекция» стоит в самом непримиримом противоречии с

действительностью. И несмотря на всю их противоположность, все же сексуальность и эротика кроют в себе нечто аналогичное. Сексуальность пользуется женщиной, как средством удовлетворения своей страсти и произведения на свет телесного ребенка. Эротика же рассматривает женщину, как средство для достижения ценности, и духовного ребенка, продуктивности. Бесконечно глубокий, хотя, по видимому, мало понятый смысл кроется в словах платоновской Диотимы, что любовь относится не к прекрасному, а к созиданию, к зачатию в прекрасном, к бессмертию в духовном, как низменное половое влечение относится к продолжению человеческого рода. В ребенке, как телесном, так и духовном, отец жаждет только найти себя: конкретное осуществление своего «я», которое составляет сущность любви, есть ребенок. Поэтому художник так часто обращается к женщине, когда хочет создать произведение искусства. «Когда человек не без зависти смотрит на Гомера, Гезиода и других выдающихся поэтов, на те великие создания, которые они оставили после себя и которые доставили им неувядаемую славу и бессмертную память среди людей, тогда всякий кается, что он предпочел бы иметь таких детей... Вы преклоняетесь перед Солоном, так как он создал законы, вы преклоняетесь перед многими другими греками и варварами, которые создали много прекрасных творений и проявили многообразную добродетель. Ради их детей вы создали им священные капища, а ради создания человеческих детей – ничего и никому не создали». Это не одна только формальная аналогия или случайное словесное совпадение, когда мы говорим о духовной плодовитости, духовном зарождении и продуктивности или, следуя за Платоном, о духовных детях в более глубоком смысле. Как телесная сексуальность является попыткой органического существа дать своему образу, своим формам длительное существование, так и каждая любовь в основе своей есть стремление окончательно реализовать нашу душевную форму, нашу индивидуальность. Здесь находится тот мост, который связывает волю к собственному увековечению (так можно было бы назвать то, что есть общего у сексуальности и эротики) с ребенком. Половое влечение и любовь – оба они являются попытками реализовать свое «я». Первое хочет увековечить индивидуум путем телесного изображения, вторая – увековечить индивидуальность в ее духовном идеальном подобии. Только гениальный человек знает абсолютно бесчувственную любовь. Только он стремится создать вневременных детей, в которых получает выражение его глубочайшая духовная сущность.

Эту параллель можно проследить еще дальше. Многие, вслед за Новалисом, неоднократно повторяли, что половое влечение содержит в себе нечто родственное жестокости. Эта «ассоциация» имеет глубокое основание. Все, что рождено от женщины, должно непременно умереть. Перед ранней, преждевременной смертью в каждом существе вспыхивает сильнейшее половое влечение – это потребность оставить по себе какое нибудь создание. Таким образом, половой акт не с одной только психологической, но также этической и натурфилософской точки зрения кроет в себе глубочайшее родство с убийством: он отрицает женщину, он отрицает также мужчину. В идеальном случае он лишает их обоих сознания с тем, чтобы дать жизнь ребенку. Для этического мировоззрения вполне понятно, что всякое создание, возникшее таким путем, должно непременно погибнуть. Но для высшей эротики, как и для низшей сексуальности, женщина не является самоцелью, а только средством дать возможно полное и чистое отражение «я» любящего человека. Произведения художника представляют собою не что иное, как его неизменное «я» на различных этапах его жизненного пути, «я»,

которое он большей частью приписывает той или иной женщине, хотя бы эта женщина являлась плодом его богатой фантазии.

Реальная психология возлюбленной женщины при этом всегда исключается: в тот момент, когда мужчина любит женщину, он не может проникнуть взором в ее духовную сущность. В любви обыкновенно не становятся к женщине в отношения взаимопонимания, которые являются единственно нравственными отношениями между людьми. Нельзя любить человека, которого вполне знаешь, так как тогда вместе с тем узнаешь и о всех несовершенствах, которые ему присущи, как человеку, любовь же простирается только на совершенство. Любовь к женщине возможна только тогда, когда ее мало смущают действительные качества, истинные желания и интересы, которые исключительно занимают данную женщину и которые окончательно противятся сосредоточению высших ценностей в ее личности. Любовь предполагает безграничный произвол в подмене психической реальности любимого существа совершенно иной реальностью. Попытка найти в женщине свою собственную сущность вместо того, чтобы видеть в женщине только женщину, необходимо предполагает пренебрежение ее эмпирической личностью. Эта попытка, таким образом, исполнена жестокости по отношению к женщине. В этом именно заключается корень эгоизма всякой любви, всякой ревности, эгоизма, который видит в женщине только несамостоятельный, зависимый предмет обладания, но который не обращает внимания на ее внутреннюю духовную жизнь.

На этом кончается параллель между жестокостью эротика и жестокостью сексуальности. Любовь есть убийство. Половое влечение отрицает тело и душу женщины, эротика – опять таки отрицает душу. Совершенно низменная сексуальность видит в женщине или аппарат для онанирования, или родильную машину. По отношению к женщине нельзя совершить более гнусного поступка, как обвинить ее в бесплодии. Если же какойнибудь кодекс признает бесплодие женщины легальным поводом к разводу, то уж, вероятно, более мерзкого пункта в нем найти нельзя. Высшая эротика беспощадно требует от женщины, чтобы она удовлетворяла потребности мужчины в обожании, чтобы она дала себя любить самым беспрепятственным образом, ибо мужчина хочет видеть в ней идеал свой осуществленным, он хочет вместе с ней создать духовное дитя. Таким образом любовь антилогична, так как она пренебрегает объективной истиной о женщине и совершенно отрешается от ее действительной созданности. Любовь, кроме того, жаждет иллюзии мысли и настойчиво добивается обмана разума. Больше того. Она антиэтична по отношению к женщине, так как она насильно хочет навязать ей притворство и обман, полнейшее совпадение ее желаний с желаниями другого, чуждого ей человека.

Эротика пользуется женщиной в качестве средства умерить и сократить борьбу сил, она требует от женщины только спустить ту ветвь, по которой мужчине легче будет взойти на высоту полного искупления.

Я далек от мысли отрицать героическое величие, которое содержит в себе высшая эротика, культ Мадонны. Как я могу закрывать глаза на величайшее явление, которое озарено именем Данте! В жизни этого величайшего почитателя Мадонны лежит такая безграничная, безмерная уступка ценности женщине, что один только дионисовский размах, с которым он отказался от своей ценности в пользу женщины, вопреки ее истинной сущности, производит впечатление чего то грандиозного. Сколько самоотречения лежит в этом стремлении воплотить цель всех своих томлений в одном существе, ограниченном земной жизнью, и к тому же в девушке, которую художник еще девятилетним мальчиком видел всего один раз и которая, пожалуй, впоследствии превратилась в Ксантиппу или просто в жирную гусыню! В этом

лежит такой явный акт проекции ценностей, выходящих за пределы временно ограниченного индивидуума, на женщину, которая сама по себе лишена всякой ценности, что нелегко также говорить против него. Но значение всякой, даже самой утонченной эротики сводится к безнравственности троякого рода: во первых, непримиримый эгоизм по отношению к эмпирической личности женщины, которая представляет из себя средство личного подъема, а потому лишена самостоятельной жизни; во вторых, нарушение обязанностей по отношению к самому себе, бегство от себя, бегство ценности в чуждую ей страну, жажда искупления, а потому трусость, слабость, отсутствие достоинства, какое то отсутствие героизма; наконец, в третьих, боязнь истины, которая не мирится с любовью, хлестко бьет ее по лицу, которой боится любовь, так как она стоит на самом пути к искуплению.

Безнравственность последнего рода окончательно не дает возможности выяснить истинную сущность женщины. Она обходит женщину, так что мы никогда не в состоянии будем придти к тому заключению, что женщина сама по себе лишена всякой ценности. Мадонна – создание мужчины. Нет ничего, что ей соответствовало бы в действительности. Культ Мадонны нельзя признать нравственным, так как он закрывает глаза на действительность, так как любящий обманывает им самого себя. Культ Мадонны, о котором я говорю, этот культ великого художника является во всех отношениях пересозданием женщины, которое возможно только тогда, когда мы окончательно отрешимся от эмпирической реальности женщин. Интроекция совершается соответственно красоте тела и потому она не может осуществить свою цель на женщине, которая резко противоречит символу красоты. Цель такого пересоздания женщины или потребность, в которой берет свое начало любовь, мы уже в достаточной степени выяснили. Эта потребность является основной причиной того, что люди тщательно закрывают уши, когда им говорят чтонибудь не в пользу женщины. Люди охотно клянутся в женской «стыдливости», восхищаются ее «состраданием», они склонны признать отменно нравственное явление в том, что девица потупляет взоры. Но они никогда вместе с этой ложью не откажутся от возможности обращаться с женщиной, как средством для целей их собственных высших подъемов, они никогда не закроют этого пути к своему искуплению.

В этом уже заключается ответ на поставленный нами в начале этой главы вопрос, каковы те мотивы, в силу которых люди так сильно уверовали в женскую добродетель. Мужчина не хочет отказаться от того, чтобы превратить женщину в сосуд для его собственном совершенства, чтобы видеть в ней эту идею вполне реализованной, ибо ему тогда легче будет с помощью женщины, вознесенной до степени носительницы высших ценностей, реализовать свое духовное дитя, свое лучшее «я». Недаром состояние влюбленного носит в себе все черты сходства с состоянием творца. Им обоим свойственно исключительное благоволение ко всему, что живет, им чуждо понимание всех мелких конкретных ценностей, а потому они кажутся столь странными и смешными какомунибудь филистеру, вся реальность которого исчерпывается именно этими мелочами материальной жизни.

Великий эротик – гений, и всякий гений в основе своей эротичен даже в том случае, когда его любовь к ценности, т. е. к вечности, к мировому целому не сосредоточилась в телесной оболочке какойнибудь женщины. Отношение нашего «я» к миру, отношение субъекта к объекту уже является в некоторой степени повторением, в более высокой и широкой сфере, отношения мужчины к женщине, или, вернее, последний есть частный случай первого. Подобно тому, как комплекс ощущений превращается в объект, но при содействии субъекта и из последнего точно так же женщина опыта, как реальное существо, уничтожается женщиной эротики. Жажда познания есть мечтательная

любовь к вещам, в которых человек всегда и вечно находит только самого себя. Совершенно то же и с любовью. Человек любящий впервые создает предмет своей любви, в тесном смысле слова, и открывает в нем всегда свою собственную глубочайшую сущность. Так превращается любовь в параболу для любящего: она стоит в фокусе параболы, сопряженном с бесконечностью. Спрашивается, кому знакома подобная любовь: известно ли только мужчине сверхполовое отношение, или женщина также способна к высшей любви. Попытаемся как нибудь в сфере опыта найти ответ на этот вопрос, независимо от всех найденных положений и даже вне их влияния. Опыт же самым недвусмысленным образом показывает, что Ж (оставим в стороне одно кажущееся исключение) только сексуальна. Женщины хотят или полового акта, или ребенка (во всяком случае, они хотят выйти замуж). «Любовная лирика» современных женщин не только лишена всякой эротики, но она в высшей степени чувственна. Всего только короткое время прошло с тех пор, как женщины решили выступать с подобными произведениями, но они уже успели в этой сфере проявить такую смелость, на которую еще не дерзал ни один мужчина до них. Их произведения вполне могут удовлетворить самым алчным ожиданиям, таким, например, которые будят в нас «чтения для холостяков». Здесь и намек нет на целомудренное, чистое влечение, которое любящий человек так боится осквернить своей собственной близостью. Здесь речь идет о буйном оргазме и диком сладострастии, а потому эта литература, по видимому, могла бы лучше всего показать, что природа женщины сексуальна, но не эротична. Только любовь создает красоту. Имеют ли женщины какое нибудь отношение к красоте? Выражение столь употребительное среди женщин: «ах, к чему мужчине быть красивым» – не фраза. Если женщина просит у мужчины совета, какие цвета лучше идут к ее платью, то это не лесть, которая рассчитана на его тщеславие. Она сама не в состоянии подобрать цвета, чтобы они производили впечатление чего то красивого, эстетического. Там, где недостаточен простой вкус, а необходимо тонкое чувство, женщина не может обойтись без помощи мужчины, даже в вопросах своего туалета. Будь у женщины какое нибудь чувство красоты, обладай она в глубине своего внутреннего духовного мира изначальным мериллом красоты, она бы не требовала от мужчины вечных уверений ее в том, что она прекрасна.

Женщины не видят ничего прекрасного также и в мужчине, и чем больше они носятся с этим словом, тем сильнее обнаруживают, как далеко от них идея красоты. Самым надежным масштабом стыдливости человека является то, насколько он часто произносит слово «прекрасный» – это объяснение в любви всей природе. Если бы женщины действительно обладали жадной красотой, то они меньше говорили бы о ней. Но они не обладают никакой потребностью в красоте, да и не могут ею обладать, так как считают красивым все то, что признано таковым общественным мнением. Нельзя считать красивым то, что нравится. Нам очень часто приходится слышать подобное определение, хотя оно глубоко ложно и противоречит смыслу самого слова. То, что нравится, мило, красиво же то, что единичное лицо любит. Миловидность есть черта всеобщая, красота индивидуальная. Поэтому истинно эстетическая оценка стыдлива, рождена тоской, а тоска – несовершенством и бессилием одиночества. Эрос, сын Пороса и Пенни, есть отпрыск, родившийся из соединения богатства и бедности. Для того, чтобы найти что нибудь прекрасным, для этого, как и для объективности любви, необходима определенная индивидуальность, не одна только индивидуация. Быть просто милым значит превратиться в монету, очень ходкую в общественном кругу. Красоту любят, а миловидность – это то, во что люди обыкновенно влюбляются. Любовь всегда рвется наружу, она трансцендентна, так как она

вытекает из неудовлетворенного субъекта, вечно прикованного к субъективности своего духовного мира. Кто думает найти подобную неудовлетворенность у женщины, тот скверно понимает и различает вещи. В лучшем случае, Ж влюблена, М же любит. Глупы и ложны lamentации тех женщин, которые утверждают, что женщина способнее к истинной любви, чем мужчина: совершенно напротив – она абсолютно неспособна к ней. Состояние влюбленности, а в особенности влюбленность женщины, представляет собою вид замкнутого круга, но она мало похожа на ту параболу, которую образует собою любовь.

Если мужчина производит на женщину известное влияние своею индивидуальностью, то причиной этого является не его красота. Красоту, носителем которой является также мужчина, в состоянии понять только мужчина: не удивительно ли, что понятие красоты, будь то мужская или женская красота, впервые создано мужчиной.

Может быть, когда метафизическим, вневременным актом был создан человек, мужчина присвоил себе одному все божественное – душу, но по каким мотивам это совершилось, мы, конечно, представить себе не можем. Преступление, которое он, таким образом, совершил против женщины, он искупает теперь муками любви. Путем любви он хочет ей вернуть, подарить ту душу, которую отнял у нее. Он делает это, так как сознает всю тяжесть своей вины. И действительно, он ощущает сильнеешим образом сознание какой то вины особенно перед той женщиной, которую любит. Бездна этой попытки вернуть ей душу тем, чтобы искупить свою вину, может объяснить нам, отчего отсутствует счастливая любовь. Таким образом, этот миф явился бы очень удачной темой для драматической мистерии. Но он далеко заходит за пределы научного или научно философского исследования.

Чего женщина не хочет, мы уже выяснили. Теперь мы посмотрим, в чем заключается ее глубочайшее стремление и насколько оно противоположно стремлению мужчины.

Глава XII

Сущность женщины и ее смысл во вселенной

Erst Mann und Weib zusammen machen den Menschen aus.
Kant

Все глубже и глубже уходил наш анализ в оценках женщины, шаг за шагом мы должны были отказать ей во всем возвышенном, благородном, величественном и прекрасном. Наше исследование теперь предпринимает самый крайний, самый решительный шаг в этом направлении, а потому я, во избежание возможных недоразумений, хочу теперь же обратить внимание на одно обстоятельство, к которому я еще впоследствии вернусь: ничто мне не чуждо в такой степени, как желание оправдать азиатскую точку зрения в исследовании сущности женщины. Кто внимательно следил за моими словами, когда я говорил о той несправедливости, которую терпит на себе женщина, благодаря всевозможным проявлениям сексуальности и даже эротике, тот отлично поймет, что эта книга не имеет своей целью петь хвалу гарему. Такая проблематическая по отношению к женщине кара совершенно обезличила бы великую суровость нашего приговора. Ведь можно требовать равноправия для женщин и мужчин и без веры в моральное и интеллектуальное равенство их. Можно без риска навлечь на себя подозрения в непоследовательности, отбросить все варварское в отношениях к женскому полу и вместе с тем признавать непроходимую космическую противоположность между сущностью мужчины и женщины. Нет ни одного мужчины, в котором не жило бы нечто

сверхчувственное, который совершенно был бы лишен доброты, но нет и ни одной женщины, к которой мы могли бы применить сказанные только что слова. Мужчина, представляющий собою олицетворение низости, стоит бесконечно выше наиболее возвышенной из женщин. Он настолько возвышается над ней, что невозможно здесь говорить о какомнибудь сравнении или сопоставлении, и тем не менее, никто не имеет права притеснять или угнетать женщину, даже низко стоящую. Требование равенства перед законом вполне справедливо, но это несколько не повлияет на глубокого, тонкого знатока человеческой души: он останется при прежнем убеждении своем, что между обоими полами существует диаметральной противоположность. Насколько поверхностны в своих психологических исследованиях материалисты, эмпиристы и позитивисты (не говоря уже о глубоком, проникновенном взгляде социалистических теоретиков), видно из того, что и из их среды мы неоднократно слышали и теперь еще слышим голоса в пользу изначально прирожденного психологического равенства между мужчиной и женщиной.

Далее позволю себе надеяться, что я вполне застрахован от смешения моей точки зрения с тривиальными взглядами П.Ю.Мебиуса которые можно приветствовать, как смелую реакцию против распространенного общего течения. Женщину нельзя назвать «физиологически слабоумной». Я также не разделяю того взгляда, что выдающиеся женщины представляют собою явление вырождения. С моральной точки зрения следует приветствовать таких женщин, так как они мужественнее всех прочих и являют собою прямую противоположность вырождению т. е. прогресс и победу. С биологической же точки зрения в них следует признать явление вырождения в такой же или не в большей степени, чем в женственном мужчине (когда к последнему не применяют этической оценки). Что касается промежуточных половых форм, то они в ряду существующих организмов представляют собою вполне нормальное, ничуть не патологическое явление, а потому и наличие их нельзя рассматривать, как признак физической деградации телесного декаданса. Женщина не обладает ни глубоким, ни высоким, ни острым, ни прямым умом. Она скорее прямая противоположность всего этого. Насколько мы видели, к ней вообще неприменимы признаки интеллектуальности. Она, как целое, представляет собою отрицание всякого смысла, она – бессмысленна. Но это еще не означает, что она слабоумна, по крайней мере, в том смысле, в каком понимает это слово немецкий язык, а именно в смысле полнейшего отсутствия самой элементарной способности ориентироваться в практических явлениях повседневной жизни. Наоборот, там, где дело идет о достижении близких ей эгоистических целей, Ж проявляет гораздо больше хитрости, расчета, «сметки», чем М. Женщина никогда не бывает так глупа, как иногда мужчина. Действительно ли женщина лишена всякого значения? Неужели ей чужда какаянибудь более общая цель? Не имеет ли она своего определенного назначения? Не кроется ли в основе женщины, несмотря на всю ее бессмысленность и ничтожество, определенная задача в мировом целом? Живет ли она во имя какойнибудь миссии, или ее существование одна только случайность и насмешка?

Чтобы выяснить смысл существования женщины, мы возьмем исходным пунктом одно явление, которое нигде еще не удостоивалось более или менее серьезной оценки, серьезного разбора, несмотря на то, что оно далеко не ново и всем в достаточной мере известно. Это не что иное, как явление сводничества, которое дает нам вполне надежное средство для постижения глубочайших основ природы женщины.

Анализ сводничества приводит нас на первых порах к моменту покровительства и сведения двух лиц, которые могут вступить в подовые

отношения между собою в форме ли брака или в какой либо другой форме. Каждая женщина без исключения уже в самом раннем детстве своем проявляет стремление создать какие либо отношения между двумя лицами: совсем маленькие девочки оказывают посреднические услуги даже поклонникам своих старших сестер. Правда, склонность к сводничеству особенно отчетливо проявляется только тогда, когда женщина, как отдельный индивидуум, уже успела себя обеспечить выходом замуж, но эта черта не покидает ее все время в течение периода между половым созреванием и свободой. В этот период влечение к сводничеству сильно умеряется чувством зависти к конкуренткам и боязнью оказаться наиболее слабой среди них в борьбе за мужчину, но такое состояние длится лишь до того момента, когда женщине счастливо удастся завладеть своим мужем, опутать и окрутить его деньгами или теми отношениями, которые соединяют его с ее семьей. В этом заключается причина того явления, что только в браке женщина изо всех сил старается поженить сыновей и дочерей своих знакомых. Сильная страсть к сводничеству у старух, которые совершенно лишены заботы о собственном половом удовлетворении, факт настолько общеизвестный, что старую женщину даже называют, без всякого основания, типичной сводницей.

Свое стремление к сводничеству женщины распространяют также и на мужчин. Они всячески стараются поженить их. В этом отношении особенной настойчивостью и изобретательностью отличаются женщины, которые хотят женить своих сыновей. Всякая мать хочет поскорее видеть своего сына женатым, и это желание совершенно не считается с индивидуальной своеобразностью его. В этом естественном стремлении всякой матери хотели видеть нечто высшее, свойственное природе материнской любви, которую нам пришлось развенчать в одной из предыдущих глав. Есть много матерей, которые убеждены в том, что брак может обеспечить безоблачное счастье своим сыновьям, которые подчас к брачной жизни совсем не расположены, которые не созданы для нее. Но уже без сомнения очень многие женщины лишены этого убеждения, и в их действиях роль сильнейшего мотива играет влечение к сводничеству, непосредственное отвращение к холостой жизни мужчины.

Мы видим, что женщины подчиняются какому то чисто инстинктивному, коренящемуся глубоко в их природе влечению, даже и тогда, когда они стараются выдать замуж своих дочерей. Какие либо логические соображения, без сомнения, в данном случае совершенно отсутствуют. Что же касается соображений материального характера, то они играют здесь самую незначительную роль. Нельзя далее сказать, чтобы в своих заботах о браке мать проявляла готовность пойти навстречу ясно выраженному или скрытому желанию своих дочерей (ведь в частном, специальном случае выбор матери может не совпадать с желанием дочери или даже противоречить ему). Явление сводничества женщин в самой общей форме простирается на всех людей и не ограничивается кругом собственных дочерей, а потому нельзя говорить в данном случае об «альтруистическом», «моральном» элементе материнской любви. Правда, существует много женщин, которые совершенно не смущаются указанием на присущие им своднические манеры. Напротив, в ответ на подобное указание они даже с гордостью возражают, что это их обязанность заранее позаботиться о будущем их дорогих детей. Нет никакого различия в действиях матери, когда она выдает замуж свою собственную дочь или когда она способствуют созданию брака между какой нибудь посторонней девушкой и мужчиной (конечно, последнее она делает особенно охотно тогда, когда первое уже вполне завершено): как в первом, так и во втором случае мы видим перед собою сводничество, и эти оба сводничества психологически ничем одно от другого не отличаются. Да, я утверждаю: нет ни одной

матери, которой было бы абсолютно неприятно, когда какойнибудь посторонний человек, даже с самыми низкими намерениями и недостойными видами, добивается обладания ее дочерью и соблазняет ее. Характер отношений одного пола к известным чертам, присущим другому, служит нам в качестве надежного критерия для определения того, какие характерные черты свойственны одному только полу и какие общи обоим. И вот до сих пор в нашем исследовании женщина фигурировала в качестве единственной свидетельницы того, что очень многие черты, которые люди приписывали ей, являются исключительной принадлежностью мужчины. Теперь же привлечем к ответу и мужчину. Пусть он своим отношением к явлению сводничества докажет нам, что эта черта чисто и исключительно женская. Правда, будут и исключения, но они относятся или к женственным мужчинам, или к одному случаю, который будет разобран впоследствии. Истинный мужчина с глубоким отвращением относится к явлению сводничества и смотрит на него, как на исключительное призвание и специальность женщины. Его отношение несколько не меняется от того, что в особом случае решается вопрос о будущем его дочери, которую он хотел бы видеть вполне пристроенной. Отсюда можно видеть, что истинные психические признаки женского пола действуют на мужчину далеко не притягивающе, наоборот, они сильно отталкивают его, если он сознает их. Совершенно другое дело у женщины. Чисто мужские свойства, какими они являются в действительности, сами по себе уже притягивают женщину, и вот почему мужчине следует пересоздать женщину с тем, чтобы он мог ее любить.

Но явление сводничества имеет более глубокие корни. Приведенные мною примеры исчерпывают значение этого слова лишь в его обычном употреблении. На самом деле эта черта пропитывает сущность женщины в более значительных размерах. Тут я хочу указать прежде всего на то, как женщины сидят в театре: они находятся в напряженном ожидании, «добудут» ли друг друга двое влюбленных и как они этого достигнут. Эта черта ничем не отличается от сводничества. В ней проявляется не что иное, как желание, чтобы мужчина и женщина сошлись где бы то ни было. Но она заходит еще дальше: чтение чувственных, скабресных стихов или романов и сопровождающее его у женщин необыкновенное напряженное ожидание момента полового акта есть не что иное, как сводничество двух героев книги, тоническое возбуждение при мысли о копуляции и положительная оценка факта полового общения. В этом не следует видеть логическую, формальную аналогию. Я советую посмотреть, насколько одинаковы для женщины оба эти случая с психологической стороны. Возбуждение матери в день свадьбы ее дочери совершенно аналогично тому, которое испытывает женщина при чтении Прево или «Katzensteg» Зудермана. Бывает, что и мужчины читают подобные романы в целях детумесценции, но их чтение принципиально отличается от чтения женщин. Здесь чтение направлено на приобретение более живой и ясной картины полового акта, но при нем мужчина остается совершенно равнодушным ко всякой перемене отношений между главными лицами произведения, его чувства не меняются от того, достигли ли эти лица какойнибудь близости в своих отношениях или всякая связь между ними совершенно невозможна. Радость, захватывающая до потери дыхания при всяком приближении к осуществлению этой цели, тяжелое разочарование при всяком припятствии к половому удовлетворению – черты несомненно женские, но не мужские. Эти черты проявляются у женщины при всяком душевном волнении, вызванном представлением о половом акте, безразлично, относится ли это представление к действительным или вымышленным лицам.

Неужели люди никогда не думали над тем, почему женщины так охотно, так «бескорыстно» сводят других женщин с мужчинами? Удовольствие, которое они

испытывают при этом, покоится на своеобразном возбуждении их при мысли о чужой половой встрече.

Но изложением главной точки зрения, которой придерживаются женщины при чтении книг, мы не исчерпали еще всех проявлений сводничества, которые сказываются в поведении женщин. Если в теплые летние вечера влюбленные парочки ищут уединения в поэтических местах, на скамьях тенистых садов, то женщина, случайно проходящая мимо, чуткостораживается. Стоит ей заметить одну такую парочку, как у нее пробуждается любопытство, и она не в состоянии оторвать глаз от нее: мужчина же в подобных случаях брезгливо отворачивается, так как чувствует себя задетым в своей стыдливости. То же явление имеет место, когда женщина встречает такую парочку на улице: она оборачивается и долго провожает ее глазами. Это желание присматриваться, обернуться при каждом таком случае есть сводничество не в меньшей мере, чем все то, что было до сих пор подведено под это понятие. Мы обыкновенно отворачиваемся от всего того, на что нам почему либо неприятно смотреть. Но женщины именно особенно охотно всматриваются в влюбленную парочку и накрывают ее на поцелуях и других проявлениях любви, так как они жаждут полового акта вообще (не только для себя). Мы уже указывали, что человек обращает внимание только на то, что он положительно оценивает. Женщина, которая следит за двумя влюбленными, с нетерпением ждет развязки, результатов, т. е. она предвидит, надеется, желает чего то. Одна знакомая мне женщина, которая давно уже была замужем, отказала своей горничной от места по той причине, что та впустила к себе любовника, но перед тем она долго, с живейшим участием прислушивалась за дверью к разговору, который происходил между горничной и ее любовником. Эта женщина, таким образом, внутренне одобрила все то, что происходило на ее глазах, и потом только решила выбросить ее на улицу. Это можно объяснить, конечно, ее желанием соблюсти элементарные правила благопристойности, но я думаю, что здесь не последнюю роль сыграл и мотив зависти, правда, бессознательной: эта дама не желала подарить часы наслаждения пострадавшей девушке.

Мысль о половом акте, в какой бы он форме не выразился (хотя бы его совершали животные), всегда принимается женщиной, но никогда ею не отвергается, она его нисколько не отрицает, не чувствует никакого отвращения даже к самой отвратительной стороне этого процесса и не дает себе труда изменить сейчас же какнибудь характер и содержание своих мыслей в этом направлении. Представление о половом акте овладевает ею всецело до тех пор, пока это представление не сменится дружными, аналогичными по содержанию представлениями. Этим мы исчерпали большую часть психической жизни женщины, которая многим представляется столь загадочной. Потребность лично участвовать в половом акте является самой жгучей потребностью женщины, но это только частный случай ее глубочайшего, ее единственно жизненного интереса, направленного ни половой акт вообще, частный случай ее желания, чтобы этот акт совершался возможно чаще, безразлично кем, когда и где.

Эта всеобщая потребность женщины направлена в большей или меньшей степени на один из двух моментов: или на половой акт, или на ребенка. В первом случае представление об одном только половом акте делает женщину проституткой и сводницей. Во втором случае она мать. Но этого не следует понимать в том смысле, что женщина сама хочет стать матерью. Нет.

Поскольку женщина приближается к типу матери, постольку мысль ее о всяком браке, который она или знает, или сама создала, будет связана с фактом рождения детей. Истинная мать в то же время и истинная бабушка (хотя бы она сама осталась девой. Вспомните неподражаемую «тетю Юлю» Иоганна Тесмана в ибсеновской «Гедде Габлер»). Всякая истинная мать живет для

всего рода – она мать всего человечества: она приветствует всякую беременность. Проститутка же хочет видеть всех женщин не беременными, а проституированными, как она сама.

Тот факт, что личная половая жизнь женщины вполне подчинена ее влечению к сводничеству и представляет лишь частный случай последнего, ясно обнаруживается в ее отношении к женатым мужчинам. Нет ничего более противного для женщин, так как все они сводницы, как холостое состояние мужчины. Вот почему они так сильно стараются его поженить. Но стоит ему вступить в брак, как он теряет значительную долю интереса для них, хотя бы он раньше очень сильно им нравился. Далее, предположим, что женщина уже вышла замуж. Казалось бы, что тогда нет никакого основания делать какое либо различие между женатым и холостым мужчиной, так как при подобных обстоятельствах ни один мужчина не может входить в расчеты женщины самой пристроиться. И тем не менее неверная жена вряд ли станет кокетничать с мужем другой женщины, разве только если она захочет отбить его у последней тем, чтобы торжествовать одержанную над ней победу. Таким образом вполне доказано, что главную роль играет у женщины сводничество. Вот почему нарушение брака так редко совершается при участии женатых мужчин: ведь они уже вполне удовлетворяют той идее, которая лежит в основе сводничества. Сводничество наиболее общая черта женщины: желание стать тещей гораздо сильнее стремления женщины к материнству, интенсивность и объем которого превозносили не по заслугам.

Многие найдут, пожалуй, преувеличенным то значение, которое я придаю этому в равной степени комическому и отвратительному явлению, а пафос аргументации, лишенным всякой мотивировки. Но нужно ясно представить себе то, о чем идет речь. Сводничество – это черта, раскрывающая всю сущность женщины. Ее следует подвергнуть самому детальному анализу и обосновать, а не только принять к сведению, как это обыкновенно делают, и обойти совершенно молчанием. Для большинства людей это несомненный факт, что «женщина любит чуть чуть посводничать». Но центр тяжести лежит в том, что именно в этом и ни в чем другом заключается основная сущность женщины. После тщательно изучения разнообразных женских типов, помимо тех подразделений, которые были разобраны до сих пор, я пришел в тому заключению, что нет абсолютно ни одного положительного общеженского качества, кроме сводничества, под которым следует понимать деятельность, проводимую в интересах идеи полового акта вообще.

Всякое определение понятия женственности, которое в потребности лично пережить половой акт и находиться в обладании мужчины видело бы исключительную и единственную сущность ее, было бы слишком узким. Всякое определение, которое утверждает, что единственным содержанием женщины является ребенок или муж или оба вместе, было бы слишком широко. Всеобщая и истинная сущность женщины всецело и исчерпывающе характеризуется понятием сводничества, т. е. определенной миссии, находящейся в услужении идеи физического общения. Всякая женщина сводничает. Это свойство женщины быть посланницей, представительницей идеи полового акта присуще ей во всех ее возрастах и переживает даже климакс: старуха продолжает сводить, но уже не себя, а других. Почему люди представляют себе старую женщину в виде совершенной, типичной сводницы, об этом я уже говорил. Призвание старухи сводницы не приобретает вместе с преклонным возрастом. Это призвание скорее выделяется и остается в качестве единственного свойства, благодаря отпадению всех других влияний, связанных с потребностями и запросами личной жизни: чистая деятельность во имя нечистой идеи.

Я позволю себе теперь сделать сводку всех тех положительных результатов, к которым мы пришли в исследовании половой жизни женщины. Мы видели, что

все интересы ее исключительно и непрерывно вращаются в сфере половой жизни, что как с физической, так и психической точки зрения вся сущность ее является одной только сексуальностью. Далее мы пришли к тому неожиданному результату, что женщина непрерывно испытывает ощущения, аналогичные с ощущениями полового акта, во всех частях своего тела и благодаря всевозможным предметам. Все тело женщины в целом оказалось, как мы видели, только набором ее отдельных половых частей. Вот тут то выступает центральная роль, которую играет идея полового акта в мышлении женщины. Половой акт есть единственное, чему женщина всегда и везде дает безусловно положительную оценку. Женщина есть носительница идеи полового общения вообще. Высшая ценность, которую женщина придает идее полового акта, не ограничивается сферой половой жизни одного индивидуума или сферой своей собственной половой жизни. Она простирается на всех людей, она не индивидуальна, а сверх индивидуальна, она является, так сказать, да простят мне осквернение этом слова, трансцендентальной функцией женщины. Ибо если женственность и сводничество одно и то же, то женственность есть вместе с тем универсальная сексуальность. Половой акт есть высшая ценность женщины, которую она старается всегда и повсюду осуществить. Ее собственная половая жизнь представляет собою только ограниченную часть этого безграничного хотения.

Мы указывали, что мужчина выше всего ставит чистоту и непорочность. Он в силу свойственной ему эротической потребности жаждет видеть в женщине олицетворение этой высшей идеи девственности. Но этому чисто мужскому идеалу целомудрия соответствует на стороне женщины неизменное стремление осуществить половое общение. Противоположность между этими двумя идеалами настолько ясна, что ее не может закрыть от нас никакой туман эротической иллюзии. А вместе с тем в процесс изучения истинной сущности женщины постоянно вторгается один фактор, который окончательно разбивает всякие надежды на успех. Этот именно фактор, который служит сильнейшим препятствием к постижению основных черт природы женщины, является одной из самых сложных проблем о женщине: проблемой бездонной лживости ее. Мы приступим теперь к ее разбору. Как ни трудна, как ни отважна эта попытка, она должна нас привести к тому главному корню, из которого вырастает, как сводничество (в самом широком смысле, при котором собственная половая жизнь является лишь более ярким и заметным частным случаем), так и лживость, вечно скрывающая от глаз даже самой женщины! – жажду полового акта. Возникновение обоих явлений из этого последнего корня должно обнаружиться пред нами в свете единого конечного принципа.

* * *

Все то, что дало нам исследование в качестве положительного непреложного результата, приходится опять ставить под сомнение. Мы отказали женщине в самонаблюдении, но, без сомнения, существуют женщины, которые очень зорко следят за своими переживаниями. Мы отказали ей в любви к истине, но есть такие женщины, которые тщательно избегают всякой лжи. Мы утверждали, что женщине чуждо сознание вины. Но мы знаем, что женщины способны изводить и жестоко упрекать себя по поводу самых ничтожных пустяков. Что касается грешниц, бичующих свое тело, то о них мы имеет самые достоверные сведения. Мы говорили, что чувство стыда свойственно только мужчине. Но ведь следует задаться вопросом: не дает ли опыт каких нибудь оснований предполагать, что женская стыдливость, то чувство стыда, которое, по мнению Гамерлинга, присуще исключительно женщине, есть бесспорный факт, который делает возможным и даже вероятным иное толкование явлений? Далее:

как можно отрицать религиозность женщин, когда существует столько «religieuses»? Как можно отрицать за ней строго нравственную чистоту, когда существует столько добродетельных женщин, о которых повествуют народная песня и история? Можно ли утверждать, что женщина сексуальна, что она приписывает высшую ценность моменту сексуальности, в то время, как всем известно, что многие женщины сильно возмущаются при всяком намеке на половые темы, что она с горечью и отвращением бежит от того места, где сводничество и разврат распустили свои сети? Можно ли говорить серьезно обо всем этом, когда женщина очень часто отказывается от личной половой жизни, гораздо чаще, чем это делают мужчины, когда у многих из них этот акт вызывает одно только чувство омерзения?

Вполне очевидно, что все перечисленные антиномии ставят перед нами один и тот же вопрос, от решения которого вполне зависят окончательные результаты нашего исследования о женщине. Далее совершенно понятно, что если хотя бы одна только женщина оказалась бы по внутренней природе своей асексуальной или стоящей в действительном отношении к идее нравственности, самооценности, то все положения, высказанные нами в этой книге о женщинах, безнадежно потеряли бы всеобщую применимость свою в качестве психической характеристики женского пола. И этим самым мы окончательно одним ударом потеряли бы всю позицию, занятую нами в этой книге. Все приведенные выше явления, будто бы противоречащие нашим выводам, должны быть основательно исследованы и удовлетворительным образом разъяснены. Следует далее показать, что основа всех этих явлений, вызывающих самые разноречивые и двусмысленные толкования, кроется в существе той женской природы, которая была прослежена здесь во всех ее проявлениях.

Чтобы постичь природу этих обманчивых противоречий, стоит только подумать о том, насколько легче женщины поддаются влиянию со стороны других людей, насколько сильно они подвержены даже влиянию впечатлений. Эта чрезвычайная восприимчивость всего чужого, эта легкость перенимания чужих взглядов еще недостаточно оценена в нашей книге. Ж прилаживается к М в той же степени, как футляр к драгоценностям. Его взгляды становятся ее взглядами, его симпатии – ее симпатиями, его антипатии – ее антипатиями. Каждое слово его становится для нее событием, причем тем более значительным, чем сильнее он действует на нее в половом смысле. В этом влиянии со стороны мужчины женщина не видит некоторого уклонения от линии своего собственного развития, она не противится ему, как постороннему вмешательству, она не стремится освободиться от него, как от непрошеного вторжения в ее внутреннюю духовную жизнь, она не стыдится быть рецептивной. Совершенно напротив: она чувствует себя счастливой при одной мысли, что она может быть такой. Она требует от мужчины, чтобы он заставил ее рецептировать и в духовной области. Она всегда охотно примыкает к комунибудь и ее ожидание мужчины есть ожидание того момента, когда она может стать совершенно пассивной.

Женщины перенимают все свои мысли и взгляды не от одного только любимого мужчины (от нет – охотнее всего), они перенимают их от отца и матери, дяди и тети, братьев и сестер, близких родственников и далеких знакомых. Женщина рада, когда ктонибудь создает в ней определенный взгляд. Взрослые, замужние женщины, словно маленькие дети, подражают друг другу во всем, будто бы это так и должно быть.

Начиная с туалета, прически, осанки, вызывающей внимание, и кончая магазинами, в которых они покупают, и рецептами, по которым они готовят пищу – все служит для них предметом подражания. В таком стремлении копировать друг друга они остаются далеки от чувства, что нарушают какие

то обязанности по отношению к себе. Это чувство имело бы место только в том случае, если бы они обладали известной индивидуальностью, которая подчиняется исключительно своим собственным законам. Теоретическое содержание женского мышления и женской деятельности всецело покоится на традиции и усвоении взглядов других людей. Женщина ревностно перенимает эти взгляды и достаточно придерживается их, так как самостоятельного убеждения, основанного на объективном наблюдении вещей, она не в состоянии приобрести, а потому и не может оставить его при изменившейся точке зрения. Она никогда не подымается над своей мыслью. Она хочет, чтобы ей было поднесено готовое мнение, за которое цепко ухватывается. Вот почему женщины особенно возмущаются, когда люди нарушают установленные порядки и обычаи, каково бы ни было содержание этих институтов. Я хочу поделиться одним примером, взятым у Герберта Спенсера. Этот пример особенно забавен в сопоставлении с женским движением. Как у многих индейских племен Северной и Южной Америки, так и у дакотов мужчины занимаются охотой и военным промыслом, все же тяжелые и грязные работы оставлены на попечение женщин. Но последние не жалуются, да и не чувствуют своего приниженого состояния. Они, напротив, так сильно проникнуты мыслью о правильности и закономерности такого порядка вещей, что самым глубоким оскорблением и кровной обидой, которую можно нанести женщине дакотке, является следующая: «Гнусная женщина... я видела, как твой муж тащил дрова к себе домой, чтобы затопить печку. Где была его жена, что он вынужден был превратиться в женщину?»

Эта необычайная определяемость женщины при помощи всего, лежащего вне ее, в основе своей совершенно тождественна с тем фактом, что она легче и чаще поддается внушению, чем мужчина. Все это соответствует той пассивной роли, которую женщина играет как в самом половом акте, так и во всех стадиях, предшествующих ему. В этом выражается общая пассивность женской природы, благодаря которой женщины в конечном итоге усваивают и акцептируют даже те мужские оценки, к которым они по существу не имеют никакого отношения. Женщина насквозь проникается взглядами мужчины и ее собственная идейная жизнь пропитывается чуждыми ей элементами. В глубокой лживости своей природы она является поборницей нравственности, но этого нельзя даже назвать лицемерием, так как этим признанием нравственности она не прикрывает ничего антиморального, а усваивает и применяет совершенно гетерономный завет. Все это вместе взятое может, поскольку женщина сама лишена правильной оценки явлений, протекать очень гладко и легко, может вызвать обманчивую видимость высшей нравственности. Но дело сильно осложняется, когда все это приходит в коллизию с единственной врожденной общеженской оценкой – высшей оценкой полового акта.

Утверждение между людьми полового общения, как высшей ценности, протекает у женщины совершенно бессознательно. Ведь у женщины этому утверждению не противостоит, как у мужчины, возможность его отрицания, иными словами, нет той двойственности, которая необходима для фиксации. Ни одна женщина не знает, никогда не знала да и не может знать, что она собственно делает, когда удовлетворяя своему влечению к сводничеству. Женственность совершенно тождественна сводничеству. Вот почему женщине пришлось бы выступить из пределов своей собственной личности, чтобы подметить и понять тот факт, что она сводничает. Таким образом, глубочайшее хотение женщины, истинное значение и смысл ее существования остается вне пределов ее сознания. Нет никаких препятствий к тому, чтобы мужская отрицательная оценка сексуальности вполне покрыла в сознании женщины ее собственную положительную. Рецептивность женщины заходит так далеко, что она в

состоянии отрицать тот единственный положительный элемент, который составляет исключительную природу женщины.

Но ложь, которую совершает женщина, приписывая себе взгляд мужского общества на сексуальность, на бесстыдство и объявляя мужской критерий всех поступков своим собственным – эта ложь никогда не осознается ею. Женщина приобретает вторую натуру, не предполагая даже, что это не ее истинная натура. Она серьезно убеждена, что представляет собою что то: она глубоко уверена в искренности и изначальности своего нравственного поведения и суждения. Так глубоко засела эта ложь, эта органическая или, если можно так выразиться, эта онтологическая лживость женщины. В этом пункте женщины вводят в заблуждение, кроме других, еще и себя. Дело в том, что нельзя безнаказанно подавлять извне свою природу таким образом, да еще искусственными мерами. Но гигиена не оставляет женщину без кары за подобное отрицание своей природы: она наказует ее истерией.

Из всех неврозов и психозов истерические явления представляют для психолога самую увлекательную тему. Они бесконечно сложнее, а потому и заманчивее, чем меланхолия, которую относительно легко вызвать в своих переживаниях, или простая паранойя.

Почти все психиатры питают упорное недоверие к различным психологическим анализам. Уже а limine они допускают объяснение явлений с помощью патологического изменения в тканях или отравлений пищей, но они отказывают психологическому элементу в первичной действительности. Но так как до сих пор еще не доказано, что психический элемент должен занимать второе место в сравнении с физическим, все указания на принцип «сохранения энергии» решительно отвергнуты самыми выдающимися физиками, то этот предрассудок можно, по справедливости, оставить без внимания. Выяснение «физического механизма» истерии может пролить свет на различные стороны этого явления, а пожалуй и на все явление. Тот факт, что все данные, которыми мы располагаем в настоящее время по вопросу об истерии, найдены именно путем такого исследования, заставляет нас предположить, что этот путь наиболее надежный. Я имею здесь в виду исследование, непосредственно связанные с именами Пьера Жана и Оскара Фогта, а особенно И.Брейера и З. Фрейда. Дальнейшее исследование и раскрытие явления истерии необходимо производить в том направлении, по которому следовали эти ученые, т. е. надлежит воссоздать тот психологический процесс, который привел к этой болезни.

Если принять определенное сексуальное «травматическое» переживание в качестве наиболее обычного (по Фрейду, единственного) повода к заболеванию, то, по моему мнению, возникновение этой болезни следует представлять себе схематически таким образом: женщина находилась под влиянием какого нибудь полового впечатления или представления, которое она восприняла в известном прямом или непосредственном отношении к себе. И вот в ее психике разгорается конфликт. С одной стороны, мужская оценка, которая насквозь проникла в ее существо, привилась к ней, перешла в ее сознание в виде доминирующего начала, заставляет ее отвергнуть это представление, возмущаться им и чувствовать себя несчастной из за него. С другой стороны, ее собственная женская природа действует в противоположном направлении: она положительно оценивает это представление, одобряет, желает его в самых глубоких бессознательных основах своего существа. Этот именно конфликт постепенно нарастает и бродит внутри ее, пока не разряжается припадком. Вот такая женщина являет собою типическую картину истерического состояния. Этим объясняется, почему больная ощущает половой акт, как «чужеродное тело в сознании», тот половой акт, который она, по ее глубокому убеждению, решительно

отвергает, но которого фактически требует ее изначальная природа, это нечто в ней. Колоссальная интенсивность желания, которое усиливается по мере увеличения числа попыток, направленных к его подавлению, и параллельно с этим тем более сильное и оскорбленное отрицание мысли о половом акте – вот та пестрая игра двух чувств, которая совершается в истеричке. Хроническая лживость женщины особенно обостряется, когда дело кажется основного пункта, когда женщина впитывает в себя также этически отрицательную мужскую оценку сексуальности. А ведь всем известен тот факт, что сильнее всех поддаются влиянию мужчины именно истерички. Истерия есть органический кризис органической лживости женщины. Я не отрицаю, что есть и истеричные мужчины, хотя значительно реже: ибо среди бесконечного числа различных психических возможностей мужчины есть одна, а именно – это обратиться в женщину, а вместе с тем и в истеричку. Несомненно существуют и лживые мужчины, но в данном случае кризис протекает совершенно иначе (также и лживость здесь иная, не такая безнадежная): он ведет к просветлению, хотя очень часто на весьма короткий срок.

Это проникновение в органическую лживость женщины, в ее неспособность составить себе истинное представление о своей собственной сущности, неспособность, которая ведет ее к образу мышления, совершенно чуждому ей – все это дает, на мой взгляд, в принципе вполне удовлетворительное разрешение тех трудностей, которые связаны с этимологией истерии. Если бы добродетель была вполне свойственна женщине, то последняя не страдала бы от нее, на самом деле она расплачивается за ту ложь, которую совершает против своей собственной, в действительности, неослабленной природы. В частности, отдельные положения требуют дальнейшего выяснения и подтверждения.

Явление истерии ясно свидетельствует о том, что лживость женщины, которая так глубоко засела в ее природе, занимает не столь прочное положение, чтобы быть в состоянии вытеснить все прочее. Женщина усвоила себе целую систему чуждых ей представлений и оценок путем воспитания или общения с другими людьми: или, вернее, она послушно и безропотно подчинилась влиянию с их стороны. Могущественнейший толчок необходим для того, чтобы искоренить этот огромный, сросшийся с нею психический комплекс, чтобы женщина очутилась в состоянии интеллектуальной беспомощности, которая так типична для истерии. Необычайный испуг может опрокинуть эту искусственную постройку и превратить женщину в поле битвы между бессознательной для нее вытесненной природой и хотя сознательным, но неестественным для нее духом. Наступающее вслед за этим метание то в одну, то в другую сторону объясняет нам необыкновенную психическую прерывистость во время истерических страданий, постоянную смену различных настроений, из которых ни одно не может быть схвачено, фиксировано, подвергнуто наблюдению или познано каким-нибудь элементом сознания, господствующим над всем состоянием. В связи с этим находится чрезвычайная восприимчивость к испугу, свойственная истеричкам. Тем не менее есть основания в этом случае предположить, что очень много поводов к испугу, который объективно не имеет никакого отношения к половой сфере, воспринимаются ими в качестве половых. Кто теперь скажет, с чем связывается у них переживание, вызвавшее в них испуг, которое при том по всем признакам совершенно лишено сексуальных элементов?

Совмещение целого ряда всевозможных противоречий в истеричках всегда вызывало в людях удивление. С одной стороны, они отличаются развитым критическим умом и строгой последовательностью и верностью своих суждений, сильно противятся действию гипноза и т. д. С другой стороны,

они сильно возбуждаются под влиянием самых незначительных явлений и склонны впадать в самый глубокий гипнотический сон. С одной стороны, они кажутся нам неестественно целомудренными, а с другой – необычайно чувственными.

Но все это легко объясняется с излагаемой здесь точки зрения. Глубокая правдивость, бескорыстная любовь к истине, строгое избегание всего полового, осмысленное суждение и сила воли – все это составляет лишь частицу той псевдоличности, которую женщина, по своей пассивности, разыгрывает перед собой и всем миром. Все то, что свойственно ее истинной природе и составляет ее единственный смысл, образует собою «отделившуюся личность», ту «бессознательную душу», которая может проявиться в самых разнообразных непристойностях или подчиниться безраздельному влиянию со стороны других. В фактах, известных под именем «duplex» и «multiplex personality», «double conscience» или «раздвоение я», хотели узреть один из убедительнейших аргументов против допущения единой души. В действительности же все эти явления дают лучшее указание на то, что и где можно говорить о ее единой душе. «Раздвоение личности» возможно только там, где с самого начала отсутствует личность, как это бывает у женщины. Все знаменитые случаи, которые описаны Жане в книге «Психологический автоматизм» относятся только к женщинам. Ни один из них не имеет отношения к мужчине. Только женщина, лишенная души и умопостигаемого «я», не в состоянии познать своего внутреннего содержания, не в силах озарить духовный мир светом истины. Только она может превратиться в игрушку чужого сознания, совершенно пассивно проникающего в ее существо, и побуждений, заложенных глубоко в ее истинную природу, что предполагает Жане при описании истерических явлений. Только она может в такой сильной степени притворяться, жаждать полового акта и вместе с тем испытывать страх перед ним, маскироваться перед собой и скрывать свое истинное хотение в непроницаемую оболочку кокона. Истерия есть банкротство внешнего, мнимого «я», поэтому она превращает иногда женщину в «tabula rasa». Последняя кажется лишенной всех собственных влечений («анорексия»). Но это продолжается до тех пор, пока не проявляется истинная натура женщины, которая решительно протестует против лжи истерического отрицания. Если этот «chos nerveux», эта психическая «trauma» является испугом действительно асексуального характера, то тем самым лучше всего доказывается вся слабость и неустойчивость усвоенного «я», которое исчезает и, таким образом, дает возможность проявиться истинной природе.

Появление последней и есть именно та, «противоволя» Фрейда которая ощущается, как нечто совершенно чуждое. От этой «противоволи» больная хочет спастись, прибегнув к помощи ложного «я», которое в теперешнем состоянии превратилось в нечто дряхлое и хрупкое. Больная всячески стремится оттеснить эту «противоволю». Прежде внешнее принуждение, в котором истеричка видела свой долг изгнало истинную природу ее из сферы сознания, прокляло и заковало ее в цепи. Теперь же женщина стремится спастись от освободившихся рвущихся наружу сил, спастись бегством в ту систему усвоенных ею принципов, с помощью которой она надеется уничтожить и свергнуть с себя действие непривычных искушений. Но эта система уже, во всяком случае, потеряла свое исключительное господство. Это «чужеродное тело в сознании», это «дурное я» составляет на самом деле ее истинную женскую природу, в то время как то, что она считает своим истинным «я», является личностью, которая сложилась под влиянием всех чуждых ей элементов. «Чужеродное тело» есть не что иное, как сексуальность которой женщина не признает и от которой она всячески открещивается. Но она уже

не в состоянии сдерживать эту сексуальность, как прежде, когда все ее влечения без борьбы и навсегда отступали под напором внедрявшейся в нее нравственности. Правда, половые представления, подавляемые с крайним напряжением, могут вызвать в ней самые разнообразные чувства. Этим объясняется тот неустойчивый характер болезни, перескакивания из одной фазы в другую, тот подражательный, непостоянный элемент в ней, который так затрудняет симптоматическое определение истерии. Но никакие превращения не в состоянии уничтожить основное влечение. Оно стремится проявиться наружу и не исчерпывается ни в одном из упомянутых моментов. Неспособность женщин к истине обуславливает их лживость. Для меня, в частности, это положение является результатом отсутствия у нее свободной воли к истине, так как я придерживаюсь точки зрения кантовского индетерминизма. Кому приходилось вести знакомство с женщинами, тот отлично знает, как часто они приводят ложные мотивы для оправдания своих внутренних слов и поступков, стоит их только внезапно притянуть и решительно заставить их держать ответ, и они не затруднятся в выборе тех или иных оправданий. Отсюда несомненно вытекает, что именно истерички педантично (но не без известной демонстративной умышленности перед чужими) избегают всякой лжи, но именно в этом, как это и ни парадоксально, заключается их лживость. Они не отдают себе отчета в том, что требование истины проникало и постепенно пускало в них корни, шедшие из внешней среды. Они рабски приняли критерии нравственности и при каждом удобном случае дают, подобно верному рабу, понять, как неуклонно они соблюдают их. Нередко приходится слышать, что о комнибудь творят, что он очень порядочный человек. Но такая аттестация всегда кажется весьма подозрительной. Следует полагать, что такой человек сам постарался о том, чтобы все знали о его высокой порядочности, и часто держат пари, что в тайне души он – прохвост. Если врачи очень часто (и вполне искренне) говорят о высокой нравственности своих пациенток, то от этого наше доверие к истинности истерической нравственности ничуть не увеличивается. Я повторяю: истерички симулируют не сознательно. Только под влиянием внушения они могут вполне сознать, что все происшедшее являлось одной только симуляцией, и в этом заключается весь смысл их «признания» в притворстве. В общем они глубоко верят в свою искренность и нравственность. Страдания, которые причиняют им нестерпимые муки, не являются плодом их воображения. Напротив, тот факт, что они их действительно чувствуют и что симптомы эти исчезают только с появлением брейеровской «katharsis», которая путем гипноза постепенно приводит их к познанию истинных причин болезни, этот факт служит доказательством органического характера их лживости. Даже обвинения, которые склонны возводить на себя истерички, в корне своем представляют собою то же притворство. Если какиенибудь незначительные проступки вызывают в нас то же чувство вины, что и крупные преступления, то следует признать подобное чувство недостаточно развитым. Если бы у истерических самоистязателей была определенная мера нравственности в себе и вне себя, то они были бы тогда немного разборчивее в обвинениях, возводимых на себя, они тогда отличали бы простое упущение от серьезного проступка в том смысле, что чувство виновности в том и другом случае обладало бы неодинаковой интенсивностью. Решающим показателем бессознательной лживости их самоупреков является манера всех истеричек рассказывать другим, как они дурны, сколько грехов они совершили, и к тому же еще спрашивают, не являются ли они совершенно погибшими существами. Кого действительно мучат угрызения совести, тот не будет так говорить. Это глубокое заблуждение, в которое впали особенно

Брейер и Фрейд, говоря, что только истерички являются высоко нравственными людьми. Дело в том, что именно они гораздо полнее других восприняли в себе нравственность, которая первоначально была им совершенно чужда. Они рабски подчиняются этому кодексу, не подвергая его самостоятельному испытанию, не взвешивая в дальнейшем никаких частных. Это очень легко может создать впечатление строго нравственного ригоризма, однако это крайне безнравственно, так как представляет собою высшую степень гетерономии. Истеричные женщины ближе всего соответствуют бытовым целям социальной этики, для которой ложь едва ли является проступком, коль скоро она приносит пользу обществу и служит интересам развития рода. Последователь подобной гетерономной этики более всего похож именно на истеричку. Истеричная женщина является пробирной палаткой этики социальной и этики повседневной жизни: как со стороны генетической, так как нравственные предписания усвоены ею извне, так и со стороны практической, ибо она всегда будет вызывать представление о себе, как об альтруистке. Ведь долг по отношению к другим для нее не есть частный случай тех обязанностей, которые она несет по отношению к себе самой.

Чем сильнее истерички верят в свою приверженность к истине, тем глубже сидит в них ложь. Их полная неспособность к собственной истине, к истине относительно самих себя (истерички никогда не задумываются над собою и хотят только, чтобы другой думал о них, хотят его заинтересовать), видна уже из того, что истерички являются лучшими медиумами при всевозможных гипнозах. Кто дает себя загипнотизировать, тот делает самый безнравственный из всех поступков, какие себе можно только представить. Он отдает себя в полнейшее рабство: он отказывается от своей воли, своего сознания. Другой, совершенно посторонний человек, приобретает над ним неограниченную власть, благодаря которой он в состоянии вызвать в гипнотизируемом объекте то сознание, какое ему заблагорассудится. Таким образом гипноз дает нам доказательство того, насколько возможность истины зависит от хотения, но непременно собственного, истины. Человек, которому внушили чтонибудь в гипнотическом состоянии, исполняет это уже при бодрствующем сознании, но тут же на вопрос о причинах такого действия, он подыскивает какойнибудь мотив для обоснования своих поступков. Не только перед другими, но и перед собою он оправдывает свой образ действий различными беспочвенными доводами, схваченными на лету. Тут мы имеем, так сказать, экспериментальное подтверждение кантовской этики. Если бы загипнотизированный был лишен одних только воспоминаний, то его непременно испугал бы один тот факт, что он знает, что совершает нечто. Но он без особенного затруднения придумывает какойнибудь мотив, который, конечно, не имеет ничего общего с истинной причиной его поступков. Он отказался от собственного хотения, а потому и потерял способность к истине.

Все женщины поддаются действию гипноза и хотят этого. Легче же всего гипнотизировать истеричек. Даже память об определенных явлениях их собственной жизни, можно вытравить, уничтожить одним только внушением, что бы они ничего больше не знали об этом.

То, что Брейер называет «абреагированием» психических конфликтов у загипнотизированного больного, дает неопровержимое доказательство того, что чувство виновности было у него не собственное. Кто хоть один раз серьезно чувствовал себя виновным, тот не может так легко, как истерички, освободиться от этого чувства под влиянием доводов чужого человека.

Но это мнимое самомнение истеричек испаряется в тот момент, когда истинная природа, сексуальное влечение, грозит вырваться из призрачных оков своих. В пароксизме истерии женщина настойчиво уверяет себя в том, во что она сама уже верит не так сильно, как раньше: «этого я совершенно не хочу, этого кто то хочет от меня чужой, посторонний человек, я же сама совершенно не хочу этого». Всякое побуждение других людей она ставит в связь с этим требованием, которое, как ей кажется, люди предъявляют к ней. На самом же деле это требование непосредственно вытекает из ее собственной природы и вполне соответствует глубочайшим желаниям ее вот почему: самая незначительная мелочь может разбудить во время припадка истеричку. Здесь речь идет о последнем живом отрицании настоящей природы женщины, с невероятной силой освобождающейся от всех пут. «Attitudes passionnelles» истерических женщин есть не что иное, как демонстративное отвержение полового акта, отвержение тем более громогласное и настойчивое, чем менее искреннее и более опасное. По этой причине женщины так легко переходят из истерического припадка в сомнамбулизм (согласно Жене). В этом случае, они подчинены наиболее сильной чужой воле. С этой точки зрения легко понять тот факт, что острая форма истерии играет важную роль во всевозможных сексуальных переживаниях, предшествующих периоду половой зрелости. Легко оказать моральное воздействие на ребенка, так как при таких обстоятельствах сопротивление со стороны едва пробуждающихся половых вожделений очень не велико, а потому его можно преодолеть без особенного труда. Но истинная природа, оттесненная на задний план, но не побежденная, вызывает снова к жизни старое переживание, которое получило уже тогда положительную оценку, не обладая достаточной силой запечатлеть и сохранить его в бодрствующем сознании. Теперь это переживание выступает во всей своей соблазнительности. Теперь уже трудно удалить эту истинную потребность из сферы бодрствующего сознания, а потому и наступает кризис. Тот же факт, что истерический припадок проявляется в самых разнообразных формах и что он способен беспрерывно облекаться во все новые и новые симптоматические образы, объясняется тем, что первопричина страданий не познана, что индивидуум не соглашается с наличием полового влечения в этом явлении, что оно, по его мнению, исходит не от него самого, а от другого, его второго «я». В этом лежит основная ошибка всех врачей – наблюдателей истерии. Изучая природу истеричных женщин, они обманывают себя тем же самым, во что уверовали сами истерички: не отвергающее, а отверженное «я» является истинной, настоящей, изначальной природой истеричных женщин, как бы настойчиво они ни старались бы внушить себе и другим, что это «я» совершенно чуждо им. Если бы отвергающее «я» было их собственным действительным «я», тогда они могли бы противопоставить себя чуждому им искушению, сознательно оценить его и отвергнуть с полной решительностью, выразить его в определенном понятии и познать его природу. И вот наступает симуляция, маскирование, так как отвергаемое «я» в сущности только одолжено, а потому нет у нее и смелости смотреть своему желанию прямо в глаза. Ведь как бы то ни было истеричка отлично чувствует, что это желание – первородный, самый властный мотив ее души. Потому что вожделение не может выразиться в совершенно идентичной форме, поскольку отсутствует тождество субъекта. Так как это желание должно быть подавлено, то оно и перепрыгивает с одной части тела на другую. Ложь многообразна. Она вечно меняет формы своего проявления. Это объяснение найдут, пожалуй, несколько мифологическим, но, во всяком случае, нужно согласиться, что мы имеем дело с одним и тем же явлением, которое обнаруживается то в виде контрактуры, то частичной анестезии, то совсем в

виде паралича. Это именно явление и есть то, чего истеричка ни в коем случае не хочет признавать своим, но именно благодаря подобному отрицанию, она подпадает под власть этого явления: ибо если бы она вменила его себе и постаралась составить определенное суждение о нем, как она поступает по отношению к самым ничтожным вещам, то она уже тем самым как нибудь поставила бы себя вне своего переживания, или поднялась бы над ним. Это именно неистовство и чувство возмущения, которое охватывает истеричек при столкновении со всем тем, что они ощущают, как желание, совершенно чуждое им, хотя оно им в глубокой степени и присуще, это чувство в достаточной мере показывает, что они находятся в том же рабском подчинении сексуальности, как и неистерички, так же подавлены своей судьбой и лишены всего, что возвышается над ней: вневременного, умопостигаемого, свободного «я».

Но можно с полным основанием спросить, почему не все женщины истеричны, тогда как лживы они все. Этот вопрос ничуть не отличается от вопроса о сущности истерической конституции. Если развитая здесь теория правильна, то она должна дать ответ, вполне соответствующий фактам действительности, и на этот вопрос. Согласно этой теории истеричка есть женщина, которая в пассивной покорности своей воспринимала весь комплекс мужских и общественных оценок, вместо того, чтобы предоставить своей чувственной природе возможно более свободный ход развития. Непокорная женщина есть, таким образом, противоположность истерички. Я не хотел бы долго останавливаться на этом вопросе, так как он относится к области женской характеристики. Истеричная женщина становится истеричной в силу свойственном ей сервиллизма. Она совершенно тождественна в духовном отношении типу служанки. Ее противоположностью, т. е. женщиной, совершенно лишенной истеричности (которая существует только в идее, но не в действительности), была бы мегера. И это является основой подразделения женщин. Служанка служит, мегера властвует. Служанкой надо родиться, и к ее типу относятся и такие женщины, которые достаточно богаты для того, чтобы в действительности и не занимать никогда должности ее. Служанка и мегера всегда находятся в отношениях взаимной дополнимости.

Следствия, вытекающие из этой теории, вполне подтверждаются опытом. Ксантипа – это женщина, которая и на деле очень мало имеет общего с истеричкой. Она вымещает свою ярость (которую следует объяснить, как недостаток половой удовлетворенности) на других, истеричная раба – на себе. Мегера «презирает других», служанка «презирает себя». Все, что давит и мучает мегеру, в достаточной степени чувствует и ее ближний: она льет слезы так же легко, как и служанка, но всегда обращает свои слезы на других. Раба хнычет и одна, не будучи никогда одинокой, ибо одиночество идентично нравственности и является условием истинной двойственности и множественности. Мегера не выносит одиночества, она должна сорвать свою злобу на ком нибудь вне себя, в то время как истеричка преследует только себя. Мегера лжет открыто и только, но она не сознает, что лжет, так как по природе своей она должна верить, что всегда права. Она поэтому готова обругать человека, который ей в чем нибудь противоречит. Служанка безропотно исполняет требование истины, которое также чуждо и ее природе. Лживость ее беззаветной покорности сказывается в ее истерии, т. е. когда разгорается конфликт с ее собственными половыми желаниями. В силу этой склонности к рецепции и всеобщей восприимчивости мы сочли нужным подробнее остановиться на вопросе об истерии и истерической женщине. Я думаю, что в конечном итоге мне выдвинут в качестве возражения именно этот тип, но не мегеру. Лживость, органическая лживость характеризует оба эти типа, а вместе с ним и всех женщин. Очень неверно, когда говорят, что

женщины лгут. Ибо это предполагает, что они когда нибудь говорят правду. Словно искренность, *pro foro interno et externo*, не есть именно та добродетель, к которой женщина абсолютно неспособна, которая для нее совершенно невозможна! Речь идет о том, чтобы постигнуть, насколько женщина никогда и жизни своей не бывает правдива, даже тогда или впервые именно только тогда, когда она, подобно истеричке, рабски придерживается гетерономного ей требования истины и внешним образом говорит одну только правду.

Каждая женщина может по заказу смеяться, плакать, краснеть. Она может по желанию даже плохо выглядеть. Мегера это может сделать в интересах какой нибудь цели, когда захочет. Служанка это делает под влиянием внешнего принуждения, которое совершенно бессознательно для нее властвует над нею. Для такой лживости у женщины не хватает органических и физиологических условий.

Но если после разоблачения этого чувства любви к истине чувства, свойственного этому типу женщин, оно превратилось в своеобразную форму лживости, то следует заранее полагать, что со всеми прочими качествами, которые так превозносят в женщине, дела обстоят не лучше. В особенности хвалят ее стыдливость, самонаблюдение, религиозность. Но женская стыдливость, это не что иное, как демонстративное отрицание и отвержение собственной нецеломудренности. Если в женщине можно обнаружить такие черты, которые указывают на стыдливость, то можно быть заранее уверенным, что в ней мы найдем в соответственной мере и истерию. Совершенно неистеричная женщина та, которая абсолютно не поддается влиянию, т. е. абсолютная мегера не покраснеет даже тогда, когда мужчина сделает вполне заслуженный упрек. Зачатки истерии лежат там, где женщина краснеет под непосредственным влиянием порицания со стороны мужчины. Но женщина вполне истерична только тогда, когда она краснеет при отсутствии всякого постороннего человека, будучи совершенно одна: только тогда она всецело проникнута другим человеком, пропитана мужской оценкой.

Женщины, которые близки к состоянию, известному под именем половой анестезии или холодности, являются, на мой взгляд, который кстати сказать вполне совпадает с выводами Поля Солье, истеричками. Сексуальная анестезия есть один только вид бесчисленного количества истерических, другими словами, неистинных, ложных анестезий. Ведь в точности известно, особенно благодаря опытам Оскара Фогта, что подобные анестезии не представляют собою действительного отсутствия ощущений, а являются известным принудительным началом, которое устраняет и исключает из сознания некоторые ощущения. Если уколоть несколько раз анестезированную руку загипнотизированной женщины и одновременно попросить медиума назвать какое нибудь любое число, то он назовет число полученных им уколов, которое он не решался перцепировать в силу определенного приказания. И половая холодность возникла по известной команде: под влиянием принудительной силы усвоения чужого асексуального жизнепонимания, проникшего в сознание женщины из внешней среды. Но и холодность, подобно всякой анестезии, можно также уничтожить по команде.

Совершенно так же, как с физической нечувствительностью к половому акту, обстоит дело и с отвращением к половой жизни вообще. Подобное отвращение, или интенсивное отрицательное отношение ко всему сексуальному, действительно ощущается некоторыми женщинами, и вот тут как раз уместно было бы подумать, что рушится наш взгляд, согласно которому сводничество является всеобщей чертой, вполне тождественной женственности. Женщины, которые склонны к заболеванию оттого, что им случилось застать двух людей при выполнении полового акта, несомненно и всегда истерички. Здесь с

особенной убедительностью обнаруживается правильность теории, по которой сводничество является истинной сущностью женщины, а сексуальность последней подчинена сводничеству, как отдельный, специальный случай его. Женщина может стать истеричкой не только благодаря половому насилию, которое было совершенно над ней и от которого она внешним образом защищается, хотя внутренне и далека от его отрицания, но также и при взгляде на какую-нибудь пару, совершающую акт совокупления, правда, ей кажется, что она оценивает этот акт с отрицательной стороны, но природное утверждение его властно порывается сквозь все наносное и искусственное, сквозь строй мыслей, привитых и втиснутых в нее внешней средой. При всяком половом общении других людей она чувствует и себя участницей полового акта.

То же самое можно о «сознании виновности» у истеричек, которое мы уже подвергли критическому разбору. Абсолютная мегера никогда не чувствует себя виновной. Женщина, одержимая истерией в легкой степени, испытывает сознание вины только в присутствии мужчин, что же касается женщины, сильно страдающей от истерии, то она сознает свою виновность в присутствии того мужчины, который приобрел безраздельное господство над ее внутренним миром. Чтобы доказать наличность сознания виновности у женщин, не следует приводить в виде примера самобичевания флагелланток и кающихся грешниц. С ними мы недалеко уйдем. Именно крайние формы, которые принимает здесь самонаказание, бросает на них некоторую тень подозрения. Самобичевание в большинстве случаев указывает лишь на то, что человек не поднялся над своим поступком, что он не берет его на себя путем достижения сознания виновности. Это скорее попытка навязать себе извне раскаяние, которое внутренне ощущается человеком недостаточно интенсивно, и таким путем, сообщить ему ту силу, какой оно и в настоящее время еще лишено.

Но в чем заключается разница между сознанием виновности истерички и мужским сознанием, направленным внутрь человека. И как возникают самоупреки у истерички – все это пункты весьма важные, требующие точного разграничения. Когда женщина замечает на себе, что сна в каком-то случае нарушила основы нравственности, то она исправляет свою ошибку, сообразно предписаниям кодекса, и старается по возможности точнее исполнить их. Она стремится поставить на место своего безнравственного желания то именно чувство, которое рекомендуется кодексом для данного случая. Ей не приходит в голову мысль, что в ней кроется глубокое, внутреннее, постоянное влечение к пороку. Это ее не ужасает, она не стремится понять внутренние мотивы своего поступка с тем, чтобы вполне выяснить его содержание и свою истинную роль в данном факте. Она шаг за шагом приспосабливается к требованиям нравственности. Это не переворот, вытекающий из целого, из идеи а постепенное улучшение от одного пункта к другому, от случая к случаю. Нравственный характер создается в женщине отдельными клочками, в мужчине, если он только добр, нравственный поступок вытекает из нравственного характера. В мужчине весь человек пересоздается одним обетом. Все, что может совершиться, совершается только изнутри, переход к такому образу мыслей, который единственно в состоянии привести к святости, настоящей, но не искусственной. Вот почему нравственность женщины непродуктивна. Это доказывает, что женщина сама безнравственность, ибо только этика созидательна, она одна – творец вечного в человеке. Потому истеричные женщины не могут быть истинно гениальными, хотя бы внешним образом могло показаться значительно иначе (святая Тереза). Гениальность есть высшая доброта, высшая нравственность,

которая всякую границу чувствует, как слабость и вину, как несовершенство и трусость.

В связи с этим стоит вечно повторяемая и переходящая из уст в уста ошибка, что женщина обладает религиозным складом души. Женская мистика, поскольку она выходит за пределы простых суеверий, с одной стороны является мягко скрытой сексуальностью, как у многих спириток и теософов, отождествление возлюбленного с божеством было отмечено уже многими писателями, особенно Мопассаном, в лучшем романе которого Христос принимает в глазах жены банкира Вольтера черты «Милого друга», после него этой теме коснулся также Герхарт Гауптман в «Вознесении Ганнеле». С другой стороны эта мистика есть не что иное, как религиозность мужчины, усвоенная совершенно бессознательно и пассивно женщиной. Этой религиозности женщина придерживается с тем большей последовательностью, чем сильнее она противоречит ее истинным потребностям. Возлюбленный иногда превращается в Спасителя, или наоборот. Спаситель в возлюбленного (как известно, у многих монахинь). Все великие визионерки, о которых упоминает история (см. часть I), были истеричками. Самую значительную среди них, святую Терезу, не без основания называли «ангелом хранителем истеричек». Но если бы религиозность женщин была бы настоящей, истинной религиозностью, вытекающей из глубоких основ внутреннего существа, то женщины должны были бы что-нибудь создать в сфере религиозной мысли, но на самом деле они не проявили никакого творчества в этом направлении. Меня, вероятно, поймут, если я выражу разницу между мужским и женским *credo* в следующих словах: религиозность мужчины есть высшая вера в себя самого, религиозность женщины есть высшая вера в других.

Остается еще одно только самонаблюдение, которое, как привыкли думать, развито в необычной степени у истеричек. Но то, что это самонаблюдение женщины есть не более и не менее, как наблюдение над женщиной со стороны мужчины, проникшего в самые глубокие основы ее сущности, ясно видно из того способа, каким Фогт добился самонаблюдения загипнотизированных, продолжая в широких размерах опыты предпринятые Фрейдом. Посторонняя мужская воля, путем влияния на загипнотизированную женщину, создает в ней самонаблюдателя, приводя ее в состояние «систематически суженного бодрствования». Но и вне внушения в обычной жизни истерички в ней наблюдается только тот мужчина, который насквозь пропитал ее существо. И поэтому то знание людей, которым обладают женщины, является результатом того, что они насквозь пропитались правильно понятым ими мужчиной. В пароксизме истерии исчезает это искусственное самонаблюдение под напором прорывающейся наружу истинной природы.

Совершенно также обстоит дело и с ясновидением истерических медиумов, которое несомненно имеет место в действительности, но у которого так же мало общего с «окультуренным» спиритизмом, как и с гипнотическими явлениями. Как пациентки Фогта под влиянием энергичной воли внушителя отлично производили над собою самонаблюдение, так и ясновидящая под давлением грозного голоса мужчины, который может заставить ее все сделать, приобретает способность к телепатическим действиям, например, она покорно читает с завязанными глазами по книге, которую держат на далеком расстоянии от нее, в чем я самым положительным образом убедился в бытность мою в Мюнхене. Дело в том, что в женщине воля к добру и истине не встречает того сопротивления в лице сильных, неискоренимых страстей, какое бывает у мужчин. Мужская воля скорее способна властвовать над женщиной, чем над мужчиной: он может в женщине осуществить нечто такое, чему в его собственном духовном мире противится целая масса вещей.

В мужчине раздается протест против прояснения со стороны антиморальных и антилогичных элементов. Он не хочет одного только познания, он жаждет еще чего то другого. Но над женщиной мужская воля приобретает такую непреодолимую силу, что мужчина в состоянии сделать женщину ясновидицей, в результате чего у нее отпадают всякие границы чувственности. Вот почему женщина более телепатична, чем мужчина. Она может скорее казаться безгрешной, чем он. Поэтому она, как ясновидица, может проявить нечто более изумительное, чем мужчина, конечно, только в том случае, когда она превращается в медиума, т. е. в объект, наиболее приспособленный воплотить в себе наиболее легким и совершенным образом волю мужчины к добру и истине. И Вала может кое что знать, но только тогда, когда она осилена Вотаном. Здесь женщина сама идет навстречу мужчине, ибо ее единственная страсть – это быть под гнетом принуждения. Таким образом я исчерпал тему об истерии, по крайней мере, в тех пределах, в каких это необходимо было для целей настоящего исследования. Женщины, которые обыкновенно приводятся в качестве примеров женской нравственности, всегда истерички. Именно это педантичное соблюдение принципов нравственности, это строгое следование закону морали (будто бы этот закон является законом их личности! Нет, здесь скорее бывает наоборот: закон, совершенно не считаясь с их личностью овладевает и всецело проникает в существо женщины) обнаруживает всю их лживость, всю безнравственность этой нравственности. Истерическая конституция есть смешная мимикрия мужской души, пародия на свободу воли, которую навлекает на себя женщина особенно в те моменты, когда она находится под сильным влиянием мужчины. Даже наиболее высоко стоящие женщины не что иное, как истерички. Если мы в них видим некоторое ослабление силы полового влечения, которое отличает их от других женщин, то это далеко не является результатом собственной мощи, заставившей противника сложить оружие в упорной борьбе. Но истерические женщины испытывают, по крайней мере, на себе силу мести своей собственной лживости и в этом смысле их можно (хотя и неправильно) назвать суррогатом той трагедии, на которую женщина во всех остальных отношениях совершенно неспособна. Женщина не свободна: она в конце концов вечно находится под гнетом своей потребности быть изнасилованной мужчиной, как в своем лице, так и в лице других. Она находится под неотразимым влиянием фаллоса и нет для нее спасения от рокового действия его даже в том случае, когда дело еще не доходит до полового общения. Высшее, до чего женщина может дойти – это смутное чувство своей несвободы, слабое предчувствие нависшего над ней рока, но это уже будут последние проблески свободного, умопостижаемого субъекта, жалкие остатки врожденной мужественности, которые сообщают ей путем контраста ощущение (правда, слабое) необходимости, ибо абсолютной женщины нет. Но ясное сознание своей судьбы и того принуждения, которое вечно тяготеет над ней, совершенно недоступно для женщины: только свободный человек может познать свой фатум, так как он не всецело поглощен необходимостью, а известной частью своего существа он стоит вне своей судьбы и над ней в качестве объективного наблюдателя и борца. Убедительное доказательство человеческой свободы заключается в том, что человек в состоянии был дойти до понятия причинности. Женщина именно потому и считает себя не связанной, что она связана по рукам и ногам: она не страдает от страсти, так как она – сама страсть. Только мужчина может говорить о «*dura necessitas*», кроющейся в нем, только он в состоянии постичь концепцию Мойры и Немезиды, только он мог создать Парк и Норн: ибо он не только эмпирический, обусловленный но и уместигаемый, свободный субъект.

Но как уже было сказано: если женщина начинает смутно чувствовать свою детерминированность, то этого еще никак нельзя назвать ясным сознанием, постижением, пониманием, ибо для последнего необходима воля к своему собственному «я». Это состояние так и обрывается на тяжелом темном чувстве, ведущем к отчаянному самотерзанию, но оно никогда не доводит женщину до решимости начать войну, ту войну, которая в себе самой кроет возможность победы. Женщины неспособны осилить свою сексуальность, которая поработила их на веки. Истерия была движением обороны против пола. Если бы эта борьба против собственной страсти велась честно и серьезно, если бы поражение этой страсти было искренним желанием женщины, то все было бы вполне возможно для нее. Но истерия это именно то, что так желательно самим истеричкам: они никогда серьезно не пытаются выздороветь. Лживость этой демонстрации против рабства обуславливает ее безнадежность. Лучшие экземпляры женского пола могут отлично сознавать, что это рабство обязательно для них только потому, что они это сами желают, вспомните Юдифь Геббеля и Кундри Вагнера. Но и это не дает еще им достаточно сил, чтобы серьезно обороняться от этого принуждения: в последний момент они все еще целуют того мужчину, который их насилует, и рабски подчиняются воле того мужчины, который медлит еще своими ласками. Над женщиной как бы тяготеет проклятие. Временами она может чувствовать всю тяжесть этого гнета, но она никогда не освободится от него, так как этот гнет мучительно сладок для нее. Ее крик и неистовство в основе неискренни, не настоящие. Сильнее всего она жаждет этого проклятия именно тогда, когда притворяется, будто ведет отчаянную борьбу против него.

* * *

Итак, длинный ряд выставленных мною положений, в которых выражается отсутствие у женщины какого нибудь врожденного, неотъемлемого отношения к ценностям, остался нетронутым. Ни одного из этих положений не пришлось взять обратно или даже только ограничить. Их не в состоянии были опровергнуть все те качества, которые так сильно превозносятся под видом женской любви, женской набожности, женской стыдливости, женской добродетели. Они выдержали также сильнейший напор со стороны огромной армии истерических подделок под преимущество мужчины. Не одним только мужским семенем, которое оплодотворяет и производит сильный перелом в женщине, только что вступившей в брак, но и сознанием мужчины, даже его социальным ДУХОМ пропитывается она с самого раннего детства своего: под влиянием всех этих моментов женщина (конечно, восприимчивая) совершенно преобразуется в самых глубоких основах своей сущности. Этим объясняется тот факт, что все качества, которые свойственны исключительно мужскому полу и совершенно чужды женскому, тем не менее проявляются в женщинах благодаря рабскому подражанию мужчине. Отсюда понятны будут все бесчисленные ошибки людей, которые говорили о высшей женской нравственности.

Но эта поразительная рецептивность женщины все еще остается одним только изолированным фактом опыта. Теоретические задачи нашего исследования требуют установления прочной связи между этой рецептивностью и всеми прочим положительными и отрицательными качествами женщины. Что общего между легкой формируемостью женщины и ее влечением к сводничеству, что общего между сексуальностью и лживостью? Почему все это сосредоточивается в женщине именно в подобном соединении?

Необходимо еще обосновать, каким образом женщина в состоянии все это воспринять в себя. Откуда эта лживость, благодаря которой женщина

приписывает себе веру в то, что она переняла от других, обладание тем, что она лишь от них получила, бытие того, чем она только стала с помощью других?

Чтобы дать ответ на все поставленные вопросы, необходимо в последний раз свернуть с прямого пути нашего исследования. Нетрудно будет вспомнить, что мы находили глубокое различие и вместе с тем нечто глубоко сродственное между животным узнаванием, этим психическим эквивалентом всеобщей органической способности к упражнению, и человеческой памятью. В то время, как оба они являются вечным продолжением влияния одного временно ограниченного впечатления, человеческая память в отличие от непосредственного пассивного узнавания находит выражение своей сущности в активном воспроизведении прошедшего. В дальнейшем мы отличали индивидуацию, которая присуща всему органическому, от индивидуальности – черты исключительно человеческой. Наконец, явилась необходимость строго разграничить половое влечение и любовь, причем опять таки только первое можно было приписать также и нечеловеческим существам. Тем не менее оба они оказались глубоко родственными, как в самых низменных, так и в самых возвышенных проявлениях своих (как стремление к собственному увековечению). Стремление к ценности неоднократно признавалась чертой, характерной для человеческого существа, животным же мы приписывали только стремление к наслаждению и одновременно отказывали им в понятии ценности. Существует известная аналогия между наслаждением и ценностью, но вместе с тем эти оба понятия в основе своей глубоко различны: к наслаждению стремятся, к ценности необходимо стремиться. Оба эти понятия самым неосновательным образом смешиваются. Отсюда отчаянная путаница, которая так долго уже господствует в психологии и этике. Но подобное смешение существовало не только относительно понятий ценности и наслаждения. Не лучше обстояло дело и с понятиями личности и лица, узнавания и памяти, полового влечения и любви: все эти противоположные понятия совершенно не различаются, и что еще удивительнее, почти одними и теми же людьми, с теми же теоретическими воззрениями и как будто с намерением стереть всякое различие между человеком и животным.

Большей частью оставляют без внимания и дальнейшие различия, которые мы сейчас затронем. Узость сознания есть свойство животного, свойство человека – активная внимательность. Эти свойства содержат нечто общее, но вместе с тем и нечто глубоко различное. То же можно сказать и относительно обычного смешения понятий влечения и воли. Влечение свойственно всем живым существам, но у человека к нему присоединяется воля, которая вполне свободна и которая не является психологическим фактом, так как она лежит в основе всех психологических переживаний. В том, что люди совершенно отождествляют влечение и волю, заключается вина не одного только Дарвина, ее следует в одинаковой степени приписать, с одной стороны, неясному, общему, натурфилософскому, с другой стороны, чисто этическому понятию воли у Артура Шопенгауэра.

Я сопоставляю:

Из этой таблицы видно, что рядом с каждым отдельным свойством, присущим всему органическому, у человека находится еще одно свойство, родственное с первым, но стоящее значительно выше его. Стародавнее тенденциозное отождествление этих обоих рядов с одной стороны, необходимость строго различать отдельные члены этих рядов с другой стороны, указывают на нечто общее, связывающее члены одного ряда с членами другого, но вместе с тем выражают и глубокое различие между ними. Прежде всего здесь создается представление, что в человеке воздвигается какая то надстройка из высших качеств на фундаменте соотносительных низших свойств. Это обстоятельство

невольно наводит нас на мысль об одном учении индийского эзотерического буддизма, об его теории о «волнах человечества». Одновременно кажется, что на каждое исключительно животное качество накладывается в человеке другое свойство, родственное первому, но принадлежащее к высшей сфере. Это явление можно сравнить с соединениями различных колебаний между собою: упомянутые низшие качества никогда не отсутствуют в человеке, но к ним присоединяется в нем еще нечто другое. Но что представляет собою это новоприсоединенное? Чем оно отличается от другого? В чем заключаются черты сходства между ними? Приведенная таблица ясно показывает, что существует глубокое сходство между двумя членами левого и правого ряда, стоящими на одинаковой высоте. Вместе с тем из этой же таблицы отчетливо обнаруживается, что все члены каждого ряда тесно связаны между собою. Откуда это поразительное соответствие при одновременном существовании непреходимого различия?

Черты, отмеченные на левой стороне таблицы, являются фундаментальными качествами, присущими всякой животной (и растительной) жизни. Это жизнь отдельных индивидуумов, но не сплоченных масс. Она проявляется как некоторое влечение для удовлетворения своих потребностей, в особенности же, как половое влечение в целях размножения рода. Индивидуальность, память, волю, любовь можно признать качествами другой жизни, которая имеет известное сходство с органической жизнью, но которая *toto coelo* от нее отличается.

Та глубоко верная идея, с которой мы тут же встречаемся, есть идея вечной, высшей, новой жизни религий, в частности, христианства. Кроме органической, человек участвует еще в другой жизни, в духовной. Как та жизнь питается земной пищей, эта жизнь требует духовной пищи (символ тайной вечери). Как та имеет момент рождения и смерти, так и эта знает момент обоснования – нравственное возрождение человека, «воскресение», и момент гибели: окончательное погружение в безумие и преступление. Как та определяется извне причинными законами природы, так и эта связывается изнутри нормирующими императивами. Та, в органической сфере своей, целесообразна, эта, в своем бесконечном неограниченном величии, совершенна.

Свойства, перечисленные в левом столбце приведенной таблицы, присущи всякой низшей форме жизни: члены правой колонны суть соответственные знаки вечной жизни. Провозвестники высшего бытия, в котором человек, и только он, принимает участие. Вечное смешение и вечно возобновляемые попытки разграничения этих обоих рядов высшей и низшей форм жизни составляют основную тему всякой истории человеческого духа: это – мотив мировой истории.

В этой второй форме жизни можно узнать нечто такое, что получило свое развитие уже при наличности прежних качеств человека. Мы не будем вдаваться в разбор этого вопроса. Но тут же следует сказать, что более вдумчивый глубокий взгляд откажется признать за этой чувственной бренной жизнью роль создателя другой высшей, духовной вечной жизни. Совершенно наоборот. Сообразно смыслу предыдущей главы, следует видеть в первой лишь проекцию второй на чувственность, ее отражение в царстве необходимости, ее падение, понижение, грехопадение. Если я не убиваю мухи, которая причиняет мне неприятное ощущение, то в этом сказываются последние проблески идеи вечной жизни во мне. Если мы таким образом дошли до глубочайшей идеи человечества, в которой оно впервые постигло истинную сущность свою, до идей грехопадения, то тут возникает вопрос, почему люди совершают этот грех? Ведь сообразно смыслу приведенной нами таблицы то, что исчезает и разрушается, остается в известном смысле самим собою,

эмпирической реальностью, ограниченным началом всего живого. Тут только наше исследование предстало перед лицом единственно существующей проблемы, на которую ни один человек не осмелился еще дать свой ответ, проблемы, которой ни один живой человек не в состоянии разрешить. Это – загадка мира и жизни, стремление вне пространственного в пространство, вневременного в пределы времени, духа в материю, это есть отношение свободы к необходимости, отношение между «что то» и «ничто», отношение Бога к черту. Мировой дуализм непостижим. Он мотив грехопадения, изначальная загадка. В нем заложены основа, смысл и цель падения из вечного бытия в преходящую жизнь, низвержения вневременного в земную временность, никогда не прекращающиеся желания совершенно невинного впасть в вину.

Я не могу понять, почему я подвержен наследственному греху, почему свободное становится несвободным, почему чистое – грязным, каким образом может грешить совершенное.

Но очень легко доказать, что этого не в состоянии понять не только я, но и всякий другой человек. Свой грех я только тогда могу познать, когда я больше его не совершаю, и наоборот: я не совершаю его с того момента, когда вполне познал его. Поэтому я не могу понять жизни, пока я нахожусь в ней. Время является для меня неразрешимой загадкой, пока я в нем существую, пока я еще полагаю его. Я постигну его сущность, когда мне удастся его одолеть. Только смерть может показать нам смысл жизни. Не было еще ни одного момента, когда я не стремился бы также и к небытию, но как это желание могло бы превратиться для меня в объект исследования, в предмет познания? Если мне уже удалось что нибудь познать, то я уже несомненно стою вне этого: моя греховность не поддается моему постижению, так как я все еще грешен. Вечная жизнь и высшая жизнь не следуют друг за другом – они параллельны, и предсуществование добра находится лишь в определенном отношении к ценности его.

Теперь пора определенно сказать: абсолютная женщина, которая лишена индивидуальности и воли, которая непричастна к ценности и любви, совершенно исключена из того высшего, трансцендентного, метафизического бытия. Умопостигаемое, сверхэмпирическое существо мужчины возвышается над материей, временем и пространством. В нем достаточно преходящего, но и много бессмертного. Он располагает возможностью выбирать между обеими из них: между одной жизнью, которая прекращается вместе с земной смертью, и другой, для которой смерть является лишь возрождением в совершенной чистоте. Глубочайшая воля мужчины направлена на это совершенное, вневременное бытие на абсолютную ценность: она тождественна с потребностью к бессмертию. Так как женщина не ощущает никакой потребности в дальнейшем существовании своей личности, то отсюда ясно; в ней нет ни одного элемента той вечной жизни, которую хочет и должен утвердить мужчина в противовес своему жалкому отражению в мире чувственности. Каждый мужчина стоит в каких нибудь отношениях к идее высшей ценности, к идее абсолютного, к идее той совершенной свободы, которой он, как личность детерминированная, еще не обладает, но которую он в состоянии достичь, так как дух властвует над природой. Такое отношение есть отношение к идее, к божеству. Жизнь на земле ведет его к конфликту и разрыву с абсолютным, но душа стремится вырваться из этой грязи, из когтей наследственного греха.

Как любовь родителей не была чистой любовью к идее, а являлась в большей или меньшей степени лишь чувственным воплощением ее, точно также и сын, который является предметом этой любви, хочет, пока он жив, не одной только вечной, но и временной жизни. Мы ужасаемся при мысли о смерти,

боремся с ней, цепко впиваемся в наше земное существование. Этим мы доказываем, что когда мы родились, мы хотели родиться, если и теперь, после рождения, мы все снова хотим родиться на этот свет. Человек, который не испытал бы никакого страха при мысли о земной смерти, умер бы в то же мгновение, ибо он был бы исполнен одной только воли к вечной жизни. Ее то должен и может осуществить в себе каждый человек: она, как и всякая жизнь, себя создает.

Но так как каждый мужчина стоит в каком-нибудь отношении к идее высшей ценности, не доводя себя до состояния полнейшей преданности этой идее, то отсюда ясно, что нет ни одного мужчины, который был бы счастлив.

Счастливы только женщины. Ни один мужчина не чувствует себя счастливым, ибо каждый находится в определенном отношении к идее свободы, будучи несвободным в своей земной жизни. Счастье является уделом или совершенно пассивного существа, как женщины, или совершенно активного, как божество. Счастье есть не что иное, как чувство совершенства, но это чувство совершенно чуждо мужчине. Только женщины способны видеть в себе олицетворение совершенства. У мужчины всегда есть проблемы в прошлом и задачи впереди, проблемы имеют свои корни в прошедшем, область задач – будущность. Для женщины и само время ни на что не направлено, оно лишено для нее смысла: нет женщины, которая поставила бы себе вопрос о цели своего существования. Только одноизмеримость времени является выражением того, что эта жизнь должна и может приобрести известный смысл.

Счастье для мужчины было бы совершенно тождественно полной, чистой активности, совершенной свободе, но оно не должно содержать в себе ни одного, даже самого незначительного намека на несвободу, ибо вина человека растет по мере дальнейшего расхождения с идеей свободы. Земная жизнь является для него сплошным страданием. Это и совершенно естественно, так как в ощущении человек всегда пассивен, так как он подвержен действию аффекта и так как, кроме формирования опыта, существует еще также материя. Нет человека, который не нуждался бы в восприятии. Без него не может обойтись и гениальный человек, хотя бы он решительнее и быстрее других людей заполнил, пронзил его всем духовным содержанием своего «я», хотя бы он и не нуждался в последовательной индукции для постижения идеи какой-нибудь вещи. Рецептивность не удастся стереть с лица земли. Здесь не поможет и физический насильственный переворот: в чувственном ощущении человек остается пассивным. Его спонтанность и свобода проявляются впервые в суждении и в той форме универсальной памяти, которая воспроизводит для воли индивидуума все переживания прошлого. Любовь и духовное творчество является для мужчины лишь приближением к высшей спонтанности, кажущимся осуществлением совершенной свободы. Они именно и доставляют ему смутное предчувствие счастья, близость которого в подобные моменты вызывает в нем, правда, ненадолго, душевный трепет. Для женщины, которая не может быть глубоко несчастной, счастье является пустым звуком: понятие счастье было создано мужчиной, несчастным мужчиной, хотя он никогда не находит полной, адекватной реализации его. Женщина не стыдится показывать другим свое несчастье: ибо это несчастье не глубоко, не истинно, ибо она не чувствует за собою никакой вины. Более всего далека она от вины своего земного существования, которым воплощается в идее наследственного греха.

Последним и абсолютным доказательством полнейшего ничтожества женской жизни, совершенного отсутствия в ней высшего бытия, является тот особый способ, каким женщины покушаются на самоубийство. Их самоубийство неизменно сопровождается мыслью о других людях: что они будут думать об этом, как они будут сожалеть, печалиться или досадовать.

Этим я не хочу сказать, что в момент самоубийства она не проникается сознанием глубоком несчастья, которое, по ее мнению, совершенно незаслуженно терзает ее. Совершенно напротив. В этот именно момент ее всецело охватывает чувство глубокой жалости к себе самой, но эта жалость всецело укладывается в рамки выставленной нами схемы, согласно которой она представляет собою не что иное, как способность плакать вместе с другими над объектом их сострадания, иными словами, способность совершенно перестать быть субъектом. Да и как могла бы женщина приписать себе определенное несчастье в то время, как она совершенно неспособна иметь свою судьбу? Самым ужасным и вместе с тем наиболее убедительным доказательством бессодержательности, пустоты и ничтожества женщин является тот факт, что они даже в момент ближайший к смерти не в состоянии дойти до проблемы жизни, своей жизни: ибо высшая жизнь личности не может найти своей реализации в них.

Теперь мы можем ответить на вопрос, который в начале этой второй части был выдвинут в качестве основной проблемы нашего исследования – на вопрос о значении бытия мужчин и бытия женщин. У женщин нет ни существования, ни сущности, они не существуют, они – ничто. Человек либо мужчина, либо женщина, другими словами, он либо кто-нибудь, либо никто.

Женщина не является частью онтологической реальности. Поэтому она не имеет никакого отношения к вещи в себе, которая, при более глубоком проникновении в сущность предмета, совершенно тождественна с абсолютным, с идеей, с Богом. Мужчина в своей актуальности, в своей гениальности верит в вещь в себе. Она является для него абсолютным, величайшим понятием о действительной ценности. Тогда он философ. Или она – чудесная, сказочная страна его снов, царство абсолютной красоты. Тогда он художник. Но та и другая вера в основе своей – одно и то же.

Женщина лишена отношения к идее: она не утверждает, но и не отрицает ее. Она – ни нравственна, ни безнравственна. У нее нет, говоря математическим языком, определенного знака. Она лишена всякого направления: ни добра – ни зла, ни ангел – ни черт, она не эгоистична (поэтому она кажется альтруисткой). Она столь же аморальна, сколь и алогична. Всякое же бытие есть бытие моральное и логическое. Итак, у женщины нет бытия.

Женщина лжива. В животном так же мало метафизической реальности, как и в истинной женщине, но животное не говорит, а потому и не лжет. Для того, чтобы уметь сказать правду, надо обладать некоторым бытием, ибо истина простирается на бытие, а к бытию может иметь отношение только тот, который сам по себе представляет собою нечто. Мужчина жаждет иметь всю правду, т. е. он хочет только быть. И влечение к познанию в конце концов идентично потребности к бессмертию. Но кто высказывает что-либо о каком-нибудь факте без истинного мужества утвердить какое-нибудь бытие, кому дана внешняя форма суждения без внутренней, в ком, подобно женщине, нет правдивости, тот по необходимости должен всегда лгать. Поэтому женщина всегда лжет, даже когда она объективно высказывает истину.

Женщина сводничает. Единицы низшей жизни суть индивидуумы, организмы. Единицы высшей жизни суть индивидуальности, души, монады, «метаорганизмы» (термин Гелленбаха, которого нельзя оставить без внимания). Каждая монада резко отличается от другой. Одна так же далеко отстоит от другой, как только могут две вещи отстоять друг от друга. У монад нет окон. Вместо этого они вмещают в себя весь мир. Мужчина, как монада, как потенциальная или актуальная, т. е. гениальная индивидуальность, требует повсюду различия и разъединения, индивидуации и дифференцировки: наивный монизм присущ исключительно женщине. Каждая монада представляет для себя замкнутое единство, нечто цельное, но и чужое «я» является для нее такой

же законченной цельностью, в которую она не переходит. У мужчины есть границы – он утверждает их и хочет их иметь. Женщина, которая совершенно не знает одиночества, также не в состоянии подметить и постичь одиночества своего ближнего. Она не может отнестись к нему с известным вниманием и уважением, признать его неприкосновенным. Для нее одинаково не существует ни одиночества, ни множественности. Она знает одно только состояние безраздельного слияния с окружающими. Женщина лишена своего «я», лишена и понятия «ты». На ее взгляд, «я» и «ты» принадлежат к одной паре, составляют неразличимое единство. Вот почему женщина умеет сводить, сводничать. Ее любовь, как и ее сострадание, кроют в себе одну и ту же тенденцию: общность, состояние слитности.

Женщина нигде не видит границ своего «я», границ, которые она должна была бы охранять от постороннего вторжения. На этом прежде всем покоится главное различие между мужской и женской дружбой. Всякая мужская дружба есть попытка идти рука об руку под знаком одной идеи, к которой оба друга, каждый в отдельности и в то же время сообща стремятся. Женская же дружба есть торчание вместе и, что особенно важно, под знаменем сводничества. Ибо только на сводничестве покоится единственная возможность более или менее интимной и искренней дружбы между женщинами, поскольку они стремятся именно к женскому обществу, не в целях одной только болтовни и не из материальных побуждений. Если из двух девушек или женщин одна выдалась особенно красивой, то другая, некрасивая, испытывает известное половое удовлетворение в том восхищении, которое выпадает на долю красивой.

Поэтому основным условием дружбы между женщинами является полнейшее отсутствие соперничества. Нет ни одной женщины, которая не сравнила бы себя физически с другой тотчас же в момент знакомства. Только в случаях сильного неравенства и безнадежной конкуренции некрасивая может восхищаться красивой, так как последняя является для нее ближайшим средством удовлетворить себя в половом отношении, причем все это протекает совершенно бессознательно для обеих. Это именно так: некрасивая чувствует себя участницей полового акта наравне с красивой, как будто бы она сама была на ложе ее любви. В этом ясно связывается отсутствие личной жизни женщин, сверхиндивидуальный смысл их сексуальности, наличие в ней влечения к сводничеству, которое является основной чертой всего ее существа. Они и себя сводят, как других, себя – в других. Самое незначительное, что требует даже наиболее некрасивая из женщин и в чем она уже находит известное удовлетворение – это чтобы вообще ктонибудь из ее пола пользовался восхищением, являлся предметом вождления.

В связи с этой слиянной жизнью женщины находится тот факт, что женщины никогда не ощущают истинной ревности. Как ни изменны сами, по себе чувства ревности и жажды мести, в них все же заключается нечто великое, к чему женщины неспособны, как неспособны они вообще на все великое, как в сторону добра, так и в сторону зла. В ревности лежит безумное притязание на мнимое право, а понятие права для женщины трансцендентно. Но главная причина того факта, что женщина никогда не может всецело предаться ревности относительно одного и того же мужчины, совершенно другая. Если бы мужчина, хотя бы тот, которого она бесконечно любит, находился в соседней комнате с другой женщиной, обнимал ее и обладал ею, то этот факт до того сильно подействовал бы на нее в половом отношении, что всякая мысль о ревности была бы для нее совершенно недоступна. Подобная сцена произвела бы на мужчину одно только отталкивающее впечатление, которое гнало бы его подальше от места происшествия. Женщина же внутренне почти лихорадочно подтверждает весь этот процесс. Она становится истеричкой,

если отказывается признать, что в глубине души она также жаждала подобной встречи с мужчиной.

Далее, мысль о чужом половом акте никогда не в состоянии всецело поглотить мужчину, который стоит вне этого переживания и поднимается над ним. Для него, собственно, чужой половой акт совершенно не существует. Женщина же мысленно преследует весь этот процесс, но не самодеятельно, а в лихорадочном возбуждении, очарованная мыслью о том, что рядом с ней происходит.

Правда, очень часто интерес мужчины по отношению к другому человеку, который составляет для него неразрешимую загадку, может простираться вплоть до сферы половой жизни последнего. Но то любопытство, которое до известной степени толкает ближнего к сексуальности, свойственно только женщинам и обнаруживается у них всегда, как по отношению к женщинам, так и к мужчинам. Женщину прежде всего интересуют в человеке его любовные связи. Поскольку она составила себе ясное представление об этом пункте, мужчина остается для женщины загадочным и привлекательным в интеллектуальном отношении.

Отсюда еще раз вытекает, что женственность и сводничество – два совершенно тождественных понятия. На этом положении должно было бы, собственно, закончиться чисто имманентное исследование предмета. Но моя задача идет еще дальше. Мне кажется, что я уже успел наметить связь между женщиной, как чем то положительным, как сводницей, и женщиной, как чем то отрицательным, совершенно лишенной высшей жизни, жизни монады. Женщина является воплощением одной идеи, которая именно в силу этого обстоятельства никогда не может дойти до ее сознания: эта идея есть прямая противоположность идеи души. Сосредоточены ли у нее мысли, как у матери, на брачном ложе, или она, подобно проститутке, предпочитает вакханалию, стремится ли она основать вдвоем семью или она жаждет массовых поглощений венеиной горы – во всех этих случаях дело идет об идее общения, той идее, которая путем смешения совершенно уничтожает границы индивидуумов.

Здесь одно способствует другому: эмиссаром полового акта может быть существо, лишенное индивидуальности, границ. Не без основания ход доказательства раскинулся до тех пределов, каких он не достигал ни в одном исследовании этого же явления, ни в какой либо другой характерологической работе. Тема очень благодарная именно потому, что здесь раскрывается связь между всякой высшей жизнью с одной, и всякой нижней жизнью с другой стороны. Здесь всякая психология и философия найдут лучший пробный камень, на котором каждая из них могла бы себя испытать. Вот почему проблема мужчины и женщины остается одной из наиболее интересных глав всякой характерологии. Теперь также ясно станет, почему я ее именно выбрал объектом столь обширного и пространного исследования.

В этом именно пункте, на котором остановилось наше исследование, нам, без сомнения, уже открыто предложат вопрос, который до сих пор едва лишь зарождался в уме читателя: неужели это исследование признает женщину человеком? Не следует ли ее, по мнению автора, отнести к животному или растительному царству? Ведь согласно его воззрению, она обладает одним только чувственным существованием и лишена высшей жизни не в меньшей мере, чем животные. Она так же мало причастна к вечной жизни, как и все прочие организмы, для которых личное бессмертие не оставляет ни потребности, ни возможности. Всем им в одинаковой степени чужда метафизическая реальность, они не имеют бытия – ни женщина, ни животное, ни растение, все они одни только явления, но не вещь в себе. Согласно

нашему взгляду, проникшему в глубочайшую сущность человека, последний является зеркалом вселенной. Он – микрокосм. Женщина же абсолютно негениальна, она не живет в глубокой связи со всебытием.

Я приведу прекрасное место из «Маленького Эйольфа» Ибсена, где жена говорит мужу:

Рита: В конце концов мы же только люди.

Альмерс: Но мы сродни немного также небу и морю, Рита.

Рита: Ты – пожалуй, я – нет.

Здесь совершенно ясно выражен взгляд поэта, которого так мало мы поняли, а потому и выдали за певца женщины. Этот взгляд говорит что женщина совершенно лишена отношения к идее бесконечности к божеству, так как у нее нет души. По индийскому воззрению, к Брахме стремятся только через Атмана. Женщина не микрокосм, она не создана по образу Божию. Человек ли она? Может быть, животное? Растение? Эти вопросы покажутся очень смешными анатому, который а priori признает ложной основную точку зрения подобных проблем. Для него женщина является homo sapiens, отличный от всех других видов живых существ. В пределах человеческого рода женщина, по его мнению, так же соподчинена мужчине, как всякая самка соподчинена самцу соответственного вида и рода. И философ не вправе сказать: какое мне дело до анатомов! У него, пожалуй, мало надежды найти разрешение волнующих его вопросов с этой именно стороны, но он говорит об антропологических вещах, и если он достиг истины, то она должна дать объяснение, она должна быть с успехом применена и к морфологическому факту.

В самом деле! В состоянии своей бессознательности женщины, несомненно, стоят ближе к природе, чем мужчины. Цветы их сестры, и то, что они значительно ближе стоят к животным, чем мужчины, ясно видно из их большей склонности к содомии (мифы о Парсифале и Леде, отношение их к комнатной собачке содержит в себе гораздо больше чувственности, чем это обыкновенно себе представляют). Но женщины – люди. Даже Ж, которую мы рисуем себе без всяких следов умопостигаемого «я», все же является неизменным дополнением к М. Если тот факт, что особая половая и эротическая дополняемость к мужчине сосредоточена в лице женщины и не представляет собою нравственного явления, которым прожужжали уши защитники брака, то он, во всяком случае, обладает чрезвычайной важностью для проблемы женщины. Далее, животные только индивидуумы, женщины – лица (если и не личности), они все таки обладают внешней формой суждения, хотя и лишены внутренней. Если им отказано в способности речи, то все же следует за ними признать способность говорить. Правда, у них отсутствует единство самосознания, но у них ведь есть некоторая память. У них есть соответствующие суррогаты решительно всего, чем ни обладал бы мужчина. Эти то именно суррогаты способствуют смешению понятий, которое господствует в умах поклонников женственности. Возникает своего рода амфисексуальность понятий, из которых многие (тщеславие, стыд, любовь, фантазия, страх, чувствительность и т. д.) имеют два значения. мужское и женское.

Здесь мы, таким образом, затронули вопрос о последней сущности противоположности полов. Сюда не входит вопрос о той роли, которую играют в животном и растительном царстве мужской и женский принципы. Здесь речь идет только о человеке. Наше исследование еще в самых зачатках своих ясно подчеркивало тот факт, что эти принципы мужественности и женственности следует принять не как метафизические идеи, а как теоретические понятия. Дальнейший ход нашего исследования показал, какие глубокие различия существуют между мужчиной и женщиной, различия, которые по крайней мере у людей выходят далеко за пределы одной только физиологически сексуальной природы их. Таким образом, взгляд, согласно которому фактический дуализм

полов есть выражение установленного природой распределения различных функций среди различных существ, распределения, понимаемого в смысле разделения физиологического труда. Это взгляд, который, по моему мнению, получил особенно широкое распространение благодаря Мильну Эдварсу, совершенно неприемлем с нашей точки зрения. Не стоит терять слов о его поверхностности, доходящей иногда прямо до смешного. Еще меньше следует говорить об его интеллектуальной ограниченности. Дарвинизм особенно сильно способствовал популяризации этого взгляда. Было уже чуть не всеобщим распространенным воззрением, что сексуально дифференцированные организмы ведут свое происхождение от низшей стадии половой нераздельности. Произошло это будто путем победы, которую одержало существо, освобожденное от бремени этой функции, над другими более примитивными, обремененными работой, бесполоыми или двуполовыми видами. Но что такое именно «происхождение пола», как результат «преимуществ разделения труда», «облегчения в борьбе за существование», представляет собою совершенно необыкновенное явление – это доказал с неопровержимой аргументацией задолго до появления могильных червей у праха Дарвина, Густав Теодор Фехнер.

Нельзя отдельно, изолированно исследовать и постичь смысл мужчины и женщины. Значение может быть познано при совместном изучении и взаимном сопоставлении мужчины и женщины. В их отношении друг к другу следует искать ключ к раскрытию обеих сущностей. Мы слегка коснулись этого отношения при попытке обосновать природу эротики. Отношение между мужчиной и женщиной есть не что иное, как отношение между субъектом и объектом. Женщина ищет своего завершения, как объект. Она – вещь мужчины или вещь ребенка. Она хочет, чтобы ее принимали только за вещь, что удачно скрывается вечной рисовкой. Никто так скверно не понимает истинного желания женщины, как тот, который интересуется всем тем, что в ней происходит, который проявляет внимание к ее чувствам и надеждам, ее переживаниям и духовной оригинальности. Женщина не хочет, чтобы к ней относились, как к субъекту. Она всегда и во всех направлениях (в этом именно выражается ее бытие женщины) хочет оставаться пассивной, хочет чувствовать волю, направленную на нее. Она не хочет, чтобы ее стыдили или щадили, она вообще не хочет, чтобы ее уважали. Ее единственная потребность заключается в том, чтобы ее желали, как тело, чтобы она находилась в обладании чужих рук, как их собственность, как простое ощущение приобретает реальность лишь тогда, когда оно выражено в понятии, т. е. когда оно превращается в известный объект, так и женщина доходит до своего существования и ощущения его лишь тогда, когда она возводится мужчиной или ребенком, как субъектом, на ступень объекта. Таким путем, путем подарка, она приобретает свое существование.

Противоположность между субъектом и объектом с точки зрения теории познания является с онтологической точки зрения противопоставлением формы и материи. Это противопоставление есть только перемещение первой из сферы трансцендентального в сферу трансцендентного, из опытно критической области в область метафизическую. Материя, а именно то, что абсолютно индивидуализировано, что может принять какую угодно форму, но что не имеет определенных длительных свойств, так же мало обладает сущностью, как простое ощущение – материя опыта, обладает самостоятельным существованием. Итак, противоположность между субъектом и объектом относится к существованию (тем, что ощущение приобретает реальность как объект, противопоставленный субъекту), противоположность же между формой и материей означает разницу в сущности (материя без формировки абсолютно бескачественна). Поэтому Платон с полным основанием мог и вещьественность,

массу, поддающуюся формировке, нечто само по себе бесформенное, легко принимающую любую форму глину, то, во что вливается форма, ее место, то – вечно второе, назвать не сущим. Кого эти слова наводят на мысль о том, что Платон имел здесь в виду пространство, тот низводит величайшего мыслителя на степень поверхностного философа. Мы нисколько не сомневаемся в том, что ни один выдающийся философ не станет приписывать пространству метафизическое существование, но он вместе с тем не скажет, что пространство лишено всякой сущности. Для дерзкого болтуна характерно именно то, что он считает пустое пространство «химерой», что оно для него «нечто». Только у вдумчивого мыслителя оно приобретает реальность и становится проблемой для него. Не сущее Платона есть именно то, что для филистера кажется наиболее реальным, суммой всех ценностей существования. Это не что иное, как материя.

Итак, я в этом месте присоединяюсь с одной стороны к Платону, который сравнивает принимающее всевозможные формы «нечто» с матерью и кормилицей всякого процесса возникновения вообще, а с другой стороны, следуя по стопам Аристотеля, натурфилософия которого уделяет в акте оплодотворения женскому принципу материальную, а мужскому – формирующую роль. Но не будет ли слишком смело и рискованно утверждать на основании приведенных взглядов, что значение женщины сводится лишь к факту воплощения в ней начала материи? Человек, как микрокосм, сосредоточивает в себе оба начала. Он составлен из жизни высшей и низшей, из метафизически существующего и несуществующего, из формы и материи. Женщина же есть ничто. Она – только материя.

Это положение венчает все здание. Оно выясняет все, что до сих пор оставалось неясным. Оно замыкает длинную цепь наших доказательств. Половое влечение женщины направлено на прикосновение. Оно – влечение к контррекции, но не к детумесценции. Соответственно этому и самое тонкое чувство женщины, и притом единственное, которое у нее более развито, чем у мужчины, есть чувство осязания. Глаз и ухо направляют нас в неограниченное пространство и доставляют нам предощущение бесконечности. Чувство осязания требует теснейшей телесной близости для своего проявления. Человек сливается с предметом, который он схватывает: это исключительно грязное чувство, как бы созданное для существа, которое по природе своей чувство есть склонность к физическому общению. Единственное, что оно способно вызвать – это ощущение сопротивления, восприятие осязаемого, но именно о материи, как показал Кант, нельзя высказывать ничем иного, как то, что она является такого рода заполнением пространства, которое оказывает сопротивление всему, что только ни стремится проникнуть туда. Факт «препятствия» создал, как психологическое (не гносеологическое) понятие вещи, так и тот необычайный характер реальности, который большинство людей приписывает чувству осязания, как более солидному, «первичному» свойству опытного мира. Но тот факт, что для чувства мужчины материя не вполне теряет характера истинной реальности, объясняется наличием в нем некоторого остатка женственности, которая все же присуща ему. Если бы абсолютный мужчина существовал в действительности, то материя и психологически (не только логически) не была бы для него чем то сущим.

Мужчина – форма, женщина – материя. Если это положение верно, то смысл его должен также проявляться и в отношении отдельных психических переживаний между собой. Давно упомянутая нами дифференцированность содержания духовной жизни мужчины в сравнении с нерасчлененностью, хаотичностью способа представления у женщины является выражением той же противоположности между формой и материей. Материя хочет приобрести

известную форму: поэтому женщина требует от мужчины разъяснения своих запутанных мыслей, толкования генид.

Женщина и есть именно та материя, которая принимает любую форму. Тот факт, что девочки обладают большей способностью запоминания учебного материала, чем мальчики, можно объяснить только пустотой и ничтожеством женщин, которые пропитываются любым содержанием. Мужчина же сохраняет в своей памяти лишь то, что его действительно интересует, все же остальное он забывает (см. часть II). Но то, что мы назвали приспособляемостью женщины, ее полная подчиняемость пересоздающей воле мужчины – все это объясняется только тем, что женщина является одной только материей, что она лишена всякой изначальной формы. Женщина – ничто, поэтому и только ПОЭТОМУ она может стать всем. Мужчина же может стать только тем, что он есть. Из женщины можно сделать все, что только угодно, тогда как мужчине можно лишь помочь достигнуть того, к чему он сам стремится. Поэтому, серьезно говоря, имеет смысл воспитывать женщин, но не мужчин. Воспитание производит крайне незначительную перемену в истинной сущности мужчины, в женщине же путем одного внешнего влияния можно вытеснить глубочайшую природу ее – высшую ценность, которую ОН придает сексуальности. Женщина может создать какое угодно представление, она может все отрицать, но в действительности она – ничто. У женщин нет какого нибудь определенного свойства. Единственное ее свойство покоится на том, что она лишена всяких свойств. Вот в чем заключается вся сложность и загадочность женщины. В этом кроется ее превосходство над мужчиной и ее неуловимость для него, потому что мужчина и в данном случае ищет какого то прочного ядра. Если найденные нами выводы в своей правильности и не вызовут ни в ком сомнения, то все же они заслуживают упрек в том, что они не дают никаких сведений об истинной сущности мужчины. Можно ли приписать ему какую нибудь общую черту, как мы сделали это по отношению к женщине, всеобщим свойством которой является сводничество, отсутствие всякой сущности? Существует ли вообще понятие мужчины в том смысле, в каком существует понятие женщины? Допускает ли она подобное же определение? На это следует ответить, что мужественность лежит в факте индивидуальности, монады, и этим фактом вполне покрывается. Беспредельное различие отделяет одну монаду от другой, а потому ни одну из них нельзя подвести под более широкое понятие, которое содержало бы в себе нечто общее нескольким монадам. Мужчина – микрокосм. В нем заключены все возможности. Но это не следует смешивать с универсальной переменчивостью женщины, которая может стать всем, будучи ничем. Мужчина же – все, и он может стать более или менее всем сообразно своей одаренности. Мужчина содержит в себе также женщину, материя. Он может широко развить в себе именно эту часть своей сущности, тогда он обезличивается, исчезает, но он также может познать ее и одолеть в себе, поэтому он и только он в состоянии достигнуть истины о женщине (см. часть II). Женщина же совершенно лишена возможности развиться, разве только через мужчину. Значение мужчины и женщины выступает особенно отчетливо лишь при рассмотрении их взаимных половых и эротических отношений. Глубочайшее желание женщины заключается в том, чтобы с помощью мужчины приобрести определенную форму и быть им созданной. Женщина хочет, чтобы мужчина преподносил ей мнения, совершенно отличные от тех, которых она даже придерживалась раньше. Она хочет, чтобы он опроверг все то, что ей казалось раньше правильным (противоположность благочестию). Как нечто целое она жаждет собственного крушения с тем, чтобы быть заново созданной мужчиной.

Воля мужчины впервые создает женщину, она властвует над ней и изменяет ее в самых глубоких основах ее (гипноз). Здесь, наконец, выясняется отношение психического к физическому у мужчины и женщины. Мы раньше приняли для мужчины некоторое взаимодействие в смысле одностороннего творчества тела трансцендентной душой, тела, которое есть не что иное, как проекция души в мире явлений. Для женщины же мы приняли параллелизм только эмпирически психического и эмпирически физического. Теперь ясно, что и у женщины имеет место некоторое взаимодействие. Но тогда как у мужчины, по глубоко верной теории Шопенгауэра, что человек является своим собственным созданием, воля создает и пересоздает по своему желанию тело, женщина физически проникается влиянием и пересоздается с помощью чужой воли (внушение, предопределение). Мужчина придает форму не только себе, но, что еще легче, также и женщине. Те мифы книги Бытия и других космогонии, которые приписывают мужчине создание женщины, возвестили более глубокую истину, чем биологические теории эволюции, которые верят в происхождение мужского из женского элемента.

Теперь можно уже ответить на один сложнейший вопрос, который остался открытым в IX главе. Сущность его заключалась в следующем: каким образом женщина, сама лишенная души и воли, может постичь, в какой мере они присущи мужчине. Одного только не следует упускать из виду: то, что женщина подмечает в сфере то, для чего у нее имеется определенный орган, в действительности не принадлежит к природе мужчины, а является лишь всеобщим фактом мужественности, определенной степенью его. Это глубокая ложь, лицемерие или ложное представление о женщине, насквозь пропитанной мужской сущностью, когда говорят, что женщина обладает самостоятельным пониманием индивидуальности мужчины. Влюбленный, которого так легко обмануть на этом бессознательном симулировании более глубокого понимания со стороны женщины, может быть вполне удовлетворен этим пониманием, но более требовательный человек не скроет от себя того, что понимание женщин направлено только на формальный всеобщий факт существования души, а не на своеобразность личности мужчины. Ибо для того, чтобы обладать способностью перцепировать и апперцепировать специальную форму, материя не должна была быть бесформенной. Отношение женщины к мужчине есть отношение материи к форме. И ее понимание сущности мужчины есть одна только готовность принять возможно более прочные формы или инстинктивное стремление того существа, которое не имеет бытия, к бытию. Итак, это «понимание» нельзя назвать теоретическим. Оно выражает собою не участие, а желание быть причастной: оно навязчиво и эгоистично.

Женщина не имеет никакого отношения к мужчине. Она наделена пониманием мужественности, но не мужчины. И если в половой сфере ее следует признать более требовательной, чем мужчину, то это указывает лишь на сильное желание ее подвергнуться более прочной и отчетливой формировке: это есть ожидание возможно большего quantum' а существования.

И сводничество в конце концов ничего другого собою не представляет. Сексуальность женщин сверхиндивидуальна, так как они не являются строго ограниченными, оформленными, индивидуализированными сущностями. Высшим моментом в жизни женщины, когда раскрывается ее изначальное бытие, ее изначальное наслаждение, является тот момент, когда в нее втекает мужское семя. Тогда она в бурных объятиях жмет мужчину и прижимает его к себе: это – высшее наслаждение пассивности, еще более сильное, чем ощущение счастья у загипнотизированной. Это – материя, которая формируется и которая хочет связать себя с формой навеки, никогда ее не оставляет. Вот почему женщина бесконечно благодарна мужчине за половой акт. Это чувство благодарности может быть мимолетным, как, например, у лишенной всякой

уличной проститутки, или более длительным, что имеет место у более дифференцированных женщин. Это непрестанное стремление нищеты присоединиться к богатству, это бесформенное, а потому и сверхиндивидуальное влечение нерасчлененного содержания прийти в соприкосновение с формой и длительно прикрепить ее за собою с тем, чтобы таким образом приобрести бытие – все это лежит в глубочайших основах сводничества. Тот факт, что женщина лишена всяких границ, что она не монада, делает возможным самое явление сводничества. Она претворяется в действительность потому, что женщина является представительницей полного ничто материи, которая всячески и непрестанно стремится привести себя в связь с формой. Сводничество есть вечное стремление «ничего» к «чему то». Постепенно развиваясь, двойственность мужчины и женщины разрослась в дуализм вообще, в дуализм высшей и низшей жизни, субъекта и объекта, формы и материи, «чего то» и «ничего». Всякое метафизическое и трансцендентальное бытие есть бытие логическое и моральное: женщина алогична и аморальна. Она не содержит в себе уклонения от логического и морального начала: она не антилогична, она не антиморальна. Она представляет собою не отрицающее «не», а полное «ничто», ни «да», ни «нет». Мужчина скрывает в себе возможность абсолютного «нечто» и абсолютного «ничто», а потому вся его деятельность имеет определенное направление в ту или другую сторону: женщина не грешит, так как она уже сама по себе грех, возможность греха в мужчине. Чистый мужчина есть идеальный образ Бога, абсолютного «нечто». Женщина, даже женщина в мужчине, есть символ полного ничто: таково значение женщины во вселенной, так дополняют и обуславливают друг друга мужчина и женщина. Как противоположность мужчины, женщина имеет определенный смысл и известную функцию в мировом целом. Как мужчина возвышается над самцом – животным, так и женщина – над самкой. Человек не ведет борьбы между ограниченным бытием и ограниченным небытием, как животные. В человеческом царстве борьба идет между неограниченным бытием и неограниченным небытием. Вот почему мужчина и женщина вместе только составляют человека. Итак, смысл женщины – быть бессмыслицей. Она воплощает в себе «ничто», противоположный полюс божества, другую возможность в человеке. Поэтому никто не пользуется таким презрением, как мужчина, превратившийся в женщину. Его ставят несравненно ниже тупоумного, заклятого преступника. Так мы дошли до понимания глубочайшего страха у мужчины: это страх перед женщиной, страх перед бессмысленностью, перед манящей бездной пустоты. Только старая женщина глубоко правдиво раскрывает нам, что представляет собою женщина в действительности. Красота женщины, согласно с опытом, создается благодаря любви мужчины: женщина становится красивее, когда мужчина ее любит, так как она пассивно подчиняется воле, заложенной в его любви. Как это и не звучит мистично – это повседневный опыт. Старая женщина показывает, насколько женщина никогда не была красивой; была бы женщина красива, не было бы ведьмы. Но женщина есть ничто, пустой сосуд, на время вычищенный и выбеленный. Все качества женщины являются результатом ее небытия, отсутствия в ней сущности. Так как она лишена истинной неизменной жизни и обладает лишь земной жизнью, то она, как сводница, и поощряет всякое создание этой жизни. Поэтому мужчина, который действует на нее чувственно, может в основе пересоздать и впитаться в нее. Этим путем объединяются все три качества женщины, отмеченные в этой главе. Все они замыкаются в сфере ее небытия. Путем непосредственной дедукции из этого понятия небытия мы приходим к двум отрицательным признакам: изменчивости и лживости.

Только сводничество, как единственно положительное в женщине, нельзя было вывести из него так быстро, путем простого анализа.

И это вполне понятно. Ибо бытие женщины тождественно сводничеству. Оно является утверждением сексуальности вообще. Сводничество – это то же, что универсальная сексуальность. Тот факт, что в действительности есть женщина, указывает лишь на наличность в мире радикального влечения ко всеобщей сексуальности. Проследить явления сводничества в порядке дальнейшей причинности – значит раскрыть бытие женщины.

Если взять исходным пунктом таблицу двоякой жизни, то можно сказать, что направление от высшей жизни к низшей есть переход от бытия к небытию, воля, направленная на «ничто», на отрицание, на зло в себе. Утверждение полного «ничто» – антиморально: это – потребность превратить форму в нечто бесформенное, в материю, потребность разрушать.

Но «отрицание» родственно «ничто». Поэтому существует такая глубокая связь между преступным и женским началом. Антиморальное и аморальное именно то, что мы в нашем исследовании так строго отличали, теперь как бы соприкасаются в общем в понятии не морального. Этим до известной степени оправдывается обычное смешение и отождествление этих двух понятий. Ибо «ничто» есть только «ничто»: оно не имеет ни существования, ни сущности. Оно является всегда лишь средством для отрицания. Оно есть то, что с помощью «не» противопоставляется «чему то». Только тогда, когда мужчина утверждает свою собственную сексуальность, уклоняется от высшей жизни и приобщается к низшей – только тогда женщина получает существование. Только когда «что то» переходит в «ничто», «ничто» может превратиться во «что то».

Признанный фаллос есть нечто антиморальное. Поэтому его воспринимают, как нечто отвратительное. Его предоставляют себе находящимся в известном отношении к сатане: половой орган Люцифера занимает центр дантовского ада (центр земли).

Здесь выясняется абсолютная власть мужской сексуальности над женщиной. Только благодаря тому, что мужчина становится сексуальным, женщина приобретает существование и значение: ее бытие связано с фаллосом, а потому он является ее величайшим повелителем и неограниченным властелином. Мужчина, ставший сексуальным, это фатум женщины. Дон Жуан – единственный человек, который заставляет ее трепетать в самых основах своих.

Проклятие, которое, как мы предчувствовали, тяготеет над женщиной, есть злая воля мужчины: «ничто» – только орудие для «нет». Отцы церкви выражали эту мысль с большим пафосом, говоря, что женщина есть орудие дьявола. Ибо материя сама по себе – «ничто», только форма должна ей дать существование. Грехопадение формы есть самоосквернение путем влечения сосредоточить свою деятельность на материи. Когда мужчина стал сексуальным, он создал женщину.

Тот факт, что женщина существует, означает только то, что мужчина утвердил сексуальность. Женщина есть результат этого существования, иными словами женщина – сама сексуальность.

В своем существовании женщина находится в зависимости от мужчины: последний, становясь мужчиной, половой противоположностью женщины, вызывает ее к жизни, дает ей бытие. Поэтому первым делом для женщины является сохранение в мужчине сексуальности: ибо она обладает существованием в той же степени, в какой он – сексуальностью.

Поэтому женщина хочет, чтобы он всецело превратился в фаллос, поэтому она сводничает. Она неспособна пользоваться существом иначе, как средством к цели, к этой цели полового акта. Ибо она не преследует никакой другой

цели, кроме той, которая направлена на виновность мужчины. Ее сразила бы смерть в тот момент, когда мужчине удалось бы одолеть в себе свою сексуальность.

Мужчина создал и создает женщину, пока он сохраняет свою сексуальность. Он дал ей сознание (часть II, конец III главы), он дает ей и бытие. Не отказываясь от полового акта, он вызывает к жизни женщину. Женщина есть первородный грех мужчины.

Любовь призвана замолить этот грех. Только теперь выясняется то, о чем в конце предыдущей главы говорили в форме туманного, неясного мифа. Раскрывается то, что раньше было скрыто: что женщина не существует до грехопадения мужчины, не существует без него, что это грехопадение не отнимает у нее богатства, которым она владела до него, напротив, оно с самого начала предполагает женщину в жалкой нищете. То преступление, которое совершил и совершает мужчина, создавая женщину, т. е. утвердив половой акт, он погашает по отношению к ней, как эротике. Ибо чем можно объяснить эту бесконечную неисчерпаемую щедрость всякой любви? Почему любовь призвана наделить душой именно женщину, а не какое либо другое существо? Почему ребенок еще не способен любить? Почему любовь наступает вместе с сексуальностью в период возмужалости, в связи с утверждением женщины и с возобновлением греха? Женщина несомненно является предметом, созданным руками полового влечения мужчины. Он создал ее, как собственную цель, как галлюцинирующий образ, за который жадно хватается его мечта. Женщина есть объективация мужской сексуальности, овеществленная сексуальность. Она – грех мужчины, претворившийся в живую плоть. Каждый мужчина, воплощаясь, создает себе женщину, ибо он сексуален. Но женщина обязана своим существованием не своей, а чужой вине. Все, что можно поставить в упрек женщине, есть грех мужчины. Любовь должна прикрывать этот грех, но не осилить его. Она возвышает женщину вместо того, чтобы уничтожить ее. «Нечто» заключает в свои объятия «ничто», надеется таким образом освободить мир от всякого отрицания и примирить все противоречия, однако «ничто» могло бы уничтожиться только тогда, если бы «нечто» держало себя вдали от него. Как ненависть мужчины к женщине есть лишь едва сознанный ненависть к своей собственной сексуальности, так и любовь мужчины есть самая смелая, самая отчаянная попытка спасти для себя женщину как женщину, вместо того, чтобы отрицать ее, как таковую, изнутри. Отсюда именно вытекает ее сознание вины: с помощью нее грех должен быть устранен, но не искуплен.

Ибо женщина существует как грех и существует только благодаря греху мужчины, и если женственность означает сводничество, то это лишь потому, что всякий грех сам собой стремится к своему размножению. Все то, что женщина в состоянии сделать своим существованием, всей своей сущностью, все, что она вечно бессознательно совершает, сводится к отражению влечения в мужчине, его второго, неискоренимого, низшего влечения: она, подобно Валькирии, сама слепая, является орудием чужой воли. Материя кажется такой же неразрешимой загадкой, как и форма. Женщина так же бесконечна, как мужчина, «ничто» столь же вечно, как и бытие. Но эта вечность есть вечность греха.

Глава XIII Еврейство

Суммируя все положения, развитые в этом исследовании, меня несколько не удивит, если многим покажется, что «мужчины» выставлены в слишком выгодном свете, что они возведены на незаслуженно высокий пьедестал.

Конечно, можно и не обращать внимания на дешевые аргументы, не спорить против довода, какое ошеломляющее действие должен был бы произвести на филистера или плута один тот факт, что он включает в себе целый мир. А все таки мы рискуем навлечь на себя подозрение не в одной только чрезмерной снисходительности. Нам ясно поставят в вину тенденциозное замалчивание всех низменных, отвратительных и мелочных сторон мужественности ради высших ее проявлений.

Но это обвинение было бы несправедливо. Я далек от мысли идеализировать мужчин с той только целью, чтобы легче обесценить женщин. Я не отрицаю, что среди эмпирических представителей мужественности есть много ограниченных и низких экземпляров, но здесь речь идет о том, что таится в виде лучшей возможности в каждом человеке. Эта возможность, оставаясь в полнейшем пренебрежении со стороны мужчины, вызывает в нем то ярко мучительное, то глухо враждебное чувство, но в применении к женщине она не идет в счет, ни в качестве действительного факта, ни в качестве и теоретического соображения. И как ни важны, на мой взгляд, всевозможные различия, существующие между мужчинами, я, тем не менее, счел возможным на них совершенно не останавливаться. Самым важным было для меня установить, что женщина собою не представляет, и мы видели, что она действительно лишена бесконечно многих черт, которые даже у самого посредственного, самого плебейского мужчины отсутствуют не в полной мере. То, что представляет собою женщина, ее положительные черты (поскольку здесь вообще можно говорить о какомнибудь бытии, о чемнибудь положительном) можно всегда обнаружить у очень многих мужчин. Мы уже не раз говорили о том, что есть мужчины, которые всецело превратились в женщин, или всегда оставались таковыми, но нет ни одной женщины, которая вышла бы за пределы известного, не особенно высокого, морального и интеллектуального начала. Поэтому я хотел бы тут же повторить прежнее положение: наиболее высоко стоящая женщина все же стоит бесконечно ниже самого низкого из мужчин.

Но возражения можно и еще продолжить, пока они не коснутся одного пункта, на котором моей теории придется непременно остановиться, чтобы избежать лишних упреков. Существуют различные племена и расы, где мужской элемент, не являясь какойнибудь промежуточной сексуальной формой, тем не менее обнаруживает так мало сходства с идеей мужественности в том виде, в каком она представлена в этой книге, что один этот факт заставляет нас опасаться за непреложность его принципов и несокрушимость его главного фундамента. Что можно сказать, например, о китайцах с их чисто женской нетребовательностью и отсутствием всяких стремлений? Здесь, без сомнения, соблазн приписать целому народу исключительную женственность особенно велик. Ведь обычай носить косу не есть же пустой каприз целой нации, а что должна означать собою скудная растительность на лице? В таком случае, как обстоит дело с неграми? Вряд ли негры выдвинули хоть одного гения. В моральном же отношении они стоят почти все так низко, что американцы, как известно, стали серьезно призадумываться, не является ли эмансипация их слишком рискованным шагом.

Итак, если принцип промежуточных половых форм может иметь некоторое значение для расовой антропологии (благодаря тому, что некоторые народы в целом обладают большим количеством женственности), то все же следует признать, что все предыдущие выводы относятся прежде всего к арийскому мужчине и к арийской женщине. Если же мы обратимся к вопросу о том, насколько другие великие племена человечества обнаруживают совпадение с теми отношениями, которые проявляются в крайних вершинах его, если мы далее поинтересуемся узнать, какие препятствия мешают им приблизиться к

этим вершинам, во всех этих случаях мы всецело переходим в область расовых характеров, путем самого тщательного и благородного углубления в содержание и сущность его.

В качестве предмета ближайших рассуждений я выбрал еврейство. При этом я руководствовался тем соображением, что оно, как далее видно будет, является самым упорным и подчас опасным противником тех воззрений, которые уже были развиты до сих пор и которые предстоит еще развить в дальнейшем кроме того, оно возражает против главной точки зрения, лежащей в основе моего исследования. Следует заметить, что еврейство обнаруживает черты антропологического родства с обеими упомянутыми расами: с неграми и с монголами. На негров указывают столь распространенные среди евреев курчавые волосы. На примесь монгольской крови указывает столь обычная среди евреев китайская или малайская форма лицевой части черепа, которой всегда соответствует желтоватый оттенок кожи.

Все это результат ежедневного опыта, и только в этом смысле нужно понимать наши замечания. Антропологический вопрос о происхождении еврейства, кажется, совершенно неразрешим. Даже столь интересный ответ, какой дал Г.С.Чемберлен в своих знаменитых «Основах XIX века», вызвал в новейшее время целую массу возражений. Я не обладаю достаточными знаниями, чтобы разбирать этот вопрос. то, что здесь будет, хотя и кратко, но возможно глубже проанализировано, относится к психическому своеобразию еврейского элемента. Эта задача лежит в сфере психологического наблюдения и расчленения. Она разрешима вне всяких гипотез об исторических явлениях, которые в настоящее время уже не поддаются контролю. Объективность, это главное, что необходимо соблюдать при разрешении поставленного вопроса. Это тем более важно, что отношение к еврейству в настоящий момент является самой важной и резкой стороной национального вопроса, которую каждый старается публично разрешить и которая всюду служит теперь основным принципом разделения цивилизованных людей. И нельзя утверждать, чтобы та ценность, которую придают открытому заявлению в этом вопросе, не соответствовала бы серьезности и глубокому значению его, чтобы люди преувеличивали огромную важность этого вопроса. Тот факт, что мы сталкиваемся с ним повсюду, исходили ли мы из культурных или материальных, из религиозных или политических, из художественных или научных, из биологических или исторических, характерологических и философских проблем, этот факт, вероятно, имеет глубочайшую основу в существовании самого еврейства. Отыскать эту причину есть задача, для которой никакой труд не может казаться чрезмерным, ибо результат, во всяком случае, должен нас бесконечно вознаградить.

Но предварительно я хотел бы точно определить, в каком смысле я говорю о еврействе. Я говорю здесь не о расе и не о народе, еще меньше о вероисповедании, официально признанном законом. Под еврейством следует понимать только духовное направление, психическую конституцию, которая является возможностью для всех людей, но которая получила полнейшее осуществление свое в историческом еврействе. Что это так, доказывается ничем иным, как антисемитизмом. Самые настоящие, наиболее арийские из арийцев, уверенно сознающие свое арийство, не бывают антисемитами. Нет никакого сомнения, что их могут неприятно поразить бьющие в глаза еврейские черты, но антисемитизма в общем, того антисемитизма, который насквозь проникнут человеконенавистничеством, они совершенно постичь не могут. Это именно те люди, которые среди защитников еврейства известны под именем «филосемитов». В тех случаях, когда уничтожают или нападают на еврейство приходят на выручку их мнения относительно юдофобства, мнения, исполненные чрезвычайно удивления и глубокого негодования. Напротив, в

агрессивном антисемите можно всегда заметить некоторые еврейские черты. Они могут и запечатлеться и на его физиономии, хотя бы его кровь была чиста от всякой семитической примеси.

Да иначе и быть не может. Подобно тому, как мы в другом человеке любим именно то, к чему сами стремимся и чего никогда вполне достичь не можем, мы ненавидим в другом то, чего мы не хотели бы видеть в себе, но что все таки отчасти свойственно нам.

Человек не может ненавидеть то, с чем у него нет никакого сходства. Только другой человек часто в состоянии указать нам на то, какие непривлекательные и низменные черты свойственны нам.

Этим объясняется то, что самые отъявленные антисемиты всегда находятся среди самих евреев. Ибо только еврейские евреи, подобно совершенно арийским арийцам, не настроены антисемитично. Что касается всех остальных, то более низкие натуры проявляют свой антисемитизм по отношению к другим, произносят над ними свой приговор, никогда однако не подвергая себя в этом направлении суду своей критики. Только у немногих антисемитизм направлен прежде всего против их собственной личности. Одно остается бесспорным: кто ненавидит еврейскую сущность, ненавидит ее прежде всего в себе самом. Тот факт, что он безжалостно преследует все еврейское в другом человеке, есть только попытка самому таким образом освободиться от него. Он стремится свергнуть с себя все еврейское, сосредоточив его целиком в своем ближнем, чтобы на минуту иметь возможность считать себя свободным от него. Ненависть есть явление проекции, как и любовь: человек ненавидит только того, кто вызывает в нем неприятные воспоминания о себе самом.

Антисемитизм евреев доказывает, что никто, знающий еврея, не видит в нем предмета достойного любви – даже сам еврей. Антисемитизм арийца приводит нас к не менее важному выводу: не следует смешивать еврейство и евреев. Есть арийцы, которые содержат в себе значительно больше еврейского, чем настоящий еврей. Есть также евреи, которые больше походят на арийцев, чем любой ариец. Я не буду здесь перечислять семитов, которые содержали в себе много арийского – ни менее значительных (как, например, известный Фридрих Николай в XVIII веке), ни более значительных среди них (здесь следует упомянуть Фридриха Шиллера), я также отказываюсь от более подробного анализа их еврейства. Глубочайший антисемит Рихард Вагнер, и тот не вполне свободен от некоторого оттенка еврейства, даже в своем искусстве, как бы сильно не обманывало нас то чувство, которое видит в нем великого художника вне рамок исторического человека, как бы мало мы не сомневались в том, что его Зигфрид есть самое нееврейское произведение, какое только можно было создать. Но без причины никто антисемитом не бывает. Как отрицательное отношение Вагнера к большой опере и театру следует свести к сильному влечению, которое он сам питал к ним, влечению, которое ясно выступает еще в его «Лоэнгрине», точно также и его музыку, единственную в мире по силе мыслей, выраженных в мотиве, трудно будет признать свободной от чего то навязчивого, шумного, неблагородного, в связи с последним обстоятельством стоят и необычайные усилия Вагнера, направленные на внешнюю инструментовку своих произведений. Нельзя отрицать и того, что вагнеровская музыка производит сильнейшее впечатление как на еврея – антисемита, который никак не может вполне освободиться от своего еврейства, так и на индо германца юдофоба, который боится впасть в него. Сказанное не относится к музыке «Парсифаля», которая навеки останется недоступной для настоящего еврея, как и сама драма «Парсифаль», он не поймет ни «хора пилигриммов», ни поездки в Рим «Тангейзера», как и многого другого. Человек, который был

бы только немцем, никогда не мог бы прийти к тому ясному сознанию сущности немецкого духа, к какому пришел Вагнер в своих «Нюрнбергских Мейстерзингерах». Наконец, следует также подумать над тем, почему Вагнера больше тянуло к Фейербаху, чем к Шопенгауэру.

В мои планы вовсе не входит низвести великого человека путем мелко психологическом разбора. Еврейство служило ему великой поддержкой в деле познания и утверждения в себе другого полюса. Благодаря еврейству Вагнеру удалось проложить себе дорогу к Зигфриду и Парсифалю и дать единственное в истории высшее выражение германского духа. Человек, более выдающийся, чем Вагнер, должен прежде всего одолеть в себе еврейство, чтобы найти свою миссию. Я позволю себе уже в этом месте выставить следующее положение: всемирно историческое значение и величайшая заслуга еврейства заключается, вероятно, в том, что оно беспрестанно проводит арийца к постижению его собственной сущности, что оно вечно напоминает ему о нем самом. Этим именно ариец и обязан еврею. Благодаря еврею ариец узнает, что ему следует особенно опасаться: еврейства, как известной возможности, заключенной в нем самом.

Этот пример дает вполне точное представление о том, что, по моему мнению, следует понимать под еврейством. Не нацию и не расу, не вероисповедание и не писанный завет. Если я тем не менее говорю о евреях, то под этим я не понимаю ни отдельного еврея, ни совокупности их. Я имею ввиду человека вообще, поскольку он причастен к платоновской идее еврейства. Значение именно этой идеи я и хочу обосновать.

Необходимость разграничения явления определяет направление моего исследования: оно должно протекать в сфере половой психологии. Странная неожиданность поражает человека, который задумывался над вопросом о женщине, о евреях. Он чутьем своим воспринимает, в какой степени еврейство проникнуто той женственностью, сущность которой мы исследовали до сих пор исключительно в смысле некоторой противоположности ко всему мужскому без всяких различий. Здесь все может легко навести его на мысль о том, что у еврея гораздо больше женственности, чем у арийца. Он, наконец, может придти к допущению платоновской мысли – соприкосновения с женщиной даже самого мужественного еврея.

Это мнение было бы ошибочно. Но так как существует огромное количество важнейших пунктов, тех пунктов, в которых перед нами, по видимому, раскрывалась глубочайшая сущность женственности, и которые мы, к нашему великому изумлению, снова и как бы во второй раз находим у еврея, то нам представляется необходимым точно установить здесь же всевозможные случаи совпадения и уклонения.

На первый взгляд соответствие между женщиной и еврейством кажется прямо необычным. Аналогии в этой области до того поразительны, что представляется возможным проследить их необыкновенно далеко. Мало того. Мы находим здесь не только подтверждение прежних выводов, но приобретаем много новых интересных дополнений к основной теме. И, по видимому, вопрос о том, из чего следует исходить при дальнейшем изложении, лишен всякого серьезного значения.

Чтобы недолго ходить за аналогией, приведем здесь тот замечательный факт, что евреи отдают значительное предпочтение движимым благам, даже в настоящее время, когда им вполне доступны все другие формы приобретения. Несмотря на сильно развитые в них приобретательные инстинкты, они не ощущают никакой потребности в собственности, по крайней мере, в ее наиболее прочной форме, в форме землевладения. Собственность стоит в неразрывной связи с личной своеобразностью, с индивидуальностью. Отсюда вытекает массовое обращение евреев к коммунизму. Коммунизм, как

определенную тенденцию к общности, следует всегда отличать от социализма, который стремится к общественной кооперации и к признанию человечества в каждом отдельном человеке. Социализм – арийского происхождения (Оуэн, Карлейль, Рескин, Фихте), коммунизм – еврейского (Маркс). Современная социал демократия далеко ушла от христианского, прерафаэлитского социализма только потому, что в ней евреи играют очень выдающуюся роль. Вопреки своим обобществляющим склонностям, марксистская форма рабочего движения (в противовес Родбертусу) не имеет ровно никакого отношения к идее государства, что несомненно вытекает из отсутствия у евреев всякого понимания этой идеи. Она слишком неуловима. Абстракция, кроющаяся в ней, слишком далека от всяких конкретных целей, чтобы еврей мог духовно вполне освоиться с нею. Государство есть совокупность всех целей, которые могут быть осуществлены лишь соединением разумных существ, как таковых. Но этот кантовский разум, этот дух, по видимому, в одинаковой степени отсутствует как у еврея, так и у женщины.

По этой то причине сионизм и представляется нам до того безнадежным, хотя он пробудил самые благородные чаяния среди евреев. Дело в том, что сионизм является отрицанием еврейства, которое по идее своей стремится распространиться на всю поверхность земном шара. Для еврея понятие гражданина трансцендентально. Вот почему еврейского государства, в истинном значении этого слова, никогда не было никогда и быть не может. В идее государства заключается утверждение гипостазирования межиндивидуальных целей, решение по свободному выбору подчиниться созданному для себя правопорядку, который находит свое символическое (и никакое иное) выражение в лице главы государства. В силу этого противоположностью государства является анархия, которая еще в настоящее время так близка по духу коммунизму, именно в виду его полнейшего непонимания сущности государства, однако тут же следует заметить, что все прочие элементы социалистического движения совершенно лишены этого анархического оттенка. Правда, исторически существующие формы государственности не осуществили еще идеи даже до известной приблизительности. Тем не менее в каждой попытке образования государства все же кроется известная частица, допустим даже, минимум этой идеи, которая возвышает его над простой ассоциацией ради торговых целей или целей могущества и господства. Историческое исследование возникновения какого нибудь определенного государства еще ничего не говорит нам о присущей ему основной идее его, поскольку оно действительно является государством, а не казармой. Для того, чтобы постигнуть сущность этой идеи, необходимо будет признать значительную долю справедливости за осмеянной ныне теорией договора Руссо. В истинном государстве выражается лишь соединение нравственных личностей во имя общих задач.

Еврей чужд идее государственности не со вчерашнего дня. Этим качеством он отличается еще издавна. Но откуда мы уже можем заключить, что у еврея, как и у женщины, личность совершенно отсутствует.

В процессе дальнейшего изложения мы убедимся, насколько верно это положение. Ибо только отсутствие умопостигаемого «я» является основой как женской, так и еврейской несоциальности. Евреи, как и женщины, охотно торчат друг возле друга, но они не знают общения друг с другом, как самостоятельные, совершенно отличные существа, под знаменем сверх индивидуально и идеи.

Как нет в действительности «достоинства женщин», так и немислимо представление о еврейском «gentleman». У истинного еврея нет того внутреннего благородства, которое ведет к чувству собственного достоинства и к уважению чужого «я». Нет еврейского дворянства. Это тем

знаменательнее, что интеллектуальный подбор действует среди евреев в течение тысячелетий.

Этим объясняется также и то, что известно под названием еврейского высокомерия. Оно является выражением отсутствия сознания собственного «я» и сильнейшей потребности поднять ценность своей личности путем низведения личности ближнего, ибо истинный еврей, как и истинная женщина, лишен собственного «я», а потому он лишен и самооценности. Вот почему, хотя еврей и аристократичность суть две совершенно несоизмеримые величины, он проявляет чисто женскую страсть к титулам. Это можно поставить наряду с его чванством, объектами которого являются театральная ложа или модные картины в его салоне, христианские знакомые или его знание. Но в этих то именно примерах и лежит полнейшее непонимание всего аристократического со стороны евреев. У арийца существует потребность знать, что представляли собою его предки. Он высоко ставит их, так как он выше ценит свое прошлое, чем быстро меняющийся еврей, который лишен благочестия, так как не может придать жизни никакой ценности. Ему чужда та гордость предками, которая еще в известной степени присуща даже самому бедному, плебейскому арийцу. Последний почитает своих предков именно в силу того, что они предки его. Еврей этого не знает, он неспособен уважать в них самого себя. Было бы неправильно возразить мне указанием на необычайную силу и богатство еврейской традиции. История еврейского народа представляет для его потомков, даже для того из них, который придает ей большое значение, не сумму всего когда то случавшегося, протекшего. Она скорее является для него источником, из которого он черпает новые мечты, новые надежды: еврей ценит свое прошлое не как таковое, оно – его будущее.

Недостатки еврейства очень часто хотели объяснить, не только одни евреи, жестокими мнениями и рабским положением, которое занимали евреи в течение всего средневековья вплоть до самого XIX века. Дух порабощенности будто бы воспитал в еврее ариец. Немало есть христиан, которые в этом отношении видят в еврее вечный упрек по поводу совершенного ими преступления. Однако следует признать, что подобный взгляд заходит слишком далеко. Нельзя говорить о каких нибудь переменах в человеке, которые явились бы результатом внешнего влияния на целый ряд предшествовавших поколений, если этот человек в силу внутреннего импульса охотно идет навстречу этому внешнему воздействию и благосклонно протягивает ему руку. Теория наследования приобретенных качеств еще до сих пор не доказана, а что касается человека, то, несмотря на видимую приспособляемость его, можно с большей уверенностью, чем по отношению ко всем прочим живым существам, сказать, что характер как отдельного лица, так и целой расы, постоянен. Только убожество и поверхностность мысли может привести в тому взгляду, что человек создается окружающей его средой. Я считаю позорным уделить хоть одну строчку возражению против взгляда, который уничтожает всякую возможность свободного понимания вещей. Если человек действительно изменяется, то это может происходить изнутри к внешнему миру. В противном случае, нет, как у женщины, ничего действительно, а есть одно только небытие, вечное, неизменное. Как можно говорить о каком то воспитании, которое еврей будто бы получил в процессе исторической жизни, когда еще Ветхий Завет отчетливо и ясно указывает на то, как Иаков, этот патриарх, обманул своего умирающего отца Исаака, провел своего брата Исава и не вполне правильно и честно обогатился за счет своего тестя Лавана? Защитники евреев очень часто отмечают тот факт, что евреи, даже в процентном отношении, совершают тяжкие преступления значительно реже, чем арийцы. Совершенно справедливо. Ведь еврей в сущности несколько не антиморален. Но тут же следует прибавить, что он не является также

воплощением высшего нравственного типа. Можно сказать, что он относительно аморален. Он не особенно добр, не особенно зол, в основе же своей он ни то, ни другое, но прежде всего он – низок. Поэтому еврейству одинаково чуждо как представление об ангеле, так и понятие черта, олицетворение добра, как и олицетворение зла, вещи, ему совершенно незнакомые. Это положение ничуть не пострадает от указания на книгу Иова, на образ Белиала, на миф об Эдеме. Хотя современные спорные вопросы в области критики источников, вопросы о разграничении самобытного и заимствованного, лежат на таком пути, вступить на который я не считаю себе призванным, однако я с полной решительностью утверждаю, что в психической жизни современного еврея, будь он «свободомыслящий» или «ортодокс», принцип дьявола или образ ангела, небо или ад не играют ни малейшей религиозной роли. Если еврей никогда не в состоянии подняться на крайнюю высоту нравственности, то с другой стороны, убийство и насилие совершаются им несомненно гораздо реже, чем арийцем. Только теперь мы можем понять отсутствие у еврея всякого страха перед демоническим принципом.

Защитники женщин не реже, чем защитники евреев, ссылаются на их меньшую преступность, желая этим доказать и более совершенную нравственность их. Аналогия между теми и другими кажется все более полной. Нет женского черта, как нет женского ангела: только любовь, это упорное отрицание действительности, дает мужчине возможность видеть в женщине небесное создание, только слепая ненависть может заставить ее признать испорченной, подлой, низкой. Что безусловно чуждо женщине, как и еврею, это величие, в каком угодно отношении. Нет среди них ни великих победителей в сфере нравственности, ни великих служителей идее безнравственности. В мужчине арийце сосредоточены одновременно и злой, и добрый принцип кантовской философии религии, но оба эти принципа сидят в нем в строго разграниченном состоянии: добрый дух и злой демон ведут между собою борьбу за его обладание. В еврее, как и в женщине, добро и зло еще не дифференцированы. Нет еврейского убийцы как и нет еврейского святого. И весьма правдоподобно, что малочисленные элементы веры в черта, которые остались в еврейских преданиях, идут от парсизма и из Вавилона. Итак, евреи ведут существование не как свободные, державные, выбирающие между добродетелью и пороком индивидуальности, подобно арийцам. Каждый человек как то произвольно представляет себе арийцев в виде огромной толпы отдельных людей. Евреи же приобретают вид какого то слитного плазмодия, разлившегося по широкой поверхности. Антисемитизм благодаря этому очень часто впадал в заблуждение, он говорил о какой то упорной сознательной сплоченности, о «еврейской солидарности». Это вполне понятное смешение различных вещей. Бывает иногда, что самый незначительный, никому не известный еврей, на которого возводится какое нибудь обвинение, вызывает чувство живейшего участия среди всех евреев. Они хотят непременно доказать его невинность и сильно надеются, что им это удастся. Но ни в коем случае не следует думать, что их интересует этот человек, как отдельный еврей, что их занимает его индивидуальная судьба, как судьба единичного еврея, что он, как таковой, вызывает в них больше сострадания, чем несправедливо преследуемый ариец. Это далеко не так. Угроза всему еврейству, опасение, что этот факт может бросить невыгодную тень на всю совокупность евреев или, лучше сказать, на все еврейство вообще, на идею еврейства – вот где кроется причина упомянутых явлений произвольного участия с их стороны. Совершенно то же бывает и с женщиной, которая бесконечно рада, когда слышит нелестные отзывы о какой нибудь представительнице одной с ней пола. Она даже сама не прочь придти

на помощь, чтобы тем решительнее низвести ее, но только при одном условии: если женщина, как таковая, женщина вообще, не должна быть при этом задета. Только при условии, чтобы из за этого не уничтожалась в мужчине жажда женщины, чтобы никто не усомнился в «любви», чтобы люди по прежнему продолжали сочетаться брачными узами, и чтобы число старых холостяков от этого не увеличилось. Защитой женщины пользуется род, но не личность, пол или раса, но не индивидуум: последний приобретает значение лишь постольку, поскольку он является членом какой нибудь группы. Настоящий еврей и настоящая женщина живут только интересами рода, а не индивидуальности.

Этим объясняется и то, что семья (как биологический, но не как правовой комплекс) ни у одного народа в мире не играет такой значительной роли, как у евреев, приблизительно такое же значение имеет семья у англичан, которые, как видно будет из дальнейшего, в известной степени родственны евреям. Семья в этом смысле есть женское материнское образование, которое ничего общего не имеет с государством, с возникновением общества. Сплоченность среди членов семьи, как результат пребывания вокруг общего очага, особенно сильна у евреев. Каждому индогерманскому мужчине, одаренному в большей степени, чем человеку среднему, даже самому заурядному из них свойственно какое то непримиримое отношение к своему отцу, ибо каждый ощущает едва заметное, бессознательное, а иногда и ярко выраженное чувство гнева против того человека, который, не спросив его, толкнул его в жизнь и наделил его при рождении именем, которое тот нашел наиболее подходящим. В этом именно и выражается самый минимум зависимости сына от отца, хотя, с более глубокой, метафизической точки зрения, этот момент можно было бы привести в связь с тем, что сын сам хотел войти в земную жизнь. Только среди евреев наблюдается тот факт, что сын всецело уходит в свою семью и великолепно себя чувствует в самом пошлом общении со своим отцом. Те же, которые заводят дружеские отношения с отцом, почти исключительно христиане. Даже арийские дочери скорее стоят вне своей семьи, чем еврейки, и они чаще выбирают себе такое поприще, которое их вполне освобождает и делает независимыми от родственников и родителей. Здесь мне предстоит подвергнуть испытанию выставленное мною в предыдущей главе положение, что индивидуальная жизнь, не отделенная от другого человека пределами одиночества, является необходимым условием и предпосылкой сводничества. Мужчины, которые сводничают, содержат в себе нечто еврейское. Тут мы дошли до того пункта, где совпадение между женственностью и еврейством особенно сильно. Еврей всегда сладострастнее, похотливее, хотя что весьма странно и что, вероятно, находится в связи с его антиморальной природой он обладает меньшей потентностью в половом отношении. Он, без сомнения, менее способен к интенсивному наслаждению, чем мужчина ариец. Только евреи являются брачными посредниками. Нигде в другой национальности бракосредничество через мужчин не пользуется такой распространенностью, как среди евреев. Правда, деятельность в этом направлении здесь более необходима, чем где либо в другом месте. Дело в том, что как я уже говорил, нет ни одного народа в мире, где было бы так мало браков по любви, как у евреев: еще одно доказательство отсутствия души у абсолютного еврея.

То, что сводничество является органическим свойством природы еврея, доказывается его полнейшим непониманием аскетизма. Это свойство приобретает еще большую выразительность под влиянием раввинов, которые любят говорить на тему о размножении и приводят устную традицию в связь с вопросом о деторождении. Да иного, собственно, и не следовало ожидать от

высших представителей того народа, который видит основную нравственную задачу свою, по крайней мере согласно преданию, в том, чтобы «множиться». Наконец, сводничество есть не что иное, как уничтожение границ, еврей – это разрушитель границ. Он является полярной противоположностью аристократа. Принципом всякого аристократизма служит точное соблюдение всех границ между людьми. Еврей – прирожденный коммунист. Он всегда хочет общности. Этим объясняется полнейшее пренебрежение всякими формами, отсутствие общественного такта в сношениях с людьми. Существующие формы общения представляют собою изысканные средства для того, чтобы отметить и охранить границы монад личностей, но еврей, по природе своей, не монадолог.

Я считаю своим долгом еще раз подчеркнуть, хотя это должно быть и само собой понятно: несмотря на низкую оценку настоящего еврея, я тем не менее далек от мысли своими выводами служить опорой теоретическому, не говоря уже о практическом преследовании евреев. Я говорю о еврействе в смысле платоновской идеи. Нет абсолютного еврея, как нет и абсолютного христианина, я также не говорю об отдельных евреях, большинству которых я своими выводами не хотел бы причинить боль, и следует заметить, что многим из них была бы нанесена жестокая несправедливость, если бы все сказанное было применено к ним. Лозунги вроде «покупайте только у христиан» – еврейские лозунги, ибо они рассматривают и оценивают индивидуум только с точки зрения его принадлежности к роду. Точно также и еврейское понятие «гой» просто обозначает всякого христианина как такового и исчерпывающе определяет его ценность.

Здесь я не становлюсь на защиту бойкота, изгнания евреев, недопущения их ко всяким должностям и чинам. Еврейский вопрос нельзя разрешить такими средствами, так как они лежат вне пути нравственности. Но с другой стороны, и «сионизм» далеко еще не разрешен. Он хочет собрать народ, который, как указывает Г.С.Чемберлен, еще задолго до разрушения иерусалимского храма отчасти уже избрал диаспору в качестве естественной формы своего существования – существования корня, распускающегося по всей земле, вечно подавляющего в себе свою индивидуацию. Ясно, что сионизм хочет чего то нееврейского. Прежде всего евреям необходимо подавить в себе еврейство и только тогда они вполне созреют для идеи сионизма. Для этой цели прежде всего необходимо, чтобы евреи сами себя понимали, чтобы они изучали и боролись против себя, чтобы они пожелали победить в себе еврейство.

Но до сих пор понимание евреем своей собственной природы идет не дальше того, чтобы сочинять относительно себя остроу и смаковать их. Еврей совершенно бессознательно ставит арийца выше себя. Только твердая, непоколебимая решимость достичь высшей степени самоуважения могла бы освободить еврея от еврейства. Но это решение должен принять и осуществить отдельный индивидуум, но не целая группа, как бы сильна, как бы почтенна она ни была. Поэтому еврейский вопрос может получить только индивидуальное решение. Каждый отдельный еврей должен дать ответ на него прежде всего на свой собственный страх.

Иного решения нет и быть не может. Сионизм также не в состоянии этого сделать.

Еврей, который победил бы в себе еврейство, еврей, который стал бы христианином, обладал бы бесспорным правом на то, чтобы ариец относился к нему как единичному лицу, а не как к члену расы, за пределы которой его давно уже вынесло нравственное стремление. Он может быть вполне спокоен: никто не будет оспаривать его вполне основательного и справедливого притязания. Выше стоящий ариец чувствует потребность уважать еврея.

Антисемитизм не доставляет ему особенного удовольствия и не является для него времяпрепровождением. Поэтому он не любит, когда еврей откровенно говорит о евреях. Кто же это все таки делает, тот вызовет в арийце еще меньше благодарности, чем в самом еврействе, которое так чутко и болезненно воспринимает всякие обиды. Но ариец уже во всяком случае не хочет, чтобы еврей оправдал антисемитизм своим крещением. Но и эта опасность крайнего непонимания его благороднейшего стремления не должна смущать еврея, который жаждет внутреннего освобождения. Ему придется отказаться от мысли совершить невозможное: он не может ценить в себе еврея, как того хочет ариец, и одновременно с этим позволить себе уважать себя, как человека. Он будет стремиться к внутреннему крещению своего духа, за которым может последовать внешнее символическое крещение тела. Столь важное для еврея и необходимое познание того, что собственно представляет собою еврейство и все еврейское вообще, было бы разрешением одной из труднейших проблем. Еврейство представляет собою гораздо более глубокую загадку, чем это думает какойнибудь катехизис антисемитизма, и в своей последней основе едва ли удастся представить его с полной ясностью. Параллель, которую я установил между женственностью и еврейством, и та скоро потеряет для нас свое значение, а потому я постараюсь воспользоваться ею.

В христианине борются между собою гордость и смирение, в еврее – заносчивость и низкопоклонство, в первом – самосознание и самоуничужение, во втором – высокомерие и раболепие. В связи с отсутствием смирения у еврея находится его полное непонимание идеи милости. Только рабская природа еврея могла создать его гетерономную этику, его декалог – этот безнравственнейший из всех законодательных кодексов мира, обещающий за покорное и безропотное соблюдение чужой властной воли земное благоденствие и завоевание всего мира. Отношение его к Иегове, этому абстрактному идолу, который внушает ему страх раба, имя которого он не осмеливается произнести, все это говорит нам о том, что еврей, подобно женщине, нуждается в чужой власти, которая господствовала бы над ним. Шопенгауэр как то говорил: «Слово Бог означает человека, который создал мир». Бог евреев именно таков. О божественном начале в самом человеке, о том «Боге, который живет в моей душе», еврей ровно ничего не знает. Все то, что понимали под божественным Христос и Платон, Экгарт и Павел, Гете и Кант, и все арийцы, от ведийских священнослужителей до Фехнера в своих прекрасных заключительных стихах из «Трех мотивов и основ веры» слов «и пребуду среди вас во все дни до скончания мира», – все это еврею совершенно недоступно, он не в состоянии понять этого. Ибо божественное в человеке есть его душа. У абсолютного же еврея души нет.

Поэтому вполне естественно, что в Ветхом Завете отсутствует вера в бессмертие. Как может человек ощутить потребность в бессмертии души, раз у него ее нет! Еврею, как и женщине, чужда потребность в бессмертии: «*anima naturaliter Christiana*», – говорит Тертуллиан.

По тем же причинам у евреев отсутствует, как вполне верно доказал Г.С.Чемберлен, истинная мистика. У них есть только безрассудное, дикое суеверие и истолковательная магия, которая называется «Каббалой». Еврейский монотеизм не имеет никаких общих точек с истинной верой в Бога, он является скорее отрицанием этой веры, не истинным служением во имя принципа добра, а «лжеслужением». Одноименность еврейского и христианского Бога есть кощунственное поругание последнего. Религия евреев – это не религия чистого разума: это вера старых баб, проникнутых сомнительным, грязным страхом.

Почему ортодоксальный раб Иеговы в состоянии быстро и легко превратиться в материалиста, в «свободомыслящего»? Почему лессингское слово «мусор просвещения» – что бы ни говорил Дюринг, этот антисемит на вполне справедливом основании, как бы направлено на еврейство? Тут рабская психология несколько отодвинулась с тем, чтобы уступить место своей оборотной стороне – наглости. Это две взаимно сменяющие друг друга фазы одного и того же хотения в одном и том же человеке. Высокомерие по отношению к вещам, неспособность видеть или только предчувствовать в них символы чего то таинственного и более глубокого, полнейшее отсутствие «verecundia» даже по отношению ко всевозможным явлениям природы – все это ведет к еврейской, материалистической форме науки, которая, к сожалению, заняла в настоящее время господствующее положение, которая, кстати сказать, отличается непримиримым враждебным отношением ко всякой философии. Если согласиться с единственно возможным и единственно правильным толкованием сущности еврейства и видеть в ней определенную идею, к которой в большей или меньшей степени причастен каждый ариец, тогда замена «истории материализма» заглавием «сущность еврейства» уже не должна вызвать особенно резких возражений. «Еврейство в музыке» было рассмотрено Вагнером: о еврействе в науке мне придется еще сделать несколько замечаний.

Под еврейством в самом широком смысле следует понимать то направление, которое в науке прежде всего видит средство к определенной цели – изгнать все трансцендентальное. Ариец ощущает глубокую потребность все понять и вывести из чего то другого, как некоторое обесценение мира, ибо он чувствует, что своею ценностью наша жизнь обязана чему то такому, что не поддается исследованию. Еврей не испытывает страха перед тайнами, так как он их нигде не чувствует. Представить мир возможно более плоским и обыкновенным – вот центральный пункт всех научных стремлений еврея. Но в своих научных исканиях, он не преследует той цели, чтобы ясным познанием закрепить и обеспечить за вечно таинственным вечное право его. Нет, он хочет доказать убогую простоту и несложность всебытия, он сметает со своего пути все, что стесняет свободное движение его локтей даже в духовной сфере. Антифилософская (но не афилософская) наука есть в основе своей еврейская наука.

Евреи всегда были особенно предрасположены к механически материалистическому миропониманию, именно потому, что их богопочитание ничего общего с истинной религией не имеет. Они были самыми яркими последователями дарвинизма, этой смешной и забавной теории о происхождении человека от обезьяны. Они явились чуть ли не творцами и основателями той экономической точки зрения на историю человечества, которая совершенно отрицает дух, как творческую силу развития человеческого рода. Усердные апологеты Бюхнера, они теперь выступают наиболее вдохновенными защитниками Оствальда.

Тот факт, что химия в настоящее время находится преимущественно в руках евреев, как раньше в руках родственных им арабов, не случайность. Растворение в материи, потребность все растворить в ней предполагает отсутствие умопостигаемого «я» – она есть черта чисто еврейская. «O curas Chymicorum! o quantum in pulvere inane!» Этот гекзаметр принадлежит, правда, самому немецкому из всех исследователей всех времен. Его имя Иоганн Кеплер.

Современное направление медицины, в которую устремляются евреи целыми массами, несомненно вызвано широким влиянием на нее духа еврейства. Во все времена, начиная с дикарей и кончая современным движением в сторону естественных методов лечения движением, от которого евреи, что весьма

знаменательно, всегда держались в стороне, искусство лечения содержало в себе нечто религиозное. Врач был священнослужителем. Исключительно химическое направление в медицине – это именно и есть еврейство. Но можно быть вполне уверенным, что органическое никогда не удастся вывести из неорганического. В лучшем случае, последнее удастся вывести из первого. Правда были Фехнер и Прейер, и в этом не может быть никакого сомнения, говоря, что мертвое возникает из живого, а не наоборот. Мы ежедневно наблюдаем в индивидуальной жизни превращение органического в неорганическое (уже окостенение и кальцинация в старости, старческий артериосклероз и артериоматоз подготавливают смерть), но никому еще не удавалось видеть превращение мертвого в живое. Это и следовало бы, в смысле «биогенетического параллелизма» между онтогенезом и филогенезом, распространить на всю совокупность неорганической материи. Если теория самозарождения должна была на всем пути своем, от Сваммердама до Пастера, уступать одну за другой занятые уже ею позиции, то следует ожидать, что ей придется покинуть и последнее убежище, которое она нашла в монистической потребности столь многих людей, если, конечно, потребность эту удастся удовлетворить другим путем и более правильным образом. Быть может, уравнения для мертвого течения вещей окажутся когда-нибудь путем подстановки определенных величин времени предельными случаями уравнений для живого течения вещей, но мы не представляем себе, чтобы создание живого с помощью мертвого было возможно. Стремление создать гомункула было чуждо Фаусту. Гете не без основания предоставил это сделать Вагнеру – фамулусу. Химия и на самом деле имеет дело только с экскрементами живого. Все мертвое есть не что иное, как экскрет жизни. Химическое мировоззрение ставит организм на одну доску с его отбросами и выделениями. Да как еще иначе можно было бы объяснить себе веру человека в то, что более или менее усиленным употреблением сахара можно воздействовать на пол рождающегося ребенка? Эта манера касаться нецеломудренной рукой тех вещей, которые ариец в глубине души ощущает, как промысел, пришло в естествознание вместе с евреем. Время тех глубоко религиозных исследователей, для которых их объект казался всегда причастным к какому-то сверхчувственному достоинству, для которых существовали тайны, которых едва ли когда-нибудь покидало изумление перед тем, что они открыли и открытие чего они всегда ощущали, как милость свыше, время Коперника и Галилея, Кеплера и Эйлера, Ньютона и Линнея, Ламарка и Фарадея, Конрада Шпренгеля и Кювье, это время безвозвратно миновало. Современные «свободомыслящие», как люди, совершенно свободные от всякой мысли, лишены веры в возможность имманентного открытия чего-то высшего в природе, как целом. Именно поэтому они даже в своей специальной научной сфере не в состоянии вполне заменить и подняться на ту высоту, которую занимали те люди.

Этот недостаток глубины объяснит нам, почему евреи не могут выделить из своей среды истинно великих людей, почему им, как и женщинам, отказано в высшей гениальности. Самый выдающийся еврей последних девятнадцати веков, семитское происхождение которого не подлежит никакому сомнению и который обладает несравненно большим значением, чем лишенный почти всякого величия поэт Гейне или оригинальный, но далеко не глубокий живописец Израэльс, – это философ Спиноза. Всеобщая распространенная, невероятная переоценка последнего вызвана не столько углублением в его произведения и тщательным изучением их, сколько тем случайным фактом, что он единственный мыслитель, которого Гейне особенно усердно и внимательно читал.

Строго говоря, для самого Спинозы не существовало никаких проблем. В этом смысле он проявил себя истинным евреем. В противном случае он не выбрал бы «математического метода», который рассчитан на то, чтобы представить все простым и очевидным. Система Спинозы была великолепной цитаделью, за которой он сам «защищался», ибо никто в такой степени не избегал думать о себе самом, как Спиноза. Вот почему эта система могла служить средством успокоения и умиротворения для человека, который дольше и мучительнее всех других людей думал о своей собственной сущности. Этот человек был Гете. О чем бы только не думал истинно великий человек, он в конце концов думает только о себе самом. Как верно то, что Гегель сильно заблуждался, рассматривая логическое противоположение, как некоторое реальное боевое сопротивление, так несомненно для нас и то, что даже самая сухая логическая проблема психологически вызывает у более глубокого мыслителя внутренний, властный конфликт. Система Спинозы в ее догматическом монизме и оптимизме, в ее совершенной гармонии, которую Гете так гигиенически ощущал, ни в коем случае не является философией мощного духа. Она скорее затворничество несчастливца, ищущего идиллию, к которой на деле он совершенно неспособен, как человек абсолютно лишенный юмора.

Спиноза неоднократно обнаруживает свое истинное еврейское происхождение. Он ясно намечает предельные пункты той сферы, в которой вращается еврейский дух и за пределы которой он не в состоянии выйти. Здесь я не имею в виду его полнейшего непонимания идеи государства, сюда также не относится и его приверженность к теории Гоббеса о «войне всех против всех», теории, которая будто бы характеризует первобытное состояние человечества. Что особенно отчетливо указывает на относительно низкий уровень его философских воззрений – это его абсолютное непонимание свободы воли (еврей, по природе своей, раб, а потому и детерминист), но рельефнее всего это вытекает из того факта, что он, как истинный еврей, видит в индивидуумах не субстанции, а лишь акциденции, лишь недействительные модусы единственно действительной, чуждой всякой индивидуации, бесконечной субстанции. Еврей не монадолог. Поэтому нет более глубокой противоположности, как между Спинозой и его несравненно более выдающимся и более универсальным современником Лейбницем, защитником учения о монадах также еще более великим творцом этого учения – Бруно, сходство котором со Спинозой поверхностное понимание преувеличило до уродливых размеров.

Подобно «радикально доброму» и «радикально злому», у еврея (и у женщины) вместе с гениальностью отсутствует «радикально глупое», заложенное в человеческой, мужской природе. Специфический вид интеллектуальности, который превозносится в еврее, как и в женщине, есть, с одной стороны, большая бдительность их большого эгоизма. С другой стороны, он покоится на бесконечной способности их приспособиться ко всевозможным внешним целям без всякого исключения, ибо они оба лишены природного мерил ценности, лишены царства целей в самом сердце своем. Взамен этого они обладают неомраченными естественными инстинктами, которые у мужчины арийца не всегда возвращаются в подходящее время, чтобы оказать ему посильную поддержку, когда его покидает сверхчувственное в его интеллектуальном выражении.

Здесь пора вспомнить о сходстве между евреем и англичанином, о котором еще со времени Рихарда Вагнера неоднократно говорили. Вне всякого сомнения, англичане единственные из всех индогерманцев имеют некоторое сходство с семитами. Их ортодоксальность, их строгое буквальное соблюдение субботнего отдыха, все это подтверждает нашу мысль. В их религиозности нередко можно заметить черты ханжества. Они, подобно

женщинам, не создали еще ничем выдающегося ни в области музыки, ни в области религии. Иррелигиозный поэт – вещь вполне возможная. Очень выдающийся художник не может быть иррелигиозным, но существование иррелигиозного композитора совершенно немыслимо. В связи с этим находится тот факт, что англичане не выдвинули ни одного выдающегося архитектора, ни одного значительного философа. Беркли также, как Свифт и Стерн – ирландцы. Эригена, Карлейль, Гамильтон и Берне – шотландцы. Шекспир и Шелли – два величайших англичанина, но они далеко еще не являются крайними вершинами человечества. Им очень далеко до таких людей, как Микельанжело и Бетховен. Обратимся к философам. Тут мы видим, что еще с самых средних веков они всегда являлись застрельщиками реакции против всякой глубины: начиная с Вильгельма Оккама и Дунса Скота – через Роджера Бэкона и его однофамильца канцлера, через столь родственного Спинозе Гоббеса и плоского Локка, и кончая Гартли, Пристли, Бентамом, обоими Миллями, Льюисом, Гексли и Спенсером. Вот вам и все крупнейшие имена из истории английской философии. Адам Смит и Давид Юм в счет не идут: они были шотландцами.

Не следует забывать, что из Англии пришла к нам психология без души! Англичанин импонировал немцу, как дельный эмпирик, как реальный политик в теоретической и практической сфере, но этим исчерпывается все его значение в области философии. Не было еще ни одного более глубокого мыслителя, который остановился бы на эмпирическом. Не было также ни одного англичанина, которому удалось бы самостоятельно перешагнуть за пределы эмпирического.

Однако не следует отождествлять англичанина с евреем. В англичанине заложено больше трансцендентного, чем в еврее, только дух его скорее направлен от трансцендентного к эмпирическому, чем от эмпирического к трансцендентному. Будь это не так, англичанин не был бы так полон юмора, как мы наблюдаем в действительности, еврей же совершенно лишен юмора и он сам представляет лучший, после половой жизни, объект для остроумия. Я отлично знаю, какая это трудная проблема смех и юмор. Она трудна, как и все свойственное только человеку и чуждое животному. Насколько она трудна, можно видеть из того, что Шопенгауэр не мог на этот счет сказать что либо основательное и даже Жан Поль не в состоянии был кого либо удовлетворить своим толкованием. Прежде всего, в юморе заключаются самые разнообразные черты: для многих он, по видимому, служит более тонкой формой выражения сострадания к другим и к самому себе. Но этим еще не сказано, что собственно является для юмора особенно характерным. Человек, абсолютно лишенный пафоса, может с помощью юмора выразить сознательный «пафос расстояния», но и этим мы еще не подвинулись к разрешению вопроса о сущности юмора.

Самой существенной стороной юмора, на мой взгляд, является преувеличенное подчеркивание эмпирического, которое таким образом яснее выставляет всю незначительность последнего. Строго говоря, все, что реализовано, смешно. На этом и базируется юмор, являясь таким образом противоположностью эротике. Эротика охватывает и человека, и весь мир в одно целое, и направляет все это к одной цели. Юмор же дает всему этому противоположное направление, он распускает все синтезы, чтобы показать, каков собою мир без тонов. Можно сказать, что юмор так относится к эротике, как неполяризованный свет к поляризованному.

В то время, как эротика устремляется из ограниченного в безграничное, юмор сосредоточивает свое внимание на ограниченном, выдвигает его на первый план, выставляет его напоказ, рассматривая его со всех сторон. Юморист меньше всего расположен к путешествиям. Только он понимает смысл

всего мелкого и чувствует влечение к нему. Море и горы не его царство, его сфера – это равнина.

Вот почему он с такой любовью отдается идиллии и углубляется в каждую единичную вещь, но только с той целью, чтобы показать все несоответствие ее с вещью в себе. Он роняет престиж имманентности, отрывая ее совершенно от трансцендентности, ни разу не упоминая даже имени последней. Остроумие раскрывает противоречие внутри самого явления, юмор же наносит явлению более решительный удар, представляя его как нечто целое, замкнутое в самом себе. Оба обнаруживают все, что только возможно, и этим они компрометируют мир опыта основательнейшим образом. Трагедия, наоборот, показывает то, что навеки остается невозможным. Таким образом, комедия и трагедия, каждая по своему, отрицают эмпирию, хотя они обе противоположны друг другу.

У еврея, который не исходит от сверхчувственного, подобно юмористу, и не устремляется туда, подобно эротика, нет никаких оснований умалить ценность данного явления, а потому жизнь никогда не превращается для него ни в скоморошество, ни в дом для умалишенных. Юмор по характеру своему терпим, так как он знает более высокие ценности, чем все конкретные вещи, но он лукаво умалчивает о них. Сатира, как противоположность юмора, по природе своей нетерпима, а потому она больше соответствует истинной природе еврея, а также и женщины. Евреи и женщины лишены юмора, но склонны к издевательствам. В Риме даже была сочинительница сатир по имени Сульпиция. Нетерпимость сатиры ведет к тому, что человек становится невозможным в обществе. Юморист же, который знает, как устранить в себе и в других людях печаль и скорбь по поводу мелочей и мелочности жизни, является самым желанным гостем во всяком обществе. Ибо юмор, как и любовь, сносят всякие горы с пути. Он является особой формой отношения к людям, которые способствуют развитию социальной жизни, т. е. общению людей под знаменем высшей идеи. Еврей совершенно лишен общественной жизни, тогда как англичанин в высшей степени социален.

Итак, сравнение еврея с англичанином оставляет нас значительно раньше, чем параллель между евреем и женщиной. Причина, в силу которой мы должны были в том и в другом случае основательно проследить все аналогии, заключается в той ожесточенной борьбе, которая издавна ведется за ценность и сущность еврейства. Я позволю себе сослаться на Вагнера, который ревностнее всех занимался проблемой еврейства с самого начала до самого конца своей жизни. Он хотел признать еврея не только в англичанине: над его Кундри – единственной по своей глубине женской фигурой в искусстве, неизменно витает тень Агасфера.

Параллель, которую мы провели между женщиной и евреем, приобретает еще большую основательность и достоверность благодаря тому факту, что ни одна женщина в мире не воплощает в себе идею женщины в той законченной форме, как еврейка. И она является таковой не только в глазах еврея. Даже ариец относится к ней именно с этой точки зрения: стоит вспомнить «Еврейку из Толедо» Грильпарцера. Подобное представление возникает благодаря тому, что арийка требует от арийца в качестве полового признака еще и метафизического элемента. Она проникается его религиозными убеждениями в той же мере, как и всеми остальными свойствами его (см. конец гл. IX и главу XII). В действительности, конечно, существуют только христиане, а не христианки. Еврейка является на первый взгляд наиболее совершенным воплощением женственности в ее обоих противоположных полюсах – в виде матери, окруженной своей многочисленной семьей, и в виде страстной одалиски, как Киприда и Кибела, именно потому, что мужчина, который ее

сексуально дополняет и духовно насыщает, который создал ее для самого себе, сам содержит в себе так мало трансцендентного. Сходство между еврейством и женственностью приобретает на первых порах особенную реальность, если обратиться к способности еврея бесконечно изменяться. Выдающийся талант евреев в сфере журналистики, «подвижность» еврейского духа, отсутствие самобытного, врожденного умственного склада, разве все это не дает нам права применить к евреям то же положение, которое мы высказали относительно женщин: они сами по себе ничто, а потому могут стать всеми? Еврей – индивидуум, но не индивидуальность. Вращаясь в сфере низкой жизни, он лишен потребности в личном бессмертии: у него отсутствует истинное, неизлечимое, метафизическое бытие, он непричастен к высшей, вечной жизни.

А все таки именно в этом месте еврейство и женственность резко расходятся. Отсутствие бытия и способность стать всем, оба качества, свойственные и еврею и женщине, принимают у каждого из них различные формы. Женщина является материей, которая способна принять любую форму. В еврею прежде всего наблюдается известная агрессивность. Он становится рецептивным не под влиянием сильного впечатления, которое производят на него другие. Он поддается внушению не в большей степени, чем ариец. Речь идет о том, что он самодеятельно приспособляется к различным обстоятельствам и требованиям жизни, к разнообразнейшей среде и расе. Он подобен паразиту, который в каждом новом теле становится совершенно другим, который до того меняет свою внешность, что кажется другим, новым животным, тогда как он остается тем же. Еврей ассимилируется со всем окружающим и ассимилирует его с собою, при этом он ничему другому не подчиняется, а подчиняет себе это другое.

Далее, расхождение между женщиной и евреем заключается в том, что женщине совершенно чуждо мышление в понятиях, тогда как мужчине подобной образ мышления присущ в огромной степени. В связи с этим обстоятельством находится его склонность к юриспруденции, которая никогда не в состоянии будет возбудить серьезный интерес к себе со стороны женщины. В этой природной склонности к понятиям находит свое выражение активность еврея, активность, правда, довольно своеобразного сорта. Это, во всяком случае, не активность, которая свойственна самотворческой свободе высшей жизни. Еврей вечен, как и женщина. Он вечен не как личность, а как род. Он не обладает той непосредственностью, которой отличается ариец, тем не менее его непосредственность совершенно иная, чем непосредственность женщины. Но глубочайшего познания истинной сущности еврея мы достигнем только тогда, когда обратимся к его иррелигиозности. Здесь не место входить в разбор понятия религии, так как этот разбор из необходимости оказался бы чрезмерно пространственным и завел бы нас слишком далеко. Поэтому не вдаваясь в более подробные обоснования, я под религией буду прежде всего понимать утверждение человеком всего вечного, той вечной жизни в человеке, которая не может быть доказана и введена из данных низшей жизни. Еврей – человек неверующий. Вера – это определенное действие человека, с помощью которого он становится в известные отношения к бытию. Религиозная вера направлена исключительно на вневременное, абсолютное бытие, на вечную жизнь, как гласит язык религии. Еврей, в глубочайшей основе своей, есть ничто, и именно потому, что он ни во что не верит.

Вера есть все. Но не в том дело, верит ли человек в Бога или нет: верил бы он хотя бы в свой атеизм. Как раз в этом то и вся беда: еврей ни во что не верит, он не верит в свою веру, он сомневается в своем сомнении. Он неспособен насквозь проникнуться сознанием своего торжества, но он также не в состоянии всецело уйти в свое несчастье. Он никогда не

относится серьезно к себе самому, поэтому у него нет и серьезного отношения к другим людям и вещам. Быть евреем представляет собою какое то внутреннее удобство, за которое приходится расплачиваться разными внешними неудобствами.

Этим мы, наконец, подошли к самой существенной разнице между евреем и женщиной. Их сходство в глубочайшей основе своей покоится на том, что еврей так же мало верит в себя, как и она. Но она верит в другого, в мужчину, в ребенка, «в любовь», у нее имеется какой то центр тяжести, но он лежит вне ее. Еврей же ни во что не верит: ни в себя, ни в других. Он также не находит отклика в душе другого, не в состоянии пустить в нее глубокие корни, как и женщина. Отсутствие всякой почвы под его ногами получает как бы символическое выражение в его абсолютном непонимании землевладения и в том предпочтении, которое он отдает движимой собственности.

Женщина верит в мужчину, в мужчину вне себя, в мужчину в себе самой, в мужчину, которым она насквозь проникается в духовном отношении. Благодаря этому она приобретает способность серьезно относиться к себе самой. Еврей никогда серьезно не считает что либо истинным и нерушимым, священным и неприкосновенным. Поэтому у него всегда фривольный тон, поэтому он всегда надо всем острит. Христианство какого либо христианина для него очень сомнительная вещь, и он уж, конечно, не поверит в искренность крещения еврея. Но он даже не вполне реалистичен и уж ни в коем случае не настоящий эмпирик. Здесь следует свести одно очень важное ограничение в прежние положения выставленные нами в известном соответствии со взглядами Г.С.Чемберлена. Еврею чужда та настоящая имманентность, которая свойственна английскому философу опытного мира. Дело в том, что позитивизм истинного эмпириста верит в возможность для человека приобрести вполне законченное познание внутри чувственного мира, он надеется на завершение системы точной науки. Еврей же не верит в свое значение. Тем не менее он далеко не скептик, так как он не убежден в своем скептицизме. Между тем, даже над абсолютно аметафизической системой, как философия Авенариуса, реет дух какой то благоговеющей озабоченности. Мало того, релятивистические воззрения Эрнста Маха, и те даже проникнуты благочестием, исполненным радостного упования. Эмпиризм, пожалуй, и не глубок, но его поэтому еще нельзя назвать еврейским. Еврей – неблагочестивый человек в самом широком смысле. Благочестие есть качество, которое не может существовать наряду с другими вещами, или вне их. Благочестие есть основа всего, базис, на котором возвышается все остальное. Еврея считают прозаичным уже потому, что он лишен широты размаха, что он не стремится к первоисточнику бытия. Но это несправедливо. Всякая настоящая внутренняя культура, все то, что человек считает истиной, содержит в основе своей веру, нуждается в благочестии. На той же основе покоится и тот факт, что для человека существует культура, что для него существует истина, что существуют ценности. Но благочестие далеко еще не то, что обнаруживается в одной только мистике или религии, оно таится в глубоких основах всякой науки, всякого скептицизма, всего того, к чему человек относится с искренней серьезностью. Не подлежит никакому сомнению, что благочестие может проявляться в самых разнообразных формах: вдохновение и объективность, высокий энтузиазм и глубокая серьезность – вот две выдающиеся формы, в которых оно выражается. Еврей – не мечтатель, но и не трезвенник, не эксстатичен, но и не сух. Он, правда, не поддается ни низшему, ни духовному опьянению, он не подвержен страсти алкоголика, как и неспособен к высшим проявлениям восторженности. Но из этого еще нельзя заключить,

что он холоден или, по крайней мере, спокоен, как человек, находящийся под влиянием убедительной аргументации. От его теплоты отдает потом, от его холода стелется туман. Его самоограничение превращается в худосочие, его полнота представляет собою своего рода опухоль. Когда он в дерзком порыве совершает полет в безграничное воодушевление своего чувства, он и тогда не подымается выше пафоса. Вращаясь в теснейших основах своей мысли, он не может не греметь своими цепями. У него, правда, не появляется желания поцеловать весь мир, тем не менее он остается к нему столь же навязчивым.

И одиночество, и общение с миром, и строгость, и любовь, и объективность, и мышление, похожее на шум, всякое истинное, нелживое движение человеческого сердца, серьезное или радостное, все это в конечном счете покоится на благочестии. Вера совсем не должна, как в гении, т. е. в самом благочестивом человеке, относиться к метафизическому бытию: религия есть утверждение самого себя и, вместе с собою, всего мира. Она может также относиться к эмпирическому бытию и, таким образом, одновременно как бы совершенно исчезнуть в нем. Ведь это одна и та же вера в бытие, в ценность, в истину, в абсолютное, в Бога.

Понятие религии и благочестия, которое я исчерпывающе развил в моем изложении, может легко повести к различным недоразумениям. Поэтому я позволю себе для большей ясности сделать еще несколько замечаний.

Благочестие заключается не в одном только обладании. Оно лежит и в борьбе за достижение этого обладания. Благочестив не только человек, возвещающий нового Бога (как Гендель или Фехнер), благочестив также и колеблющийся, полный сомнений, богоискатель (как Ленау или Джерер). Благочестие не должно стоять в одном только вечном созерцании перед мировым целым (как стоит перед ним Бах). Оно может проявляться в виде религиозности, сопровождающей все единичные вещи (как у Моцарта). Оно, наконец, не связано с появлением основателя религии. Самым благочестивым народом были греки, и потому их культура превосходит все другие, существовавшие до сих пор, однако среди них, без сомнения, не было ни одного выдающегося творца религиозной догмы (в котором они совершенно и не нуждались).

Религия есть творчество всебытия. Все, что существует в человеке, существует только благодаря религии. Еврей, таким образом, меньше всего отличается религиозностью, как до сих пор привыкли думать о нем. Он иррелигиозный человек.

Нуждается ли это еще в обосновании? Должен ли я вести пространное доказательство того, что еврей лишен настойчивости в своей вере, что иудейская религия – единственная, не вербующая прозелитов. Почему человек, принявший иудейство, является для самих евреев величайшей загадкой и предметом недоумевающего смеха? Должен ли я распространяться о сущности еврейской молитвы и говорить о ее строгой формальности, подчеркивать отсутствие в ней той странности, которую в состоянии дать один лишь момент возвышенного чувства? Должен ли я, наконец, еще раз повторять, в чем заключается сущность иудейской религии? Должен ли еще раз подчеркнуть, что она не является учением о смысле и цели жизни, а есть лишь историческая традиция, в центре которой стоит переход евреев через Красное море, традиция, которая завершается благодарностью могучему избавителю со стороны убегающего труса?

И без того все ясно: еврей – иррелигиозный человек, очень далекий от всякой веры. Он не утверждает самого себя и вместе с собой весь мир, т. е. он не делает именно того, в чем заключается существенная сторона всякой религии. Всякая вера героична: еврей же не знает ни мужества, ни

страха, как чувств угрожаемой веры. Он ни сын Солнца, ни порождение демона.

Итак, не мистика, как полагает Чемберлен, а благочестие есть то что в конечном счете отсутствует у еврея. Был бы он хоть частным материалистом, хоть ограниченным приверженцем идеи развития! Но он не критик, а критикан. Он не скептик по образу Картензия. Он склонен поддаваться сомнению с тем, чтобы из величайшего недоверия выбиться к величайшей уверенности. Он – человек абсолютной иронии, подобно здесь я могу назвать только одного еврея – Генриха Гейне.

Преступник также неблагочестив и не верит в Бога, но он падает в пропасть, так как не может устоять рядом с Богом. Но и последнее обстоятельство не может смутить еврея, вот в этом состоит удивительная уловка его. Поэтому преступник всегда находится в отчаянии, еврей же – никогда. Он даже и не настоящий революционер (где у него для этого сила и внутренний порыв возмущения?) и этим он отличается от француза. Он расшатывает, но никогда серьезно не разрушает.

Но что же такое этот самый еврей, который не представляет собою ничего, чем вообще может быть человек? Что же в нем в действительности происходит, если он лишен того последнего, той основы, в которую должен твердо и настойчиво упереться лоб психолога?

Совокупность психических содержаний еврея отличается известной двойственностью или множественностью. За пределы этой двусторонности, раздвоенности или даже множественности он не выходит. У него остается еще одна возможность, еще много возможностей там, где ариец, обладая не менее широким кругозором, безусловно решает на что либо одно и бесповоротно выбирает это. Эта внутренняя многозначность, это отсутствие непосредственной реальности его психологического переживания, эта бедность в том «бытии в себе и для себя», из которого единственно и вытекает высшая творческая сила, – все это, на мой взгляд, может служить определением того, что я назвал еврейством в качестве определенной идеи. Это является состоянием, как бы предшествовавшим бытию, вечным блужданиям снаружи перед воротами реальности. Поистине, нет ничего такого, с чем мог бы себя отождествить еврей, нет той вещи, за которую он всецело отдал бы свою жизнь. Не ревнитель, а рвение отсутствует в еврее, ибо все нераздельное, все цельное ему чуждо. Простоты веры в нем нет. Он не являет собою никакого утверждения, а потому он кажется более сообразительным, чем ариец, потому он так эластично увертывается от всякого подчинения. Я повторяю: внутренняя многозначительность – абсолютно еврейская черта, простота – черта абсолютно не еврейская. Вопрос еврея – это тот самый вопрос, который Эльза ставит Лоэнгрину: вопрос о неспособности воспринять голос хотя бы внутреннего откровения, о невозможности просто поверить в какое бы то ни было бытие.

Мне, пожалуй, возразят, что это раздвоенное бытие можно встретить лишь у цивилизованных евреев, в которых старая ортодоксия продолжает бороться с современным умственным течением. Но это было бы очень неправильно. Образованность еврея еще резче и яснее выдает его истинную сущность. Дело в том, что ему, как человеку образованному, приходится вращаться в сфере таких вещей, которые требуют значительно большей серьезности, чем денежные, материальные дела. В доказательство того, что еврей сам по себе не однозначен, можно привести то, что он никогда не поет. Не из стыдливости он не поет, а просто потому, что он сам не верит в свое пение. Между многозначительностью еврея и истинной реальной дифференцированностью или гениальностью общего весьма мало. И его своеобразный страх перед пением или перед громким, ярким словом очень

далек от истинной сдержанности. Всякая стыдливость горда, но отрицательное отношение еврея к пению есть в сущности признак отсутствия в нем внутреннего достоинства: он не понимает непосредственного бытия и стоит ему только запеть, чтобы он почувствовал себя смешным и скомпрометированным. Стыдливость охватывает все содержания, которые с помощью внутренней непрерывности прочно связаны с человеческим «я». Сомнительная застенчивость еврея простирается на такие вещи, которые ни в каком отношении не являются для него священными, поэтому у него собственно не может быть никаких опасений профанировать их одним только открытым повышением голоса. Тут мы опять сталкиваемся с отсутствием благочестия у еврея: всякая музыка абсолютна, она как бы оторвана от всякой основы. Поэтому она стоит в более тесных отношениях к религии, чем всякое другое искусство. Поэтому самое обыкновенное пение, которое вкладывает в мелодию всю свою душу, есть не еврейское пение. Ясно, что определять сущность еврейства это задача очень трудная. У еврея нет твердости, но и нет нежности, он скорее жесток и мягок. Он ни неотесан, ни тонок, ни груб, ни вежлив. Он – не царь и не вождь, но и не пленник и не вассал. Чувство потрясения ему незнакомо, но ему также чуждо и равнодушие. Ничто не является для него очевидным и понятным, но он также не знает истинного удивления. У него нет ничего общего с Лоэнгрином, но нет никакого родства и с Тельрамундом, который живет и умирает с честью. Он смешен, как студент корпорант, но он даже не настоящий филистер. Он не меланхоличен, но он и не легкомыслен от всего сердца. Так как ему чужда всякая вера, он бежит в сферу материального. Отсюда и его алчность к деньгам: здесь он ищет некоторой реальности, путем «гешефта» он хочет убедиться в наличии чего-то существующего. «Заработанные деньги» – это единственная ценность, которую он признает как нечто действительно существующее. И тем не менее он все же не настоящий делец: «неистинное», «несолидное» в поведении еврейского торговца есть лишь конкретное проявление в деловой сфере того же еврейского существа, которое и во всех остальных отношениях лишено внутренней тождественности. Итак, «еврейское» есть определенная категория, и психологически его нельзя ни сводить к чему-либо, ни определить. С метафизической точки зрения оно тождественно с состоянием, предшествовавшим бытию. Интроспективный анализ не идет больше известной внутренней многозначности, отсутствия какой бы то ни было убежденности, неспособности к любви, т. е. к беззаветной преданности и жертве.

Эротика еврея сентиментальна, его юмор – сатира, но всякий сатирик сентиментален, как каждый юморист – эротик наизнанку. В сатире и сентиментальности и заключается та двойственность, которая и составляет сущность еврейства (ибо сатира слишком мало замалчивает, а потому и является подражанием юмору). Но им обеим присуща та усмешка, которая так характеризует еврейское лицо: не блаженная, не страдальческая, не гордая, не искаженная усмешка, а то неопределенное выражение лица (физиономический коррелят внутренней многозначности), которое говорит о бесконечной готовности с его стороны на все соглашаться. Но это именно свидетельствует об отсутствии у человека уважения к самому себе, того уважения, которое может послужить основой для всякой другой «verecundia». Изложение мое отличалось той ясностью, которая позволяет мне надеяться, что мой взгляд на сущность еврейства был правильно понят. Если что и осталось неясным, то пусть король Гакон из «Претендентов на корону» Ибсена и доктор Штокман из «Врага народа» покажут, что остается навеки недоступным для настоящего еврея: непосредственное бытие, милость Божья, трубный глас, мотив Зигфрида, самотворчество. Еврей поистине «пасынок

Божий на земле», и в действительности нет ни одного еврея – мужчины, который испытывал хотя бы смутные страдания от своего еврейства, т. е. в глубочайшей основе своей – от своего неверия.

Еврейство и христианство составляют две самые крайние, неизмеримые противоположности: первое есть нечто разорванное, лишенное внутренней тождественности, второе – непреклонно верующее, уповающее на Бога. Христианство есть высший героизм, еврей же никогда не бывает ни единым, ни цельным. Поэтому еврей труслив. Герой – это его прямая противоположность.

Г. С. Чемберлен сказал много верного о поразительном, прямо ужасающем непонимании, которое еврей проявляет к образу и учению Христа, к борцу и страдальцу в нем, к его жизни и смерти. Но было бы ошибочно думать, что еврей ненавидит Христа, ибо еврей не Антихрист, он вообще к Христу никакого отношения не имеет. Строго говоря, существуют только арийцы, которые ненавидят Христа, – это преступники. В еврее образ Христа, не поддающийся его пониманию, вызывает чувство тревоги и неприятной досады, так как он недостижим для его склонности к издевательству и шутке. Тем не менее сказание о Новом Завете, как о самом спелом плоде и высшем завершении Старого, и искусственная связь первого с мессианскими обещаниями второго принесли евреям огромную пользу. Это их сильнейшая внешняя защита. Несмотря на полярную противоположность между еврейством и христианством, последнее все же вышло из первого, но это именно и является одной из глубочайших психологических загадок. Проблема, о которой здесь идет речь, есть ничто иное, как проблема психологии самого творца религий.

Чем отличается гениальный творец религиозной догмы от всякого другого гения? Какая внутренняя необходимость толкает его на путь создания новой религии?

Здесь следует предположить, что этот человек всегда верил в того самого Бога, которого он сам возвестил. Предание рассказывает нам о Будде и Христе, о тех невероятных искушениях, которым они подвергались и которых никто другой не знал. Дальнейшие два – Магомет и Лютер были эпилептиками. Но эпилепсия есть болезнь преступников: Цезарь, Нарзес, Наполеон – эти «великие» преступники, страдали падучей болезнью. Флобер и Достоевский, будучи только склонны к эпилепсии, скрывали в себе много преступного, хотя они преступниками и не были.

Основатель религии есть тот человек, который жил совершенно без Бога, но которому удалось выбиться на путь высшей веры. «Как это возможно, чтобы человек, злой от природы, сам мог сделать себя добрым человеком, это превосходит все наши понятия, ибо как может плохое дерево дать хороший плод?», – вопрошает Кант в своей философии религии. Но эту возможность он сам принципиально утверждает. Ибо, несмотря на наше отпадение, властно и с неумолимой силой звучит в нас заповедь: мы должны стать лучшими, следовательно, мы должны и уметь стать таковыми... Эта непонятная для нас возможность полнейшего перерождения человека, который в течение многих лет и дней жил жизнью злого человека, эта возвышенная мистерия нашла свое осуществление в тех шести или семи людях, которые основали величайшие религии человечества. Этим они отличаются от гения в обыкновенном смысле: в последнем уже с самого рождения заложено предрасположение к добру. Всякий другой гений удостаивается милости и осеняется благодатью еще до рождения. Основатель религии приобретает все это в процессе своей жизни. В нем окончательно погибает старая сущность с тем чтобы уступить место новой. Чем величественнее хочет стать человек тем больше в нем такого, что должно быть уничтожено смертью. Мне кажется, что в этом именно пункте

Сократ приближается к основателю религии (как единственный среди всех греков). Весьма возможно, что он вел самую ожесточенную борьбу с злым началом в тот именно день, когда он стоял при Потидее целых двадцать четыре часа, не двигаясь с места.

Основатель религии есть тот человек, для которого в момент рождения не разрешена была еще ни одна проблема. Он – человек с наименьшей индивидуальной уверенностью. В нем всюду опасность, сомнение, он должен себе сам отвоевать решительно все. В то время, как один человек борется с болезнью и страдает от физического недомогания, другой дрожит перед преступлением, которое заложено в нем в виде некоторой возможности. При рождении каждый несет с собою что нибудь, каждый берет на себя какой нибудь грех. Формально наследственный грех для всех один и тот же, материально же он отличается у различных людей. Один избирает для себя ничтожное бесценное в одном месте, другой – в другом, когда он перестал хотеть, когда его воля вдруг превратилась в простое влечение, индивидуальность – в простой индивидуум, любовь – в страстное наслаждение, – когда он родился. И этот именно его наследственный грех, это ничто в его собственной личности ощущается им как вина, как темное пятно, как несовершенство и превращается для него, как мыслящей личности, в проблему, загадку, задачу. Только основатель религии вполне подпал своему наследственному греху. Его признание – всецело и до конца искупить его: в нем все всебытие проблематично, но он все разрешает, он разрешает и себя, сливаясь со всебытием. Он дает ответ на всякую проблему и освобождает себя от вины. Твердой стопой он шагает по глубочайшей пропасти, он побеждает «ничто в себе» и схватывает «вещь в себе», «бытие в себе». И именно в этом смысле можно про него сказать, что он искупил свой наследственный грех, что Бог принял в нем образ человека и человек всецело превратился в Бога, ибо в нем все было преступлением и проблемой, и все превращается в искупление – в избавление.

Всякая же гениальность является высшей свободой от закона природы. Если это так, то основатель религии есть самый гениальный человек. Ибо он больше всех преодолел в себе. Это тот человек, которому удалось то, что глубочайшие мыслители человечества лишь нерешительно во имя своего этического мирозерцания, во имя свободы воли выставляли лишь как нечто возможное: полнейшее возрождение человека его «воскресение», абсолютное обращение его воли. Все прочие великие люди также ведут борьбу со злом, но у них чаша весов уже а priori склоняется к добру. Совершенно другое дело у основателя религии. В нем таится столько злого, столько властной воли, земных страстей, что ему приходится бороться с врагом в себе, непрерывно сорок дней, не вкушая пищи и сна. Только тогда он победил, но он не убил себя насмерть, а освободил от оков высшую жизнь свою. Будь это не так, тогда не было бы никакого импульса к основанию новой веры.

Основатель религии является противоположностью императора, царь – противоположность галилеянина. И Наполеон в определенный период своей жизни переживал в себе известный перелом. Но это был не разрыв с земной жизнью, а именно окончательное обращение в сторону богатства, могущества и великолепия ее. Наполеон велик именно в силу той колоссальной интенсивности, с которой он отбрасывает от себя идею, в силу безмерной напряженности его отпадения от абсолютного, в силу огромного объема неискупленной вины. Основатель религии, этот наиболее обремененный виною человек, хочет и должен принести людям то, что ему самому удалось: заключить союз с божеством. Он отлично знает, что он насквозь пропитан преступлением, пропитан в несравненно большей степени, чем всякий другой человек, но он искупает величайшую вину свою смертью на кресте.

В еврействе скрывались две возможности. До рождения Христа обе эти возможности находились вместе, и жребий еще не был брошен. Была диаспора и одновременно, по крайней мере, подобие государства: отрицание и утверждение – оба существовали рядом. Христос явился тем человеком, который побеждает в себе сильнейшее отрицание, еврейство, и создает величайшее утверждение, христианство – эту резкую противоположность еврейства. Из состояния добытия выделяются бытие и небытие. Теперь жребий брошен: старый Израиль распадается на евреев и христиан. Еврей в том виде, в каком мы его тут описали, возникает одновременно с христианином. Диаспора становится особенно полной, в еврействе исчезает возможность величия. Люди, подобные Самсону и Иошуе, этим самым нееврейским людям среди старого Израиля, с тех пор не появляются и не могут появляться в среде еврейства. Еврейство и христианство всемирно исторически обуславливают друг друга как отрицание и утверждение. В Израиле таились величайшие возможности, которые никогда не выпадали на долю ни одного другого народа: возможность Христа. Другая возможность – еврей. Я надеюсь, что меня верно поняли: я не имею в виду провести связь между еврейством и христианством, связь, которой в действительности совершенно не существует. Христианство есть абсолютное отрицание еврейства, но оно имеет к последнему такое же отношение, в каком находятся взаимно противоположные вещи, или утверждения. Христианство и еврейство – еще в большей степени, чем благочестие и еврейство, можно определить рядом путем взаимного исключения. Нет ничего легче, как быть евреем, и нет ничего труднее, как быть христианином. Еврейство есть та пропасть над которой воздвигнуто христианство, а потому еврей является предметом сильнейшего страха и глубочайшего отвращения со стороны арийца. Я не могу согласиться с Чемберленом, что рождение Спасителя в Палестине является простой случайностью. Христос был евреем, но с тем, чтобы одолеть в себе самым решительным образом еврейство. Кто одержал полную победу над самым могучим сомнением, тот является самым верующим человеком, кто поднялся над безнадежнейшим отрицанием, тот есть человек самого положительного утверждения. Еврейство было особым наследственным грехом Христа. Его победа над еврейством есть именно то, чем он отличается по своему богатству от Будды, Конфуция и всех других основателей религии, Христос величайший человек, так как он мерился силами с величайшим противником. Быть может, он был и останется единственным евреем, которому посчастливилось в борьбе: был первым евреем и последним, ставшим в полной степени христианином. Вполне правдоподобно, что и в настоящее время кроется в еврействе возможность произвести Христа. Очень может быть, что ближайший основатель религий должен непременно опять таки пройти через еврейство. Только этим мы можем себе объяснить жизнеспособность еврейства, которое пережило много народов и рас. Абсолютно без всякой веры и евреи не могли бы долго существовать и сохраниться. Эта вера заключается в каком то смутном, тупом и все же чрезвычайно верном чувстве, что нечто единое должно находиться в еврействе, стоять в какой нибудь связи с еврейством. Это единое есть Мессия, Избавитель. Избавитель еврейства есть избавитель от еврейства. Всякий другой народ осуществляет определенную мысль, единичную обособленную частную идею, а потому и всякая национальность в конце концов погибает. Только еврей не осуществляет никакой частной идеи, ибо если бы он был в состоянии что нибудь осуществить, то это что нибудь было бы только идеей в себе: из самого сердца иудаизма должен выйти богочеловек. В связи с этим находится и жизненная сила еврейства: еврейство живет христианством не в смысле одного только материального

обогащения. Оно берет от него многое в различных других отношениях. Сущность еврейства метафизически не имеет другого назначения, как служить подножием для основателя религии. Этим объясняется одно очень знаменательное явление – особая форма у евреев служить своему Богу. Они молятся не как отдельные личности, а целой массой. Только в массе они «благочестивы», им необходим «сомолельщик», ибо надежда евреев тождественна с постоянной возможностью увидеть в своей среде, в своем роде, величайшего победителя, основателя новой религии. В этом заключается бессознательный смысл всех мессианских надежд в еврейском предании: Христос – вот смысл еврея.

Если в еврее заложены величайшие возможности, то в нем одновременно таятся самые малозначащие действительности. Он – человек, одаренный высшими задатками, но вместе с тем и наименее могучий.

Наше время подняло еврейство на ту высочайшую вершину, какой оно достигало со времени Ирода.

Еврейство – дух современности, с какой бы точки зрения мы его не рассматривали. Сексуальность одобряется, и современная половая этика поет хвалебные песни половому акту. Несчастный Ницше действительно мало виновен в том смешении естественного подбора и неестественной извращенности, позорный апостол которой носит имя Вильгельм Больше. Ницше отлично понимал сущность аскетизма, но он слишком страдал от своего собственного аскетизма, чтобы не находить более желательной его противоположность. Но женщины и евреи сводничают – в этом их цель: сделать людей виновными.

Наше время не только самое еврейское, оно и наиболее женственное время. Время, для которого искусство есть лишь платок для вытирания пота его настроений, которое порыв к творчеству выводит из игры животных. Время легковверного анархизма, время, лишенное понимания сущности государства и права, время родовой этики, время самой поверхностной и ограниченной из всех исторических теорий исторического материализма), время капитализма и марксизма, время, для которого история, жизнь, наука, словом все, сводится к экономике и технике, время, которое в гениальности видит особую форму умопомешательства, но которое не выдвинуло ни одного великого художника, ни одного великого философа, время наименьшей оригинальности и наибольшей погони за оригинальностью, время, которое на место идеала девственности поставило культ полудевы. Это время приобрело вполне заслуженную славу, как единственное время, которое не только одобряет и поклоняется половому акту, но возводит его в степень известного долга. Половой акт служит не средством забвения, как у римлян, у греков – в вакханалии. Нет, в нем современный человек хочет найти себя, в нем он ищет содержания своей собственной пустоты.

Но навстречу половому еврейству рвется к свету половое христианство. Человечество ждет нового религиозного творца, и борьба близится к решительному концу, как и в первом году нашей эры. Перед человечеством снова лежит выбор между еврейством и христианством, гешефтом и культурой, женщиной и мужчиной, родом и личностью бесценным и ценностью, земной и высшей жизнью, между Ничем и Богом. Это два противоположных царства. Третьего царства – нет.

Глава XIV

Женщина и человечество

Только теперь, освободившись от всего постороннего и вооружившись соответствующими доводами, мы можем снова приступить к вопросу об

эмансипации женщины. Мы освободились от всего постороннего, так как горизонт наш очистился от тысячи порхающих мошек, которые в виде разных двузначностей застилали предмет нашего исследования, мы вооружились, так как имеем в руках своих твердые теоретические понятия и прочные этические воззрения. Вдали от суетливого шума банальных споров и минуя проблему нервной одаренности, наше исследование подошло к тому пункту, который уже дает возможность понять роль женщины в мировом целом и определить значение ее миссии для человека. Поэтому мы и в дальнейшем изложении будем избегать вопросов частного характера, ибо мы не настолько оптимистичны, чтобы надеяться, будто результаты нашего исследования могут оказать какое-нибудь влияние на ход политических дел. Мы далеки от мысли выработать какие-нибудь социально-гигиенические рецепты. Наше исследование рассматривает проблему с точки зрения идеи человечности, которая реет над философией Иммануила Канта.

Серьезная опасность грозит этой идее со стороны женственности. Женщина обладает незаменимым искусством создавать о себе представление, как о существе совершенно асексуальном, если ей и свойственна некоторая сексуальность, то это де является только уступкой мужчине. Исчезни эта иллюзия – и что осталось бы с борьбой многих претендентов на одну и ту же женщину? Мало того. Опираясь на мужчин, которые им во всем верили, им удалось убедить другой пол, что сексуальность является важнейшей и насущнейшей потребностью мужчины, что только женщина в состоянии удовлетворить все истиннейшие, глубочайшие желания его. Что целомудрие представляет для него нечто неестественное и невозможное. Как часто молодым людям, находящим удовлетворение в серьезной работе, приходится слышать от женщин, которым они кажутся не особенно безобразными и не особенно мало обещающими в качестве любовников и зятей, чтобы они не особенно утомлялись работой, а по возможности старались бы «пользоваться жизнью». В этих дружеских напоминаниях кроется, правда, совершенно бессознательное чувство женщины, что она превратится в ничто, что она потеряет всякое значение, которое направлено исключительно на половой акт, коль скоро мужчина начнет заниматься не половыми, а всякими другими делами.

Переменится ли когда-нибудь женщина в этом отношении? Весьма сомнительно. Не следует также думать, что она когда-либо была иной. В настоящее время чувственный элемент выступил еще сильнее, чем раньше, ибо в этом «течении» огромную роль играет стремление женщины перейти из сферы материнства в сферу проституции. В целом это скорее является эмансипацией проститутки, чем эмансипацией женщины. Прежде всего это положение оправдывается на положительных результатах его: мужественное проявление кокетки в женщине. Что является несомненно новым, то это положение, которое занял мужчина. Под влиянием еврейства он готов подчиниться женской оценке своей собственной личности, даже усвоить ее. Мужское целомудрие осмеяно, его больше не понимают. Мужчина ощущает женщину не как грех, а как судьбу, собственное влечение не вызывает уже в мужчине стыда.

Теперь видно, откуда исходит требование «изменить себя», ресторанный взгляд на Диониса, культ Гете, поскольку Гете является Овидием, откуда ведет свое происхождение этот современный культ полового акта. Дело зашло так далеко, что едва ли кто-нибудь находит в себе достаточно мужества сознаться в своем целомудрии, и всякий предпочитает навлечь на себя маску развратника. Половые излишества представляют собою самый изысканный предмет хвастовства, но сексуальность приобрела в настоящее время такую высокую ценность, что буяну приходится потратить немало сил, чтобы поверили его хвастовству. Целомудрием же до того пренебрегается, что даже

целомудренный человек считает для себя более удобным скрыться под личиной развратника. Бесспорная истина, что стыдливый человек стыдится своей стыдливости, но эта другая, современная стыдливость есть не стыдливость эротики, а стыдливость женщины, которая стыдится потому, что не нашла еще мужчину, не приобрела еще от другого пола никакой ценности. Каждый изощряется перед другим в рассказах о той верности, упоении и добросовестности, с какой он реализует свои половые функции. Так женщина, которая по своей природе в состоянии оценить мужчину только с половой стороны, определяет теперь, что такое мужественность: из ее рук мужчины берут критерий своей собственной мужественности. Таким образом число совокуплений, «связь», «девочка» являются свидетельством достоинства мужчины. Но нет: ведь в таком случае не было бы больше настоящих мужчин. Напротив, высокая оценка девственности первоначально исходила и продолжает исходить от мужчин там, где они еще имеются: она является проекцией имманентного мужского идеала незапятнанной чистоты на предмет его любви. Страх и трепет, которые испытывает женщина при всяком прикосновении к ней и которые очень быстро переходят в интимную доверчивость, вспышки истерии, которые рассчитаны на подавление половых желаний ее – все это не должно вводить нас в заблуждение и вызывать в нас иллюзию женской непорочности. Правда женщина с внешней стороны сильно старается наиболее полно удовлетворить мужчину в его требовании физической чистоты, ибо в противном случае на нее не нашлось бы покупателя. Верно и то, что ей свойственна потребность приобрести возможно большую ценность, а потому она и ждет подолгу того мужчину, который ей может сообщить наивысшую ценность (что совершенно превратно толкуется, как высокая самооценка девушек). Но все это вещи, которые могут вызвать в нас превратный образ женщины, а потому необходимо относиться к ним с крайней осторожностью. Вопрос же о том, как сами женщины относятся к девственности, едва ли может возбудить сомнения после того, как было установлено, что основная цель женщины направлена на осуществление полового акта, через который она как бы впервые приобретает бытие. А что женщина хочет полового акта и ничего другого, хотя бы она сама изображала полнейшую индифферентность к сладострастному наслаждению – это было доказано всеобщностью сводничества.

Чтобы снова убедиться в этом, следует подумать, какими глазами смотрит женщина на целомудренное состояние представительницы одного с ней пола. Первое, что здесь бросается в глаза, это низкая оценка, которую придает женщина состоянию незамужества. Да это собственно и единственное состояние женщины, которое женщина же отрицательно оценивает. Только когда женщина выходит замуж, она приобретает ценность в глазах других женщин. Пусть это даже будет «несчастный» брак с безобразным, расслабленным, бедным, низким, тираническим, ничтожным человеком, она все же замужем, я хочу сказать, она все же приобрела ценность, бытие. Даже женщина, которая лишь короткое время вкушала прелести жизни содержанки, даже уличная проститутка, и та обладает большей ценностью в глазах женщин, чем старая дева, которая одиноко проводит время в своей каморке за шитьем и штопаньем, ни разу не вкусив наслаждения связи с мужчиной, ни законной, ни незаконной, ни продолжительной, ни проносящейся, как кратковременное опьянение.

И молодая девушка, которая отличается крупными физическими достоинствами, оценивается женщиной с положительной стороны не потому, что она вызывает восхищение своей красотой (у женщины нет органа ощущения прекрасного, так как она лишена внутренней ценности, которую могла бы проектировать), а исключительно потому, что она обладает большими шансами приковать к себе

внимание мужчины. Чем обворожительнее девушка, тем надежнее то обещание, которое видят в ней другие женщины, тем более ценна она для женщины, как сводницы, назначением которой является охрана интересов общения между полами. Только эта бессознательная мысль заставляет женщину восхищаться красивой молодой девушкой. Что подобное отношение проявляется с особенной рельефностью только тогда, когда единичный женский индивид, оценивающий и восхищающийся красотой, сам уже получил бытие (иначе это чувство подавляется в ней завистью к конкурентке и опасением, что ее шансы в борьбе за ценность уменьшатся), об этом мы уже говорили. Прежде всего они должны посводничать в своих собственных интересах, и только тогда другие женщины могут рассчитывать на их содействие в этом направлении. Низкая оценка «старой девы», ставшая, к сожалению, столь популярной, несомненно исходит от женщины. О пожилой девушке мужчины очень часто говорят с полным уважением, но каждая женщина, замужем она или нет, придает ей необычайно низкую оценку, хотя она отлично может этого и не сознавать. Мне самому пришлось слышать, как одна замужняя дама, необычайно умная и талантливая, окруженная, благодаря своей красивой внешности, таким громадным количеством поклонников, что о зависти здесь и речи быть не может, подтрунивала над своей некрасивой и старообразной итальянской учительницей за то, что та неоднократно повторяла: «Io sono ancora una vergine» – «я еще девушка».

Правда, при этом предположении, что эти слова точно переданы, следует все же признать, что та девушка надела на себя маску добродетели только по необходимости, она, во всяком случае, была бы очень рада освободиться от своей девственности, которая в такой сильной степени умаляет ее значение в глазах общества.

Самым же важным является следующее обстоятельство: женщина презирает и высмеивает девственность не только у других женщин, но даже и свое собственное целомудрие она рассматривает, как состояние весьма малоценное. Правда, женщина способна придать известное значение и девственности, но лишь с точки зрения товара, обладающего в глазах мужчины величайшей ценностью. Вот почему замужняя женщина является для них существом высшего порядка. Насколько природа женщины в глубочайшей основе своей устремлена на половой акт, видно из беззаветного преклонения молодых девушек перед женщинами, недавно вышедшими замуж: смысл ее существования ясно выступает наружу, а она находится в зените его. С другой стороны, каждая молодая девушка видит в другой какое то несовершенное существо, стремящееся, подобно ей самой, достигнуть своего призвания.

Таким образом я вполне ясно показал, что житейский опыт самым решительным образом подтверждает положение, которое мы вывели из явления сводничества: идеал девственности не женского, а мужского происхождения. Мужчина требует целомудрия и от себя, и от всех прочих людей, но в особенности от того существа, которое он любит. Женщина стремится к возможности потерять свою девственность. Даже от мужчины она требует не добродетели, а чувственности. «Примерных мальчиков» женщина не может понять. Но всем известно, что она летит в объятия того человека, который особенно широко прославился, как Дон Жуан. Женщина хочет только сексуальности мужчины, так как только это дает ей бытие и существование. Она не видит никакого смысла в эротике мужчины, как явлении, сохраняющем определенную дистанцию между людьми. Напротив, ту сторону мужчины, которая толкает его на путь захвата и обладания предметом своего вождления – она отлично понимает. Мужчина, у которого слабо развиты животные инстинкты, не привлекает ее. Даже высшая платоническая любовь

мужчины представляет собою явление не особенно желательное для них: она льстит им, шекочет их, но она им ничего не говорит. И если молитва на коленях перед ней продолжалась бы слишком долго, то Беатриче стала бы столь же нетерпеливой, как и Мессалина.

В половом акте лежит глубочайшее низведение, в любви – высочайшее вознесение женщины. Тот факт, что женщина предпочитает половой акт любви, означает ни более, ни менее как то, что она хочет быть низведена, а не вознесена. Последняя противница женской эмансипации есть сама женщина. Половой акт безнравственен не потому, что он полон наслаждений, что он является изначальным прототипом всякой страсти, присущей низшей жизни. Аскетизм, признающий наслаждение само по себе безнравственным, сам безнравственен, ибо он ищет критерия неправды в явлениях, сопровождающих известное действие, в следствиях из него, а не в помышлении: он гетерономен. Человек может стремиться к наслаждению, он может желать устроить свою жизнь более веселой и радостной, но он не должен принести в жертву своим стремлениям ни одной нравственной заповеди. В аскетизме человек хочет обрести нравственность путем самораспинания, хочет достигнуть ее как некоторого следствия из некоторого основания, он хочет ее как некоторой награды за бесконечные лишения, которым он себя подвергал. Поэтому следует отвергнуть аскетизм и как принципиальную точку зрения, и как психологическое настроение, ибо он связывает добродетель с чем то другим, как результат последнего, превращает ее в следствие из известной причины и лишает ее значения непосредственной самоцели.

Аскетизм – опасный соблазнитель: он очень часто вводит в заблуждение тем, что наслаждение является самым обычным побудительным мотивом оставить путь законности, и вот тут лежит возможность ошибочного заключения, что, заменив наслаждение страданием, нам с меньшей зажатой энергии удастся остаться на правильном пути. Само по себе наслаждение ни нравственно, ни безнравственно. Когда же влечение к наслаждению побеждает в человеке волю к ценности, – тогда человек пал. Половой акт является безнравственным потому, что нет ни одного мужчины, который в этот момент не видел бы в женщине средства для достижения известной цели. Он отбрасывает ценность человечества как в своей собственной, так и в ее личности, и подчиняет ее целям наслаждения. В половом акте мужчина забывает для наслаждения и самого себя, и женщину. Последняя потеряла для него значение психической сущности она приобрела лишь физическое бытие. Он хочет от нее или ребенка, или удовлетворения своего сладострастия: в обоих случаях он видит в ней не самоцель, а средство во имя посторонних расчетов. Только по этой причине, и никакой иной, половой акт безнравственен.

Без сомнения, женщина является глашатаем полового акта и употребляет себя, как и все остальное в мире, лишь как средство для этой цели. В мужчине она видит или средство для наслаждения, или средство для получения ребенка. Она сама хочет, чтобы мужчина пользовался ею, как средством к цели, как вещь, как объектом, объектом собственности. Она жаждет, чтобы он изменял ее, придавая ей ту форму, какая ему заблагорассудится. Никто не должен в жизни своей допустить, чтобы им пользовались, как средством к цели. Мало того. Положение мужчины по отношению к женщине ни в коем случае не должно определяться одним тем фактом, что женщина абсолютно ничего, кроме полового акта, не хочет, как бы тщательно она ни скрывала этого желания как от себя, так и от всех прочих людей. В своем страстном томлении Кундри, правда, апеллирует к чувству сострадания Парсифаля, но в этом именно и заключается слабая сторона этики сострадания, которая заставляет нас исполнять всякие желания ближнего, как бы преступны они ни были. Последовательная этика

сострадания, как и последовательная социальная этика, обе одинаково бессмысленны, так как они ставят долг в зависимость от желания (своего ли, чужого или общественного – это совершенно безразлично), а не желание – от долга. Критерием нравственности служит для них конкретная человеческая судьба, конкретное человеческое счастье, конкретный человеческий момент. На самом же деле этим критерием должна была бы служить идея. Вопрос заключается в следующем: как должен мужчина относиться к женщине? Должен ли он относиться к ней, как она сама того хочет, или как предписывает ему нравственная идея? Если он должен относиться к ней так, как она этого хочет, то он должен искать полового акта с ней, ибо она хочет полового акта, он должен бить ее, ибо она хочет быть битой, должен гипнотизировать ее, ибо она любит находиться под действием гипноза, он должен далее с изящной галантностью дать ей понять, как низко он ее ставит, ибо она любит только комплименты, ибо она не хочет, чтобы кто-нибудь уважал ее, как таковую. Если же он хочет обращаться с ней так, как повелевает нравственная идея, то он прежде всего должен искать и уважать в ней человека. Правда, Ж является функцией М, функцией, которую он может сотворить и уничтожить. Сами женщины только того и желают, чтобы быть этой функцией и ничем иным. Говорят, что индийские вдовы охотно и даже с некоторой убежденностью идут на самосожжение, что они даже стремятся к этой смерти. Тем не менее этот обычай является образцом отъявленнейшего варварства.

С эмансипацией женщин дело обстоит так же, как и с эмансипацией евреев и негров. Если с этими народами обращались, как с рабами, если их повсюду очень низко ставили, то виною всему этому бесспорно являются их собственные рабские наклонности, они лишены той сильной потребности в свободе, которая свойственна индогерманцам. Если в настоящее время белые в Америке постигли ту мысль, что им необходимо обособиться от негров, так как последние делают очень скверное и недостойное употребление из своей свободы, то все же в войне северных штатов с федеративными, в войне, которая дала свободу черным, право было на стороне первых. Хотя в еврее, а еще больше в негре, и еще значительно больше в женщине человеческие склонности подавлены огромным количеством аморальных влечений, так что борьба его за человечность сопряжена с гораздо большими трудностями, чем борьба арийца, все же человек должен уважать свой последний, даже самый незначительный остаток человечности, он должен преклоняться перед идеей человечества – не идеей человеческого общества, а идеей бытия, души, как некоторой части сверхчувственного мира. Никто, кроме закона, не смеет поднять руку на самого опустившегося, закоренелого преступника. Никто не в праве его линчевать.

Проблема женщины и проблема еврейства совершенно тождественны с проблемой рабства, и должны быть разрешены так же, как и последняя. Никто не должен быть поработан, хотя бы раб и хорошо чувствовал себя в своих оковах. У домашнего животного, которым я пользуюсь для своих целей, я не отнимаю никакой свободы, так как у него никогда никакой свободы и не было. В женщине же все еще таится слабое чувство беспомощности, безысходности, какой-то последний, хотя и очень плачевный след умпостигаемой свободы. Это наблюдается, вероятно, потому, что нет абсолютной женщины. Женщины все же люди и к ним следует относиться, как к таковым, хотя бы они этого никогда не хотели. Женщина и мужчина имеют одинаковые права.

Из этого еще нельзя вывести, что женщинам надо открыть доступ и к политическому могуществу. С утилитарной точки зрения мы пока, а, может быть, и никогда не советовали бы людям сделать эту уступку. Новая Зеландия – это страна, где этический принцип стоял на такой высоте, что

женщин решили наделить избирательным правом, в настоящее время является свидетельницей самых безотраднейших явлений. Ведь никто не сомневается в справедливости той меры, что дети, слабоумные, преступники устраняются от всякого воздействия на ход общественных дел, хотя бы они по какой-нибудь случайности и достигли численного равенства или даже большинства. Совершенно также следует до поры до времени держать и женщину в стороне от всего того, что может потерпеть ущерб от одного только прикосновения женской руки. Как результаты науки совершенно независимы от того, согласны ли с ними люди или нет, точно так же вопрос о праве и несправедливости женщины может быть разрешен и без ее участия. При этом они не должны опасаться, что их как-нибудь обделают, если, конечно, соответствующее законоположение будет определяться принципами права, а не силы. Право само по себе совершенно одинаково для мужчины и для женщины. Никто не вправе запретить что-нибудь женщине под тем предлогом, что это «неженственно». И глубокого презрения достоин тот приговор, который оправдывает мужчину, убившего свою неверную жену, как будто она и юридически является его вещью. Женщину следует рассматривать как единственное существо и согласно идее свободы, а не как родовое существо, не по критерию, взятому из эмпирического мира и из мужской потребности любви, хотя бы она сама и не достойна была возведения на такую высоту. Вот почему эта книга есть величайшая честь, которая когда-либо была оказана женщинам. И для мужчины остается одно только нравственное отношение к женщине; не сексуальность и не любовь – так как обе пользуются женщиной, как средством для посторонних целей, а попытка понять ее. Большинство людей предпочитают теоретически уважать женщину с тем, чтобы практически глубже презирать женщин. Здесь же приведено обратное отношение. Женщина не может удостоиться высокой оценки, но «женщин» нельзя а priori раз и навсегда лишить права на уважение со стороны других людей.

К сожалению, даже знаменитые и выдающиеся люди высказались очень плохо по этому вопросу. Например, негативные мнения Шопенгауэра и Демосфена об эмансипации женщин.

Мужчина должен побороть в себе отрицательное отношение к мужественной женщине, ибо оно является результатом низкого эгоизма. Ведь стоит женщине стать мужественной в логическом и этическом отношении, как она теряет всякую способность служить пассивным субстратом для проекции. Но это еще не служит достаточным основанием для того, чтобы воспитывать женщину, как это широко практикуется в настоящее время, только для мужа и ребенка. Ей следует предоставить большую свободу действий и не запрещать делать того, что до известной степени напоминает собою мужественность.

Если и для абсолютной женщины закрыт путь к нравственности, то исходя из этой идеи женщины мы все же не можем признать правильным, чтобы мужчина должен предоставить эмпирической женщине всецело и безвозвратно спуститься на самую низкую ступень этой идеи. Еще преступнее будет с его стороны, если он сам толкнет женщину на путь этой идеи. В живой «человеческой» женщине все еще следует теоретически признать наличие «зародыша добра» по терминологии Канта. Это тот последний остаток женского существа, который сообщает женщине смутное чувство судьбы. Что этот зародыш способен дать какие-нибудь ростки – этого мы теоретически никак не можем безусловно отрицать, хотя бы практически мы никогда не встречались, а может быть, и не встретимся с таким примером.

Глубочайшая основа и цель вселенной есть добро. Весь мир находится под господством нравственной идеи. Даже животные рассматриваются, как феномены – слон, например, с нравственной стороны оценивается выше, чем

змея, хотя убийство другого животного не вменяется им в вину, как лицам. Что касается женщины, то мы сами вменяем ей все ее поступки, и в этом заключается требование, чтобы она стала иной. И если женственность тождественна с безнравственностью, то женщина должна перестать быть женщиной – она должна стать мужчиной.

Правда, здесь следует особенно остерегаться опасности внешнего подражания, которое всегда еще решительнее возвращает женщину к ее женственности. Надежды на то, что женщина достигнет истинной эмансипации, что она приобретет ту свободу, которая является не произволом, а волей – эти надежды, на наш взгляд, весьма ничтожны. Если судить на основании фактов действительности, то необходимо будет признать, что для женщины открыта двоякая возможность: лживое перенимание того, что создано мужчиной, то перенимание, которое внушает ей убеждение и веру, что она хочет именно того, чему противоречит вся ее, еще не ослабленная, природа, например, бессознательно лживое возмущение по поводу всего безнравственного, как будто сама она нравственна, чувственного, как будто она сама хочет нечувственной любви. Или, открытое признание (Лаура Маргольм), что содержание женщины есть мужчина и ребенок, без малейшего сознания того, что собственно этим признается. Какое бесстыдство, какое унижение заключается в подобных словах. Бессознательное лицемерие или циничное отождествление с природным влечением: кроме этого, женщине, по видимому, ничего иного не дано.

Центр тяжести лежит не в утверждении, не в отвержении, а в отрицании, в одолении женственности. Если бы, например, женщина действительно хотела целомудрия мужчин, то она таким образом победила бы в себе женщину, ибо в таком случае половой акт не являлся бы высшей ценностью, а его осуществление – конечной целью. Но в том то и дело, что мы не можем верить в искренность и серьезность этого желания, хотя бы оно где нибудь и проявилось. Ибо женщина, которая требует от мужчины целомудрия, уже помимо своих истерических склонностей обладает той пустотой и неспособностью к истине, которая не дает ей даже смутного сознания того, что она таким образом себя отрицает, то она абсолютно и безвозвратно лишает себя своей ценности, своего существования. Тут, право, затрудняешься определить, кому следует отдать предпочтение: безграничной ли лживости ее, которая способна поднять знамя наиболее чуждого ей аскетического идеала, или бесцеремонному восхищению закоренелым развратником, в объятия которого бросается женщина.

Так как всякое истинное желание женщины и обоих случаях одинаковым образом направлено на то, чтобы сделать мужчину виновным то в этом именно и заключается основная проблема женского вопроса. В этом смысле последний совпадает с общим вопросом человечества.

В одном месте своих сочинений Фридрих Ницше говорит: «Промахнуться в основной проблеме мужчина женщина, отрицать здесь самый глубокий антагонизм и необходимость вечно враждебного напряжения, мечтать здесь о равных правах, равном воспитании, равных притязаниях и обязанностях – вот истинный признак тупоголовости, и мыслитель, который оказался плоским – плоским в инстинкте! – в этом самом опасном месте, должен считаться подозрительным, больше того, пойманым, накрытым. Он, вероятно, является „недалеким“ и во всех прочих основных вопросах жизни, в вопросах будущего. Он никогда не проникает в глубину вещей. У человека же, который отличается глубиной своего духа и своих влечений, найдется и достаточно глубины доброжелательности, которая способна на строгость и суровость и легко с ними смешивается. Этот человек будет всегда думать о женщине только по восточному. Он должен видеть в женщине имущество,

собственность, которую можно держать под замком, он должен понимать ее, как нечто, предназначенное для покорности и находящее лишь в последней свое завершение, он должен опереться на великий разум Азии, на превосходство Азии в инстинкте, как это некогда сделали греки – эти лучшие наследники и ученики Азии. От Гомера до времен Перикла, по мере возрастания их культуры и мощи они шаг за шагом становились к женщине строже, т. е. восточнее. Как необходимо, как логично, как даже человечески желательно это было, да порассудит каждый об этом про себя!» Индивидуалист мыслит здесь несомненно в социально этическом духе. Его теория каст и групп, теория замкнутости разрушает здесь, как это часто бывает у него, автономию его нравственного учения. Он хочет в интересах общества, в интересах безмятежного спокойствия мужчин наложить на женщину властную руку, под которой она не издала бы ни одного звука об эмансипации, не выставила бы того лживого и неискреннего требования свободы, за которую ратуют современные феминистки, совершенно не подозревая даже, в чем, собственно, заключается несвобода женщины и где следует искать ее причины. Я привел цитату из Ницше не для того, чтобы уличить его в непоследовательности. Я хотел показать лишь, насколько проблема человечества неразрывно связана с проблемой женщины, так что одна без другой разрешена быть не может. Найдется, несомненно, человек, которому покажется излишним преувеличением требование, чтобы мужчина уважал женщину ради идеи нумена и не пользовался бы ею, как средством для целей, лежащих вне ее личности, чтобы он признал за ней одинаковые с ним права и обязанности (нравственного и духовного самообразования). Но пусть этот человек подумает над тем, что он не в состоянии будет разрешить этическую проблему для своей собственной личности, если он в женщине будет неизменно отрицать идею человечества, употребляя ее лишь как средство для наслаждений. Во всяком азиатизме половой акт является той ценой, которую мужчина уплачивает женщине за ее приниженное состояние. Правда, для женщины очень характерно, что за эту плату она готова подчинить себя самому ужасному игу, мужчина же не смеет вступать в подобную сделку, так как таким образом он с нравственной стороны совершенно обезличивается.

Итак, даже с чисто технической стороны невозможно разрешить проблему человечества в применении к одному только мужчине. Даже в том случае, если он хочет искупить только себя, он должен считаться с женщиной, он должен стремиться, чтобы заставить ее отказаться от безнравственных расчетов на него. Женщина должна внутренне, искренне, по доброй воле отвергнуть половой акт. Это означает следующее: женщина должна, как таковая, уничтожиться, и если это не случится, надежда на установление царства Божия на земле совершенно потеряна. Поэтому Пифагор, Платон, христианство (в противоположность еврейству), Тертуллиан, Свифт, Вагнер, Ибсен выступили за освобождение, за искупление женщины, не за эмансипацию женщины от мужчины, а за эмансипацию женщины от женщины. В этом обществе легко снести и проклятие Ницше.

Собственными силами женщине трудно будет достигнуть этой цели. Искра, которая в ней едва тлеет, должна постоянно воспламеняться огнем мужчины: необходимо было бы показать пример. Такой пример дал Христос: он искупил Магдалину. Он вернулся к этому моменту своего прошлого и искупил свой первородный грех – свое происхождение от женщины. Вагнер, величайший человек после Христа, понял это особенно глубоко: прежде чем женщина не перестанет существовать для мужчины, как женщина, она и сама не может перестать быть женщиной.

Кундри может быть освобождена от проклятия Клингзора только безгрешным, непорочным Парсифалем. Так эта психологическая дедукция покрывается философской, которая вполне совпадет здесь с вагнеровским «Парсифалем», глубочайшим произведением мировой литературы. Только сексуальность мужчины дает существование женщине, как таковой. Бытие материи измеряется суммой вины в мире: женщина будет существовать только до того момента, когда мужчина вполне искупит свою вину и окончательно победит в себе сексуальность.

Вечное возражение против антифеминистических тенденций таким образом падает: женщина, какая бы она там ни была, существует раз и навсегда, она неизменна. С ее существованием необходимо примириться борьба же здесь бесполезна, так как она ничего не в состоянии устранить. Но было показано, что женщина лишается бытия и умирает в тот момент, когда мужчина всецело проникается жадой бытия. То, против чего ведется война, не обладает вечно неизменным существованием и сущностью: это есть нечто, что может и должно быть уничтожено.

Старая дева есть именно та женщина, которая не встретила мужчину, способного дать ей бытие. Она обречена на гибель. Старая женщина тем злее, чем больше она старая дева. Если мужчина и созданная им женщина снова встречаются во зле, то оба должны погибнуть, если же они встречаются в добре, тогда совершается чудо.

Только так может быть разрешен женский вопрос человеком, который его вполне постиг.

Это решение найдут невозможным, его дух – преувеличенным, его притязания – непомерными, его требования – нетерпимыми. Одно остается несомненным: тот женский вопрос, о котором говорят женщины, давно уже лежит за пределами наших рассуждений. Речь идет о том вопросе, о котором женщины молчат, о котором они должны вечно молчать: о не свободе, заложенной в сексуальности. Этот женский вопрос стар, как пол, и не моложе человечества.

И тут возможен один только ответ: мужчина должен вырваться из когтей пола, и этим, только этим, он искупит и женщину. Только его целомудрие, а не его нецеломудрие, как она думает, может спасти ее. Правда, как женщина, она таким образом погибает, но только для того, чтобы восстать из пепла новой и юной, чистым человеком.

Поэтому женский вопрос будет существовать, пока существуют два пола. Он заглотнет только вместе с вопросом о человечестве. В этом смысле Христос, по свидетельству отца церкви Климента, сказал Саломее без той оптимистической мишуры, которую впоследствии нашли для пола Павел и Лютер, следующее: смерть будет существовать до тех пор, пока женщины будут рожать и правда сойдет не раньше, чем из двух не станет одного, из мужчины и женщины – третье, самосущее, что не есть ни мужчина, ни женщина.

* * *

Отправляясь от высшей точки зрения на проблему о женщине, как проблему о человечестве, мы только теперь пришли к вполне обоснованному требованию воздержания для обоих полов. Выводить его из вредных для здоровья последствий половых сношений – плоско. Мы предоставляем адвокатам тела защищать этот взгляд. Основывать его на безнравственности наслаждения – неправильно, так как мы таким образом вводим в этику гетерономный мотив. Но уже Августину, проповедовавшему воздержание среди людей, пришлось выслушать возражение, что в таком случае человечество в очень короткое

время исчезнет с лица земли. Это поразительное опасение, для которого самой страшной мыслью представляется возможность вымирания рода, является не только выражением крайнего неверия в индивидуальное бессмертие и в вечное существование нравственной личности. Оно не только отчаянно иррелигиозно: им доказывается собственное малодушие и неспособность жить вне стада.

Кто так думает, для того земля представляется в виде толкотни и суетни людей на ее поверхности. Мысль о смерти пугает его меньше, чем мысль об одиночестве. Будь в нем сильна бессмертная в себе нравственная личность, он нашел бы в себе достаточно мужества смотреть этому выводу прямо в глаза. Этому человеку чужд страх физической смерти. Отсутствие веры в вечную жизнь он не заменит жалким суррогатом ее: уверенностью в дальнейшем существовании рода. Отрицание сексуальности убивает лишь физического человека, и только его, но с тем, чтобы дать полное существование духовному человеку.

Поэтому забота о дальнейшем продолжении рода не может считаться долгом нравственности, как это многие думают.

Этот взгляд насквозь проникнут бесстыдной лживостью, которая до того бьет в глаза, что я рискую показаться смешным, поставив следующий вопрос: совершал ли ктонибудь половой акт, руководствуясь тем соображением, что он обязан предотвратить гибель человечества, или считал ли ктонибудь когдалибо справедливым упрекнуть целомудренного человека в безнравственности его поступков? Ни один человек не считает своим долгом заботиться о продолжительном существовании человеческой рода – это известно всякому, кто серьезно и искренне подумал над этим вопросом. Но то, в чем человек не видит своего непосредственного долга, не есть на самом деле его долг.

Напротив: безнравственно превращать человеческое существо в действие определенной причины, представлять его чемто обусловленным – именно родительство. Человек в глубочайшей основе своей лишен свободы и детерминирован несмотря на наличность в нем свободы и спонтанности именно потому, что он возник только этим безнравственным путем. Вечное существование человечества совершенно не в интересах разума. Кто хочет дать человечеству вечное существование, тот хочет дать вечное существование проблеме и вине, единственной вине, какая только существует. Конечной целью является Божество и исчезновение человечества в Божестве. Целью является точное разграничение между добром и злом, между «нечто» и «ничто». Моральное освещение, которое пытались придать половому акту (и в котором он несомненно сильно нуждается) путем фикции идеального coitus'a, преследующего якобы цели размножения человеческого рода – оказывается иллюзией, недостаточной защитой. Мотив, будто бы санкционирующий и освещающий его, не только не может быть открыт в человеке в качестве императива, но с нравственной точки зрения необходимо отвергнуть его самым решительным образом, ибо человека, отцом или матерью которого мы становимся, совсем не спрашивают о согласии. Для иного же полового акта, при котором возможность размножения искусственно устраняется, падает и это, столь слабо обоснованное, оправдание. Итак, половой акт во всяком случае противоречит идее человечества, но не потому, что аскетизм является долгом человека, а исключительно по той причине, что женщина в нем хочет являться объектом, вещью, и мужчина делает ей это одолжение и видит в ней только вещь, а не живого человека с известными внутренними психическими переживаниями. Поэтому мужчина презирает женщину в тот самый момент, когда он достиг обладания ею.

Женщина чувствует, что она презираема, хотя двумя минутами раньше она признавала себя боготворимой, Человек может уважать в другом человеке только идею, идею человечества. В презрении к женщине (и к самому себе), которое возникает тотчас после совершения полового акта, лежит убедительнейшее доказательство того, что здесь нарушена и оскорблена эта идея. И кто не в состоянии понять, что мы разумеем под кантонской идеей человечества, тот пусть, по крайней мере, подумает над тем фактом, что речь идет о его сестрах, его родственницах: ради нас самих мы должны желать человеческого отношения и уважения к женщине, а не ее унижения, которое является результатом всякой сексуальности.

Но мужчина только тогда окажется в состоянии уважать женщину, когда она сама оставит свое желание служить объектом и материей для мужчины, когда она начнет стремиться к истинной эмансипации женщины, а не к эмансипации проститутки. Еще до сих пор не было откровенно сказано, где следует искать корень рабской покорности женщины: в державной, боготворяемой власти над ней фаллоса мужнины. Поэтому искренне желали эмансипации женщины только мужчины не особенно сексуальные, не слишком эротические, не очень проницательные, но благородные, воодушевленные идеей права: в этом не может быть никакого сомнения. Я не хочу щадить эротические мотивы мужчины, не хочу умалять его антипатию к «эмансипированной женщине». Легче дать себя вознести, как Гете, чем одинаково возвышаться, постоянно возвышаться, подобно Канту. Но очень многое, что рассматривается как враждебное отношение к эмансипации со стороны мужчины, является лишь выражением недоверия и сомнения в ее осуществимости. Мужчина хочет не женщину рабыню: он очень часто ищет в ней подругу, которая его понимала бы.

Воспитание, которое получает в настоящее время женщина, является далеко несоответствующей школой, чтобы легче подготовить ее к решению – победить в себе свою истинную несвободу. Последним средством материнской педагогики является угроза дочери, которая в чем-нибудь не слушается ее, что она не получит мужа. Воспитание, которое выпадает на долю женщины, направлено исключительно на сводничество, удачное осуществление которого венчает ее короной. На мужчину подобные влияния производят очень слабое действие; женщина же, благодаря такому воспитанию, еще более укрепляется в своей женственности, несамостоятельности, несвободе.

Воспитание женщины следует вырвать из рук женщины, воспитание же всего человечества – из рук матери.

Это первая предпосылка, которая должна быть осуществлена с тем, чтобы подчинить женщину идее человечества, идее, которой она сама с самого начала противодействовала.

Женщина, которая действительно отреклась бы, которая искала бы спокойствия в самой себе – такая женщина прекратила бы свое существование, как таковая. Она перестала бы быть женщиной. К внешнему крещению она присоединила бы и внутреннее.

Может ли это случиться?

Нет абсолютной женщины – и все же утвердительный ответ на этот вопрос кажется нам утверждением какого-то чуда.

От такой эмансипации женщина счастливее не станет: блаженство она ей не может обещать, а до Бога все еще далека дорога. Ни одно существо, находящееся между свободой и несвободой, не знает счастья. Но тогда окажется ли женщина способной решиться сбросить с себя цепи рабства для того, чтобы стать несчастной?

Речь не может идти о том, чтобы сделать женщину святой. Вопрос скорее заключается в следующем: может ли женщина честно подняться к проблеме своего существования, к понятию вины? Проникнется ли она, по крайней мере, желанием свободы?

Суть дела заключается в осуществлении идеала, в созерцании путеводной звезды. Но разве только в этом? Может ли в женщине ожить категорический императив? Подчинится ли женщина нравственной идее, идее человечества? Только это одно и было бы эмансипацией женщины!